

2 (45)
2019

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 2 (45)
2019**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет;
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ЭЛ № ФС 77-171754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2019

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (45)
2019**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Зах В.А., Волков Е.Н. Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишимья.....	5
Илюшина В.В., Скочина С.Н., Кисагулов А.В. Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы (по материалам поселения Бочанцево 1).....	21
Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения алакульской и федоровской культур поселения Бочанцево 1.....	36
Горохов С.В. Детские и взрослые нательные кресты XVII–XIX вв. в Сибири.....	49
Тихомиров К.Н. Сеитово IV — новый могильник предков тарских татар XVII–XVIII вв. в Среднем Прииртыше.....	59
Зимина О.Ю., Жеребятнева Н.В., Идрисов И.Р., Сизов О.С., Москвина Н.Н., Афонин А.С., Иванов С.Н., Рябогина Н.Е. Картирование палеоландшафтов, оценка биопродуктивности и демографической емкости территории Андреевской озерной системы на рубеже бронзового и раннего железного веков (междуречье Туры и Пышмы, Западная Сибирь).....	69
Болелов С.Б., Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г. Исследование пространственной ориентации архитектурных памятников Хорезма.....	85
Кулаков В.И. Посохи и кривули раннесредневековых пруссов.....	97

Антропология

Багашев А.Н., Слепченко С.М., Кардаш О.В., Алексеева Е.А., Слепцова А.В. Палеоантропологические материалы могильника Бухта Находка 2 на полуострове Ямал.....	104
--	-----

Этнология

Богордаева А.А. Особенности изображений умерших у северных хантов и манси во второй половине XX — начале XXI в.	117
Рязанова С.В., Юрганов Ф.А. Миф о коми-пермяках в контексте региональной политики памяти.....	132
Абрамов И.В. Кондинские котцы: этноэкологическое исследование запорного рыболовства в Западной Сибири.....	140
Истомин К.В. О культурно-психологических механизмах поддержания чувства удовлетворенности жизнью у коренного населения Российского Севера	154
Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты.....	166
Информация для авторов	176
Список сокращений	178

На передней стороне обложки: кондинский котец, бассейн р. Мордъега, 2011 г. (фото Е.А. Зайцевой); глиняная фигурка и рукоять из рога эпохи раннего металла с поселения Мергень 6, Приишимье; бронзовый нож с поселения Бочанцево 1, Притоболье, эпоха поздней бронзы.

Contents

Archaeology

Zakh V.A., Volkov E.N. The pottery complex of the Mergen 6 Early Metal settlement in the Ishim area	5
Ilyushina V.V., Skochina S.N., Kisagulov A.V. Economic and production activities of Late Bronze Age populations (on the basis of materials from the Bochantsevo-1 settlement)	21
Ilyushina V.V. Pottery-making technology used by Alakul and Fedorovo groups of the Bochantsevo-1 settlement.....	36
Gorokhov S.V. Children's and Adult Cross Pendants of the 17th–19th centuries in Siberia	49
Tikhomirov K.N. Seitovo 4: a new burial ground of the Tara Tatars' ancestors of the 17th–18th centuries in the Middle Irtysh area	59
Zimina O.Yu., Zherebyatyeva N.V., Idrisov I.R., Sizov O.S., Moskvina N.N., Afonin A.S., Ivanov S.N., Ryabogina N.E. The Andreevskoye lake system at the Turn of the Bronze and Early Iron Ages: paleo-landscape mapping, bioproductivity assessment and demographic capacity of the territory (Tura and Pyshma interfluvium, West Siberia)	69
Bolelov S.B., Kolganova G.Yu., Nickiforov M.G. Astronomical orientation of architectural monuments of Khorezm	85
Kulakov V.I. Types of maces in the culture of Early Medieval Prussians	97

Anthropology

Bagashev A.N., Slepchenko S.M., Kardash O.V., Alekseeva E.A., Sleptsova A.V. A comprehensive study of the Bukhta Nakhodka 2 burial (Yamal-Nenets Autonomous Area, Yamal peninsula).....	104
--	-----

Ethnology

Bogordayeva A.A. Features of images representing the deceased of the Northern Khanty and Mansi in the second half of the 20th — early 21st century.....	117
Ryazanova S.V., Iurganov F.A. Komi-Permyan mythology in the context of regional politics of memory	132
Abramov I.V. An ethnoecological approach to weir fishing: a case study from the Konda river, West Siberia	140
Istomin K.V. Culture-specific mechanisms of maintaining life satisfaction among the indigenous population of the Russian Arctic	154
Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Integration of second generation migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen region: social, linguistic and identification aspects	166
Memo to the authors	176
Abbreviations	178

АРХЕОЛОГИЯ

В.А. Зах, Е.Н. Волков

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: viczakh@mail.ru

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛКА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА МЕРГЕНЬ 6 ИЗ ПРИИШИМЬЯ

В древности на территории Тоболо-Ишимья сформировались две области с разными орнаментальными традициями: в Притоболье уже в эпоху раннего неолита начинает складываться гребенчатая, а в Приишимье и более восточных областях в конце развитого неолита — гребенчато-ямочная традиция. Их ареалы, практически не смешиваясь, просуществовали до III тыс. до н.э. Впоследствии гребенчато-ямочные комплексы распространились на широкой территории Западной Сибири от степей Казахстана до Тазовского полуострова и от Урала до Енисея. Начиная с этого времени гребенчатые оттиски, сочетающиеся с рядами ямок по тулову, отмечаются на керамике эпохи раннего металла и доандроновской бронзы в Притоболье. С эпохи поздней бронзы ареал гребенчато-ямочной орнаментальной традиции постепенно восстанавливается в своих прежних границах. О начале распространения носителей гребенчато-ямочной традиции в западном направлении, в том числе в Притоболье, свидетельствуют комплексы байрынской культуры, во многом близкие к керамике и инвентарю поселения Мергень 6 в Приишимье. Вследствие хорошей сохранности в культурном слое поселка органических остатков: костяных орудий, собственно костей крупных и мелких млекопитающих и остатков костей и чешуи рыбы — комплекс является одним из наиболее информативных среди памятников эпохи раннего металла. Посуда поселения имеет широкий круг аналогий в синхронных культурах лесных и степных территорий. Судя по местоположению памятника (у истока р. Мергеньки из оз. Мергень), остеологическим материалам и набору инвентаря, обитатели поселка вели присваивающее хозяйство, возможно, с преобладанием рыболовства (запорного). Близкое сходство посуды поселения Мергень 6 и притобольских байрынских комплексов позволяет предположить, что последние формировались на местной основе при участии и адаптации в среде местного населения пришедших приишимских групп.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Тоболо-Ишимье, Приишимье, Мергень 6, керамика, гребенчато-ямочная орнаментальная традиция, инвентарь, хозяйство, миграция.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-005-020

Работа выполнена по госзаданию: проект № AAAA-A17-117050400147-2.

Орнаментальные традиции основных керамических комплексов переходного времени от неолита к эпохе раннего металла¹ в Притоболье и Приишимье существенно различаются между собой. На территории Притоболья сформировалась гребенчатая (сосновоостровская и шапкульская культуры), в Приишимье — гребенчато-ямочная (екатерининская культура) традиция. Тем не менее в комплексах приишимских поселений присутствует незначительное количество керамики с «притобольским» гребенчатым декором (например, Серебрянка 1 [Панфилов, 1993]). А в конце неолита — начале эпохи раннего металла гребенчато-ямочная орнаментальная традиция широко распространяется по территории Западной Сибири, проникая в том числе в Притоболье, где ранее она не отмечалась. В связи с этим актуальным является обращение к материалам приишимских (александровских) памятников, имеющим сходство с керамикой притобольских (байрынских) поселений. Это позволяет рассмотреть вопрос о формировании комплексов посуды, украшенной в гребенчато-ямочной орнаментальной традиции.

¹ Применение термина «энеолит» (медно-каменный) для рассматриваемой территории, на наш взгляд, неправомерно, поскольку в комплексах этого периода полностью преобладает каменная индустрия, а крайне редко встречающиеся изделия из меди — привозные. Появившиеся позднее в Тоболо-Ишимье металлические изделия изготавливались уже из сплавов.

Поселение Мergenь 6 многослойное, функционировало в основном в неолитическое время, но, судя по незначительному количеству остатков жилищ, сосредоточенных у самой кромки берега, с посудой, орнаментированной гребенчато-ямочными узорами, в эпоху раннего металла на мысу проживал немногочисленный коллектив в небольшом поселке. Кроме этого отмечены следы посещений северо-восточного берега оз. Мergenь людьми эпохи доандроновской бронзы, переходного времени от бронзового века к железному, раннего железного века и средневековья (рис. 1).

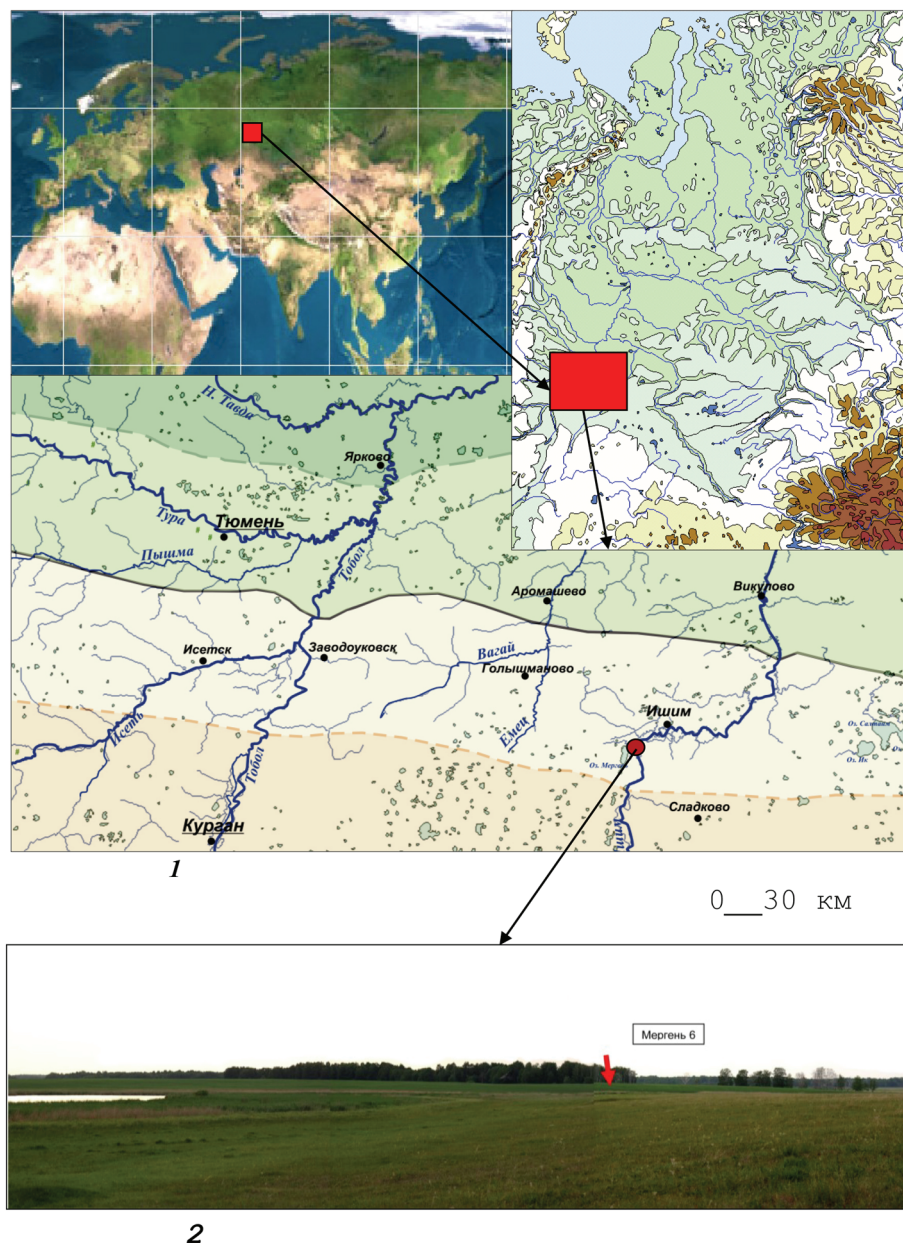

Рис. 1. Расположение поселения эпохи раннего металла Мergenь 6.
Fig. 1. Location of the settlement of the Early Metal Epoch Mergen 6.

С эпохой раннего металла связаны остатки котлована жилища 2 с расположенными рядом с ним ямами, относящимися к этому же периоду, а также котлованы жилищ 4, 6 и 11 (рис. 2). Три жилища (2, 4 и 6) находились в центральной, наиболее возвышенной части берега, имели котлованы подчетыреугольной и подокруглой форм, перекрывавшие более ранние неолитические жилища 1, 3 и 5 [Еньшин, 2014], а точнее сказать, врытые в них. Размеры и очертания построек 4 и 6 эпохи раннего металла не совсем четкие, тем не менее площадь определяется в

Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишимья

пределах 40–60 м². Наиболее четкие очертания имеет жилище 2, оно представляло собой котлован размерами 6,8×8,0 м, углубленный в материк на 0,3 м. На полу постройки зафиксированы остатки очага в виде прокала размерами 0,35×0,45 м, толщиной 0,5–0,7 м [Матвеев и др., 1997]. Внутри котлована в центральной части и вдоль стен отмечены столбовые и хозяйственные ямы с фрагментами посуды, каменными и костяными изделиями и костями животных, жаберными крышками, костями и чешуей рыбы. В 10–11 м к юго-западу от построек 2, 4 и 6 находилось жилище 11, близкое по размерам к рассмотренным, но его котлован был слегка врезан в материк в северной, восточной и юго-восточной частях постройки и нивелировался с материком с противоположных сторон.

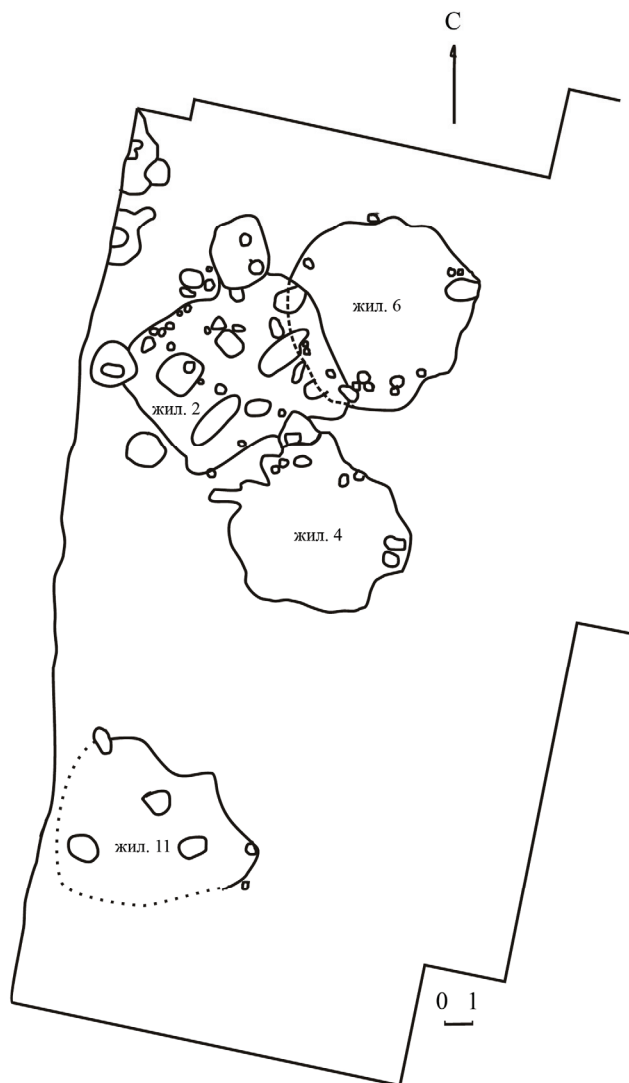

Рис. 2. План северо-западной части раскопа поселения Мергень 6. Жилища 2, 4, 6, 11 и хозяйственные ямы — комплекс эпохи раннего металла.

Fig. 2. Plan of the North-Western part of the excavation of the settlement of Mergen 6. Dwellings 2, 4, 6, 11 and economic pits, the complex of the Early Metal Epoch.

Керамика эпохи раннего металла поселения Мергень 6 представлена фрагментами около 200 сосудов. В статистические расчеты включены 129 фрагментов венчиков и 51 фрагмент (наиболее информативные) стенок. В глиняном тесте большого числа горшков визуальнo фиксируются добавления песка, органики и шамота. Толщина стенок в среднем составляет 0,5–0,6 см. Сохранившиеся днища имеют заостренную или округло-приостренную форму (рис. 3–8).

Основываясь на технико-стилистических особенностях орнаментации, выборку керамики можно разбить на восемь условных групп (табл.).

Орнаментация условно выделенных групп посуды

Ornament in conventionally selected groups of ceramics

	1	2	3	4	5	6	7	8
Ямочки на венчике	56/90,3	19/54,2	5/83,3	2/66,7	19/82,6	6/100	3/75	6/85,7
Ямочки на тулове	23/76,7	19/86,4	2/50	—	6/46,1	6/100	2/100	2/66,7
Короткие отрезки с наклоном вправо	46/56,1	11/31,4	1/12,5	1/33,3	2/2,9	—	1/20	6/85,7
Короткие отрезки с наклоном влево	18/21,9	3/8,6	1/12,5	2/66,7	—	1/11,1	—	—
Прямые короткие отрезки	39/47,6	1/2,8	1/12,5	—	—	—	1/20	2/28,6
Короткие отпечатки в горизонтальную линию	6/7,3	—	1/12,5	—	—	—	—	—
Прямая линия	3/3,6	21/60	—	3/100	26/83,9	5/55,5	3/60	3/42,8
Длинные наклонные отрезки вправо из коротких оттисков	4/4,9	—	—	—	—	—	1/20	—
Длинные наклонные отрезки влево из коротких оттисков	4/4,9	—	—	—	—	—	—	—
Длинные прямые отрезки из коротких отпечатков	2/2,4	—	—	1/33,3	—	—	—	—
«Елочка» вершиной вниз	1/1,2	1/2,8	—	—	—	—	—	—
«Елочка» вершиной вбок	2/2,4	—	—	—	—	—	—	—
Длинные наклонные отрезки вправо	—	6/17,1	—	—	1/3,2	—	—	—
Длинные наклонные отрезки влево	—	4/11,4	—	—	—	—	—	—
Длинные вертикальные отрезки	—	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Длинные двойные наклонные отрезки вправо	—	—	—	—	1/3,2	—	—	—
Длинные наклонные отрезки вправо с дугообразным окончанием	—	—	1/12,5	—	—	—	—	—
Неправильная «елочка» вершиной вбок	1/1,2	—	—	—	—	—	—	—
Крупная «волна»	1/1,2	—	—	—	—	—	—	—
«Галочки»	1/1,2	1/2,8	—	—	—	—	—	1/14,3
Горизонтальная линия «шагающей гребенки»	1/1,2	—	3/37,5	—	—	—	—	—
Вертикальная линия «шагающей гребенки»	—	—	4/50	—	—	—	—	—
Крестообразная фигура	—	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Перечеркнутые наклонные отрезки вправо	—	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Прямая горизонтальная линия с ответвлением вверх	—	—	—	—	1/3,2	—	—	—
Вертикальные группы коротких горизонтальных отрезков	—	—	—	—	—	—	—	1/14,3
Неопределимый негеометрический элемент	6/7,3	1/2,8	—	—	2/6,4	1/11,1	—	—
Горизонтальный зигзаг	2/2,4	5/14,3	1/12,5	—	—	—	1/20	—
Вертикальный зигзаг	4/4,9	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Заполненные треугольники вершиной вниз	1/1,2	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Заполненные треугольники вершиной вверх	—	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Не заполненные треугольники вершиной вверх	—	—	—	—	1/3,2	—	—	—
Фигура, стоящая между зигзагом и треугольником	1/1,2	—	—	—	—	—	—	—
Треугольники вершинами вниз на фоне сплошных горизонтальных линий	—	3/8,6	—	—	—	—	—	—
Треугольники вершинами вверх на фоне сплошных горизонтальных линий	—	3/8,6	—	—	—	—	—	—
Ромбическая сетка	—	2/5,7	—	—	1/3,2	—	—	—
Вертикальные противолежащие линии двойного зигзага на фоне сплошных горизонтальных линий	—	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Крестообразная фигура на фоне сплошных горизонтальных линий	—	1/2,8	—	—	—	—	—	—
Неопределимый геометризм	1/1,2	5/14,3	—	—	—	—	—	—

Примечания. 1 — «короткогребенчатая»; 2 — «длинногребенчатая»; 3 — «шагающе-гребенчатая»; 4 — «протаченно-гребенчатая»; 5 — «отступающе-накольчатая»; 6 — «ямочная»; 7 — «фигурно-штамповая»; 8 — «комбинированная». В числителе — число сосудов в группе с данной орнаментацией, в знаменателе — процент от числа сосудов (фрагментов венчиков и/или стенок) в группе.

1. *Группа с короткогребенчатым штампом.* Наиболее многочисленная, представлена 82 сосудами, орнаментированными отдельными оттисками гребенчатого штампа. Орнаменты, применявшиеся для оформления узоров, имеют различную морфологию: от коротких, в 3–4 зубца, до длинных, в 10 и более зубцов. Особенностью данной группы выступает то, что на ее сосудах оттиски гребенчатого штампа (короткого, среднего и длинного) не связываются между собой в длинные сплошные линии, образующие различные фигуры. Орнаментальные композиции и элементы декора формируются оттисками короткого гребенчатого штампа — в 3–5 зубцов. Применение других способов нанесения орнамента довольно редко. Среди таких орнаментов наиболее распространены оттиски «гусенички», выполненные намотанным на палочку шнуром. Подобный элемент, как правило, фиксируется на внутренней стороне венчика и в верхней части орнаментального пространства на внешней стороне посуды. На большинстве венчиков отмечаются ряды ямочных вдавлений (90,3 %). Сосуды, не содержащие данного элемента, редки. Не менее 76,7% сосудов орнаментированы рядами ямок по тулову. Элементы декора не

отличаются сложностью и геометричностью. Наиболее часто фиксируются: короткие отрезки гребенчатого штампа с наклоном вправо — 56,1 %, прямые короткие отрезки гребенчатого штампа — 47,6 % и короткие отрезки гребенчатого штампа с наклоном влево — 21,9 %. Прочие негеометрические узоры единичны: короткие отпечатки «гребенки» в горизонтальную линию — 7,3 %, длинные наклонные отрезки гребенчатого штампа с наклоном вправо, образованные из коротких отпечатков, длинные наклонные отрезки гребенчатого штампа с наклоном влево, образованные из коротких отпечатков, — по 4,9 % и др. Немногочисленные геометрические узоры представлены: вертикальным зигзагом — 4,9 %, горизонтальным зигзагом — 2,4 %, «заполненными» треугольниками, обращенными вершинами вниз, фигурой, сочетающей признаки треугольника и зигзага, и неопределимым «геометризмом» — по 1,2 %. Всего геометрические мотивы зафиксированы на девяти сосудах (10,9 % серии).

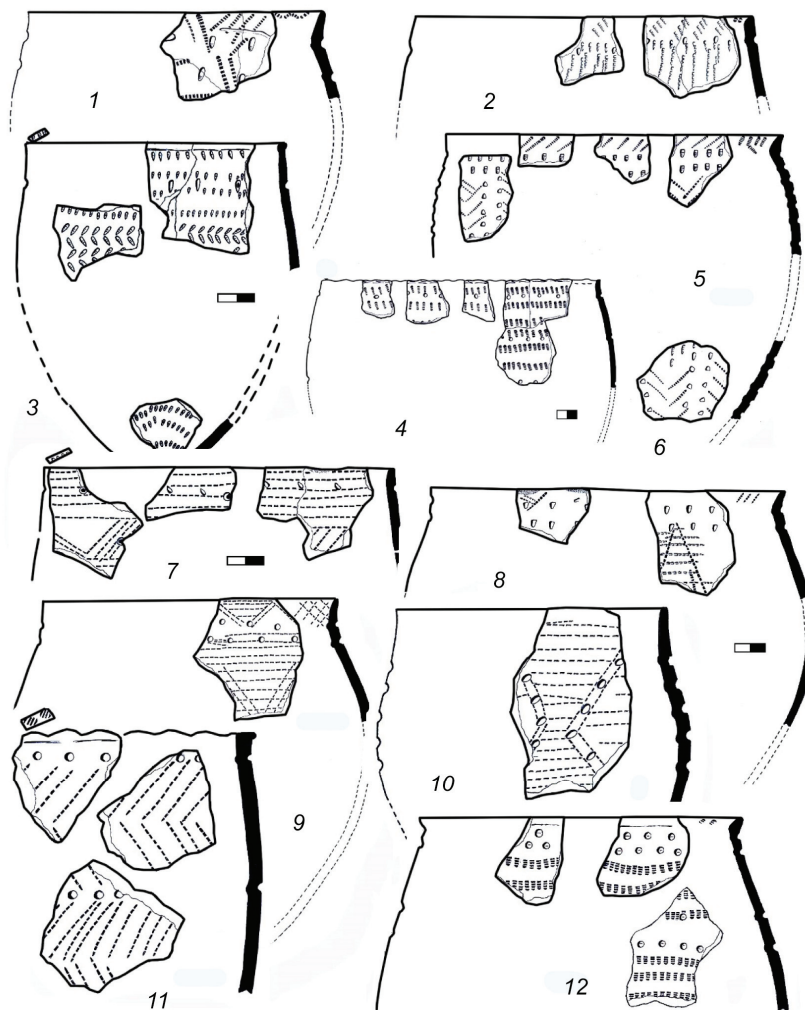

Рис. 3. Керамика эпохи раннего металла поселения Мергень 6:
1, 7–11 — сосуды, украшенные длинногребенчатым штампом; 2–6, 12 — сосуды, орнаментированные короткогребенчатым штампом.

Fig. 3. Ceramics of the Early Metal Epoch of the settlement Mergen 6:

1, 7–11 — vessels decorated with a long comb stamp; 2–6, 12 — vessels ornamented short comb stamp.

2. *Группа с длинногребенчатым штампом.* Включает 35 сосудов, длинногребенчатые мотивы, как правило, представлены отпечатками узкого, «грацильного» штампа в 8 и более зубцов. В большинстве случаев они наложены друг на друга и образуют длинные либо сплошные прямые линии, создающие визуальное впечатление непрерывности оттиска. Из других технико-стилистических способов нанесения декора наиболее часто фиксируются отпечатки короткого гребенчатого штампа — 31,4 %. Среди прочих приемов: мотив веревочной «гусенички» — 20 %,

отступление и фигурный штамп — по 2,8 %. По венчикам всех сосудов отмечаются горизонтальные ряды глубоких ямочных вдавлений, образующих на противоположной стороне «жемчужины», такие же ямки на 86,4 % посуды присутствуют на стенках и днищах. Посуда данной группы отличается наиболее выраженной геометрической орнаментацией и насыщенным декором. Простые элементы: прямые горизонтальные линии — 60 %, короткие отрезки с наклоном вправо — 31,4 %, длинные наклонные отрезки с наклоном вправо — 17,1 %, длинные наклонные отрезки с наклоном влево — 11,4 %, короткие отрезки с наклоном влево — 8,6 % и др. Геометрические элементы узора представлены: горизонтальным зигзагом и неопределимым «геометризмом» — по 14,3 %, треугольниками, обращенными вершинами вниз и вверх, на фоне сплошных горизонтальных линий — по 8,6 %, ромбической сеткой — 5,7 %, вертикальным зигзагом, «заполненными» треугольниками вершинами вниз и вверх, вертикальными противолежащими линиями двойного зигзага на фоне сплошных горизонтальных линий, крестообразной фигурой на фоне сплошных горизонтальных линий — по 2,8 %. Всего геометрические мотивы отмечены на 23 сосудах (65,7 %).

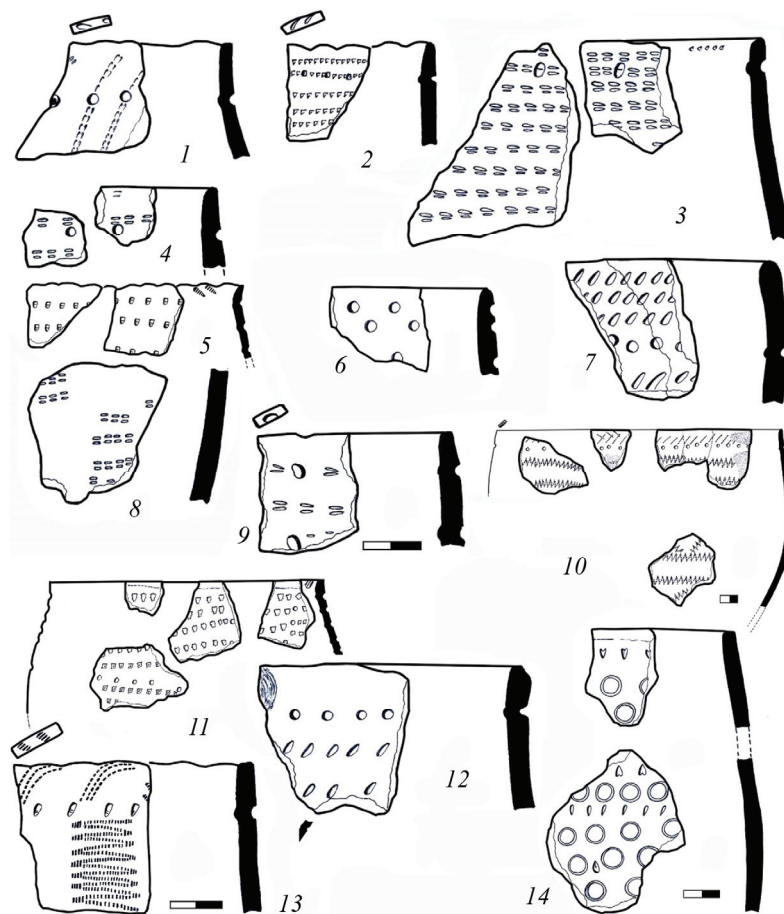

Рис. 4. Керамика эпохи раннего металла поселения Мergen 6:

1–5, 8, 9 — группа сосудов с отступающе-накольчатым орнаментом; 6, 7, 11, 12 — сосуды, украшенные ямочными узорами; 10, 13 — сосуды, украшенные «шагающей гребенкой»; 14 — сосуд со штамповым орнаментом.

Fig. 4. Ceramics of the Early Metal Epoch of the settlement of Mergen 6:

1–5, 8, 9 — vessels with backing-nodular ornaments; 6, 7, 11, 12 — vessels decorated with pit patterns;

10, 13 — vessels decorated with a «walking comb»; 14 — vessels with stamped ornament.

3. *Группа с «шагающей гребенкой».* В этом стиле орнаментировано восемь сосудов. Прочие технико-стилистические приемы: «короткая гребенка» — 37,5 %, «длинная гребенка», накол, веревочная «гусеничка» — по одному сосуду (12,5 %). На венчиках большинства (5 из 6) сосудов выборки отмечаются горизонтальные ряды ямочек. Кроме того, ямочная орнаментация отмечена в двух (всего фрагментов 4) случаях и на тулове. Учитывая фрагментарность

выборки, логично предполагать, что на самом деле рассматриваемый показатель был несколько выше. Данная группа может быть охарактеризована как негеометрическая, так как сложные элементы декора здесь представлены единично. Наиболее часты в орнаментике: вертикальная линия «шагающей гребенки» — 50 %, горизонтальная линия «шагающей гребенки» — 37,5 %. Единственный геометрический элемент — горизонтальный зигзаг зафиксирован в одном случае.

4. *Группа с «протащенной гребенкой».* В этой манере декорировано три сосуда. Из иных технических приемов нанесения орнамента отмечены: «веревочная гусеничка» (два сосуда) и накол (один сосуд). На двух горловинах обнаружены горизонтальные ряды ямочек. Информацию о присутствии ямочных узоров на тулове и днищах керамики отразить проблематично в силу значительной фрагментированности посуды. Геометрических узоров не выявлено. Полностью преобладают простые элементы: прямая горизонтальная линия, короткие отрезки с наклоном влево, длинные прямые отрезки из коротких отпечатков «гребенки» и короткие отрезки с наклоном вправо.

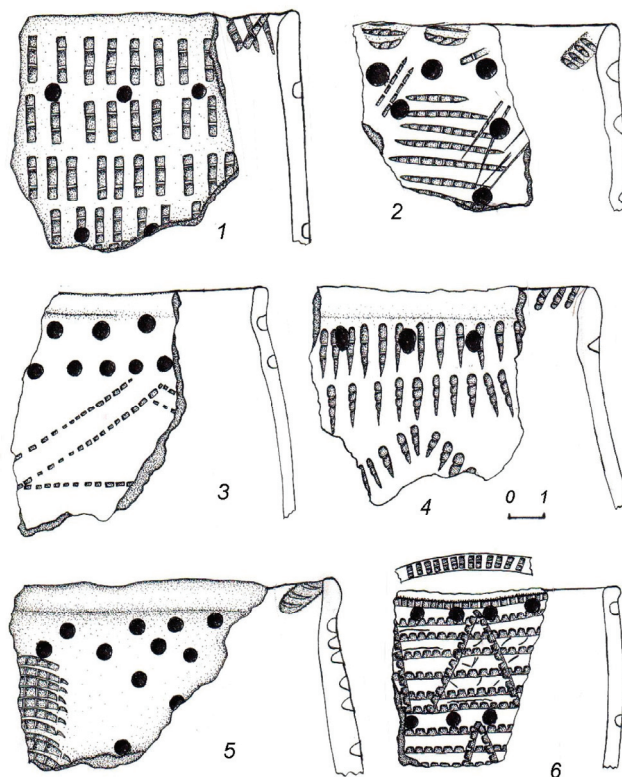

Рис. 5. Керамика эпохи раннего металла поселения Мергень 6.
Fig. 5. Ceramics of the Early Metal Epoch of the settlement of Mergen 6.

5. *Группа с отступающе-накольчатый орнаментом.* Включает 31 сосуд. На 58,1 % керамики присутствует орнамент в виде наколов, на 38,7 % — мотив двузубой, расщепленной палочки, на 29 % — «отступающие» мотивы. Из иных технических приемов отмечаются лишь отпечатки короткого гребенчатого штампа — 6,5 %. Абсолютное большинство венчиков — 82,6 % украшено горизонтальными рядами ямочек. Ямочная орнаментация на тулове представлена относительно слабо — 46,1 %, видимо, в силу значительной фрагментарности посуды. Основной удельный вес в орнаментике рассматриваемой выборки принадлежит простым, негеометрическим элементам декора. Наиболее часто использованы прямые горизонтальные линии — 83,9 %. Негеометрических неопределимых элементов декора 6,4 %. Длинные отрезки с наклоном вправо, длинные двойные отрезки с наклоном вправо, прямая горизонтальная линия с ответвлением вверх и другие элементы единичны (по 3,2 %). Среди геометрических узоров следует отметить «незаполненные» треугольники вершиной вверх и ромбическую сетку — по 3,2 %. Всего геометрический декор присутствует на двух сосудах (6,4 %).

6. *Группа с ямочным орнаментом.* Насчитывает девять сосудов. Ямочки, как правило, отличаются не столь существенной глубиной, как аналогичные вдавления, фиксируемые на керамике рассмотренных выше групп, выступающие в качестве разделителей зон. Иные способы нанесения декора представлены «короткой гребенкой» и ложным текстилем — по одному случаю. Горизонтальные ряды ямочных вдавлений, являющиеся разделителями зон, в приустьеовой части посуды отмечены на всех сосудах. Аналогичный показатель характеризует и тулово. Геометрических элементов декора на данной керамике не зафиксировано. Полностью преобладают прямые горизонтальные линии — пять сосудов (55,5 %), кроме которых отмечаются короткие отрезки с наклоном влево и неопределимые негеометрические элементы — по одному случаю.

7. *Группа с фигурно-штамповым орнаментом.* В данном стиле украшено пять сосудов. Иные технико-стилистические приемы нанесения декора представлены «короткогребенчатыми» мотивами — один сосуд, «веревочной гусеничкой» и наколом — по два сосуда. В приустьеовой части трех сосудов и на тулове во всех случаях отмечены горизонтальные ряды ямочек. Геометрический элемент декора единственный — зигзаг (один случай). Преобладают простые мотивы: прямая линия — 60 %, прямые короткие отрезки и длинные наклонные отрезки с наклоном вправо из коротких отпечатков — по 20 %.

8. *Группа с комбинированной орнаментацией.* На семи сосудах представлены элементы орнамента, выполненные в различных технико-стилистических приемах: «короткой гребенки» — 57,1 %, накола — 42,8 %, отступания, веревочки, «веревочной гусенички» — по 28,5 % и «длинной гребенки» — один сосуд (14,2 %). На венчиках более 2/3 (85,7 %) сосудов отмечены горизонтальные ряды ямочек, для тулова этот показатель составляет 66,7 %. Геометрические элементы отсутствуют. Наиболее часты в орнаментике: короткие отрезки с наклоном вправо — 85,7 % и прямая линия — 42,8 %. Прямых коротких отрезков — 28,6 %, «галочки» и вертикальные групп коротких горизонтальных отрезков — по одному случаю (14,3 %).

Описанные выше технико-стилистические группы посуды входят, на наш взгляд, в состав единого в культурном и хронологическом отношении комплекса. Однако происхождение отдельных компонентов, слагающих его, по всей видимости, связано с различными по происхождению в территориальном отношении группами населения.

О культурном единстве серии свидетельствует равномерное планиграфическое и стратиграфическое распределение выделенных групп посуды. В большинстве рассматриваемых групп керамики отмечаются орнаментальные композиции, выполненные в разнообразных технико-стилистических манерах (табл.). Так, на «короткогребенчатой» посуде прослежены узоры, нанесенные в стилях «длинной» и «шагающей» гребенки, прочерчиванием и в веревочной технике. В «длинногребенчатой» группе отмечаются орнаменты, выполненные «короткой гребенкой», отступанием и фигурным штампом. «Шагающе-гребенчатая» посуда содержит «короткогребенчатые» и «длинногребенчатые» композиции и узоры, нанесенные в технике накола. На «проташенно-гребенчатой» керамике фиксируются следы накольчатой орнаментики. В «отступающе-накольчатой» группе присутствует «короткогребенчатый» декор. Кроме того, относительно небольшая выборка интерпретирована нами как «комбинированная», в этой группе нет явного преобладания того или иного приема нанесения орнамента.

О единстве керамической серии можно судить и по однотипности визуально фиксируемых добавок в тесто сосудов. Для различных групп посуды отмечаются сходная рецептура, в основном представленная песком, органикой и шамотом. В пользу данного предположения говорит и толщина стенок различных технико-стилистических групп керамики, в среднем варьирующая в пределах 0,4–0,6 см.

Большинство из выделенных групп посуды обладает еще одной яркой особенностью — значительной представленностью в орнаментальном поле, в том числе на тулове гончарных изделий, горизонтальных рядов ямочек. Так, ямочный декор на тулове посуды отмечается на 76,7 % «короткогребенчатой» выборки, на 86,4 % «длинногребенчатой» серии, на 100 % «ямочной» и «фигурно-штамповой» посуды. Несколько меньший удельный вес рассматриваемого приема характерен для «комбинированной» (66,7 %), «шагающе-гребенчатой» (50 %) и «отступающе-накольчатой» (46,1 %) групп керамики (табл.).

Наряду с керамикой обнаружен представительный каменный и костяной инвентарь этого времени, выделенный и достаточно полно охарактеризованный С.Н. Скочиной [2005]. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются: обломок костяной пластины, первая фаланга лошади (путовая кость) с вырезанным на ней изображением в виде дерева, обломки костяного гребен-

Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишмья

чатого штампа и сланцевого диска, изготовленная из рога лося рукоять для тесла или топора и двусторонне обработанный нож (рис. 9, 1–6). Заслуживает внимания скульптурка эмбрионовидной (личинковидной) формы, со слегка заостренными концами, согнутая под углом около 120°, изображающая, скорее всего, младенца, завернутого в пеленки. В древности фигурка, вероятно специально была разломана на две части и оставлена в жилище 11 [Зах, Скочина, 2004].

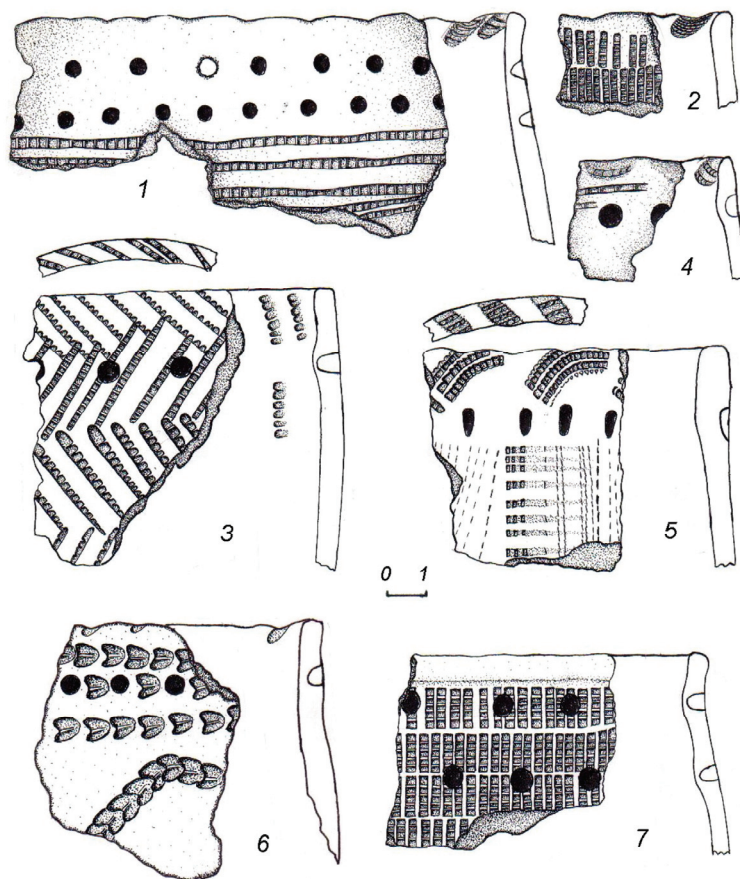

Рис. 6. Керамика эпохи раннего металла поселения Мергень 6.
Fig. 6. Ceramics of the Early Metal Epoch of the settlement of Mergen 6.

Комплексы эпохи раннего металла Тюменского Приишмья изучены крайне слабо, до настоящего времени не существует четких хронологических и культурных схем данного периода. Определенные представления, в частности, о керамике этого времени можно получить по материалам поселений Ир 2 [Косинская, 1984], Пахомовская Пристань 3 [Крижевская, 1969] и Серебрянка 1 [Панфилов, 1993]. А.Н. Панфилов констатирует несомненную близость рассматриваемых объектов, что проявляется в форме сосудов, развитом геометризме, преобладании печатногребенчатой орнаментики, большом проценте ямочного декора [1991, с. 34]. В то же время исследователь отмечает обособленность материалов Ира 2 относительно коллекций Серебрянки 1 и Пахомовской Пристани 3, нашедшую отражение в многообразии геометрических узоров, тщательности их исполнения и др. [Там же]. Несомненные аналогии рассматриваемой керамике поселения Серебрянка 1 (комплекс V), по мнению А.Н. Панфилова, прослеживаются в материалах александровских памятников Прииртышья и коллекции поселения Венгерово 3 в Барабе, для которых в целом характерны те же черты в орнаментике. Однако исследователь говорит о ряде серьезных отличий, проявившихся в менее развитом геометризме и большем значении отступающе-накольчатой техники, доля которой в комплексе поселения Венгерово 3 достигает 25 % [Там же].

Вопрос о месте комплекса поселения Мергень 6 в энеолите Приишмья в связи с неполнотой, во многом отрывочностью публикаций материалов этого периода и тенденциями обработки материала достаточно проблематичен. Л.Л. Косинская в комплексе памятника Ир 2 выделяет

три основные группы посуды: «длинногребенчатую», «короткогребенчатую» и «тонконакольчатую», что неплохо согласуется с рассмотренными выше данными. Автор публикации сообщает о наличии в комплексе керамики, украшенной фигурными штампами, а также посуды, где наряду с другими техническими приемами встречаются отпечатки шнура [1984, с. 51, 52]. Сказанное, безусловно, свидетельствует о близости орнаментальных комплексов поселений Ир 2 и Мерген 6. Сходство прослеживается в присутствии горизонтальных рядов ямочек на тулове гончарных изделий поселения Ир 2, а также в использовании «веревочки», намотанной на палочку, оттиски которой образуют «гусеничный» орнамент [Там же, с. 52]. В то же время имеются различия. В частности, если на поселении Мерген 6 наиболее многочисленна «короткогребенчатая» керамика — 45,5 %, то посуда памятника Ир 2, орнаментированная в аналогичном стиле, составляет лишь 4,4 % комплекса, являясь самой незначительной выборкой последнего [Там же, с. 50, табл.]. Вместе с тем «длинногребенчатая» посуда, составляющая 19,4 % орнаментального комплекса Мерген 6, в материалах поселения Ир 2 полностью доминирует — 85,9 % [Там же]. Отступающе-накольчатая и фигурно-штамповая выборки памятника Ир 2 незначительны — 6,4 и 3,3 % [Там же]. Сказанное позволяет характеризовать керамический комплекс Ира 2 как многокомпонентный, но с полным господством посуды, украшенной в стиле длинного гребенчатого штампа. К сожалению, отсутствие в работе полных статистических выкладок не позволяет обоснованно сравнить серию памятника с керамикой поселения Мерген 6. Можно лишь отметить, что опубликованные сосуды, особенно относящиеся к «длинногребенчатой» группе [Там же, с. 49, рис. 4, 1, 3, 5, 7, 8, 10], визуальнo достаточно неплохо соотносятся с аналогичной выборкой Мергена 6. Однако ряд сосудов, украшенных в этой манере [Там же, рис. 4, 2, 9, 13], вызывают ботайские ассоциации. В целом, при отсутствии четких статистических выкладок, ирская серия воспринимается как несколько более «геометричная», чем коллекция поселения Мерген 6.

Прямое сопоставление выборок поселений Мерген 6 и Серебрянка 1 также затруднительно, главным образом из-за невозможности корректного сравнения отдельных технико-стилистических групп керамики между собой. А.Н. Панфилов разделяет гребенчатый комплекс Серебрянки 1 на группы посуды, украшенной при помощи длиннозубого (55 %) и короткозубого (31,7 %) штампов. С одной стороны, выделение данных групп неплохо соответствует членению рассматриваемой нами выборки на «коротко-» и «длинногребенчатую» посуду. С другой стороны, под короткозубой гребенкой А.Н. Панфилов подразумевает оттиски 2–3-зубого штампа [1993, с. 30]. В данном случае игнорируется вопрос стиля, который, на наш взгляд, играет очень важную роль. Нам уже приходилось говорить, что керамика, украшенная отдельными, не связанными в единый контекст отпечатками гребенчатого штампа длиной 4–6 зубцов, должна рассматриваться с позиции принадлежности к «короткогребенчатой» выборке, так как стилистически довольно существенно отличается от посуды, включаемой в «длинногребенчатую» группу.

Вместе с тем в коллекции поселения Серебрянка 1 в небольшом количестве представлена посуда, орнаментированная при помощи фигурных штампов, «шагающей» и «движущейся» гребенки [Там же, с. 31], что сближает выборку с материалами Мергена 6.

В качестве отличия следует отметить значительно меньшую репрезентативность отступающе-накольчатой посуды комплекса Серебрянки 1 (3,3 %), по отношению к мергенской серии (17,2 %). Среди аспектов, сближающих рассматриваемые выборки, отметим широкую представленность поясов из ямок, как в приустьевой части сосудов, так и на их тулове, украшение венчиков отпечатками «веревочки», сходные узоры, орнаментальные композиции и др. В целом, несмотря на недостаток статистических данных по коллекции Серебрянки 1, рассматриваемый комплекс с большой долей уверенности можем поставить в один культурный ряд с материалами поселения Мерген 6.

Аналогии ишимской керамике раннего металла, особенно комплексу поселения Серебрянка 1, согласно А.Н. Панфилову, можно найти и в энеолитических материалах Тюменского Притоболья, прежде всего в липчинских, с которыми их сближают полуяйцевидная форма сосудов, разбитый геометризм, преобладание в орнаментике гребенчатых узоров и большое значение поясков ямочного декора на тулове посуды [Там же, с. 35]. Отметим, что исследователь констатирует наибольшую близость рассматриваемой коллекции именно с липчинскими материалами, что позволило ему выдвинуть тезис о культурной интерпретации комплекса с позиции принадлежности к восточному варианту липчинских древностей [Там же, с. 36].

Возвращаясь к коллекции поселения Мерген 6, отметим ее несомненное визуальное сходство с материалами комплекса V Серебрянки 1. Однако воздержимся от прямого культурного

Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишмья

отождествления рассматриваемых выборок. Исходя из гипотезы А.Н. Панфилова о включении приишимских памятников эпохи раннего металла в восточный вариант липчинской культуры считаем логичным провести сопоставление рассматриваемых комплексов. Следует отметить, что за время с момента выхода работы А.Н. Панфилова [1993] особенности историко-культурной ситуации в Тюменском Притоболье были существенно пересмотрены. Исследования авторов статьи позволили выделить памятники лыбаевского типа, а впоследствии лыбаевскую культуру в лесостепной части региона [Волков, 2002, 2007, 2009] и байрыкскую культуру в лесостепных, подтаежных и южно-таежных областях Притоболья [Зах, 2006, 2009]. Основываясь на несомненном сходстве рассматриваемых комплексов, Е.Н. Волков объединил их в байрыкско-лыбаевскую традицию [2009]. Ложношнуровая керамика, которую можно идентифицировать как липчинскую, встречается практически на всех известных в настоящее время байрыкско-лыбаевских (в дальнейшем — байрыкских) памятниках, однако процент подобной посуды низок [Там же]. Таким образом, логичным на предмет существования культурных связей представляется сравнение многокомпонентного керамического комплекса поселения Мергень 6 и коллекций байрыкских объектов. Визуальное впечатление в результате анализа заставляет склониться к мысли о большем сходстве приишимских выборок с материалами байрыкских памятников, чем с классическими липчинскими сериями.

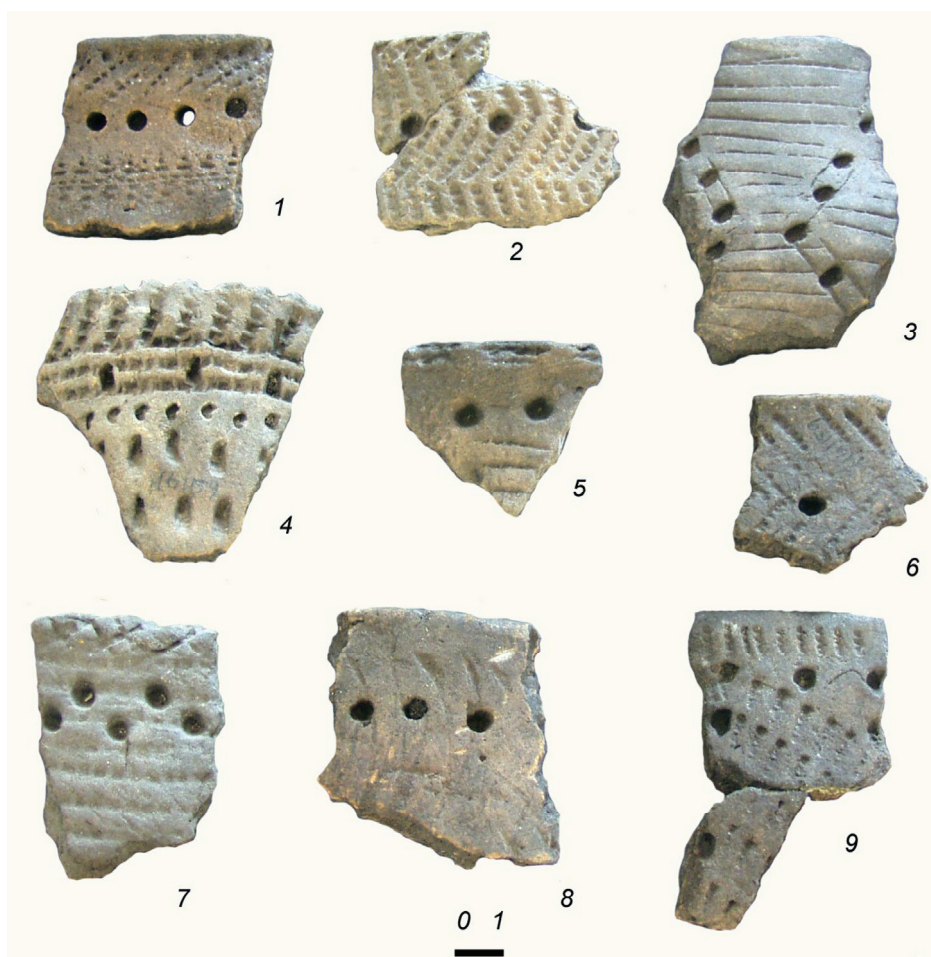

Рис. 7. Керамика эпохи раннего металла поселения Мергень 6.
Fig. 7. Ceramics of the Early Metal Epoch of the settlement of Mergeny 6.

Несомненное сходство проявляется в форме сосудов и в орнаментальной многокомпонентности коллекции поселения Мергень 6 и всех байрыкских керамических выборок Притоболья. В них присутствуют технико-стилистические группы посуды, которые можно охарактеризовать как «короткогребенчатую», «длинногребенчатую» и «отступающе-накольчатую». Кроме

того, на ряде байрыкских объектов Притобольского региона отмечаются малорепрезентативные группы керамики, как и на Мергене 6, с преобладанием орнаментальных композиций, выполненных фигурным штампом либо в нескольких технических манерах («комбинированная» группа). В качестве еще одного совпадения следует отметить тот факт, что абсолютное большинство сосудов рассматриваемых комплексов имеют горизонтальные пояса ямочных углублений, расположенные в зоне венчика. Сходство проявляется и в общих элементах орнамента, фиксируемых в рассматриваемых выборках: короткие отпечатки гребенчатого штампа, расположенные в горизонтальную линию, с наклоном влево и вправо, горизонтальные линии, длинные наклонные линии, отдельные геометрические фигуры и др.

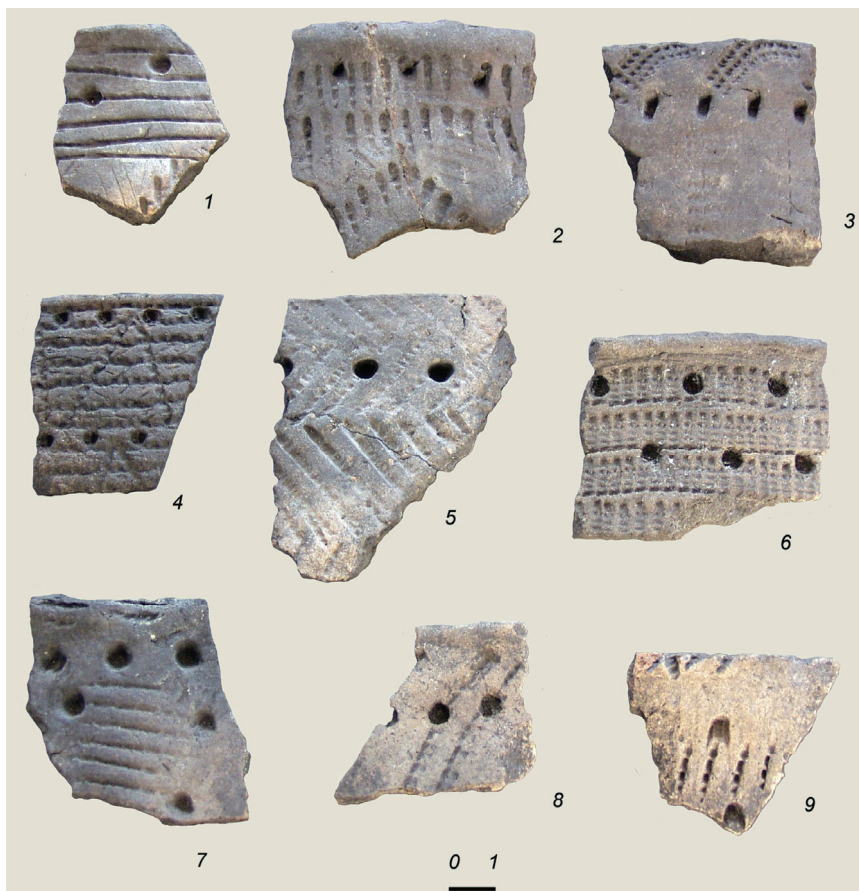

Рис. 8. Керамика эпохи раннего металла поселения Мерген 6.
Fig. 8. Ceramics of the Early Metal Epoch of the settlement of Mergen 6.

Вопрос о взаимосвязи культурных процессов, происходивших в различных частях Тоболо-Ишимья, уже рассматривался. В частности, была высказана гипотеза, что существенное повышение доли ямочной орнаментики на посуде энеолитических памятников Тюменского Притоболья связано с культурным влиянием из Приишимья, вплоть до прямой миграции инोकультурного населения [Зах, 2006]. Не исключено, однако, что наряду с восприятием притобольскими байрыкскими группами инноваций от своих восточных соседей имел место и обратный процесс.

Несмотря на то что керамические комплексы эпохи раннего металла рассматриваемых регионов обладают достаточно высокой степенью сходства, говорить о существовании в Тоболо-Ишимье единой энеолитической культуры, представленной двумя локальными вариантами, пока не приходится. Сравнение керамических комплексов Мергена 6, Серебрянки 1 и Ира 2 с коллекциями байрыкских памятников Притоболья наглядно показывает, что имеются довольно существенные несоответствия.

Рассматривалась возможность объединения приишимских памятников (Мерген 6, Серебрянка 1, Ир 2) с синхронными им комплексами Прииртышья (Артын, Крапивка 1, Александровка 1

Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишимья

и др.), Томского Приобья и Барабы (Лавровка, Венгерово 3, Крохалевка 4 и др.) в рамках александровского этапа екатерининской культуры [Зах, 2009, с. 226]. В силу отрывочности публикаций по памятникам восточной части Западной Сибири и ограниченности статистических данных остается достаточно много вопросов, связанных с ареалом, локальными особенностями и хронологией данного культурного образования. Вместе с тем нельзя не признать, что имеющиеся материалы демонстрируют несомненное сходство в культуре и орнаментике древностей эпохи раннего металла рассматриваемого региона. Таким образом, объединение комплексов поселений Мергень 6, Серебрянка 1 и Ир 2 в рамках александровского этапа екатерининской культуры представляется возможным, но с дальнейшей корректировкой этой гипотезы.

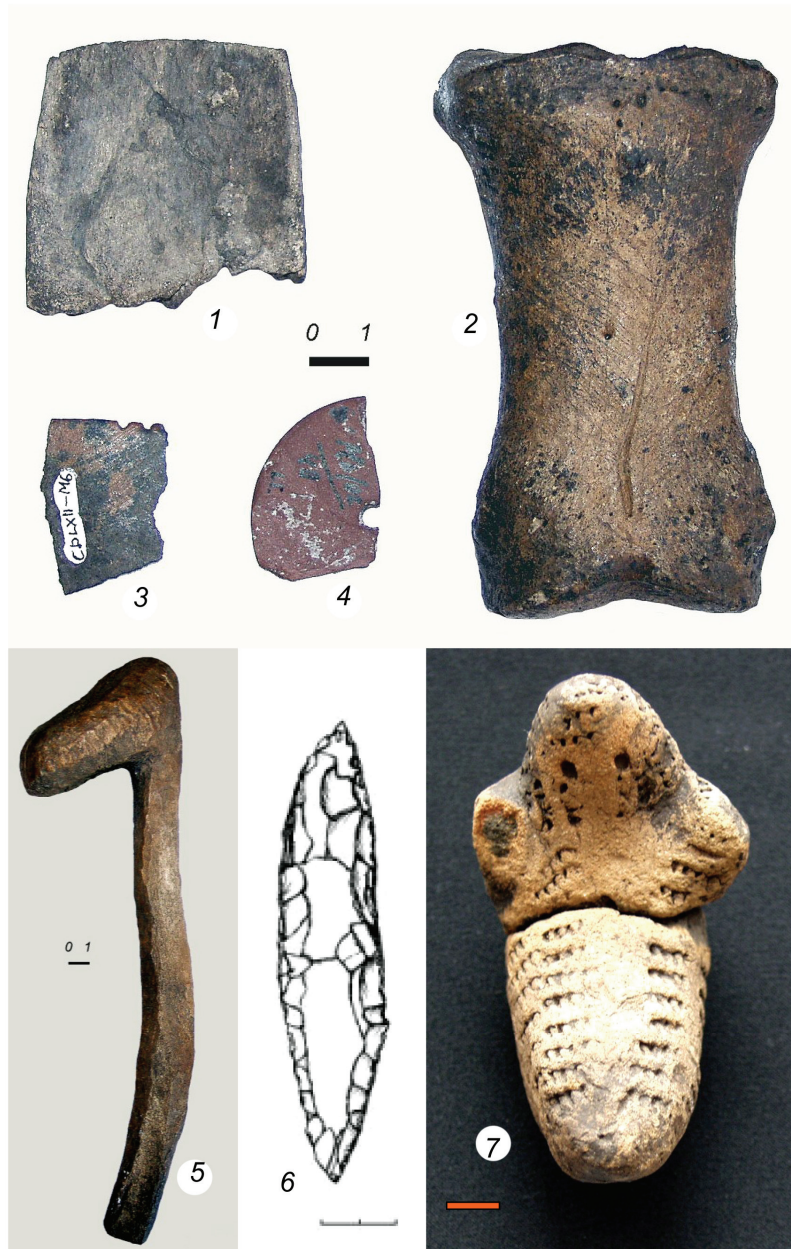

Рис. 9. Инвентарь эпохи раннего металла поселения Мергень 6:

1 — костяная пластина; 2 — фаланга с орнаментом в виде «дерева»; 3 — обломок гребенчатого штампа; 4 — обломок диска из сланца с отверстием в центре; 5 — рукоять из рога; 6 — каменный нож; 7 — глиняная эмбрионовидная фигурка.

Fig. 9. Inventory of the Early Metal Epoch of the settlement of Mergen 6:

1 — bone plate; 2 — phalanx in the form of a «tree»; 3 — fragment of a comb stamp; 4 — a fragment of a disk from a slate with a hole in the centre; 5 — horn handle; 6 — stone knife; 7 — clay embryo-shaped figures.

Вопрос о хронологической позиции анализируемого комплекса поселения Мергень 6 при практически полном отсутствии данных радиоуглеродного датирования является открытым и дискуссионным. Единственная дата, возможно связанная с этим комплексом, по углю, собранному из прокала жилища 2 поселения Мергень 6, — 3940 ± 210 л.н. (ИГАН 1839) [Зах, 2009, с. 260] (калиброванное значение при достоверности 64,2 % — 2700–2100 BC), т.е. время бытования объекта определяется III тыс. до н.э.

Как нам представляется, небольшой участок побережья р. Мергеньки, где существовал поселок эпохи раннего неолита, вновь заселяется в конце периода раннесуббореального похолодания — начале потепления (по Н.А. Хотинскому [1977, с. 163]). Несколько ранее в Нижнее Приишимье из Притоболья проникают отдельные группы шапкульского населения, изготавливавшего посуду с гребенчатой орнаментацией. В это время на территории Приишимья развивается автохтонная екатерининская культура, население которой оставило комплексы с посудой, орнаментированной гребенчато-ямочными узорами. Шапкульцы постепенно интегрируются в его среду. Проникновение, на наш взгляд, было незначительным как по продолжительности, так и по интенсивности. Шапкульское население постепенно было ассимилировано носителями екатерининской культуры (екатерининского этапа).

На александровском этапе происходит распространение культуры на широкой территории Западной Сибири. Носители гребенчато-ямочной орнаментальной традиции проникают в лесостепное Притоболье, на р. Конду, в бассейны Таза и Енисея.

В отличие от степных территорий Восточной Европы, Алтая и Средней Азии, обитатели которых в этот период уже знали металл, занимались скотоводством и земледелием, население лесостепных и южно-таежных территорий продолжало изготавливать орудия из камня и кости (на памятниках редки металлические предметы). Хозяйство оставалось присваивающим, наряду с охотой и собирательством большую роль играло, вероятно, запорное рыболовство, а возможно, и сетевое, хотя в Приишимье, Прииртышье и Барабе отсутствуют глиняные грузила, часто встречающиеся в Притоболье [Зах, 2018]. Ловили в основном караса средних размеров, других представителей карповых, а также окуня и щуку. Хорошая сохранность костей на поселении Мергень 6 позволила определить видовой состав животных [Косинцев, Некрасов, 1999]. В начале эпохи раннего металла обитатели поселка у истока р. Мергеньки охотились на лося, медведя, кабана, дикую лошадь, для меха добывали лисицу, волка, вероятно, зайца. Судя по костям *Canis* sp. (найденным в жил. 2), «которые могли принадлежать крупной собаке или некрупному волку» [Там же, с. 101], жители поселка охотились, скорее всего, с собаками, по размерам сопоставимыми с существовавшими в неолитическое время. В слоях раннего металла встречены также единичные кости серошекой поганки.

Возможно, с рассматриваемым поселенческим комплексом связано открытое, но пока не исследованное святилище Мергень 5. Умерших в это время хоронили в грунтовых могильниках, по обряду труположения на спине. Погребальный инвентарь представлен каменными орудиями, украшениями, иногда посудой и/или ее обломками. В этот период на широкой территории Евразии отмечаются культ плодородия и сооружения, связанные с его отправлением. Например, в Приишимье на поселении Мергень 6 в жилище 11 с посудой александровского типа обнаружена глиняная скульптурка спеленутого младенца.

В обществах переходного времени от эпохи камня к металлу происходят значительные изменения, несмотря на сохраняющиеся пережитки прошлого периода в экономике. Сокращается количество найденных на поселениях каменных орудий, меняется сырье, из которых они изготовлены. На смену качественному кремню приходят зернистые кремнистые песчаники и кварциты. Все эти изменения характерны и для рассмотренного комплекса поселка Мергень 6, существовавшего на мысу у истока р. Мергеньки из оз. Мергень, одного из значительных по площади и рыбным ресурсам водоема в лесостепном Приишимье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. № 4. С. 57–70.
- Волков Е.Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 22–35.
- Волков Е.Н. К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 4–15.

Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишимья

- Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 55 с.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Зах В.А. Рыболовство в Тоболо-Ишимье в эпоху неолита и раннего металла // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 182–192.
- Зах В.А., Скочина С.Н. Глиняная скульптурка из комплекса с гребенчато-ямочной посудой поселения Мергень 6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 116–122.
- Косинская Л.Л. Поселение Ир 2 // Древние поселения Урала и Западной Сибири // ВАН. 1984. № 17. С. 45–55.
- Косинцев П.А., Некрасов А.Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу озера Мергень (Мергень 5 и 6) в неолите и энеолите // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 100–106.
- Крижевская Л.Я. Стоянка Пахомовская Пристань 3 // ВАН. 1969. Вып. 8. С. 48–56.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П. Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического района // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 76–114.
- Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). Препринт. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. 80 с.
- Скочина С.Н. Хозяйство жителей энеолитического поселения Мергень 6 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. С. 57–70.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 199 с.

V.A. Zakh, E.N. Volkov

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: viczakh@mail.ru

THE POTTERY COMPLEX OF THE MERGEN 6 EARLY METAL SETTLEMENT IN THE ISHIM AREA

In ancient times, two regions with different ornamental traditions were formed on the Tobol-Ishim territory. In the Early Neolithic Epoch, the tradition of combed ornaments began to develop in the Tobol area, whereas, at the end of the developed Neolithic period, the tradition of pit-comb pottery began to take shape in the Ishim area and in more eastern regions. These traditions had existed almost without mixing until the third millennium BC. Subsequently, pit-comb pottery complexes spread over the wide territory of Western Siberia from the steppes of Kazakhstan to the Taz peninsula, as well as from the Urals to the Yenisei. Since that time, comb impressions combined with pit rows along the vessel body had been observed in the ceramics of the Early Metal and pre-Andronovo Bronze periods in the Tobol area. In the late Bronze Age, the pit-comb ornamental tradition gradually started to restore its former borders. Bayryk culture complexes indicate that the population carrying pit-comb pottery started to spread in the western direction, including in the Tobol area. These complexes were in many respects similar to the pottery and inventory of the Mergen 6 settlement from the Ishim area. Due to the well-preserved state of organic remains (bone tools, actual bones of large and small mammals, as well as remains of fish bones and scales) in the cultural layer of the settlement, the complex is one of the most informative among the sites of the Early Metal Period. The ware found in the settlement has a wide range of analogies in synchronous cultures from forest and steppe territories. Judging by the site location (at the head of the river Mergenka outflowing from lake Mergen), osteological materials and inventory, the settlement population had appropriating economy, possibly with a predominance of fishing (weir fishing). A close resemblance of the Mergen 6 settlement ware and Bayryk complexes from the Tobol area suggests that the latter were formed on a local basis with the presence and adaptation of newly-arrived groups from the Ishim area among the local population.

Key words: Western Siberia, Tobol-Ishim area, Ishim area, Mergen 6, ceramics, comb-pit ornamental tradition, inventory, farming, migration.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-005-020

REFERENCES

- En'shin D.N. (2014). Neolithic dwellings of lake Mergen settlements. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 14–23.
- Khotinskii N.A. (1977). Holocene of Northern Eurasia, Moscow: Nauka.
- Kosinskaia L.L. (1984). The settlement Ir 2. *Voprosy arkheologii Urala*, (17), 45–55.

- Kosintsev P.A., Nekrasov A.E. (1999). Fishing activities of people from settlements located on the shores of lake Mergen (Mergen 5 and 6) in the Neolithic and Eneolithic. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv* (pp. 100–106), Tiumen': IPOS SO RAN.
- Krizhevskaya L.Y. (1969). The site of Pakhomovskaya Pristan' 3. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 48–56.
- Matveev A.V., Zakh V.A., Larin S.I., Driabina L.A., Matveeva N.P. (1997). Prehistoric cultures and paleogeography of the Mergen archaeological region. *Arkheologicheskie mikroraiony Zapadnoi Sibiri* (pp. 76–114), Omsk: OmGU.
- Panfilov A.N. (1993). *Multi-layer settlement of Serebryanka 1 in Lower Ishim river basin: (Results of field studies)*, Tiumen': IPOS SO RAN.
- Skochina S.N. (2005). The household of the inhabitants of the Eneolithic settlement Mergen 6. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (5), 57–70.
- Volkov E.N. (2002). Eneolithic complex of the settlement Dvuozerne 1. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 57–70.
- Volkov E.N. (2007). Lybayevsky antiquities of the forest-steppe Tobol river basin (The Eneolithic). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (7), 22–35.
- Volkov E.N. (2009). To the problem of studying the Eneolithic cultures of the Tyumen Tobol river basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (11), 4–15.
- Zakh V.A. (2006). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Forest Tobol-Ishim basin*. Avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk. Novosibirsk.
- Zakh V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Forest Tobol-Ishim basin*, Novosibirsk: Nauka.
- Zakh V.A. (2018). Fishing in Tobol-Ishim basin in the Neolithic and Early Metal. *Samarskii nauchnyi vestnik*, (25), 182–192.
- Zakh V.A., Skochina S.N. (2004). Clay sculpture of the complex with comb-dimpled dishes of the settlement Mergen 6. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, (4), 116–122.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 04.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

В.В. Илюшина*, С.Н. Скочина*, А.В. Кисагулов**

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003

E-mail: vika_tika@mail.ru;
sveta_skochina@mail.ru

**Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144
E-mail: akis9119@gmail.com

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ БОЧАНЦЕВО 1)

Представлены предварительные итоги исследования древностей алакульской и федоровской культур эпохи поздней бронзы поселения Бочанцево 1 в лесостепном Притоболье. Анализ палеозоологического материала, костяного, глиняного и бронзового инвентаря позволил охарактеризовать хозяйственную деятельность и занятия населения, связанные с гончарным, кожевенным производствами, металлопроизводством, ткачеством, обработкой добычи.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, эпоха поздней бронзы, алакульская культура, федоровская культура, хозяйство, производственная деятельность, трасологический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-021-035

Работа выполнена по госзаданию: проект № АААА-А17-117050400147-2.

Введение

Палеоэкономике древнего населения Западной Сибири, и в частности Тоболо-Ишимского междуречья, включающей хозяйственную деятельность и различные виды производств, обеспечивающих стабильность существования обществ, посвящено немало исследований по материалам отдельных культурно-хронологических групп населения и обобщающих работ [Косарев, 1981, 1991 и др.]. В то же время данная проблематика далеко не исчерпана ввиду недостатка источников — редкости однослойных либо хорошо стратифицированных многослойных археологических памятников, различной сохранности, а порой полного отсутствия археозоологических остатков и изделий из органических материалов, незначительного количества коллекций, позволяющих реконструировать системы жизнеобеспечения древних обществ. Не являются исключением и немногочисленные комплексы алакульской и федоровской культур, локализованные в лесостепной и подтаежной зонах Нижнего Притоболья.

На сегодняшний день в пределах означенного региона исследования проведены на четырех памятниках, содержащих алакульские древности, и на шести федоровских объектах. По материалам большинства из них реконструированы основные направления хозяйственной деятельности, получены данные, характеризующие особенности металлопроизводства, изучено большинство поселенческих керамических коллекций, выявлены основные виды производств и их специфика, имеются сведения по палеоклиматической ситуации в регионе в период освоения территории Притоболья этими группами населения [Матвеева и др., 2003, с. 54–55, 61; Зах, 1995, с. 66–68; Матвеев, 1998, с. 405–411; 2014, с. 60–62; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 44, 67; Костомарова, Флек, 2007; Тигеева, 2011, 2015; Дегтярева, Костомарова, 2011; Илюшина, 2017; Костомарова, 2010, 2013; Зах и др., 2018].

Несмотря на результативность исследований, актуальной остается проблема целостной реконструкции жилого ландшафта, палеоэкономики и ее локальных особенностей у групп населения алакульской и федоровской культур. Данная проблема может быть решена лишь на материалах однослойных или хорошо стратифицированных памятников. Одним из таких памятников является поселение Бочанцево 1, предварительным итогам изучения которого посвящена настоящая работа.

Поселение Бочанцево 1 расположено на восточном берегу одноименного озера на границе Курганской и Тюменской областей (рис. 1, 1, 2). В процессе работ здесь обнаружены остатки сооружений и культурный слой, содержащие в основном материалы боборыкинской культуры

эпохи неолита, федоровской и алакульской культур позднебронзового времени и саргатской культуры раннего железного века. В настоящем исследовании основное внимание сосредоточено на коллекции позднебронзового периода, хотя и незначительной по объему, но представленной разнообразными находками — керамикой, костяным и глиняным инвентарем, археозоологическими остатками. Кроме того, для рассматриваемого периода получены спорово-пыльцевые данные, по которым реконструировано природное окружение проживавшей на территории поселка группы населения [Рябогина и др., 2018].

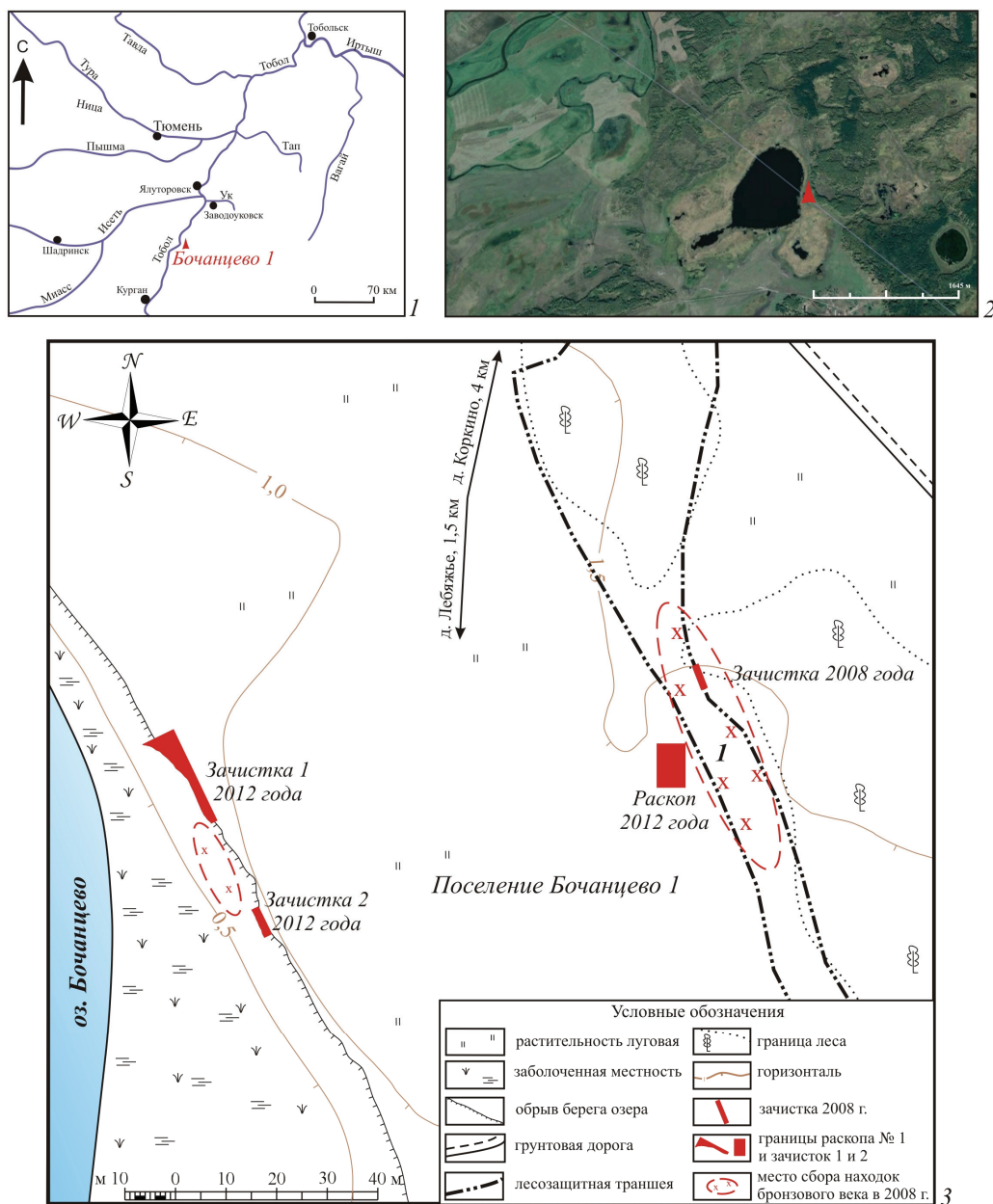

Рис. 1. Карта-схема (1), космоснимок (2) месторасположения и план-схема (3) поселения Бочанцево 1.
Fig. 1. The map-scheme (1), landscape image (2) of location and scheme (3) of the settlement Bochantsevo 1.

Результаты полевых исследований

Поселение Бочанцево 1 открыто в 1972 г. В.Т. Петриным, датировавшим его эпохой развитой бронзы. Площадь памятника определена в 5 тыс. м² [Археологическая карта..., 1993, с. 48]. В 2008 г. место расположения памятника обследовано О.Ю. Зиминной. Рельефных признаков остатков сооружений на площади поселения не зафиксировано. В восточной части памятника,

удаленной от озера на 0,1 км, проведена зачистка противопожарной траншеи и обнаружены материалы бронзового века. Обломки сосудов и остеологические остатки собраны в разрушениях на протяжении 80 м вдоль кромки леса и в осыпи береговой линии озера. Таким образом, площадь памятника была оценена как значительно более обширная (не менее 10 тыс. м²) [Зими́на, 2009].

В 2012 г. Упоровским отрядом Тоболо-Ишимской археологической экспедиции Института проблем освоения Севера СО РАН под руководством В.В. Илюшиной рекогносцировочным раскопом 1 площадью 40 м² и зачистками 1 и 2 общей площадью 58 м² исследовано три участка в восточной и западной частях поселения (рис. 1, 3).

Раскоп 1 заложен в восточной части поселения, где в 2008 г. была обнаружена керамика позднебронзового периода. Однако в результате работ на его площади выявлены 37 разрозненных фрагментов сосудов и лишь одна яма, соотносящиеся со временем обитания здесь населения эпохи поздней бронзы, но частично исследованы остатки двух сооружений саргатской культуры раннего железного века. По 27 орнаментированным фрагментам венчиков и стенок сосудов эпохи бронзы установлено, что 4 из них принадлежат одному изделию черкаскульской культуры, а остальные экземпляры соотносимы с алакульской культурной традицией (рис. 3, 1, 2).

В 90 м к западу от раскопа на двух участках береговой линии озера в единой сетке заложены зачистки 1 и 2 на расстоянии 18 м друг от друга (рис. 2). В результате исследований выявлено, что западная часть поселения осваивалась древним населением в разные периоды эпохи неолита, в энеолите и эпоху поздней бронзы. На площади зачистки 2 были найдены лишь несколько фрагментов неолитической и энеолитической керамики, но объектов, достоверно связанных с этими периодами, не обнаружено. Экземпляры керамики более поздних периодов, залегающие в верхних горизонтах, единичны.

В процессе работ зафиксировано, что верхняя часть культурного слоя нарушена в результате прохождения тяжелой техники. Мощность культурного слоя без следов разрушений составила от 0,2–0,75 м до 1,35 м. Остатки двух сооружений, котлованы которых частично попали в площадь зачистки 1, судя по находкам керамики, относились к неолитической боборыкинской культуре. Культурный слой неолитического периода сложен в основном серой супесью, являвшейся заполнением котлованов жилищ, а также ям внутри них и на межжилищном пространстве.

С эпохой энеолита, судя по находкам, связаны ямы №№ 1, 2 и 4, расположенные в северо-западной части площади зачистки 1. Заполнением ям служила супесь серо-коричневого оттенка. Этот же слой зафиксирован в верхней части заполнения котлована сооружения 1 и также содержал разрозненные фрагменты энеолитической керамики (гребенчато-ямочная, ямочно-накольчатая) и более позднего периода эпохи неолита, предположительно сосновоостровской культуры.

В процессе работ установлено, что культурный слой, связанный с ранними периодами обитания древнего населения на территории поселка, был перекрыт стерильной прослойкой темно-серой гумусированной супеси мощностью 0,05–0,2 м. Глубина ее залегания от уровня современной дневной поверхности на разных участках колеблется в пределах 0,5–0,7 м. На фоне этой прослойки отмечались остатки заполнений ям и, по всей вероятности, сооружений эпохи бронзы. В результате анализа спорово-пыльцевых данных из этого слоя установлено, что он является остатками серой лесной почвы, постепенно трансформировавшейся в луговую, и выступал древней поверхностью для коллектива эпохи поздней бронзы [Рябогина и др., 2018, с. 42].

Со временем существования на берегу оз. Бочанцево поселка позднебронзового периода связаны слои мешаной коричневой с рыжими и темно-серыми пятнами, мешаной рыжей с темно-серыми и темно-коричневыми пятнами и темно-коричневой гумусированных супесей мощностью от 0,3 до 0,5 м, залегающих между верхним нарушенным слоем и описанной стерильной прослойкой. Планиграфические наблюдения в процессе работ не выявили достаточно четких очертаний контуров жилищ этого периода, но анализ стратиграфических разрезов позволяет предполагать существование здесь слабо углубленных в грунт сооружений. Из изученных объектов с периодом поздней бронзы достоверно связан колодец, частично попавший в площадь зачистки 2, и часть зафиксированных здесь ям.

Основным заполнением колодца являлась черная гумусированная супесь с прослойками серой, мешаной рыжей с темно-серыми и темно-коричневыми пятнами супесей и суглинка темно-желтого цвета (затеки материка). Размер исследованной части колодца 0,8×1,9 м, глубина 0,86 м от уровня материка. В заполнении обнаружены фрагменты керамики и костей животных. Особенности заполнения колодца характерны для подобных объектов, изученных на других поселениях в Нижнем Притоболье [Зах, 1995; Зах и др., 2013, с. 12–13, рис. 2].

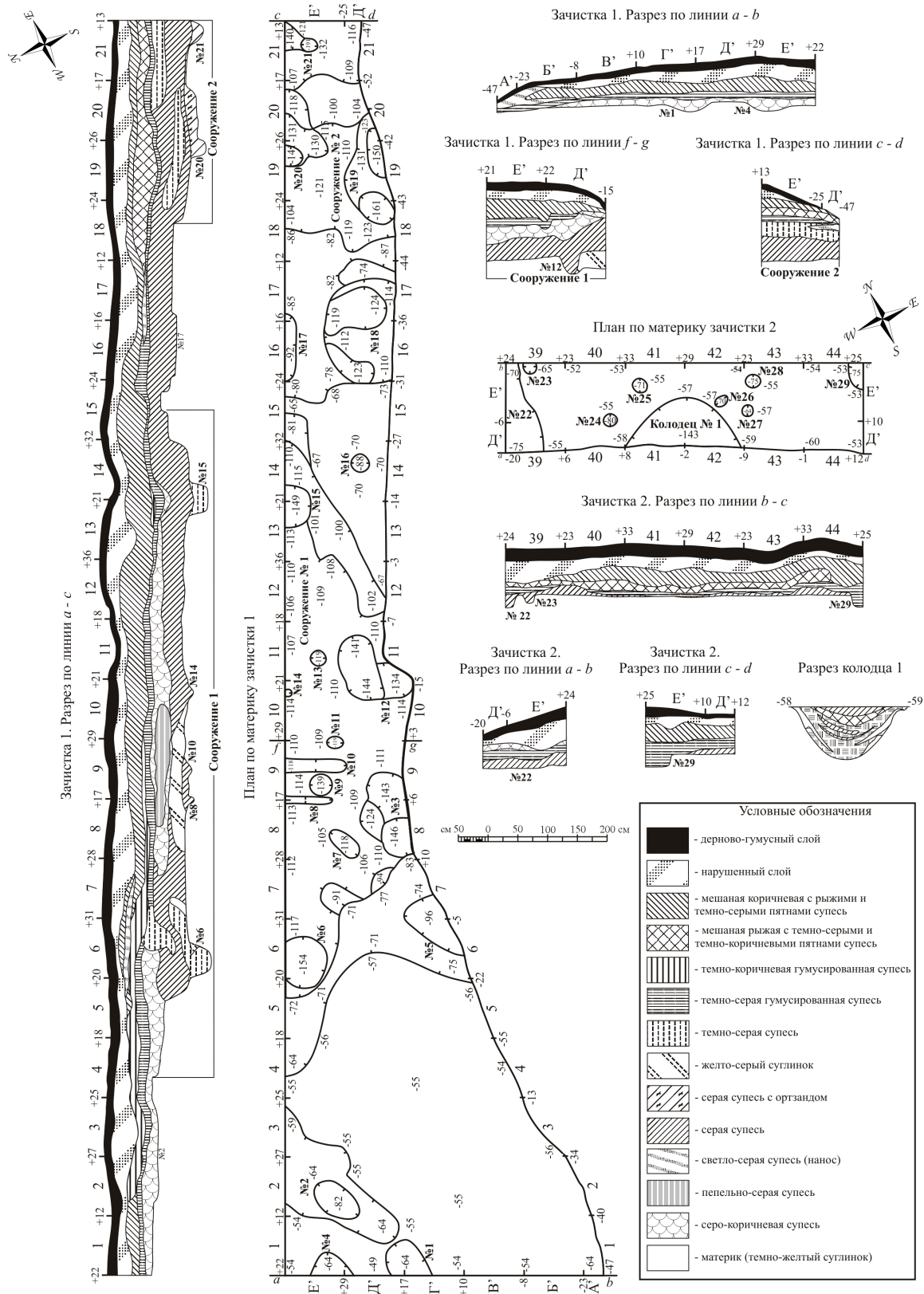

Рис. 2. Планы и стратиграфические разрезы зачисток 1 и 2 на поселении Бочанцево 1.
Fig. 2. General plan of structure investigated and stratigraphy of reconnaissance excavations 1 and 2 on the settlement Bochantsevo 1.

Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы...

Остальные объекты, исследованные зачисткой 2, представлены 8 ямами. Ямы №№ 23–28, вероятно, являлись столбовыми. Можно предположить, что ямы №№ 24–27, располагавшиеся вокруг колодца, составляли часть конструкции, возведенной над ним.

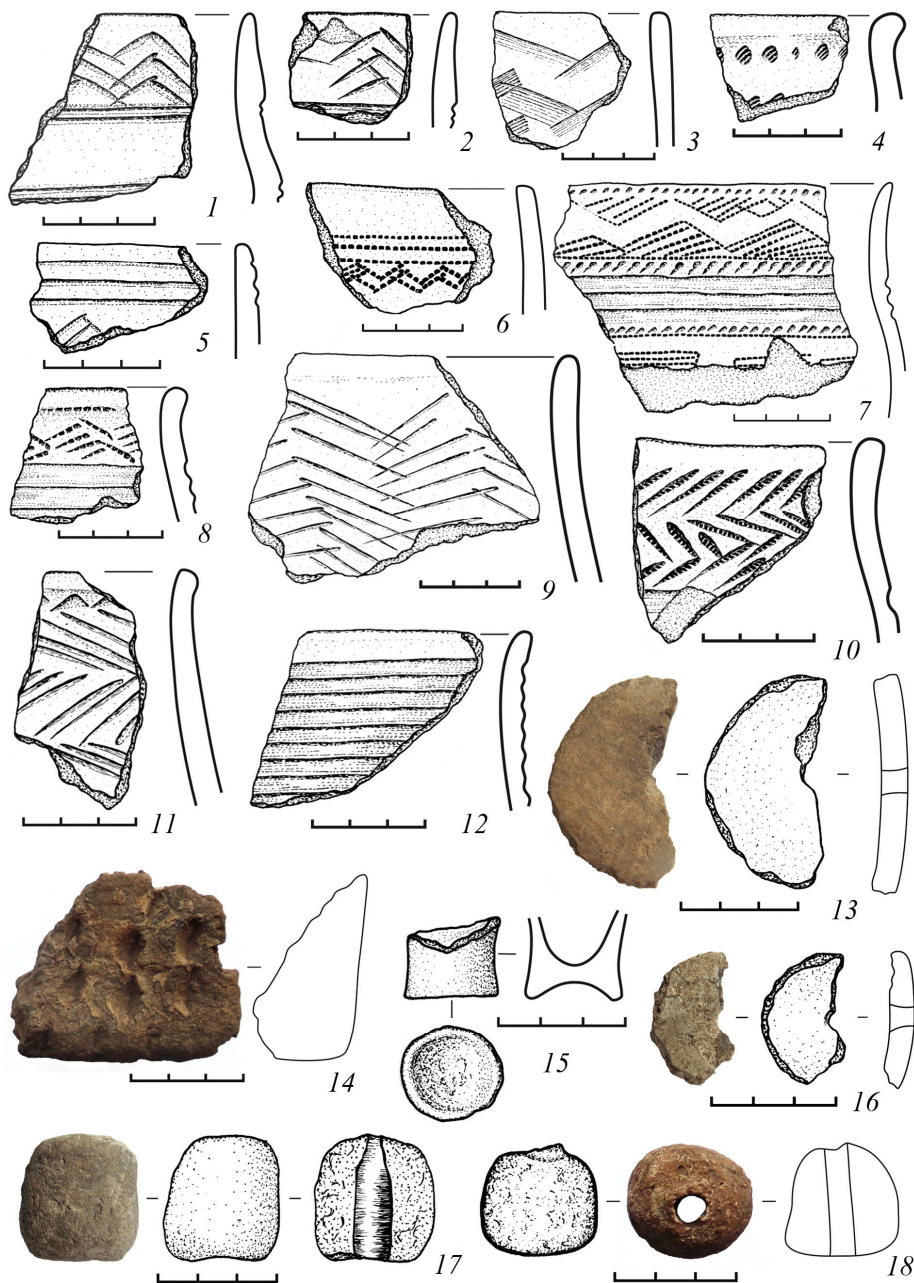

Рис. 3. Керамика и глиняный инвентарь алакульской и федоровской культур поселения Бочанцево 1: 1, 2 — керамика алакульской культуры из раскопа 1; 3–6 — керамика алакульской культуры из зачисток 1 и 2; 7–12 — керамика федоровской культуры; 13, 16 — фрагменты пряслиц; 14 — обломок глиняного изделия с ногтевыми вдавлениями; 15 — фрагмент сосулика; 17, 18 — глиняные изделия цилиндрической формы.

Fig. 3. The ceramics and equipment from clay of the Alakul and Fedorovo cultures of the settlement Bochantsevo 1: 1, 2 — the ceramics of the Alakul culture from the excavation 1; 3–6 — the ceramics of the Alakul culture from the reconnaissance excavations 1 and 2; 7–12 — the ceramics of the Fedorovo culture; 13, 16 — the fragments of spindle whorl; 14 — fragment of clay product with nail impressions; 15 — fragment of the miniature vessel; 17, 18 — the clay cylindrical products.

В ходе исследования зачисток 1 и 2 обнаружено 757 фрагментов керамики, значительная часть которых относится к позднебронзовому времени (не менее чем от 82 сосудов по шей-

кам)¹. С федоровской культурной традицией сопоставима основная масса фрагментов венчиков и орнаментированных стенок комплекса (рис. 3, 7–12). Анализ морфологических особенностей, техники нанесения и элементов орнамента 19 фрагментов позволяет достоверно соотнести их с алакульской традицией (рис. 3, 3–6). Кроме керамики получены довольно представительная палеозоологическая коллекция и изделия из кости, глины и бронзы. Таким образом, весь комплекс данных позволяет реконструировать основные производства и хозяйственную деятельность группы населения, проживавшего на территории поселка.

Результаты исследования инвентарного комплекса

Коллекция инвентаря, соотносимая с позднебронзовым периодом, незначительна, представлена предметами из глины (11 экз.), кости (15 экз.), бронзы (1 экз.).

Трасологический анализ орудий выполнен с помощью исследовательского микроскопа Olympus BX51 и цифровой фотокамеры ProRres C10, также использовался микроскоп «МСП-1».

Ассортимент орудий из кости включает изделия из ребер (5 экз.), проколки (2 экз.), альчики (5 экз.), кроме того имеются наконечник стрелы, грузило и обломок полой трубочки.

Охотничье вооружение представлено наконечником стрелы длиной 12,5 см и толщиной около 1 см (рис. 4, 11). Наконечник вытянуто-треугольной формы в плане и треугольной формы в сечении, с клиновидным черешком, срезанным с двух сторон и частично заточенным на абразиве. На острие наконечника отсутствует характерный скол, образующийся от метательного действия, но сломан черешок, что может свидетельствовать о незначительном или недолгом использовании. По характеру поражающего действия наконечник является колющим [Погодин, Труфанов, 1993].

Для разделки рыбы использовались обломки ребер (2 экз.). У первого обломка, шириной около 2,5 см (рис. 4, 3), волнистое в плане лезвие, с тенденцией к вогнутости. После довольно значительного использования лезвие было заново заострено с двух сторон с помощью строга. Визуально одна поверхность орудия значительно светлее другой. Основная концентрация линейных следов приходится на одну сторону (рис. 4, 3А), на другой они эпизодичны. Следы представлены тонкими рисками и царапинами, расположенными перпендикулярно и наклонно относительно длинной оси орудия. Единично встречаются продольные длинные риски, расположенные вдоль лезвия. Заполировка яркая, зеркальная. На втором ребре особой обработки не фиксируется, на одном его продольном крае и на кромке наблюдается скругленность, в зоне которой есть параллельные друг другу и перпендикулярные длинной оси короткие риски. Кроме того, на одной поверхности наблюдаются редкие длинные сгруппированные царапины и рассеянная заполировка. Данный вид следов характеризует поступательные движения «на себя» и связан с чисткой рыбы от чешуи.

С *сетевым рыболовством* связано грузило с крестовидным перехватом из половины таранной кости крупного животного (5,8×3,1×1,9 см). Форма и перехваты переданы с помощью разрубов и пропилов, скорее всего, металлическим изделием, на что указывают тонкие сгруппированные царапины (рис. 4, 4).

Кожевенное производство, обычно представленное широким ассортиментом орудий, демонстрируют всего две проколки (рис. 4, 9, 10). Они изготовлены из тонких обломков костей и представляют собой стерженьки длиной 5,8 и 4,1 см, толщиной около 0,6 см, в сечении подквадратной формы. Пришлифовкой оформлены острие и частично продольные края. Кончики острий у проколки затуплены от использования. Сработанность выражена в виде жирной заполировки и редких длинных и коротких рисок, идущих от острия параллельно длинной оси орудий.

В *керамическом производстве* использовались шпатели из ребер животных. Первый шпатель (19×2,9×0,4 см) изготовлен из расщепленного вдоль ребра и имеет два рабочих конца. Один конец подквадратный, другой был заострен (впоследствии сломан) (рис. 4, 8). Кромка продольных краев скруглена. На ней фиксируются короткие плотно прилегающие друг к другу царапины, расположенные перпендикулярно длинной оси орудий (рис. 4, 8А). На рабочей поверхности отмечаются длинные и короткие царапины, расположенные поперек длинной оси изделия. Поперечные царапины локализируются в середине рабочей поверхности, короткие у краев, они часто пересекаются друг с другом. У острого противоположного рабочего конца ха-

¹ Результаты технико-технологического анализа и сравнительная характеристика керамики алакульской и федоровской культур, полученной в ходе исследования поселения Бочанцево 1, приведены в публикации В.В. Илюшиной «Технология изготовления керамики у населения алакульской и федоровской культур поселения Бочанцево 1» в данном номере журнала.

Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы...

характеристика следов иная — преобладают короткие хаотичные царапины, присутствуют сгруппированные длинные царапины (рис. 4, 8Б). Заполировка пятнистая, тусклая, неглубоко проникающая в микрорельеф. Судя по характеру следов, данное орудие, вероятнее всего, являлось комбинированным: им обрабатывали поверхность глиняных сосудов, не исключено использование его в качестве кочедыка и ножа для чистки рыбы.

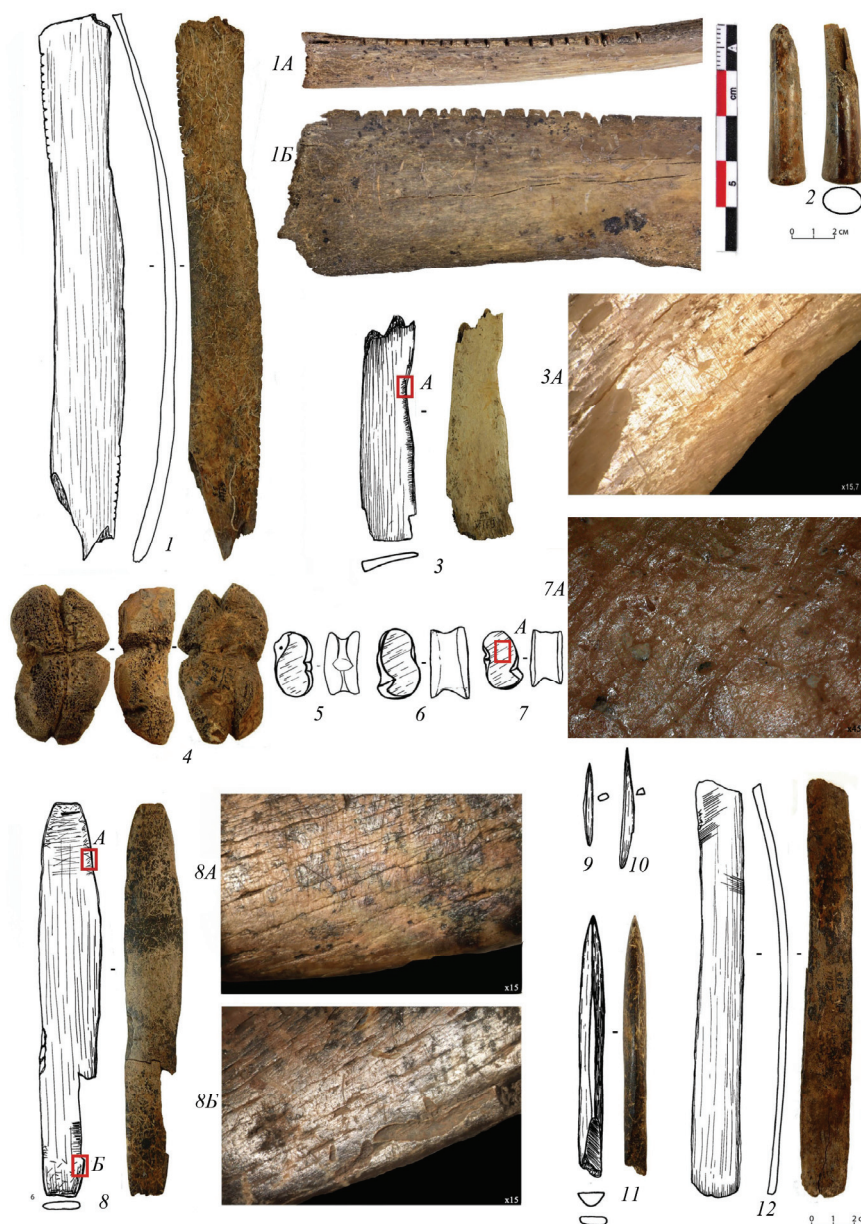

Рис. 4. Костяные орудия поселения Бочанцево 1:

1 — изделие из ребра (заготовка гребенчатого шпателя); 1А, Б — макрофото участка с нарезками; 2 — трубочка; 3 — нож для чистки рыбы; 3А — микрофото следов сработанности на лезвии ножа; 4 — грузило; 5–7 — астрагалы; 7А — микрофото пришлифовки на боковой стороне астрагала; 8 — комбинированное орудие; 8А — микрофото сработанности от работы по глиняной поверхности; 8Б — микрофото сработанности от использования в качестве кочедыка и для снятия чешуи (?); 9, 10 — проколки; 11 — наконечник стрелы; 12 — шпатель (?).

Fig. 4. The implements from bone of the settlement Bochantsevo 1:

1 — product from a rib (preparation of a comb trowel); 1А, Б — macrophotograph of the site with cuts; 2 — tubule; 3 — the knife for cleaning fish; 3А — microphotograph of traces of wear on a knife blade; 4 — sinker; 5–7 — knucklebone; 7А — microphotograph of grinding on the side of the knucklebone; 8 — the combined tool; 8А — microphotograph of traces of wear from the work on the clay surface; 8Б — microphotograph of traces of wear from the work as a instrument for the weaving and removing scales of fish (?); 9, 10 — punctures; 11 — arrowhead; 12 — spatula (?).

Второе изделие из ребра, длиной 20 см, шириной около 2 см, подпрямоугольной формы в плане и в сечении, в профиле изогнутое (рис. 4, 12), использовалось в качестве шпателя для обработки поверхности сосудов недолго. Поверхность не обработана, а продольные края выровнены строганием. Слабая сработанность локализована на выпуклой стороне орудия ближе к одному поперечному краю. Линейные следы расположены у двух продольных краев и представлены наклонными длинными параллельными друг другу царапинами. Ближе к кромке рабочего края присутствуют короткие пересекающиеся царапины. Заполировка слабая, пятнистая.

У третьего изделия (длина около 24 см) на двух его противоположных продольных краях с помощью нарезки нанесены зубчики (рис. 4, 1А, 1Б). На одной из поверхностей фиксируются пятна тусклой заполировки (рис. 4, 1). На одном крае на нескольких зубчиках имеются сглаженность и незначительный блеск. Данное орудие использовалось в работе недолго, скорее, изначально изделие применялось для других операций, а затем на его краях вырезали зубчики.

В единственном экземпляре имеется обломок полой трубочки² диаметром 1,6 см. Поверхность данного изделия очень хорошо заполирована мягким материалом, на конце, на срезе, имеются следы от шлифовки. Функциональное назначение определить затруднительно. Для данного типа изделий имеется достаточно много вариантов возможного использования: в качестве игольников; трубки, вставляемой в бурдюк для питья; «раздойников» [Красильников, 1979, с. 85–86]. Аналогичные предметы обнаружены на поселениях Черемуховый Куст, Язево I [Зах, 1995, с. 54–55, рис. 37, 10; Потемкина, 1985, с. 64, 66, рис. 17, 6, 9].

С предметами непроизводственной деятельности связаны *астрагалы* (5 экз.), найденные в скоплении. Изделия выполнены из таранных костей мелкого рогатого скота, размер изделий варьирует от 2,9 до 3,5 см (рис. 4, 5–7). У четырех две боковые поверхности шлифованы на каменном абразиве (рис. 4, 7А), на последнем одна поверхность подшлифована и фиксируется сквозное отверстие диаметром около 1 мм. Об использовании астрагалов говорит сглаженность краев, залощенность и блеск особенно в зоне шлифовки. Находки игральные кости, а именно так традиционно интерпретируют данную категорию изделий [Епимахов, Берсенева, 2015], не уникальны и имеют широкие территориальные и культурно-хронологические рамки бытования, но в поселенческих комплексах рассматриваемого региона астрагалы довольно редки.

Находки из глины на поселении немногочисленны (11 экз.), назначение большинства из них остается не выясненным.

С *ткачеством* связаны два фрагмента пряслиц диаметром 3,3 и 5,5 см, представленных изделиями из обломков сосудов, оббитых по краям для придания формы, и с просверленным в центре отверстием (рис. 3, 13, 16).

Вероятно, в качестве грузиков использовались *глиняные изделия цилиндрической формы* со сквозными отверстиями (рис. 3, 17, 18). Размеры изделий 2,5×3,1 и 3,1×3,0 см. Подобный предмет, но значительно большего размера обнаружен на поселении Курья 1 и интерпретирован Ю.В. Костомаровой как рыболовное грузило [2011, с. 33]. Не исключено, что изделия могли использоваться в ткачестве.

Назначение фрагментов *глиняных изделий с глубокими ногтевыми вдавлениями* (7 экз.) (рис. 3, 14), предположительно кубической формы, не выяснено. Ближайшие аналогии прослеживаются на поселении Язево I, где изделия интерпретированы Т.М. Потемкиной как кирпичики [1985, с. 69, рис. 20, 6], а также в материалах кротовской культуры поселения Туруновка-4 в Барабинской лесостепи [Молодин, 1985, с. 70–72].

Занятие *металлопроизводством* позднебронзовым коллективом на поселении Бочанцево 1 документируется находками *сплеска бронзы* и *бронзового двулезвийного ножа* с удлиненным узким насадом, плавно переходящим в листовидный клинок, с ребром жесткости с одной стороны рабочей части. Длина изделия 11 см, длина клинка — 6,2 см, ширина — 2,5 см, длина насада — 4,8 см, ширина — 1,0–1,6 см.

Рентгенофлуоресцентный и металлографический анализы³ ножа показали (табл. 1), что изделие отлито из низколегированной оловом бронзы (Sn 2,83 %) в односторонней литейной

² Данное изделие обнаружено в ходе обследования осыпи берега озера. Соотнесено с комплексом позднебронзового периода исходя из обнаружения аналогичных предметов на поселениях алакульской и федоровской культур, а также в связи с отсутствием планиграфических и стратиграфических свидетельств наличия культурных слоев более поздних периодов.

³ РФА выполнен в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, металлографический анализ — в ТюмНЦ СО РАН. Авторы выражают искреннюю признательность к.и.н. А.Д. Дегтяревой (ТюмНЦ СО РАН) и к.и.н. С.В. Кузьминых (Институт археологии РАН) за предоставленную возможность публикации результатов аналитического исследования.

Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы...

форме с плоской крышкой. После литья отливка подвергалась доработочным операциям, направленным на растяжку и заострение лезвийной части, сопровождавшимся 60–70%-ным обжа-тием металла. Судя по отсутствию трещин красноломкости, неизбежных в присутствии красно-ломких составляющих, ковка велась в холодную и сопровождалась промежуточными отжигами при 600–800 °С (рис. 5).

Таблица 1

Результаты рентгенфлуоресцентного анализа ножа с поселения Бочанцево 1*

Table 1

Results of X-ray fluorescence analysis of the knife of the settlement Bochantsevo 1

№ структ. анал.	№ РФА	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1146	49766	Осн.	2,83	0,1	—	0,04	0,04	0,05	0,04	0,17	—	—	—

* Рентгенфлуоресцентный анализ выполнен в лаборатории Института археологии РАН.

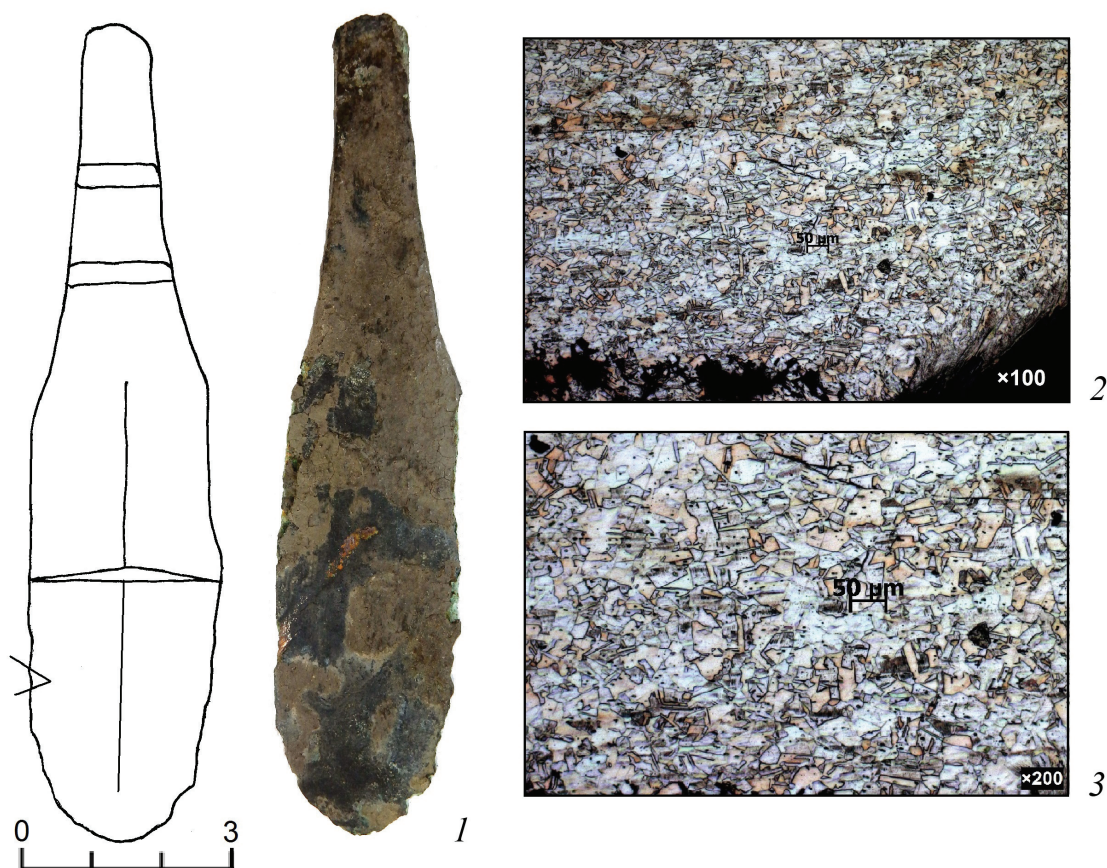

Рис. 5. Нож и фотографии его микроструктуры (ан. 1146, срез лезвия).
Fig. 5. The knife and photos of its microstructure (an. 1146, blade section).

По морфолого-типологическим характеристикам найденное на поселении изделие отличается от известных на сегодняшний день ножей в материалах памятников и алакульской, и федоровской культур. Ножи такого типа единичны в более поздних комплексах, в частности черкакульской культуры [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 32–33, рис. 1, 6]. В то же время ближайшие аналогии обнаруживаются в материалах синташтинской культуры (ножи первого типа) [Дегтярева, 2010, с. 103–105, рис. 46, 1–11]. Сходство прослеживается с некоторыми экземплярами петровской культуры [Потемкина, 1985, с. 126–127, рис. 47, 6; Аванесова, 1991, рис. 4, 39; Новиков и др., 2014, с. 31, рис. 6, 1, 2; Купрянова, Зданович, 2015, с. 10, рис. 8, 1]. Технология изготовления изделия с поселения Бочанцево 1 сопоставима с традициями металлообработки пет-

ровской культуры [Виноградов и др., 2013] и культур позднего бронзового века Тоболо-Ишимья [Дегтярева, Костомарова, 2012]. Однозначный вывод о культурной принадлежности ножа в силу малочисленности находок сделать пока невозможно.

Таким образом, комплексный анализ инвентаря с поселения Бочанцево 1 позволил получить информацию об основных видах производств, о технологии обработки и об особенностях использования орудий. Сравнительно-типологический анализ находок показывает сходство изделий поселения с аналогичными материалами памятников эпохи бронзы Тоболо-Ишимского междуречья.

Результаты исследования археозоологической коллекции

Коллекция костных остатков из культурного слоя позднебронзового периода насчитывает 996 экз. Определение их таксономической принадлежности проводилось с помощью атласов [Громова, 1950] и эталонной коллекции музея ИЭРиЖ УрО РАН. Кости рыб и птиц до вида не определялись. В описании состава элементов скелета домашних копытных приводятся следующие группы. Кости головы — череп и нижняя челюсть. Изолированные зубы вынесены в отдельную категорию. К костям туловища отнесены все позвонки, ребра, грудина, лопатки и тазовые кости. Проксимальный отдел конечностей представлен плечевой, лучевой, локтевой, бедренной и берцовыми костями. Дистальный отдел конечностей включает метаподии, кости запястья и заплюсны, а также фаланги. Возраст домашнего скота определялся по известным методикам [Grant, 1982; Levin, 1982; Silver, 1969].

В результате проведенных исследований таксономическая принадлежность установлена для 623 костей (62,5%), из которых 611 принадлежат млекопитающим (98%), 8 — птицам (1,3%), 4 — рыбам (0,7%) (табл.1).

Таблица 2

Видовой состав костных остатков из культурного слоя эпохи поздней бронзы поселения Бочанцево 1

Table 2

The species composition of bone remains from the cultural layer of the Late Bronze Age of the settlement Bochantsevo 1

Таксон	Количество костей	%
Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus</i>	322	52
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	218	35
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	57	9
Свинья — <i>Sus scrofa domestica</i>	1	0,1
Собака — <i>Canis familiaris</i>	1	0,1
Волк — <i>C. lupus</i>	2	0,3
Лось — <i>Alces alces</i>	7	1
Сибирская косуля — <i>Capreolus pygargus</i>	3	0,5
Птица — <i>Aves</i>	8	1,3
Рыба — <i>Pisces</i>	4	0,7
Определимые	623	100
Неопределимые	373	—
Всего	996	—

Основу хозяйственной деятельности обитателей позднебронзового поселения Бочанцево 1 составляло скотоводство, о чем свидетельствует доля костей домашних видов (96 %), среди которых доминируют остатки крупного рогатого скота (52 %), несколько ниже доля костей мелкого рогатого скота (35 %), незначительна — лошади (9 %). Возрастной анализ домашнего скота показал, что доля костей молодых особей КРС составляет 11 %, доля новорожденных и эмбрионов одинакова — по 0,6 %. Доля костей молодых особей МРС составляет 13 %, новорожденных — 1 %. Доля костей молодых особей лошади — 14 %. Относительно низкая доля молодых особей (до 2–3 лет) свидетельствует о мясомолочной направленности животноводческого хозяйства.

Остальные из выявленных видов домашних животных представлены единичными костями — это обожженная фаланга молодой особи свиньи и целая метаподия собаки.

Присваивающие отрасли экономики коллектива — охота и рыболовство. Видовой состав диких млекопитающих может свидетельствовать о промысле мясных копытных (фрагментированные кости лося, представляющие кухонные остатки, кости задней конечности особи сибирской косули), пушного зверя (найлены первый и второй шейные позвонки волка). Охота велась и на птицу. Из имеющихся костей рыбы 3 экз. принадлежат карасю.

Таким образом, видовой состав изученных фаунистических остатков обнаруживает существенное сходство с материалами других поселений федоровской и алакульской культур на территории лесостепного и подтаежного Притоболья. Различия проявляются лишь в более высоком проценте доли костей МРС и, напротив, низком — костей лошади на поселении Бочанцево 1, чем на других памятниках [Матвеев, 2014, с. 61, табл. 1; Матвеева и др., 2003, с. 61, табл. 2].

Заключение

Исследования на поселении Бочанцево 1 показали, что культурный слой с остатками сооружений и других объектов эпохи поздней бронзы в основном распространен в западной части памятника, являющейся наиболее перспективной для дальнейших исследований. По результатам комплексного изучения немногочисленной коллекции позднебронзового периода охарактеризованы жилой ландшафт, хозяйственная деятельность и основные виды домашних производств, составлявших систему жизнеобеспечения жителей поселка. К сожалению, малая площадь раскопов не позволила получить данные о домостроительстве этой группы населения.

Судя по данным анализа спорово-пыльцевых спектров, поселение Бочанцево 1 было расположено на открытом месте. Ранее здесь произрастал разреженный березовый лес, но к моменту освоения людьми территория представляла собой разнотравный луг с находящимися поблизости березовыми колками [Рябогина и др., 2018, с. 45]. Полагаем, что такой ландшафт и приуроченность к озеру были наиболее привлекательными для населения, ведущего оседлый образ жизни, занимающегося придомным скотоводством. Впервые продемонстрированы свидетельства о выпасе скота в непосредственной близости от поселения и о начальных признаках перевыпаса (нарушение верхнего слоя почвы или эрозии почвы из-за разрушения дерна при вытаптывании). На это указывает появление в составе непыльцевых палиноморф спор грибов (*Glomus*), растущих на корнях трав [Там же, с. 43].

Население поселка разводило в основном крупный и мелкий рогатый скот. Видовой и возрастной анализы фаунистических остатков свидетельствуют о мясомолочной направленности животноводства у позднебронзового коллектива. Роль присваивающих отраслей, документированных единичными находками костных остатков диких животных в совокупности с редкостью орудий, использовавшихся при их добыче, вероятно, была незначительной. Необходимые продукты (пища и материалы для изготовления одежды и орудий — шкуры, шерсть, кость), по всей видимости, население получало от основного вида хозяйственной деятельности.

Важнейшим материалом для изготовления орудий труда и предметов неутилитарного значения, использовавшихся во многих сферах жизнедеятельности населения, являлась кость. Охотничий и рыболовный промыслы были обеспечены метательным вооружением, орудиями, предназначенными для обработки добычи. В составе домашних промыслов доминировало изготовление керамической посуды, оснащенной костяными шпателями, применявшимися на разных ступенях гончарного производства. Можно утверждать, что немалое значение имело кожевенное производство, несмотря на то что орудийный набор представлен только проколками. О занятии ткачеством говорят находки керамических пряслиц.

Одним из занятий, вероятно, могло быть металлопроизводство, о чем свидетельствуют обнаруженные сплеск бронзы и двулезвийный нож. Нож по своим типолого-морфологическим признакам не вполне соотносится с федоровской или алакульской традициями, хотя на поселении обнаружен керамический материал только этих двух культур.

Сведения о хозяйственной деятельности и видах производств, стратегии использования природных ресурсов у жителей поселения Бочанцево 1, хотя и демонстрируют некоторое своеобразие, в целом показывают сходство с другими алакульскими и федоровскими комплексами на территории Тюменского Притоболья. Некоторые различия проявляются в составе стада. Так, на федоровских поселениях Дуванское XVII, Черемуховый Куст, Щетково 2, Ново-Шадрино VIII, алакульском селище Нижнеингальское-3 среди костных остатков, так же как на Бочанцево 1, преобладают кости крупного рогатого скота. В то же время на перечисленных поселениях представительнее коллекция костей лошади и существенно меньше — мелкого рогатого скота [Матвеева и др., 2003, с. 61; Матвеев, 2014, с. 60–62; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 44, 67]. Обнаружена на поселении Бочанцево 1 и кость свиньи — пока единственный случай в материалах федоровской культуры на рассматриваемой территории. Однако подобная находка известна на алакульском поселении Нижнеингальское-3. Присваивающие отрасли экономики, судя по палеозоологическим данным с перечисленных поселений, также играли вспомогательную роль. Вместе с тем на поселении Черемуховый Куст представлено разнообразие объектов охоты. С

этого же поселения происходит более значительная, чем с других памятников, коллекция костяных наконечников стрел [Костомарова, 2013]. На поселении Бочанцево 1 пока не найдено глиняных лепных грузил с перехватом, традиционно связываемых с рыболовством. Подобные грузила обнаружены на большинстве изученных алакульских и федоровских памятников Притоболья, но в разных количествах: от 2–6 на поселениях Ук III, Щетково 2 и Черемуховый Куст до 19–24 в комплексах Дуванского XVII и Курья 1. Следует отметить также, что впервые в комплексе костяных орудий Бочанцево 1 выделен набор инструментов, использовавшихся в гончарном производстве.

Сопоставление всех полученных данных показывает, что для каждого поселенческого комплекса алакульской и федоровской культур, по крайней мере, на территории Притоболья специфической чертой является некоторое локальное своеобразие хозяйственной и производственной деятельности населения и связанного с ней набора орудий. Это могло быть обусловлено как традициями жизнедеятельности, природопользования конкретной группы населения, так и продуктивностью определенной экологической ниши, где располагалось поселение.

В результате изучения керамики не отмечено существенных различий в традиционных навыках изготовления сосудов алакульскими и федоровскими гончарами, проживавшими на поселении. Вопрос об одновременности существования в пределах одного поселка двух культурных групп населения остается открытым и, возможно, будет решен при дальнейших исследованиях памятника и при условии получения более объемной и информативной коллекции. Сегодня можно лишь высказать предположение о сосуществовании на поселении данных групп и определить его материалы как принадлежащие к алакульской и федоровской культурам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1991. 200 с.
- Археологическая карта Курганской области. Курган, 1993. 245 с.
- Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 4–30.
- Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета (по крупным трубчатым костям). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 240 с.
- Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 30–45.
- Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металлопроизводство позднего бронзового века Тоболо-Ишимья // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 107–110.
- Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Homo Ludens бронзового века Южного Урала: (Игры и игрушки) // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 24–28.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А., Зиминая О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И. Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 10–23.
- Зиминая О.Ю. Отчет о разведочных работах в Упоровском, Заводоуковском и Тюменском районах Тюменской области в 2008 году. Тюмень, 2009 // Архив ТюмНЦ СО РАН.
- Илюшина В.В. Особенности гончарного производства у населения эпохи бронзы в Нижнем Притоболье // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. I. С. 253–257.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Костомарова Ю.В. О хозяйственной деятельности алакульского населения лесостепного Притоболья // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 69–83.
- Костомарова Ю.В. Хозяйственно-производственная деятельность федоровского населения Нижнего Притоболья (по результатам комплексного анализа орудий труда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 32–41.
- Костомарова Ю.В., Флек Е.В. Металл Хрипуновского могильника // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 40–54.
- Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2. С. 59–172.

Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы...

- Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матвеев А.В. Федоровская культура в лесостепном Зауралье // Александр Васильевич Матвеев: Сб. науч. трудов и воспоминаний. Посвящен памяти А.В. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. С. 53–93.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Новиков И.К., Дегтярева А.Д., Шилов С.Н. Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3: (Результаты исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 24–35.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Костяные наконечники стрел поселения Новотроицкое 1 // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 97–112.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Насонова Э.Д. Жилой ландшафт: Природное окружение поселений позднего бронзового века в Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 39–50. doi: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-039-050.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Тигеева Е.В. Технология изготовления металлических изделий Чистолесбязского могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 66–78.
- Тигеева Е.В. Морфолого-типологическая характеристика орудийного комплекса из цветного металла алаккульской культуры Среднего Притоболья // Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы всероссийской конференции. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 203–207.
- Grant A. The use of tooth wear as a guide to the age of domestic animals // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. Oxford: British Archaeological Reports, British Series, 1982. P. 91–108.
- Levine M.A. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. Oxford: BAR British Series, 1982. P. 223–250.
- Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in Archaeology: A Survey of Progress and Research. Thames and Hudson, London, 1969. P. 283–302.

V.V. Ilyushina*, S.N. Skochina*, A.V. Kisagulov**

*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: vika_tika@mail.ru;
sveta_skochina@mail.ru

**Institute of Plant and Animal Ecology of Ural Branch RAS
March 8 st., 202, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation
E-mail: akis9119@gmail.com

ECONOMIC AND PRODUCTION ACTIVITIES OF LATE BRONZE AGE POPULATIONS (ON THE BASIS OF MATERIALS FROM THE BOCHANTSEVO-1 SETTLEMENT)

Field research conducted at the Bochantsevo-1 settlement lead to the discovery of a cultural layer containing pottery, bone remains, bone and clay inventory of the Late Bronze Age. In addition, spore-pollen data for this period were obtained. Analysis of the application technique, ornamental elements of the found fragments, along with some features of the form allowed the authors to link the findings to the antiquities of the Alakul and Fedorov cultures. Analysis of the spore-pollen data obtained from the Late Bronze Age layer and of the discovered sterile interlayer shows that Bochantsevo-1 inhabitants chose to settle in an open place, i.e. a grass meadow with birch outliers growing nearby. In all likelihood, such a landscape and vicinity to the lake were most attractive for the sedentary population engaged in breeding cattle near the house. The analysis of faunal remains aimed at determining species and their age indicates meat-and-dairy orientation of the settlement's cattle breeding in the Late Bronze Age. The role of appropriating economy branches was insignificant. The study of the inventory reveals that bone was the main material for making necessary tools involved in various areas of economic and production activities. The discovery of throwing weapons, fishing sinker weights, as well as tools for cutting the prey meat indicates the population's engagement in hunting and fishing. At different stages of pottery production, bone spatulas were used. The tanning industry was also important, as evidenced by the discovery of bone tools used for piercing leather. The discovery of ceramic spindle whorls indicates the settlement inhabitants to have been also engaged in weaving. One of the activities was metal production, as evidenced by splashing droplets and a double-blade knife found at the settlement. Typological and morphological characteristics of the knife correlate with materials from earlier periods of the Bronze Age (Sintashta culture). At the same time, the specifics of the

production technology used at the Bochantsevo-1 settlement is comparable both to the Petrine tradition of metal-working and to the Tobol-Ishim culture of the Late Bronze Age. As a result of comprehensive studies, the question remains whether the Alakul and Fedorovo groups lived simultaneously in the settlement. At the current stage of research, it is possible to speak of the cultural affiliation of the settlement and materials with Alakul and Fedorov groups.

Key words: forest-steppe Tobol river basin, the Late Bronze Age, Alakul culture, Fedorovo culture, economy, production activity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-021-035

REFERENCES

- Avanesova N.A. (1991). *Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian Area of the USSR*, Tashkent: Izd-vo Fan UzSSR. (Rus.).
- Degtiareva A.D. (2010). *History of metal industry of the south High Urals basin during the Bronze Age*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Degtiareva A.D., Kostomarov Iu.V. (2011). The metal of Late Bronze Age of the forest-steppe Tobol basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 30–45. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a14/30-45.pdf.
- Degtiareva A.D., Kostomarov Iu.V. (2012). Metal production of the Late Bronze Age of the Tobol-Ishim interfluvium. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*, (2), Tiumen': IPOS SO RAN, 107–110. (Rus.).
- Epimakhov A.V., Berseneva N.A. (2015). Homo Ludens in the South Ural Bronze Age: (Games and toys). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 24–28. (Rus.). Retrieved from <https://vestnik.kemsu.ru/jour/articleview/1728/1705>.
- Grant A. (1982). The use of tooth wear as a guide to the age of domestic ungulates. In B. Wilson, S. Grigson & S. Payne (Eds.), *Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites* (pp. 305–327), Oxford, British Archaeological Reports, British Series.
- Gromova V.I. (1950). *The determinant of mammals of the USSR by the bones of the skeleton (by large tubular bones)*, Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).
- Ilyushina V.V. (2017). Features of pottery production among the population of the Bronze Age in Lower Tobol basin. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe*, 1 (pp. 253–257), Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.). Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_35626584_52530496.pdf.
- Kosarev M.F. (1981). *Bronze Age of Western Siberia*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kosarev M.F. (1991). *Ancient history of Western Siberia: Man and the natural environment*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kostomarov Iu.V. (2010). On the economic activity of the Alakul population of the forest-steppe Tobol basin. In *Andronovskii mir* (pp. 69–83), Tiumen': Tiumenskii universitet. (Rus.).
- Kostomarov Iu.V. (2013). Economic and production activities of the Fedorovo population of the Lower Tobol basin (based on the results of a comprehensive analysis of work tools). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 32–41. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a23/32-41.pdf.
- Kostomarov Iu.V., Flek E.V. (2007). Metal of the burial ground Hripunovsky. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (8), 40–54. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a8/C-40-54-Kostom-flek.pdf.
- Krasil'nikov K.I. (1979). Products of the bone of the Saltovo culture. *Sovetskaya arkheologiya*, (2), 59–172. (Rus.).
- Kupriyanova E.V., Zdanovich D.G. (2015). *The Antiquities of the forest-steppe Trans-Ural: The burial ground Stepnoe VII*, Cheliabinsk: Entsiklopediya. (Rus.).
- Levine M.A. (1982). The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In B. Wilson, S. Grigson & S. Payne (Eds.), *Ageing and sexing animal bones from archaeological sites* (pp. 223–250), Oxford, British Archaeological Reports, British Series.
- Matveev A.V. (1998). *First Andronovo people in Trans-Urals forests*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveev A.V. (2014). The Fedorovo culture in forest-steppe Trans-Ural. *Aleksandr Vasil'evich Matveev: Sbornik nauchnykh trudov i vospominanii. Posviashchen pamiati A.V. Matveeva* (pp. 53–93), Tiumen': IPOS SO RAN. (Rus.).
- Matveeva N.P., Volkov E.N., Riabogina N.E. (2003). *New monuments of the Bronze and Early Iron Ages*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I. (1985). *Baraba in the Bronze Age*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Novikov I.K., Degtiareva A.D., Shilov S.N. (2014). Burial grounds of the Bronze Age Ozeroye 1 and Ozeroye 3: (Results of research). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 24–35. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a24/24-35.pdf.
- Pogodin L.I., Trufanov A.Ia. (1993). Bone arrowheads of the settlement Novotroitsky 1. *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e* (pp. 97–112), Ekaterinburg: UIF Nauka. (Rus.).
- Potemkina T.M. (1985). *The Bronze Age of the forest-steppe Tobol river basin*, Moscow: Nauka. (Rus.).

Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы...

Riabogina N.E., Ivanov S.N., Nasonova E.D. (2018). Residential landscape: The natural environment of the Late Bronze settlements in the Tobol region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 39–50. (Rus.). doi: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-039-050.

Silver I.A. (1969). The ageing of domestic animals. In D.R. Brothwell, E.S. Higgs (Eds.). *Science in Archaeology: A Survey of Progress and Research* (pp. 283–302), Thames and Hudson, London.

Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2000). *Andronovo antiquities of the Tobol River Basin near Tyumen*, Ekaterinburg: Poligrafist. (Rus.).

Tigeeva E.V. (2011). Manufacturing techniques of the metal products of the burial ground Chistolebyazhsky. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 66–78. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a15/66-78.pdf.

Tigeeva E.V. (2015). Morphological and typological characteristics the complex tool of the nonferrous metal of the Alakul culture of the Middle Tobol river basin. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferentsii*, (3), Tiumen': IPOS SO RAN. 203–207. (Rus.).

Vinogradov N.B. (Ed.). (1993). *Archaeological map of the Kurgan region*, Kurgan. (Rus.).

Vinogradov N.B., Degtiareva A.D., Kuz'minykh S.V. (2013). Metallurgy and metal working in the life of the owners of a fortified settlement Ust'e 1. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (3), 4–30. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a22/4-30.pdf.

Zakh V.A. (1995). *A village of ancient pastoralists in Tobol*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zakh V.A., Riabogina N.E., Iliushina V.V., Ivanov S.N., Murzina E.I. (2013). The settlement of the Fedorovo culture Kurya 1 in the system of Andrew's lakes. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 10–23. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a20/10-23.pdf.

Zakh V.A., Zimina O.I., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V. (2008). *Holocene landscapes and interaction of cultures in the Tobol-Ishim interfluvium*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 11.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

В.В. Илюшина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003
E-mail: vika_tika@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ У НАСЕЛЕНИЯ АЛАКУЛЬСКОЙ И ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУР ПОСЕЛЕНИЯ БОЧАНЦЕВО 1

Представлены результаты технико-технологического анализа керамики алакульской и федоровской культур, происходящей с поселения Бочанцево 1 в лесостепном Притоболье. Исследование керамической коллекции, проведенное по методике А.А. Бобринского, позволило выявить навыки труда гончаров на ступенях отбора исходного пластичного сырья, составления формовочных масс, механической обработки поверхностей изделий, обжига. Сопоставление полученных данных показало сходство традиций в изготовлении посуды у алакульских и федоровских гончаров. В результате исследования керамики поставлен вопрос о единовременности проживания на территории поселка носителей данных культурных традиций.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, эпоха поздней бронзы, алакульская культура, федоровская культура, керамика, технико-технологический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-036-048

Работа выполнена по госзаданию: проект № АААА-А17-117050400147-2.

Введение

В археологии Северной Евразии не теряют остроты вопросы, связанные с изучением андроновской культурно-исторической общности (АКИО) и составляющих ее культур. Едва ли найдется работа, посвященная как отдельным памятникам, так и АКИО в целом, не затрагивающая проблему соотношения алакульских и федоровских древностей. Наиболее дискуссионными остаются темы «генетической» связи между алакульской и федоровской культурами, основы и территории формирования, хронологической позиции и периодизации и т.д. Поэтому особого внимания требуют керамические комплексы, и в первую очередь технология изготовления посуды у данных культурных групп. Гончарство населения федоровской и алакульской культур, проживавшего на разных территориях, неоднократно становилось предметом специального изучения [Ломан, 1991; Кузнецова, Тепловодская, 1994; Глушков, 1996; Софеев, 1990; Гутков и др., 2014; Леонтьева, 2016; Илюшина, 2017; и др.], но в то же время исследование вопросов выявления традиций, сходства и различий, локальных особенностей в приемах изготовления керамики на разных этапах производства находится на стадии накопления источников.

В данной работе отражены предварительные итоги изучения небольшой керамической коллекции, происходящей с поселения Бочанцево 1, расположенного в лесостепном Притоболье, на границе Тюменской и Курганской областей¹. На площади поселения рекогносцировочным раскопом 1 площадью 40 м² и зачистками 1 и 2 общей площадью 58 м² исследовано три участка в восточной и западной его частях. В раскопе 1 обнаружено 37 разрозненных фрагментов позднебронзовой керамики, из которых 23 (фрагменты венчиков и орнаментированных стенок) соотнесены с алакульской культурой (рис. 1, 1, 3–5, 11, 12). В зачистках 1 и 2 зафиксированы отложения культурного слоя этого периода, в котором найдены фрагменты не менее чем 82 сосудов (по шейкам). Основная часть керамической коллекции принадлежит к федоровской культуре (рис. 2). Анализ морфологии 19 фрагментов позволил соотнести их с алакульской традицией (рис. 1, 2, 6–10, 13–16).

Ввиду сильной фрагментированности полученной керамической серии затруднительны заключения о морфологии изделий и композиционном построении орнамента на сосудах как ала-

¹ Подробная характеристика поселения и полученной коллекции приведена в публикации В.В. Илюшиной, С.Н. Скопичиной и А.В. Кисагулова «Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы (по материалам поселения Бочанцево 1)» в настоящем номере журнала.

кульской, так и федоровской культуры, однако можно отметить некоторые особенности их формы и орнаментации.

Рис. 1. Керамика алакульской культуры поселения Бочанцево 1 из раскопа 1 (1, 3–5, 11, 12) и зачисток 1 и 2 (2, 6–10, 13–16).

Fig. 1. The ceramics of the Alakul culture of the settlement Bochantsevo 1 from the excavation 1 (1, 3–5, 11, 12) and reconnaissance excavations 1 and 2 (2, 6–10, 13–16).

На части фрагментов алакульских сосудов присутствует ребро или уступчик в переходной зоне от плечика к тулову (рис. 1, 1, 3, 7, 9, 12). Орнамент нанесен гладким штампом в технике

штампования (зигзаги, треугольники, ромбы) и прочерчивания (горизонтальные линии в верхней части шейки и в зоне уступа) (рис. 1, 1–5, 8, 12–14), реже — гребенчатым, которым выполнялись меандровые узоры, горизонтальные линии, зигзаги (рис. 1, 7, 9–11, 16). Единичны фрагменты, орнаментированные гребенчатым штампом в технике протаскивания и вдавливания углом (рис. 3, 6, 15). Сравнение элементов и техники их нанесения на фрагментах алакульских сосудов, происходящих из разных частей поселения, показало, что на сосудах из зачисток 1 и 2 приемы орнаментации более разнообразны, чаще фиксируется использование гребенчатого штампа, чем на изделиях, происходящих из раскопа 1.

Рис. 2. Керамика федоровской культуры поселения Бочанцево 1.
Fig. 2. The ceramics of the Fedorovo culture of the settlement Bochantsevo 1.

Анализ фрагментов сосудов, соотнесенных с федоровской культурой, показал, что они орнаментировались гладким и гребенчатым штампами в технике штампования, вдавления и процерчивания. Среди элементов узора преобладают вертикальный зигзаг (многорядная елочка), вертикальная елочка (горизонтальный зигзаг), ряды наклонных оттисков штампа, подтреугольные вдавления (рис. 2, 7–8, 11–18). Достаточно часты горизонтальные желобки (рис. 2, 1, 4, 6, 7, 9, 10, 13, 17). Любопытна шейка сосуда с горизонтальными и вертикально-диагональными желобками, образующими сетку (рис. 2, 5). Подобный орнамент зафиксирован на поселении Трубный в Челябинской области [Епимахов, Таиров, 2014, с. 30, 33, рис. 3, 4]. Редки геометрические узоры и меандр (рис. 2, 1–3, 7, 9, 10), единично представлен валик (рис. 2, 11). Отмеченные техника нанесения, элементы узора и их соотношение в комплексе типичны для поселенческих комплексов как Притоболья, так и сопредельных территорий и в большей степени соотносимы с так называемой бишкульской подгруппой федоровской керамики [Зданович, 1988, с. 112–114; Малютина, 1994, с. 17–20].

Таким образом, поселение Бочанцево 1, а именно западная его часть вызывает интерес не только тем, что в условиях многослойности памятника напластования позднебронзового периода достаточно хорошо вычленяются стратиграфически и это позволило получить в том числе сведения о жилом ландшафте, хозяйственной и производственной деятельности оставившего его населения. Здесь обнаружено совместное залегание фрагментов сосудов алакульской и федоровской культур, что в целом не характерно для территории Нижнего Притоболья, где изучены в основном «чистые» комплексы. Целью настоящего исследования являются введение в научный оборот новых данных о технологии изготовления керамических изделий, существовавшей у федоровского и алакульского населения, проживавшего на территории Тюменского Притоболья, и их сопоставление. Для того чтобы проследить динамику заселения поселка, отдельно рассмотрены особенности технологии изготовления алакульской керамики из зачисток 1 и 2 и раскопа 1.

Методика и методология исследования гончарной технологии

Под *гончарной технологией* понимается совокупность материалов, приемов и средств превращения пластичного сырья в готовые изделия. Методологической основой исследования выступает историко-культурный подход, в рамках которого интерпретация технологической информации базируется на следующих положениях: 1) об исторически складывающейся системе трудовых навыков в гончарстве, о сохранении их в стабильных условиях и различном «поведении» этих навыков в условиях смешения разных в культурном отношении групп населения; 2) о механизме передачи приемов труда только контактным способом по родственным каналам из поколения в поколение, что обуславливало образование устойчивых технологических традиций [Бобринский, 1999, с. 8, 48–49, 52]. В условиях смешения разных в культурном отношении групп населения происходит постепенное изменение навыков труда, при этом одни приемы работы обнаруживают способность чутко реагировать на само возникновение и начало развития процессов смешения, другие — способность даже в условиях смешения долгое время сохранять свою специфику. Первые навыки относятся к приспособительным и проявляются в приемах отбора сырья, составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей сосудов, вторые — к субстратным, охватывают представления гончаров об определенном виде исходного пластичного сырья для производства посуды, конструирование начина, полога тела, способы формообразования изделий [Бобринский, 1978, с. 242–245]. Поскольку материал фрагментирован, сведения о субстратных навыках удалось получить лишь относительно представлений гончаров об исходном пластичном сырье, т.е. о конкретном его виде, обладающем определенным качественным составом. В истории гончарства на территории Северной Евразии на данном уровне исследований выделяются три вида исходного пластичного сырья — илы, илистые глины и природные глины. Подробная характеристика этих видов сырья и аргументация их выделения неоднократно публиковались [Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 2015].

Изучение керамики поселения Бочанцево 1 базировалось на методике, включающей бинокулярную микроскопию, трасологию и эксперимент в виде физического моделирования, разработанной А.А. Бобринским [1978; 1999, с. 9–11]. С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки каждого экземпляра были дополнительно нагреты в муфельной печи до 850 °С. Итоги исследования способов изготовления керамики приведены в соответствии с естественной структурой гончарного производства, включающей три последовательные стадии — подготовительную (отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья, составление

формовочных масс), созидательную (конструирование начина, полого тела и формообразование сосудов, механическая обработка поверхностей изделий) и закрепительную (придание прочности и устранение водопроницаемости сосудов). Поскольку керамический материал поселения фрагментирован, основное внимание мы уделили информации по подготовительной и закрепительной стадиям гончарного производства. Данные по созидательной стадии ограничены выявлением способов обработки поверхностей.

В выборку образцов, подвергнутых технико-технологическому анализу, в основном вошли материалы из западной части поселения, полученные из зачинок 1 и 2, — 18 экз. федоровских сосудов и 7 экз. — алакульских. В связи с небольшим количеством и малой размерностью фрагментов, а также с целью сопоставления данных о технологии производства алакульских сосудов, найденных в разных частях поселения, в коллекцию образцов также включены обломки сосудов из раскопа 1 (5 экз.). Таким образом, всего изучено 30 фрагментов разных сосудов.

Вследствие того что данные, полученные при изучении навыков работы алакульских и федоровских гончаров сходны, их характеристика дана в обобщенном виде. Особенности гончарной технологии сосудов каждой культурной группы и в разных частях поселения представлены в соответствующих таблицах.

Результаты исследования гончарного производства

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1–3). По всему изученному материалу выявлено применение одного вида исходного пластичного сырья (далее — ИПС) — илстой глины. В качестве естественных примесей сырье содержит прозрачный и полупрозрачный, окатанный и полуокатанный песок размером в основном $\leq 0,1$ – $0,2$ мм, реже — включения до $0,4$ – $1,0$ мм, единично — до $1,5$ – $3,0$ мм. Зафиксированы окислы железа в виде как мягких, легко разрушающихся иглой частиц рыжего цвета размером от $0,1$ – $1,0$ мм до $2,5$ мм, так и частиц оолитового бурого железняка размером $0,5$ – $1,2$ мм. Встречаются редкие обломки лимонита размером $0,5$ – $2,0$ мм, единично — $8,0$ мм. Всегда присутствуют редкие отпечатки сильно измельченной растительности размером $0,5$ – $2,0$ мм, единично — $5,0$ – $30,0$ мм (рис. 3, 2) и фрагменты раковин речных моллюсков размером до $0,2$ – $2,0$ мм, единично — до $5,0$ – $7,0$ мм (рис. 3, 1). В сырье большей части изученных фрагментов содержатся пылевидные листочки слюды. Отмечены также единичные светло-серые рыхлые, легко разрушающиеся иглой комочки размером $1,5$ – $4,0$ мм.

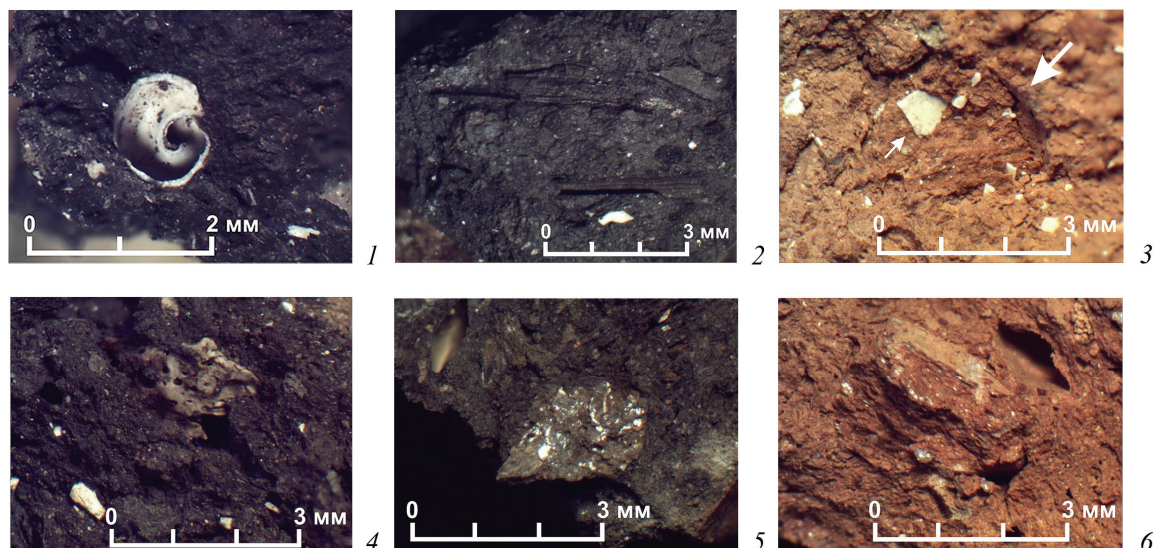

Рис. 3. Микроснимки естественных примесей в сырье (1–2) и искусственных добавок в формовочных массах сосудов (3–6) алакульской (4–6) и федоровской (1–3) культур: 1 — фрагмент раковины улитки; 2 — отпечатки растительности; 3 — раковина в составе шамота; 4 — включения кальцинированной кости; 5, 6 — тальк в составе шамота.

Fig. 3. Microphotographs of natural admixtures in raw materials (1–2) and artificial components in the molding masses of vessels (3–6) of the Alakul (4–6) and Fedorovo (1–3) cultures: 1 — the fragment of shells; 2 — vegetation prints; 3 — the shell in the composition of chamotte; 4 — fragments of calcified bone; 5, 6 — the talc in the composition of chamotte.

Технология изготовления керамики у населения алакульской и федоровской культур...

Анализ сырья выявил различную степень его запесоченности. Слабозапесоченное сырье характеризуется наличием песка размером до 0,2 мм (20–50 включений на 1 см²), единично — от 0,4 до 3,0 мм. Сырье средней степени запесоченности содержит до 70–80 песчинок на 1 см² размером до 0,2–0,3 мм и редкие более крупные включения. В сильнозапесоченном сырье отмечается более 100 включений песка на 1 см² размером до 0,2–0,3 мм. Сопоставление полученных данных показывает, что гончарами и алакульской, и федоровской культур использовались илистые глины в основном слабой степени запесоченности, но применение средне- и сильнозапесоченного сырья фиксируется несколько чаще по федоровским сосудам.

Таблица 1

Группы исходного пластичного сырья сосудов алакульской и федоровской культур

Table 1

The groups of raw materials of the vessels of the Alakul and Fedorovo cultures

Группы ИПС	Алакульская культура			Федоровская культура
	Раскоп 1	Зачистки 1 и 2	Всего сосудов	
Слабозапесоченная	2/40*	7/100	9/75	12/66,6
Среднезапесоченная	3/60	—	3/25	5/27,7
Сильнозапесоченная	—	—	—	1/5,5
Всего сосудов	5/100	7/100	12/100	18/100

* Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — % от общего количества сосудов.

Составление формовочных масс (ступень 4). Наблюдения за составом формовочных масс выявили, что в качестве минеральной примеси гончарами и алакульской, и федоровской культур использовался шамот. Верхняя крупность его включений чаще всего не превышает 3,0 мм, но в изломах федоровских сосудов встречаются единичные частицы размером до 4,0–8,0 мм. Концентрация шамота варьирует от 1:4 до 1:7, но преимущественно составляет 1:5/6 (табл. 2). Стоит отметить, что более низкая концентрация примеси выявлена лишь по сосудам алакульской группы, происходящей в большей степени из раскопа 1. Корреляция полученных данных о степени запесоченности сырья и концентрации шамота определенных закономерностей не выявила.

Таблица 2

Соотношение концентрации шамота в формовочных массах сосудов алакульской и федоровской культур

Table 2

The ratio of the concentration of chamotte in the molding masses of the vessels of Alakul and Fedorovo cultures

Концентрация шамота	Алакульская культура			Федоровская культура
	Раскоп 1	Зачистки 1 и 2	Всего сосудов	
1:4	—	1/14,3	1/8,3	2/11,1
1:5/6	2/40	5/71,4	7/58,4	16/88,9
1:7	3/60	1/14,3	4/33,3	—
Всего сосудов	5/100	7/100	12/100	18/100

В качестве органо-минеральной примеси использовалась кальцинированная кость размером от 0,2 до 4,0 мм (рис. 3, 4) в концентрации 1:7/8. Данная примесь отмечена в изломах лишь алакульских сосудов.

Следы органической примеси представлены маслянистыми бесцветными пленками на отдельных участках изломов и единичных пустотах в виде вытянутых трещин длиной до 2,0 мм. Данные признаки указывают на наличие растворов, изготовленных, вероятно, на основе веществ животного или растительного происхождения, скорее всего, обладающих клеящими свойствами.

Таким образом, по изученному материалу выделено четыре рецепта составления формовочных масс (табл. 3). Корреляция полученных данных по алакульским сосудам из разных частей поселения не выявила особых различий. Сходны и данные по составу масс алакульских и федоровских сосудов, за исключением отсутствия в последних примеси кальцинированной кости. Вместе с тем делать заключение, что добавка кости не характерна для федоровского гончарства, не представляется возможным ввиду фиксации ее в составе масс незначительного

количества сосудов, происходящих из других изученных на сегодняшний день федоровских комплексов как Притоболья, так и других регионов.

Таблица 3

Соотношение рецептов формовочных масс сосудов алакульской и федоровской культур

Table 3

The ratio of the recipes of the molding masses of the vessels of Alakul and Fedorovo cultures

Рецепты формовочных масс	Алакульская культура			Федоровская культура
	Раскоп 1	Зачистки 1 и 2	Всего сосудов	
ИГ* + Ш	1/20	3/42,8	4/33,4	9/50
ИГ + Ш + ОР	3/60	3/42,8	6/50	9/50
ИГ + Ш + К + ОР	1/20	—	1/8,3	—
ИГ + Ш + К	—	1/14,3	1/8,3	—
Всего сосудов	5/100	7/100	12/100	18/100

*ИГ — илестая глина; Ш — шамот; ОР — органический раствор; К — кальцинированная кость.

Технологический анализ шамота показал, что раздробленные сосуды, пошедшие на шамот, и у алакульских, и у федоровских гончаров были изготовлены как из илестых глин, так и из глин. Шамот из илестой глины и из глины встречается в каждом изученном сосуде. Следует отметить, что шамот из илестых глин фиксируется в составе формовочных масс в абсолютном большинстве федоровских сосудов (88,9 %) и встречается в изломах лишь четырех алакульских фрагментов, происходящих из зачисток, и в одном — из раскопа 1 (всего 41,7 % алакульских сосудов). Исходя из этих данных можно предположить, что в среде и федоровского, и алакульского населения на более раннем этапе развития существовали две группы гончаров, владевших собственными представлениями о сырье, в качестве которого одни отбирали природные глины, другие — илестые глины.

Формовочные массы вышедшей из употребления посуды были подготовлены по разным рецептам, на что указывают различные искусственные примеси в составе шамота, при этом в одном сосуде встречается шамот разных составов (табл. 4). В целом по изученному материалу зафиксированы следующие его составы: 1) с шамотом; 2) с тальком (рис. 3, 5, 6); 3) с шамотом, с тальком; 4) шамот+кость; 5) шамот+кость, с тальком. В изломах федоровских сосудов выявлен шамот, в основном содержащий только шамот. В редких изделиях, где отмечен шамот разных составов, включения, содержащие тальк, единичны. Напротив, в формовочных массах половины изученных алакульских сосудов отмечены включения шамота с тальком, при этом стоит подчеркнуть, что в основном сосуды с таким шамотом происходят из раскопа 1.

Таблица 4

Соотношение состава формовочных масс шамота в сосудах алакульской и федоровской культур

Table 4

The ratio of the composition the molding masses of chamotte in the vessels of Alakul and Fedorovo cultures

Состав шамота	Алакульская культура			Федоровская культура
	Раскоп 1	Зачистки 1 и 2	Всего сосудов	
Ш	—	5/71,4	5/41,7	14/77,8
Т*	2/40	1/14,3	3/25	—
Ш; Т	2/40	—	2/16,7	4/22,2
Ш+К	—	1/14,3	1/8,3	—
Ш+К; Т	1/20	—	1/8,3	—
Всего сосудов	5/100	7/100	12/100	18/100

*Т — тальк.

Сильная фрагментированность материала не позволила получить данные о таких ступенях гончарного производства, как *конструирование начинов, полого тела и формообразование сосудов (ступени 5–7)*. Отметим лишь, что по изломам некоторых фрагментов выявлено применение в качестве «строительных элементов» небольших порций формовочной массы — лоскутов.

Среди *способов механической обработки поверхностей (ступень 8)* выявлено простое заглаживание, которое осуществлялось мягкими материалами (пальцами или кусочком ткани), шпателя-

ми, вероятно, костяными. Кроме того, отмечено лощение и уплотнение поверхности. Лощение, осуществлявшееся по подсушенной поверхности, фиксируется по характерному матовому блеску, а также следам в виде тонких рисок, неглубоких ложбинок, оставленных при работе небольшими гальками. Уплотнение фиксируется по гладким, ровным поверхностям изделий. По всей вероятности, оно производилось инструментами либо с эластичной, либо с твердой гладкой рабочей поверхностью, не оставлявшими четких следов, а также блеска на поверхностях сосудов, характерного для лощения. Большинство фрагментов федоровских сосудов покрыты плотной карбонатной коркой, что затруднило получение информации по данной ступени гончарного производства.

Корреляция данных о способах обработки поверхностей, существовавших у гончаров двух культурных групп, а также о локализации алакульских фрагментов на поселении показала, что уплотнение чаще фиксируется на алакульских изделиях, при этом в основном происходящих из раскопа 1 (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение способов обработки поверхностей на сосудах алакульской и федоровской культур

Table 5

The ratio of the methods of surface treatment on the vessels of Alakul and Fedorovo cultures

Способы обработки поверхностей сосудов		Алакульская культура			Федоровская культура
		Раскоп 1	Зачистки 1 и 2	Всего сосудов	
Внешняя поверхность	Мягкий материал (ткань, пальцы)	—	1/14,3	1/8,3	6/33,3
	Шпатель	2/40	1/14,3	3/25	2/11,1
	Уплотнение	5/100	—	5/41,7	1/5,5
	Лощение	—	7/100	7/58,3	11/61,1
	Не ясно	—	—	—	3/16,7
Внутренняя поверхность	Мягкий материал (ткань, пальцы)	—	2/28,6	2/16,6	8/44,4
	Шпатель	3/60	3/42,8	6/50	4/22,2
	Уплотнение	5/100	—	5/41,7	—
	Лощение	—	3/42,8	3/25	4/22,2
	Не ясно	—	—	—	4/22,2

Придание прочности и водонепроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) осуществлялось путем обжига в основном в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды, в результате воздействия которой поверхности изделий приобретали пятнистую окрасченность. Анализ цветовой характеристики изломов показывает, что сосуды чаще всего испытывали непродолжительное действие температур каления, о чем свидетельствует ширина осветленных слоев, варьирующая в пределах от 0,3 до 2,0 мм (табл. 6). У части изученных сосудов границы между осветленными слоями и темно-серой сердцевинной четкие, что говорит об извлечении изделий из обжигового устройства сразу после достижения температур каления. У других изделий границы между слоями размыты, что указывает на постепенное остывание их в обжиговом устройстве. Незначительно количество фрагментов сосудов со сплошной темно-серой окрасченностью излома. Данная цветовая характеристика позволяет судить об их длительном обжиге без воздействия температуры каления. Сплошной осветленный излом еще нескольких фрагментов, вероятнее всего, связан с попаданием их в огонь повторно уже после гибели изделий.

Таблица 6

Цветовая характеристика изломов керамики алакульской и федоровской культур

Table 6

The color characteristics of fractures of the ceramics of Alakul and Fedorovo cultures

Характеристика изломов	Алакульская культура			Федоровская культура
	Раскоп 1	Зачистки 1 и 2	Всего сосудов:	
Трехслойный, границы четкие	2/40	1/14,3	3/25	3/16,6
Осветленный слой с внешней стороны, граница четкая	1/20	1/14,3	2/16,7	5/27,8
Трехслойный, границы нечеткие	—	—	—	3/16,6
Осветленный слой с внешней стороны, граница не четкая	—	1/14,3	1/8,3	4/22,2
Осветленный слой с внутренней стороны, граница не четкая	—	—	—	1/5,6
Темно-серый	2/40	2/28,5	4/33,3	1/5,6
Полностью осветленный	—	2/28,5	2/16,7	1/5,6
Всего сосудов	5/100	7/100	12/100	18/100

Сопоставление полученных данных показывает, что проведение обжига сосудов без воздействия температуры каления было более характерно для гончаров алакульской культуры. Но в целом навыки труда мастеров двух культурных групп на данной ступени производства посуды сходны.

Таким образом, по совокупности полученных аналитических данных можно сделать заключение о традициях гончарного производства у алакульской и федоровской культурных групп, проживавших на поселении Бочанцево 1.

Алакульские и федоровские гончары для изготовления сосудов в качестве исходного пластичного сырья использовали исключительно илистые глины, содержащие раковину речных моллюсков и измельченные фрагменты растительности. Информация о составе шамота показывает, что представления об этом виде сырья были достаточно устойчивыми у населения той и другой культурных групп. В то же время раздробленные и пошедшие на шамот сосуды были изготовлены в том числе из глин. Этот факт позволяет предположить, что на более раннем этапе развития в среде и алакульского, и федоровского коллективов существовали две группы гончаров с разными взглядами на сырье для производства керамики. Вероятно, в процессе совместного проживания их в рамках каждого коллектива и происходившего смешения доминантными оказались группы, владевшие представлениями об илистой глине как сырье для производства посуды.

При составлении формовочных масс в основном применяли шамот и органические добавки, и, судя по составу шамота, данные навыки были традиционными и для алакульских, и для федоровских гончаров. Вместе с тем наличие шамота, содержащего тальк, свидетельствует, что использование данной примеси ранее было характерным для данных групп населения, особенно алакульской. Ко времени существования данных групп населения на территории поселения Бочанцево 1 традиция добавления талька при составлении формовочных масс была утрачена.

Данные о механической обработке поверхностей свидетельствуют о существовании у гончаров навыков заглаживания как мягкими материалами, так и инструментами с твердой рабочей поверхностью, после чего поверхности сосудов подвергались уплотнению или лощению. Хотя и на этой ступени гончарного производства традиции, существовавшие у той и другой культурных групп, сходны, все же обращает на себя внимание, что уплотнение стенок без придания им блеска было более свойственно алакульским гончарам.

Характер окрашенности поверхностей и изломов сосудов указывает на использование в процессе обжига простых устройств — кострищ или очагов. Чаще всего сосуды испытывали непродолжительное действие температуры каления. По изломам некоторых алакульских изделий можно предположить их длительный обжиг при более низких температурах в условиях восстановительной среды. В результате остывания сосуда в обжиговом устройстве происходило его «оголение» от топлива и под действием кислорода осветлялись участки поверхностей.

Следует подчеркнуть, что при увеличении серии образцов керамики в ходе дальнейшего исследования поселения данные могут быть скорректированы.

Обсуждение результатов

До настоящего времени отсутствие в Тюменском Притоболье смешанных комплексов выступало в качестве аргумента гипотезы об асинхронности алакульской и федоровской культур [Матвеев, 2014; Зах, 2014]. Однако исследование поселения Бочанцево 1 ставит вопрос о хронологическом соотношении данных комплексов в пределах рассматриваемого региона. Это пока единственный памятник, где зафиксировано совместное залегание керамики федоровской и алакульской культур. Исключение составляют лишь федоровское поселение Ново-Шадрино VIII, где обнаружен один фрагмент сосуда с уступчатым плечиком — типичной чертой алакульских изделий [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 44–46, рис. 17, 10], а также алакульское поселение Ук III, в материалах которого авторами исследований отмечено незначительное количество фрагментов сосудов федоровского и алакульско-федоровского облика [Там же, с. 36]. Поселения, содержащие керамические материалы той и другой культур, известны южнее, в Среднем Притоболье, при этом, в отличие от поселения Бочанцево 1, федоровские сосуды на них малочисленны, а основной комплекс представлен алакульскими изделиями [Потемкина, 1985]. Вместе с тем отсутствие на данных поселениях достаточно четкой стратиграфии не позволяет уверенно говорить о сосуществовании алакульского и федоровского коллективов, характере их взаимодействия. Подобную ситуацию демонстрируют поселенческие памятники Южного Зауралья, где отмечается присутствие федоровских сосудов и керамики смешанного облика в алакульских

материалах [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 125]. Не проясняют ситуацию и комплексы изученных на сегодняшний день некрополей, где выявлены объекты, содержащие алакульские, федоровские погребения, присутствует керамика и так называемого алакульско-федоровского типа, но «не зафиксировано ни одного случая совместного нахождения в закрытом комплексе классических алакульских и федоровских сосудов» [Там же, с. 124].

Подчеркнем, что перед автором настоящего исследования не стояла задача какого-либо решения обозначенной проблемы, существующей в археологии Урала и Западной Сибири уже более полувека. Полученные нами предварительные результаты исследований материалов поселения Бочанцево 1 лишь вновь актуализировали вопрос о возможном взаимодействии (и его формах) между коллективами алакульской и федоровской культур. Полагаем, что решение все же может быть найдено, но лишь посредством детального технологического изучения керамических комплексов. В данном случае речь идет главным образом о материалах памятников Южного Зауралья, откуда, по всей вероятности, и происходила миграция данных групп населения в лесостепное и подтаежное Притоболье, на что мы обращали внимание в предыдущих исследованиях. Пока можно констатировать, что целенаправленное изучение этих коллекций находится на самом начальном этапе [Григорьев и др., 2009; Мухаметдинов, 2014; Климова, 2019].

Несмотря на столь незначительное количество изделий с поселения Бочанцево 1, возможно сопоставление полученной информации, в частности, на уровне представлений об исходном пластичном сырье и составлении формовочных масс с изученными ранее коллекциями алакульской и федоровской культур Притоболья. Так, представления об илистых глинах как сырье для производства керамики были устойчивыми у носителей той и другой традиций. Обращает на себя внимание лишь то, что сосуды, изготовленные из данного вида сырья, обычно составляют только часть коллекций. Так, в алакульских материалах такие изделия представлены в большинстве — 73 % на поселении Нижнеингальское 3, 82 % на Уке III. По керамическим коллекциям федоровской культуры зафиксировано меньшее количество таких сосудов — от 53,1–56,9 % на поселениях Черемуховый Куст и Щетково 2 до 47,5 % на Курье 1. На поселении Бочанцево 1 применение илистых глин зафиксировано по всем изученным изделиям, в то же время аналитические данные о составе шамота показывают, что раздробленные сосуды изготавливались в том числе из глин.

Сходство навыков труда гончаров обнаруживается при сопоставлении информации о составах формовочных масс сосудов на разных поселениях. В целом по материалам изученных коллекций отмечается разнообразие искусственно вводившихся примесей и их сочетаний, но в абсолютном большинстве случаев примесями к исходному пластичному сырью служили шамот и органические добавки. Для алакульских коллекций процент сосудов с данными примесями составляет от 73,6 % (Ук 3) до 83,1 % (Нижнеингальское 3), для федоровских — от 77,3 % (Черемуховый Куст) до 80,5–83,4 % (Щетково 2, Курья 1). Что касается примеси кальцинированной кости, то, как мы отмечали выше, она фиксируется в массах незначительного количества изделий всех изученных на сегодняшний день коллекций. Отсутствие на поселении Бочанцево 1 сосудов, изготовленных из формовочных масс с примесью талька, может быть объяснено как более поздней хронологической позицией памятника относительно других комплексов, где данная добавка встречается (Ук III, Нижнеингальское 3, Черемуховый Куст, Щетково 2, Курья 1), так и с точки зрения традиций, существовавших у гончаров конкретной группы населения, основавшей поселок.

Таким образом, керамика двух культурных групп обитателей поселения Бочанцево 1, хотя и имеет некоторое своеобразие в технологии изготовления, демонстрирует сходство с комплексами других памятников Притоболья. Возвращаясь к проблеме соотношения алакульской и федоровской культур, подчеркнем, что для достаточно весомых и аргументированных выводов об их сосуществовании и взаимодействии, как, собственно, и для утверждения обратного, данных, полученных с поселения Бочанцево 1, недостаточно, что обусловлено нерепрезентативностью и фрагментарностью коллекции керамики. По зафиксированным незначительным различиям в технологии и алакульских сосудов с разных участков поселения, и федоровских сосудов любые заключения не будут убедительны. По имеющейся сейчас аналитической информации можно говорить, что, по всей видимости, восточная часть памятника была заселена раньше, чем западная, приуроченная к берегу озера, и здесь проживала группа только алакульского населения. Об этом могут свидетельствовать как облик фрагментов сосудов, сопоставимый со второй и третьей хронологическими группами алакульских древностей Среднего Притоболья [Матвеев, 1998, с. 310–314, рис. 82], так и некоторые особенности в технологии сосудов (нали-

чие талька в составе шмота, обработка поверхностей сосудов с помощью уплотнения). Позже западную часть памятника осваивала группа населения, являющаяся носителем федоровской культурной традиции. В силу немногочисленности фрагментов алакульских изделий выскажем лишь предположение, что федоровская и алакульская группы населения проживали здесь одновременно. В пользу этого может выступать и более поздний облик обнаруженных здесь сосудов, соответствующий в большей степени четвертой хронологической группе алакульской культуры [Там же], а также значительное сходство технологии их изготовления с приемами изготовления федоровских сосудов. Вместе с тем эта точка зрения нуждается в дополнительной аргументации на основе как дальнейших исследований поселения, так и получения массовых данных о технологии гончарного производства алакульского и федоровского населения из сопредельных регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. С. 193–217.
- Васильева И.Н. О выделениях видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Междунар. симп. (29–31 окт. 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 16–23.
- Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Салугина Н.П. Типология и технология изготовления керамики поселения эпохи поздней бронзы Мочище в Южном Зауралье // Известия Чел. НЦ. 2009. № 2 (44). С. 40–43.
- Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 311–320.
- Епимахов А.В., Таиров А.Д. Андроновские древности бронзового века при Челябинского региона: Новые материалы и старые проблемы // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитар. науки. 2014. № 4 (14). С. 29–36.
- Зах В.А. Формирование федоровской культуры в Притоболье и пути миграции ее носителей на восток // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: (Основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 184 с.
- Илюшина В.В. Особенности гончарного производства у населения эпохи бронзы в Нижнем Притоболье // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. I. С. 253–257.
- Климова А.Д. Формовочные массы керамики культур Южного Зауралья бронзового века (по материалам поселения Чебаркуль III) // LI Урало-Поволж. археол. студ. конф. (УПАСК, 5–8 февр. 2019 г.): Материалы всерос. (с междунар. участием) конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган: Изд-во КурГУ, 2019. С. 45–47.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
- Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 24 с.
- Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.
- Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 27 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матвеев А.В. Федоровская культура в лесостепном Зауралье // Александр Васильевич Матвеев: Сб. науч. трудов и воспоминаний. Посвящен памяти А.В. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. С. 53–93.
- Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 219–228.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Софеев О.В. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–99.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.

V.V. Ilyushina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: vika_tika@mail.ru

POTTERY-MAKING TECHNOLOGY USED BY ALAKUL AND FEDOROVO GROUPS OF THE BOCHANTSEVO-1 SETTLEMENT

In the archaeology of Northern Eurasia, the relationship between the Alakul and Fedorov cultures (Andronovo cultural-historical community of the Late Bronze Age) remains an issue. In order to resolve it, a detailed study of pottery complexes, namely, the technology of pottery making used by these cultures is required. This work presents new data on the technologies of pottery making used by the Alakul and Fedorovo groups of the Bochantsevo-1 settlement as well as their comparison. Thirty fragments from different vessels of the Fedorovo and Alakul cultures were subjected to technical and technological analysis using the approach developed by A.A. Bobrinsky. The material analysis reveals the similarity of potters' skills at all the studied stages of pottery making. Alakul and Fedorovo potters used exclusively silty clay containing river mollusc shell for making ware. The information obtained on the chamotte composition indicates that both cultural groups had accepted views of using silty clay as pottery raw material. In the preparation of moulding materials, chamotte and organic additives were mainly used. The use of crushed calcined bone is recorded in Alakul vessels. The analysis of clay (with chamotte inclusions) indicates the traditional nature of these skills among the Alakul and Fedorovo potters. In addition, an admixture of talc is registered in the chamotte composition. Presumably, the use of talc was characteristic of these groups. The potters smoothed the finished ware with their fingers, cloth and spatulas, subsequently consolidating or polishing them to add shine. Consolidating vessel walls without polishing them was more characteristic of Alakul potters. The character of painted surfaces and fractures of vessels show them to have been baked in fire-pits or hearths. Most of the time, vessels were exposed to an incandescence temperature for a short period of time; however, fractures inherent in some Alakul pottery fragments indicate them to have been fired at lower temperatures. The comparison of the pottery making technology of the Alakul and Fedorovo groups (Bochantsevo 1 settlement) with previously obtained results reveals similarities with other complexes from the Tobol area near Tyumen. Preliminary results of studying materials from the Bochantsevo 1 settlement show that the eastern part of Bochantsevo 1 was settled earlier and was reclaimed by the Alakul group. The western part of this monument was settled later by the representatives of the Fedorovo culture. The presence of an insignificant number of Alakul vessel fragments in the Fedorovo complex may be indicative of the existence of the group representatives, which may also be evidenced by the results of studying the ware making technology.

Key words: forest-steppe Tobol area, the Late Bronze Age, Alakul culture, Fedorovo culture, ceramics, technical and technological analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-036-048

REFERENCES

- Beisenov A.Z., Loman V.G. (2009). *Ancient settlements of Central Kazakhstan*, Almaty: «Inzhu-Marzhan» poligrafii.
- Bobrinskii A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*, Moscow: Nauka.
- Bobrinskii A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva* (pp. 5–109), Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Bobrinskii A.A., Vasil'eva I.N. (1998). On some features of plastic raw materials in the history of the pottery production. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia* (pp. 193–217), Samara: Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Glushkov I.G. (1996). *The ceramics as a historical source*, Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN.
- Grigor'ev S.A., Petrova L.I., Salugina N.P. (2009). Typology and technology of making ceramics of the Late Bronze Age settlement Mochishe in the Southern Trans-Urals. *Izvestiia Cheliabinskogo nauchnogo tsentra*, (2), 40–43.
- Gutkov A.I., Papin D.V., Fedoruk O.A. (2014). Cultural features of the Andronovo ceramics from the burial ground Rublevo VIII. *Arii stepi Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleznogo veka v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriiakh* (pp. 311–320), Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet.
- Epimakhov A.V., Tairov A.D. (2014). Andronovo antiquities of the Bronze Age in near Chelyabinsk: New materials and old problems. *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*, (4), 29–36. Retrieved from <https://vestnik.susu.ru/humanities/article/view/3155/2946>.
- Ilyushina V.V. (2017). Features of pottery production among the population of the Bronze Age in Lower Tobol basin. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe, 1* (pp. 253–257), Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet. Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_35626584_52530496.pdf.

Klimova A.D. (2019). The molding masses of ceramics of the cultures of the Southern Ural of the Bronze Age (according to the materials of the settlement Chebarkul III). *LI Uralo-Povolzhskaya arkhologicheskaya studentcheskaya konferentsiya (UPASK, 5–8 fevralia 2019 goda): Materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* (pp. 45–47), Kurgan: Kurganskii gosudarstvennyi universitet.

Kuznetsova E.F., Teplovodskaya T.M. (1994). *Ancient metallurgy and pottery production of Central Kazakhstan*, Almaty: Gylm.

Matveev A.V. (1998). *First Andronovo people in Trans-Urals forests*, Novosibirsk: Nauka.

Matveev A.V. (2014). The Fedorovo culture in forest-steppe Trans-Ural. *Aleksandr Vasil'evich Matveev: Sbornik nauchnykh trudov i vospominanii. Posviashchen pamiati A.V. Matveeva* (pp. 53–93), Tiumen': IPOS SO RAN.

Mukhametdinov V.I. (2014). Technological traditions of making ceramics in the settlement Novo-Bairamgulovo-1. *Vestnik VEGU*, (1), 219–228. Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_21183645_29201028.pdf.

Potemkina T.M. (1985). *The Bronze Age of the forest-steppe Tobol river basin*, Moscow: Nauka.

Sofeikov O.V. (1990). Andronovo ceramics of the Kargat-6 settlement and some technology issues. *Drevniaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika* (pp. 89–99), Novosibirsk: Nauka.

Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2000). *Andronovo antiquities of the Tobol River Basin near Tyumen*, Ekaterinburg: Poligrafist (Rus).

Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2006). *Urefti I: Trans-Ural monument in the Andronovo context*, Ekaterinburg: Uralskii universitet.

Vasil'eva I.N. (2015). Raw materials for Neolithic ceramics and their distribution in the Volga region. *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii: Mezhdunarodnyi simpozium (29–31 oktiabria 2013 g., Moskva)* (pp. 16–23), Moscow: IA RAN.

Zakh V.A. (2014). Formation of the Fedorovo culture in the Tobol river basin and the migration routes of its carriers to the east. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (1), 14–23. Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a24/50-60.pdf.

Zdanovich G.B. (1988). *Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes: (The foundations of periodization)*, Sverdlovsk: Ural'skii universitet.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 11.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

С.В. Горохов

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com

ДЕТСКИЕ И ВЗРОСЛЫЕ НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ XVII–XIX вв. В СИБИРИ

Цель работы состоит в том, чтобы на археологическом материале разрешить проблему соотношения возраста погребенного и размеров нательного креста в православных некрополях Сибири XVII–XIX вв. Установлено, что во всех исследованных некрополях размер креста коррелируется с возрастом погребенных. Данная закономерность отсутствует только на кладбище Илимского острога. Определено, что возрастная граница перехода от малых нательных крестов к большим на разных памятниках сильно различается.

Ключевые слова: *ставрография, детский нательный крест, Изюк-1, Умревинский острог, Илимский острог, Спасский некрополь Иркутска, Сибирь.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-049-058

Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00150 «Комплексные археологические, исторические и этнографические исследования Умревинского острога».

Введение

В специальной литературе, посвященной изучению православных нательных крестов XVII–XIX вв., иногда можно встретить утверждение, предположение или наблюдение, что для детских захоронений характерны нательные кресты размеров существенно меньших, чем для погребений взрослых. В большинстве случаев исследователи просто констатируют факт принадлежности креста к детским с той или иной степенью уверенности. Например, О.М. Аношко относит к детским или крестильным нательный крест размерами 2,5(3,1 с ушком)×1,65 см [2011, с. 263], А.Ю. Загайнова и К.А. Куликова (научный руководитель д.и.н. Ю.А. Зеленева) определяют нательный крест малых размеров как детский [2017, с. 293], Л.В. Татаурова крест размерами 28×18 мм считает детским [2010, с. 133]. Авторы первых двух работ свои выводы основывают на данных из каталога «Тысячелетие креста»¹ [Станюкович и др., 2003, с. 48]. С.В. Гнутова и Е.Я. Зотова также полагают, что нательные кресты небольших размеров — детские [Гнутова, 1990, с. 26; 1993, с. 10; Гнутова, Зотова, 2000, с. 21], что такие крестики надевались при крещении [Гнутова, 1990, 1993]. В публикации 2000 г. авторы, отказавшись от этого предположения, высказали иное — что нательные кресты малых размеров надевались на умерших младенцев. К сожалению, исследователи не аргументировали свои выводы. В.И. Молодин при изучении коллекции крестов некрополя Илимского острога отметил, что «изделия первого и третьего вариантов (первого типа. — С. Г.) нашей классификации относятся к мужским крестам второго сорта, так называемым “детским”» [Молодин, 2001, с. 26; 2008, с. 86], т.е. исследователь выражает скепсис по поводу того, что эти кресты действительно детские. Определяя кресты как «детские», В.И. Молодин опирался на данные литейного мастера А.П. Серова (табл. 1) [«Об истории литейного дела...», 1993, с. 158]. В дальнейшем наше исследование покажет, что такое отношение В.И. Молодина к атрибуции крестов названных вариантов Илимского острога полностью оправданно. Г.Х. Самигулов обращает внимание на то, что нательные кресты малых размеров рассматриваются как детские при изучении старообрядческих крестов² [2008, с. 204; 2016, с. 86].

Наиболее обстоятельно к изучению вопроса о соотношении размера нательного креста и возраста погребенного подошел И.М. Бердников. Его наблюдения основаны на коллекции на-

¹ А.Ю. Загайнова, К.А. Куликова ссылаются на страницы, на которых отсутствуют какие-либо сведения по данному вопросу. Вероятно, страницы в работе указаны неточно. В каталоге «Тысячелетие креста» нам удалось обнаружить только один крест, который охарактеризован авторами как детский или крестильный (номер в каталоге 4-39).

² Г.Х. Самигулов в подтверждение ссылается на работы Э.П. Винокуровой и Л.Д. Макарова [Винокурова, 1999, с. 334–351; Макаров, 1990, с. 42], однако по указанным ссылкам нам не удалось обнаружить соответствующей информации.

тельных крестов из некрополя Спасской церкви г. Иркутска. Отправной точкой для исследования послужила информация литейного мастера А.П. Серова о небольших детских нательных крестах [«Об истории литейного дела...», 1993, с. 158, 159]. Автор разделил все кресты на три группы: до 25 мм, 25–35 мм и более 35 мм, но не сообщил, что это за размеры (неясно, что автор подразумевает под длиной креста). Если это высота креста, то с ушком или без ушка? Результаты распределения крестов по возрастным группам представлены в табл. 2.

Таблица 1

**Размеры нательных крестов по данным А.П. Серова
[Об истории литейного дела..., 1993, с. 157, 158]**

Table 1

Dimensions of cross pendants as determined by A.P. Serov [«On the history of the foundry...», 1993, p. 157, 158]

Сорт	Название сорта	Размер мужских крестов			Размер женских крестов		
		Высота, мм	Ширина, мм	Вес, г	Высота, мм	Ширина, мм	Вес, г
1	Младенческий	25	7	2	28	8	—
2	Детский	36	17	4	36	18	4
3	Средний	41	19	6	43	25	6
4	Крупный	47	24	8	48	26	8
5	Казацкий	52	48	12	53	50	12
6	Царегородский	По размеру и весу одинаковы, как крупные и казацкие, только фасона и композиции другой					

Таблица 2

**Соотношение возраста погребенных и размеров нательных крестов
на некрополе Спасской церкви Иркутска [Бердников, 2012а, с. 174, 175, рис. 5, 6]**

Table 2

Correlation between the age of buried persons and dimensions of cross pendants discovered in the necropolis of the Spasskaya Church of Irkutsk [Berdnikov, 2012a, p. 174, 175, fig. 5, 6]

Возраст погребенного	Размер крестов		
	Менее 25 мм	25–35 мм	Более 35 мм
До 12–14 лет	31 %	48 %	21 %
Более 12–14 лет	16 %	39 %	45 %

И.М. Бердников приходит к закономерному выводу, что детей хоронили преимущественно с нательными крестами небольшого размера, но это не было правилом для всех. Однако ряд выводов исследователя носят умозрительный, бездоказательный характер. Так, например, автор полагает, что массивные кресты из детских погребений не носились при жизни, а были положены при погребении. И.М. Бердников считает, что дети, умершие при рождении или в первые месяцы, но имеющие нательный крест, были окрещены после смерти (такая практика была запрещена), чтобы они могли быть погребены на общем кладбище на семейном участке. Из-за отсутствия аргументации не ясно, что мешало окрестить ребенка сразу после рождения. Такая практика известна. Даже если не было священника, обряд могла провести бабка-повитуха [Бардина, 1994, с. 393]. Также остается неясным, почему автор полагает, что на кладбище были семейные (родовые) участки. И.М. Бердников почему-то считает, что при выборе креста родители руководствовались здравым смыслом и эстетическими потребностями [2012а, с. 173–175; 2012b, с. 156].

Обзор литературы, посвященной «детским» нательным крестам, показал, что источником информации о таких крестах служат две работы — каталог «Тысячелетие креста» и публикация источника «Об истории литейного дела икон и крестов медно-литейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области» [Станюкович и др., 2003; «Об истории литейного дела...», 1993]. В каталоге «Тысячелетие креста» лишь в описании одного нательного креста сказано, что он является крестильным или детским в силу своих малых размеров [Станюкович и др., 2003, с. 48, номер в каталоге 4–39]. Вероятно, это предположение самих авторов. Информация из этих публикаций органично дополнила интуитивные догадки и наблюдения некоторых исследователей о размерах крестов из детских погребений.

Тетради красносельского литейного мастера А.П. Серова (1899–1974) сообщают нам некоторые сведения о реалиях производства нательных крестов отцом автора — П.Я. Серовым (1863–

1946), который осуществлял свою деятельность самое раннее в конце XIX в. Этот источник рассказывает о деятельности одного человека в определенном регионе и в ограниченное время, которое весьма существенно отстоит от интересующей нас эпохи [«Об истории литейного дела...», 1993]. Учитывая эти обстоятельства, следует признать, что записи П.А. Серова не могут помочь разрешить вопрос о соотношении возраста погребенного и размера нательного креста, обнаруженного при нем. На основании археологических материалов некрополя Спасской церкви г. Иркутска проблема также не разрешается, так как не опубликованы первичные данные, а представленная И.М. Бердниковым информация неполная. Кроме того, археологические данные проанализированы только по одному памятнику, что не позволяет составить более или менее целостную картину по Сибири в целом.

При проведении хронологического-планиграфического анализа нательных крестов русских православных некрополей XVII–XIX вв. исследователь сталкивается с ситуацией, при которой на одном и том же участке кладбища захоронены как взрослые, так и дети разных возрастов³. При этом и взрослые и дети были захоронены примерно в один и тот же интервал времени. Однако свои нательные кресты взрослые и дети получили в разное время. Дети — непосредственно перед погребением либо несколько месяцев или лет назад, а взрослые — до нескольких десятков лет назад. Поэтому для более точной реконструкции хронологии развития некрополя необходимо знать, содержат или нет детские захоронения специфические детские кресты и, если содержат, в каком возрасте происходила перемена детского креста на взрослый. В свете этого определение соотношения возраста погребенного и размеров нательного креста для современной ставрографии является актуальной задачей.

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состояла в том, чтобы на археологическом материале разрешить проблему соотношения возраста погребенного и размеров нательного креста. Для достижения цели был поставлен и выполнен ряд задач: 1) сформирована репрезентативная источниковая база; 2) выработаны подходы для корректного определения размеров нательных крестов; 3) установлена связь между возрастом погребенного и размером нательного креста для каждого памятника; 4) проведено сравнение результатов анализа по различным погребальным памятникам; 5) выполнено сравнение коллекции нательных крестов, происходящих из погребального памятника, с коллекцией случайно утерянных крестов.

Источниковая база исследования представлена коллекциями нательных крестов, сформировавшимися в ходе раскопок некрополей Умревинского (Новосибирская область) и Илимского (Иркутская область) острогов, кладбища поселения Изюк-I (Омская область), а также коллекцией случайно утерянных нательных крестов из Новосибирского Приобья. Коллекция нательных крестов некрополя Умревинского острога представлена 46 экз. Для 43 крестов известен их размер и возраст погребенного (младенец, ребенок или взрослый). Коллекция нательных крестов Илимского острога представлена 214 экз.⁴ Размеры крестов и возраст погребенных известны для 206 экз. [Молодин, 2007]. Коллекция нательных крестов кладбища поселения Изюк-I представлена 209 нательными крестами. Для 195 экз. известны размеры креста и возраст погребенного [Татаурова, 2010]. При оценке размеров крестов мы руководствовались только шириной изделия (длиной горизонтальной лопасти), так как, во-первых, из публикаций часто неясно, включен размер ушка в значение вертикального размера креста или нет, и, во-вторых, даже при обломанной горизонтальной лопасти можно восстановить ее размер: горизонтальная лопасть располагается симметрично относительно средокрестия в отличие от вертикальной лопасти.

Результаты

Анализ полученных данных позволяет зафиксировать ряд фактов. Наблюдается зависимость между шириной нательного креста и возрастом погребенного: чем больше возраст погребенного, тем больше ширина креста. Данная закономерность для всех исследованных памятников выражена в разной степени. Ярче всего она проявилась для кладбища поселения Изюк-I. Разница между шириной крестов детей до 4 лет и взрослых (более 14 лет) достигает 5,2 мм. Чуть менее ярко — в коллекции некрополя Умревинского острога: 4,4 мм. Едва улавливается

³ Подробнее о хронологическом-планиграфическом анализе некрополей см.: [Горохов, 2018; Горохов, Бородавский, 2017].

⁴ В литературе существует путаница относительно количества крестов из Илимского некрополя. В монографии В.И. Молодина в одном месте указано число 215, в другом — 214 [2007, с. 30–33, 39]. В статье И.В. Сальниковой сказано, что крестов было 205 [2016, с. 51].

эта тенденция в коллекции крестов некрополя Илимского острога — 1,3 мм, поэтому В.И. Молодин совершенно справедливо скептически отнесся к возможности выделения «детских» крестов на этом памятнике [2001, с. 26; 2008, с. 86]. Выявленная закономерность свидетельствует, что в Сибири бытовала традиция замены нательных крестов при достижении определенного возраста. Смена креста происходила один или два раза в возрасте 10–20 лет. Возможно, смена крестов была связана не с традицией, а со случайной утерей и необходимостью приобрести новый крест. В этом случае увеличение размеров крестов в соответствии с возрастом должно было происходить постепенно, без скачков. На данный момент не представляется возможным определить, в каком возрасте заменялся крест и количество таких замен, если таковые были, ни для Сибири в целом, ни для отдельных памятников, так как на возраст 10–20 лет приходится очень низкая смертность (это не позволяет сформировать достаточно репрезентативную источниковую базу для проведения такого исследования).

На первом этапе выполним сопоставление размеров крестов с возрастом погребенных (рис. 1–4).

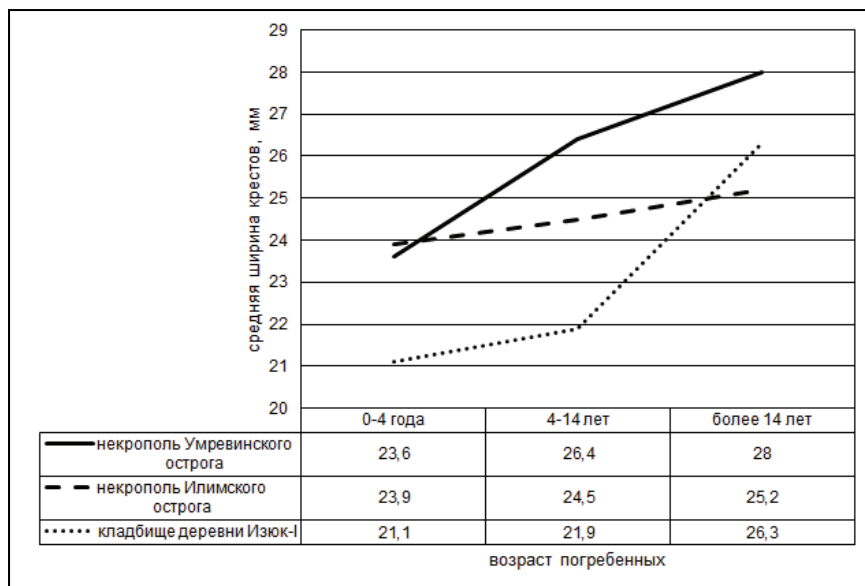

Рис. 1. Соотношение ширины нательных крестов и возраста погребенных.
Fig. 1. Correlation between the width of cross pendants and age of buried persons.

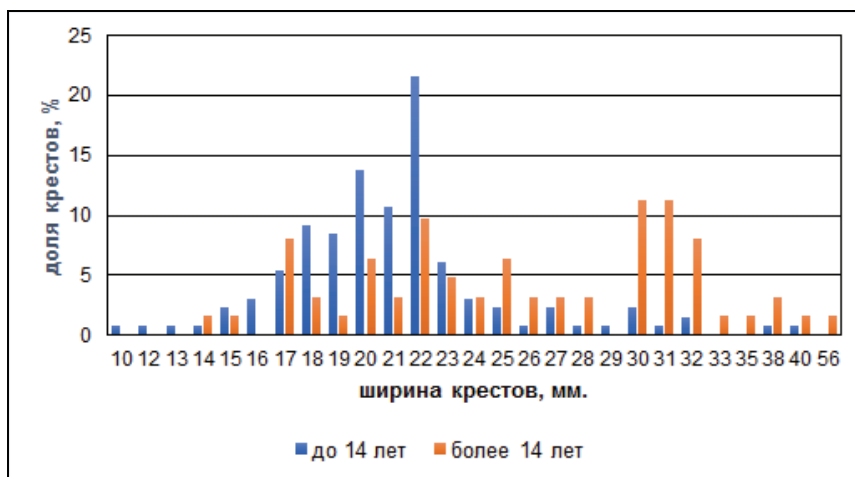

Рис. 2. Соотношение ширины нательных крестов и возраста погребенных на кладбище деревни Изюк-І.
Fig. 2. Correlation between the width of cross pendants and age of buried persons in the cemetery of the village Izyuk-I.

Детские и взрослые нательные кресты XVII–XIX вв. в Сибири

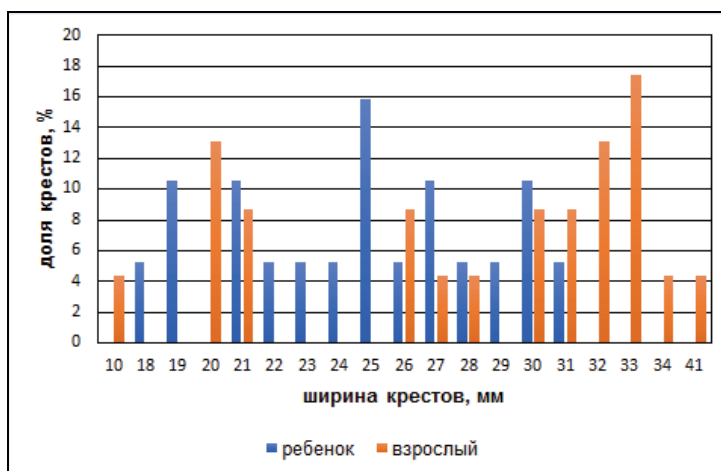

Рис. 3. Соотношение ширины нательных крестов и возраста погребенных на некрополе Умревинского острога.

Fig. 3. Correlation between the width of cross pendants and age of buried persons on the necropolis of Umrevinsky ostrog.

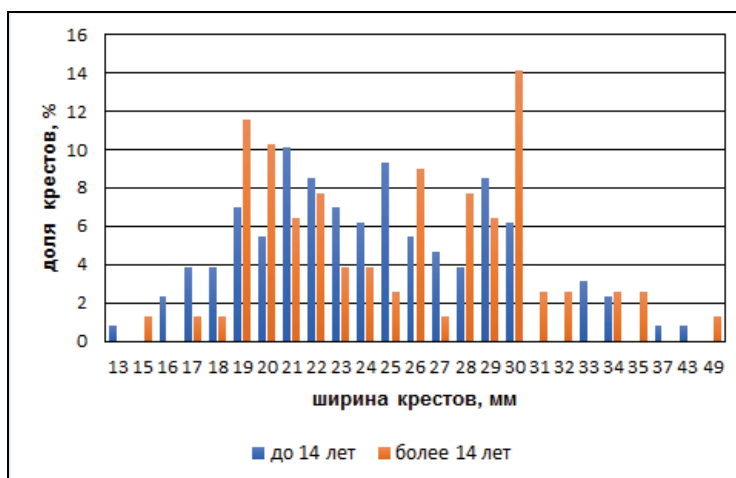

Рис. 4. Соотношение ширины нательных крестов и возраста погребенных на некрополе Илимского острога.

Fig. 4. Correlation between the width of cross pendants and age of buried persons on the necropolis of Ilimsky ostrog.

На втором этапе осуществим планиграфический анализ распределения детских захоронений с крестами малых размеров в составе каждого некрополя в отдельности, так как разумно предположить, что традиция ношения крестов определенного размера в соответствии с возрастом могла как появляться, так и исчезать в обособленном коллективе людей с течением времени.

Планиграфия распределения погребенных в возрасте от рождения до 14 лет по размеру нательных крестов на кладбище деревни Изюк-I представлена на рис. 2 [Татаурова, 2010]. Из него следует, что детские погребения как с большими, так и с малыми нательными крестами распределены в пространстве некрополя смешанно и относительно равномерно. Выделяется лишь небольшой участок некрополя во втором и третьем ряду могил (при счете с запада на восток), детские погребения на котором содержат исключительно кресты малых размеров (рис. 5). Учитывая компактное расположение этих захоронений, можно предположить, что на данном участке некрополя хоронили представителей какой-то группы людей (возможно, семейной), практиковавшей захоронение только с нательными крестами, размер которых коррелируется с возрастом погребенных.

Аналогичный планиграфический анализ, выполненный для кладбища Илимского острога, показал, что детские захоронения с большими и малыми нательными крестами распространены равномерно в пространстве некрополя. При этом Илимский острог был связан прямым водным

путем по р. Ангаре с Иркутском, на Спасском кладбище которого зафиксирована традиция хоронить детей с крестами малых размеров (табл. 2). Этот факт требует объяснения, возможно находящегося в области традиционных представлений, обусловленных территориальной обособленностью или хронологическим разрывом.

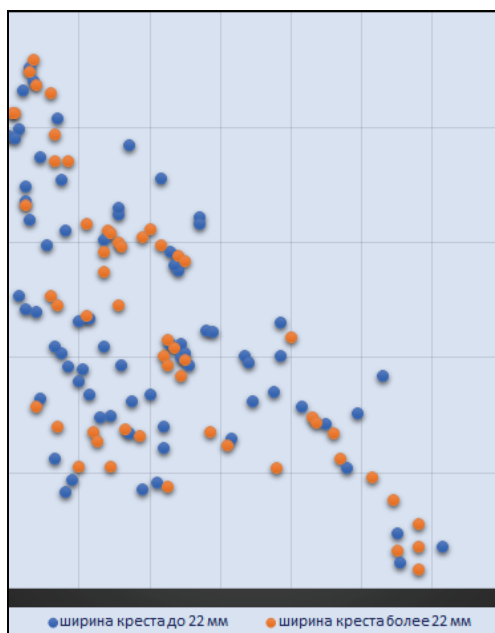

Рис. 5. Планиграфическое распределение малых («детских») и больших («взрослых») нательных крестов на кладбище деревни Изюк-1 (север сверху) [Татаурова, 2010].

Fig. 5. Planigraphic distribution of small («children») and large («adult») cross pendants in the territory of the cemetery of the village of Izyuk-I (north at the top) [Tataurova, 2010].

Выполнить полноценный планиграфический анализ для Умревинского острога на данном этапе невозможно, так как некрополь не исследовался сплошной площадью⁵. Однако можно оценить размер крестов в детских погребениях отдельно в раскопе западной тыновой стены, южной тыновой стены и в центральной части двора острога. Из табл. 3 следует, что на всех участках средний размер нательных крестов у детей меньше, чем у взрослых.

Таблица 3

Размеры нательных крестов у взрослых и детей в различных частях некрополя Умревинского острога

Table 3

Dimensions of adult and children cross pendants in different parts of the necropolis of the Umrevinsky Ostrog

Участок некрополя	Средняя ширина нательных крестов в погребениях взрослых, мм	Средняя ширина нательных крестов в детских погребениях, мм	Разница в размерах нательных крестов в погребениях взрослых и детей, мм
Раскоп западной тыновой стены	26,9	24,9	2
Раскоп южной тыновой стены	28,1	22,8	5,3
Раскоп в центральной части двора острога	30,7	26,8	3,9

При этом максимальная разница в размерах зафиксирована в раскопе южной тыновой стены. Мы полагаем, что этот участок некрополя является наиболее поздним (XIX в.). Следовательно, традиция захоронения детей с нательными крестами малых размеров, присутствовав-

⁵ Погребения некрополя Умревинского острога исследуются по факту попадания захоронений в раскопы оборонительных сооружений, а также в раскоп административного сооружения в центральной части двора острога [Горохов, Бородавский, 2018, рис. 1].

шая на некрополе Умревинского острога еще в конце XVIII в., постепенно захватывала все большие группы населения, что выразилось в максимальной разнице в размерах нательных крестов в захоронениях взрослых и детей в XIX в.

Перспективным представляется сравнение структуры коллекций нательных крестов, происходящих из некрополей, и коллекций крестов, случайно утерянных при жизни, в контексте размеров крестов с целью установления или опровержения факта ношения детьми крестов малых размеров при жизни. Для этого необходимо обеспечить сопоставимость данных по «детским» и «взрослым» нательным крестам в разрезе по возрасту владельцев, так как прямое сопоставление данных о возрасте погребенных (или владельцев) и размеров крестов из погребальных комплексов и из коллекций случайных находок некорректно в силу отсутствия данных о возрастной структуре группы людей — обладателей крестов из коллекции случайных находок. Предположим, что в течение жизни кресты терялись их обладателями с одинаковой интенсивностью. В таком случае количество лет, прожитых конкретным человеком, примем за условное количество нательных крестов, потерянных им за свою жизнь. Например, если человек прожил 50 лет, следовательно, в течение жизни он потерял 50 условных крестов; если полгода — то 0,5 условного креста⁶.

Для расчета количества условных крестов, которые могли быть утеряны в ходе жизни, воспользуемся данными по кладбищу русской деревни Изюк-I, так как на этом памятнике исследовано достаточно большое количество захоронений (более 260), большинство погребений было совершено с крестами и установлен биологический возраст смерти почти всех погребенных [Татаурова, 2010]. Для проведения соответствующих расчетов удалим из выборки все погребения без крестов и без числовых данных о возрасте. Так как большинство данных о возрасте представлено интервальными значениями, проведем их преобразование путем нахождения среднего арифметического. Затем разделим выборку на две части по возрасту: до 14 лет⁷ включительно и 15 и более лет. Подсчитаем суммарное количество лет, прожитых погребенными до 14 лет (104 года). Из значения возраста людей, умерших после 14 лет, вычтем 14 лет жизни, так как в эти годы по нашей классификации они были детьми и могли носить детские кресты. Полученные значения суммируем, в результате получим количество лет, прожитых погребенными после достижения 14-летнего возраста (1473 года). Исключенный 14-летний период детства каждого человека, перешагнувшего 14-летний рубеж, необходимо зачесть в суммарное количество лет жизни детей. Для этого число людей, умерших в возрасте более 14 лет, необходимо умножить на 14 и сложить с суммарным количеством лет, прожитых погребенными, умершими до 14 лет ($14 \cdot 65 + 104 = 1014$). Таким образом, погребенные из нашей выборки прожили совокупно 2487 лет, из которых на возраст до 14 лет включительно пришелся 41 % лет жизни. Однако 22 % детей были захоронены с нательными крестами больших размеров. Если учесть этот фактор, то доля лет жизни всех захороненных, носивших детский нательный крест, должна быть уменьшена до 32 %. В действительности это значение должно находиться в интервале 32–41 %, так как нельзя исключить того, что ребенок, потеряв большой нательный крест, получал в пользование крест малых размеров.

Для сравнения с данными, полученными для памятника Изюк-I, используем коллекцию случайно утерянных нательных крестов, происходящих из Новосибирского Приобья, данные по которой находятся в нашем распоряжении. Такое сравнение представляется нам допустимым, так как коллекции нательных крестов происходят из соседних регионов, связанных интенсивно использовавшимся сухопутным транспортным путем (Московско-Сибирский тракт), на территории которых распространялись нательные кресты, в значительной своей массе поступавшие из единого центра [Горохов, 2019]. Всего в коллекции 102 нательных креста, для которых известна ширина. Крестов с шириной до 26 мм⁸ включительно 48 %. В действительности это значение должно быть несколько меньше, так как по данным некрополя Умревинского острога в возрасте

⁶ Это не означает, что человек потерял 50 реальных крестов. Один реальный крест может соответствовать любому количеству условных крестов. Конкретный коэффициент пересчета для нашего исследования не имеет значения, так как мы будем оперировать относительными величинами.

⁷ Это значение выбрано в качестве границы детского возраста для обеспечения сопоставимости с данными, которыми мы оперировали в настоящей статье при решении других задач.

⁸ Именно такой размер крестов характерен для захороненных на некрополе Умревинского острога в возрасте около 14 лет (рис. 1). Необходимость ориентироваться на данные по Умревинскому острогу обусловлена тем, что этот памятник так же, как и исследуемая коллекция случайно найденных нательных крестов, расположен в Новосибирском Приобье.

около 14 лет многие дети были захоронены с нательными крестами больших размеров в отличие от кладбища деревни Изюк-I (рис. 1). К этому нужно также добавить, что дети, вероятно, теряли свои кресты чаще взрослых в силу своей большей подвижности и менее внимательного отношения к нательному кресту из-за непонимания его значения. Этот фактор ведет к завышению доли крестов малых размеров в коллекции случайно утерянных нательных крестов.

Учитывая всю совокупность данных, можно сделать вывод, что на юге Западной Сибири при захоронении умершим оставляли тот крест, что они носили при жизни. Этот вывод в полной мере касается и детских захоронений. Таким образом, для исследуемого региона в XVIII–XIX вв. не находят подтверждения предположения некоторых исследователей, что младенцы и маленькие дети погребались с нательными крестами, которые они не носили при жизни. Данный вывод не исключает того, что отдельные семьи практиковали такой обряд. Но доля их была невелика. Не исключено также, что такая традиция была широко распространена в других регионах. Предложенная в настоящей статье методика позволит проверить гипотезу о помещении в могилу нательных крестов, которые не носились при жизни, на коллекциях нательных крестов, происходящих из других регионов.

Заключение

В результате проведенного нами исследования было установлено, что на кладбище деревни Изюк-I, некрополе Умревинского острога и некрополе Спасской церкви Иркутска погребения младенцев, детей и подростков совершались с крестами размеров меньших, чем в погребениях взрослых. При этом в детских захоронениях встречаются кресты «взрослых» размеров, а в погребениях взрослых — кресты «детских» размеров. Напротив, для некрополя Илимского острога характерны кресты одинаковых размеров как у детей, так и у взрослых. Тем не менее и здесь обнаружена слабовыраженная статистическая связь между возрастом погребенного и размером его нательного креста. Требуется объяснения факт расхождения размеров крестов в детских погребениях на Спасском некрополе Иркутска и на некрополе Илимского острога, так как эти памятники расположены довольно близко друг от друга и связаны интенсивно использовавшейся в транспортном отношении водной артерией — р. Ангарой. Установлено, что размер креста у человека увеличивался пропорционально с его возрастом. Ярче всего эта тенденция проявилась на материалах некрополя Умревинского острога, менее выражено — на материалах кладбища деревни Изюк-I и некрополя Илимского острога. В связи с этим необходимо поставить вопрос о наличии традиции смены нательного креста на крест большего размера при достижении определенного возраста. Впрочем, такая смена могла происходить не целенаправленно, а в результате случайной утери нательного креста, что, по всей видимости, происходило достаточно часто при выполнении физической работы, которой повседневно была занята большая часть населения. Полученные результаты также говорят о необходимости раздельного рассмотрения погребений детей и взрослых при проведении планиграфического анализа православных некрополей XVII–XIX вв. в Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аношко О.М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Омский ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 259–267.
- Бардина П.Е. Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 383–393.
- Бердников И.М. Кресты-тельники из раскопок Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012а. Т. 11. № 7. С. 164–178.
- Бердников И.М. Нательные кресты, иконы и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (г. Иркутск) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012б. № 1. С. 138–165.
- Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука, 1999. С. 326–360.
- Гнутова С. «Крест святой, надежда искупления моего...» // Творчество. 1990. № 12. С. 24–27.
- Гнутова С.В. Медная мелкая пластика Древней Руси: (Типология и бытование) // Русское медное литье. М.: Сол Систем, 1993. Вып. 1. С. 7–20.
- Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI — начала XX века из собрания центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес, 2000. 127 с.

Детские и взрослые нательные кресты XVII–XIX вв. в Сибири

Горохов С.В. Хронологический-планиграфический анализ состава сплавов нательных крестов Илимского острога // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 14–28. doi: 10.24866/1997-2857/2018-4/14-28.

Горохов С.В. Сравнительный анализ рецептур сплавов нательных крестов XVII–XIX веков Сибири, Поволжья и Северо-Запада России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. (В печати).

Горохов С.В., Бородавский А.П. Нательные кресты Умревинского острога // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 3. С. 98–107.

Горохов С.В., Бородавский А.П. Некрополь Умревинского острога (Верхнее Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 123–130. doi: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.123-130.

Загайнова А.Ю., Куликова К.А. Культовая металлопластика Троицкого некрополя города Царевококшайска (Йошкар-Ола): Систематизация и типология // Богатство финно-угорских народов. Йошкар-Ола: Марийский ун-т, 2017. С. 291–293.

Макаров Л.Д. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII–XVIII вв.) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990. С. 63–73.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

Молодин В.И. Очерки по ставрографии. Красноярск, 2008. 164 с.

Молодин В.И. Старообрядческие нательные кресты из илимской коллекции // Исторический ежегодник. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. С. 20–30.

«Об истории литейного дела икон и крестов медно-литейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области»: Из тетради красносельского литейного мастера А.П. Серова (1899–1974) // Русское медное литье. М.: Сол Систем, 1993. Вып. 2. С. 155–160.

Сальникова И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2016. Т. 15. № 5. С. 50–69.

Самигулов Г.Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII — середины XIX века: (К вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 202–221.

Самигулов Г.Х. Старообрядческие или никонианские? (об интерпретации русских погребальных памятников XVII–XVIII вв.) // Археология Среднего Приобья и сопредельных территорий. Курган, 2016. С. 83–94.

Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста: Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М., 2003. 62 с.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв.: По материалам комплекса Изюк-I. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.

S.V. Gorokhov

Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
Akad. Lavrent'ev av., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com

CHILDREN'S AND ADULT CROSS PENDANTS OF THE 17th–19th CENTURIES IN SIBERIA

When conducting a chronological and planigraphic analysis of cross pendants discovered in Russian orthodox necropoleis belonging to the 17th–19th centuries, a researcher may encounter a situation of both adults and children of different age groups being buried in the same cemetery area, as well as within the same time period. However, these adults and children acquired their cross pendants at different moments. Therefore, to reconstruct the chronological development of such necropoleis in greater detail, it is required to know whether children's graves contain any specific cross pendants and, if they do, at what age a children's cross pendant was replaced with an adult one. This study was aimed at resolving the issue of correlation between the age of a buried person and the size of his/her cross pendant on the basis of archaeological material. The research base was represented by the collections of cross pendants formed during excavation works across the territory of the necropoleis of the Umrevinsky and Ilmsky Ostrogs, the cemetery of the Izyuk-I settlement, as well as by a collection of accidentally lost cross pendants from the Ob area near Novosibirsk. At the first stage, the dimensions of cross pendants were correlated with the age of the buried persons. It is determined that the width of a cross pendant depended on the age of a buried person, i.e. the older the buried person was, the wider his/her cross pendant turned out. This regularity has been observed in all the studied monuments to a various extent. The identified regularity testifies to the tradition in Siberia of replacing cross pendants when people reached a particular age; thus, a cross pendant was replaced once or twice at the age of 10–20 years. Such replacement of cross pendants might have been related to an accidental loss and a necessity to acquire a new cross pendant rather than to a tradition. The second research stage implied a planigraphic analysis of distribution of children's graves with small-sized cross pendants within each necropolis. The analysis has shown the cemetery of the Izyuk-I village and the necropolis of the Ilmsky Ostrog to be characterized by a homogeneous distribution of small-sized cross pendants. Moreover, the necropolis of Umrevinsky Ostrog reflected an increase in the difference between the sizes of children's and adult cross pendants in the 19th century. The sized-based comparison of cross pendants from the necropoleis and

cross pendants accidentally lost during lifetime has demonstrated that, in the south of Western Siberia, people were buried with the same cross pendants they had been wearing during their lifetime.

Key words: staurography, children cross pendant, Izyuk-I, Umrevinsky Ostrog, Ilmsky Ostrog, Spassky necropolis of Irkutsk, Siberia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-049-058

REFERENCES

- Anoshko O.M. (2011). Crosses from the cultural layer of Tobolsk. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* (pp. 259–267), Omsk: Omskii institut (filial) RGTEU Publ.
- Bardina P.E. (1994). Russians. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, 2 (pp. 383–393), Tomsk: Tomskii universitet.
- Berdnikov I.M. (2012a). The pectoral crosses found during the excavation of the church of Savior's necropolis in Irkutsk. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 11(7), 164–178.
- Berdnikov I.M. (2012b). Pectoral Crosses, Icons, and Miniature Icons from Excavations at Krestovozdvizhensky Necropolis (Irkutsk). *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (1), 138–165.
- Gnutova S. (1990). «The Holy Cross, the hope of my redemption...». *Tvorchestvo*, (12), 24–27.
- Gnutova S.V. (1993). Copper fine plastic of Ancient Russia: (Typology and existence). *Russkoe mednoe lit'e*, (1) (pp. 7–20), Moscow: Sol Sistem.
- Gnutova S.V., Zotova E.Ia. (2000). *Crosses. Icons. Fold Copper art casting of the 11th — early 20th century from the collection of the Central Museum of Old Russian Culture and Art named after Andrei Rublev*, Moscow: Interbuk-biznes.
- Gorokhov S.V. (2018). Chronological and planigraphic metal alloy composition analysis of the cross pendants from Fort Ilm. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (4), 14–28. doi: 10.24866/1997-2857/2018-4/14-28.
- Gorokhov S.V. (2019). Comparative Analysis of Alloy Formulations of Cross Pendants Discovered in Siberia, the Volga Region and North-Western Region of Russia and Belonging to the 17–19th Centuries. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. In print.
- Gorokhov S.V., Borodovskii A.P. (2017). Cross pendants of Umrevinsky ostrog. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, (3), 98–107.
- Gorokhov S.V., Borodovskii A.P. (2018). The Cemetery at Fort Umrevinsky, in the Upper Ob Basin. *Archaeologia, Ethnologia, Anthropologia Eurasia*, (2), 123–130. doi: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.123-130.
- Makarov L.D. (1990). Funerary monuments of the Russian population of the Vyatka land (12–18th centuries). *Vzaimodeistvie drevnikh kul'tur Urala* (pp. 63–73), Perm'.
- Molodin V.I. (2001). Old Believer crosses from the Ilmsk collection. *Istoricheskii ezhegodnik* (pp. 20–30), Omsk: Omskii universitet.
- Molodin V.I. (2007). *Crosses of the Ilmsk Ostrog*, Novosibirsk: INFOLIO.
- Molodin V.I. (2008). *Essays on Stavrography*, Krasnoiarsk.
- Sal'nikova I.V. (2016). Elemental analysis of orthodox copper art casting as a method of chemico-technological attribution. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, (5), 50–69.
- Samigulov G.Kh. (2008). Once again about the cast crosses of the end of the 17th — mid the 19th century: (To the question of the Old Believers' crosses). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* (pp. 202–221), Omsk.
- Samigulov G.Kh. (2016). Old Believers or Nikonian? (On the interpretation of Russian funerary monuments of the 17–18th centuries). *Arkheologiya Srednego Pritobol'ia i sopredel'nykh territorii* (pp. 83–94), Kurgan.
- Staniukovich A.K., Osipov I.N., Solov'ev N.M. (2003). *Millennium of the Cross. Works of Russian Christian metalplastic of the 10–20th centuries from private collections*, Moscow.
- Tataurova L.V. (2010). *The funeral rite of the Russians of the Middle Irtysh of the 17–19th centuries according to the materials of the Izyuk-I complex*, Omsk: Apel'sin.
- Vinokurova E.P. (1999). Metal cast crosses of the 17th century. *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. XVII vek* (pp. 326–360), Moscow: Nauka.
- Zagainova A.Iu., Kulikova K.A. (2017). The cult metal-plastic of the Trinity necropolis of the city of Tsarevokokshajsk (Yoshkar-Ola): Systematization and typology. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov* (pp. 291–293), Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 26.02.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

К.Н. Тихомиров

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. К. Маркса, 15, Омск, 644024
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

СЕИТОВО IV — НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПРЕДКОВ ТАРСКИХ ТАТАР XVII–XVIII вв. В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

Рассматриваются результаты раскопок на грунтовом могильнике Сеитово IV, находящемся в южно-таежной зоне Среднего Прииртышья (Западная Сибирь). На основе анализа материала выделяются особенные черты в погребальном обряде. Это прежде всего особенности расположения погребенного в яме: зафиксированное сдвигание умершего от центра могилы к одной из ее стенок, положение одного скелета на боку, смещение костей с одной стороны к позвоночнику, возможно вызванное подкладыванием под тело какого-нибудь предмета. Полученные материалы (две московские денги времени Ивана IV) дали возможность уверенно датировать комплекс, а анализ письменных источников XVIII в. позволил предположить, что могильник был оставлен предками тарских татар.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Среднее Прииртышье, предки тарских татар, грунтовый могильник Сеитово IV, особые черты в погребениях, XVI–XVIII вв.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-059-068

Введение

История Западной Сибири периода перед началом освоения этих территорий выходцами из европейской части Российского царства, несмотря на многолетние исследования, до сих пор остается мало известной. И если лучшему пониманию первых годов проживания переселенцев из европейской части на новой земле может способствовать небольшой корпус источников, то о местном населении сведения практически отсутствуют. Тем не менее это важнейший период слома традиций и формирования нового в культурном отношении населения, начала формирования современных народов Сибири, в том числе сибирских татар. Его изучение поможет ответить на важнейшие вопросы культурогенеза.

Одними из наиболее исследованных территорий Среднего Прииртышья — традиционного места проживания предков сибирских татар XVI–XVIII вв. являются районы среднего и нижнего течения р. Тары. Здесь были проведены раскопки на нескольких могильниках. Наиболее полно опубликованы лишь Окунево VII [Матющенко, 2003; Матющенко, Полеводов, 1994], Бергамак II [Корусенко, 2003; Татауров, Тихонов, 1995; Тихомиров, 2012], Кыштовка II [Молодин, 1979] и Крючное 6, создавшие мощную базу для реконструкции погребального обряда населения указанных территорий.

В этих же районах в середине 1990-х — начале 2000-х гг. был проведен сбор информации о погребальных ритуалах среди населения современных татарских деревень и обследованы современные кладбища тарских татар [Корусенко, 1996, 1998; Корусенко и др., 1999; Селезнев, Мерзликин, 1994]. Вышла монография М.А. Корусенко [2003], в которой он, обобщив опубликованные и неопубликованные материалы раскопок С.С. Тихонова на могильнике Бергамак II и проанализировав этнографические данные, предложил вариант реконструкции множества элементов погребального обряда тюркоязычного населения низовьев р. Тары XVII–XX вв. Эти работы создали хорошую базу для реконструкции погребального обряда начиная с эпохи позднего средневековья. Однако они не раскрывали его в более ранние периоды.

Материалы исследования

Впервые сведения о могильнике были получены автором в 2012 г. от жителей д. Сеитово, передавших в дар перстень и остатки медного котла, а также позволивших сфотографировать бронзовую бляшку [Тихомиров, 2013, с. 229; 2018, с. 12, 13, 149, рис. 2, 5]. Жители села сообщили, что на территории этого памятника на протяжении длительного времени периодически производились работы по изъятию грунта для ремонта домов, в том числе с применением бульдозера, к тому же поверхность памятника периодически распахивалась. Это привело к уничтожению большей части памятника и нарушению дневной поверхности, в результате этого все внешние проявления захоронений, если они были, сnivelированы.

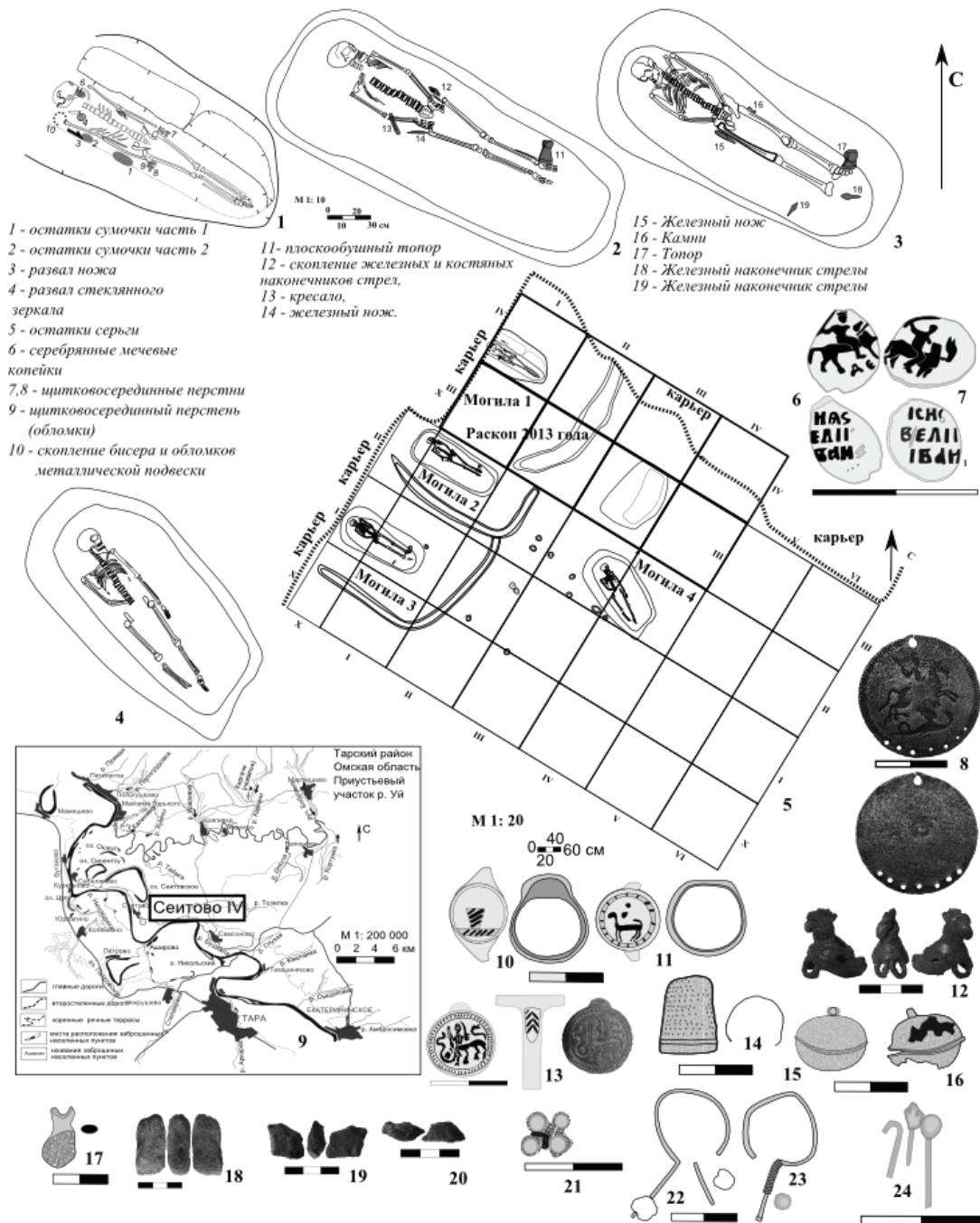

Рис. 1. Планы расположения могильника Сеитово IV, общий план раскопок, планы погребений, инвентарь из объектов и с территории могильника:

1 — план погр. 1; 2 — план погр. 2; 3 — план погр. 3; 4 — план погр. 4; 5 — общий план объектов; 6, 7 — московские денги (аверс и реверс); 8 — бляшка (часть украшения); 9 — план расположения памятника; 10, 11 — перстни; 12 — полая орнотоморфная подвеска; 13 — перстень с территории могильника; 14 — наперсток; 15, 16 — бубенчики; 17 — обломок пуговицы; 18–20 — камни; 21 — нашивка; 22, 23 — серьги; 24 — бронзовые изделия: 6, 7, 10, 11, 14–17, 21–24 — погребение 1; 18–20 — погр. 3; 8, 12, 13 — территория памятника: 6, 7 — серебро; 8, 10–13, 17, 22–24 — бронза; 21 — белый металл; 18–20 — камень.

Fig.1. Plans for the location of the Seitovo IV burial ground, a general excavation plan, entombment plans, inventory from the object and from the burial grounds:

1 — plan of the sepulture 1; 2 — entombment plan 2; 3 — sepulture plan 3; 4 — entombment plan 4; 5 — the general plan of graves and fosses; 6, 7 — Moscow money (obverse and reverse side of the coin); 8 — plaque (piece of bijouterie); 9 — plan of the location of the monument; 10, 11 — rings; 12 — hollow orintomorfny pendant; 13 — ring from the burial ground; 14 — thimble; 15, 16 — sleighbells; 17 — button fragment; 18–20 — stone; 21 — badge; 22, 23 — earrings; 24 — bronze artefacts: 6, 7, 10, 11, 14–17, 21–24 — grave 1; 18–20 — grave 3; 8, 12, 13 — territory of the site: 6, 7 — silver; 8, 10–13, 17, 22–24 — bronze; 21 — white metal; 18–20 — stone.

Грунтовый могильник Сеитово IV находится на правом берегу р. Иртыша между устьями рек Тара и Уй, на южной окраине д. Сеитово Тарского района Омской области, в 15 км к северо-западу от г. Тары (рис. 1, 9), на бровке первой надпойменной правобережной террасы Иртыша.

В 2013 и 2015 гг. на памятнике были проведены аварийно-спасательные работы на площади 151 м², на участке, прилегающем к западной стенке современного карьера между ним и бровкой террасы. В площадь раскопа попали четыре могилы и ровики вокруг них (рис. 1, 5).

Погребение 1 (рис. 1, 1). Яма была неправильной овальной формы, размерами 179×127 см, глубиной 39 см. Вокруг нее фиксировался ровик, северная часть которого была уничтожена карьером.

В яме находилось погребение по обряду трупоположения — вытянуто на спине головой на запад — северо-запад. Весь скелет был сдвинут к южной стенке. Отмечено, что его кости с левой стороны были смещены к позвоночнику и лежали ниже правой стороны. Вероятно, при погребении тело лежало на боку, опираясь правой стороной на стенку могильной ямы. Предварительно можно предположить, что это погребение взрослого индивида (женщины?).

Сопроводительный инвентарь составили: щитковые перстни (рис. 1, 10, 11), остатки сумочки для рукоделий, обломки железного ножа (рис. 2, 5), обломки серег в виде «?» (рис. 1, 22, 23), раздавленное стеклянное зеркало, две московские денги времени Ивана IV (Грозного) (рис. 1, 6, 7), остатки сумочки для рукоделия с бисером, бусами, наперстком и т.д.

Погребение 2 (рис. 1, 2). Яма была неправильной овальной формы, размерами 248×98 см, глубиной 52 см, ориентирована вдоль условной линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Вокруг могилы фиксировался ровик. Его западная часть была уничтожена карьером.

В яме находилось погребение по обряду трупоположения — вытянуто на спине головой на запад — северо-запад. Отмечается, что скелет сдвинут к северной стенке могилы, а кости левой руки смещены к позвоночнику, ключица и лопатка сдвинуты к черепу. Предварительно можно предположить, что это погребение взрослого индивида (мужчины?).

Сопроводительным инвентарем являлись: вильчатый наконечник с остатками древка и изделие в виде одношипного наконечника стрелы с отверстием посередине, выполненные из медных пластин (рис. 2, 8, 7), компактное скопление железных и костяных наконечников стрел (у левого бедра) (рис. 1, 2; 2, 9–12, 15–18), железный топор (рис. 2, 1) (у левой ступни, почти касаясь ее), лезвием направленный к костям, железный нож с остатками рукояти (рис. 2, 4), найденный на дне могилы с правой стороны от тазовых костей, и железное плоское прямоугольное кресало с отверстием, прорубленным посередине (рис. 2, 6), у тазовых костей с правой стороны на дне могилы (под правым локтем).

Погребение 3 (рис. 1, 3). Яма имела форму неправильного овала, ориентированного вдоль условной линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Ее размеры 225×93 см, глубина 49 см. У могилы фиксировался ровик. На юго-западной окраине ровика было обнаружено скопление костей животного и неорнаментированной лепной керамики. Можно предположить, что это были остатки тризны.

В могиле находилось погребение по обряду трупоположения — вытянуто на спине головой на запад — северо-запад. Скелет сдвинут к северной стенке ямы, а ключицы и предплечья с левой стороны смещены к позвоночнику. Предварительно можно предположить, что это погребение взрослого индивидуума (мужчины?).

В яме были найдены: у левой ступни железный топор (рис. 2, 2), прислоненный обухом к стенке могилы, лезвие уходило под кости ступни и упиралось в дно ямы; железный нож у пояса с правой стороны (рис. 2, 3); два железных плоских ромбических наконечника стрел (рис. 2, 13, 14); с левой стороны от пояса было обнаружено скопление из четырех камней, предназначение которых осталось неизвестно (рис. 1, 18–20).

Погребение 4 (рис. 1, 4). Его размеры 178×95 см при глубине 44 см. Ровика у могилы не фиксировалось.

В могиле находилось погребение по обряду трупоположения — вытянуто на спине головой на север — северо-запад. Скелет сдвинут к северной стенке ямы, а ключицы и предплечья с левой стороны смещены к позвоночнику. Предварительно можно предположить, что это погребение взрослого индивидуума (мужчины?).

Инвентарь, обнаруженный в погребениях, находит широкие аналогии в материалах могильников XVII–XVIII вв. в Западной Сибири.

Рис. 2. Инвентарь из могил:

1, 2 — топоры; 3 — нож и остатки рукояти; 4 — нож; 5 — нож и остатки накладок на рукоять; 6 — кресало;
7 — наконечник стрелы с остатками древка; 8 — изделие из меди в виде наконечника стрелы; 9–12,
15–18 — наконечники стрел из скопления (погр. 2); 13, 14 — наконечники стрел: 5 — погр. 1; 1, 4, 6–12, 15–18 — погр. 2;
2, 3, 13, 14 — погр. 3; 7, 8 — медь; 15, 17, 18 — кость, остальное — черный металл.

Fig. 2. Inventory from the graves:

1, 2 — axes; 3 — the knife and the remains of the handle; 4 — a knife; 5 — a knife and the remains of overlays on a handle;
6 — fire steel; 7 — arrowhead with the rest of the shaft; 8 — copper product in the form of an arrowhead;
9–12, 15–18 — arrowheads from congeries (grave 2); 5 — grave 1; 1, 4, 6–12, 15–18 — grave 2; 2, 3, 13, 14 — grave 3;
7, 8 — copper; 15, 17, 18 — bone, the rest is ferrous metal.

Топоры (2 экз.). Оба железные проушные плоскообушные без бородки. Наиболее близкие аналоги орудия из могилы 3 имеются в материалах раскопок Искера [Соловьев, 1987, с. 95, рис. 31, 2]. Топор из могилы 2 находит более широкие аналогии, ближайшие из которых — орудия с могильников Окунево VII [Матющенко, 2003, рис. 78, 4], Бергамак II [Тихомиров, 2012, с. 196, рис. 10, 1], Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 161, табл. XXIX, 2, 3, 5] и др. Топоры, подобные описываемым, бытуют с конца XVI в. [Соловьев, 1987, с. 96–98].

Ножи (3 экз.). Все они располагались острием к костям ступней. Два из них находились на дне могильной ямы в районе тазовых костей с правой стороны. А нож из могилы 1 обнаружен выше дна могилы (на 23 см), на куске бересты вместе с остатками сумочки для рукоделия, над правой плечевой костью. Он был в остатках ножен с остатком жесткого крепления к поясу, что позволяет предположить наклонный способ ношения на поясе, широко распространенный среди средневекового населения Западной Сибири [Сирелиус, 1907, с. 63; Соловьев, 1987, с. 82]. Рукоять была смонтирована накладным способом с плашками из дерева. На хвостовике и плашках фиксировались три крепежных отверстия. В одном из них (ближнем к торцу рукояти, чуть смещенном к спинке) были остатки медной клепки. Два изделия (из могил 1 и 2) были в остатках ножен.

Ножи, найденные на могильнике, также имеют широкие аналогии среди материалов Западной Сибири. Они появляются на этих территориях в середине I тыс. н.э. и существуют до прихода русских [Молодин, 1979, с. 75; Соловьев, 1987, с. 88]. Территориально ближайшие аналоги им находятся на грунтовых могильниках Бергамак II [Татауров, Тихонов, 1996, с. 74; Тихомиров, 2012; 2016, с. 143], Окунево VII [Матющенко, 2003, рис. 23, 2; 78, 3; 88, 1; Матющенко, Полеводов, 1994, рис. 67, 3; 65, 26; 79, 6], Кыштовка II [Молодин, 1979].

Наконечники стрел (11 шт.) и *медное стреловидное изделие*. Девять наконечников были обнаружены в погребении 2 и еще два в могиле 3. Среди них вильчатый плоский наконечник стрелы с остатками древка (в могиле 2) был выполнен из медной пластины лежал на 4 см выше дна могилы над скоплением стел (рис. 2, 7). Указанное скопление находилось слева от костей таза (у гребня подвздошной кости) на дне могилы, остриями к ногам (рис. 1, 2). Все входившие в него металлические наконечники относились к плоским ромбическим без упора с наибольшим расширением в верхней трети и к плоским ромбическим без упора с наибольшим расширением в нижней трети. Первый вариант, согласно А.И. Соловьеву, был распространен в Западной Сибири в VIII–XIV вв., второй появляется во второй половине II тыс. и существует до «этнографической современности» [1987, с. 38]. Все костяные (2 экз.) были трехгранными. Наконечники в могиле 3 относились к плоским крупным ромбическим с упором и к плоским ромбическим без упора.

В заполнении ямы (на 45 см выше дна могилы) было обнаружено изделие в виде плоского медного одношпипного наконечника стрелы с отверстием (рис. 2, 8)

Железные и костяные проникатели находят широкие аналогии среди как материалов этого времени (ближайшие — на могильниках Окунево VII [Матющенко, 2003, рис. 66, 1–6; 79, 1, 6, 7; 88, 5–9; Матющенко, Полеводов, 1994, с. 198, рис. 79, 4, 5, 7], Бергамак II [Корусенко, 2007, с. 166, рис. 51, 2, 6, 8; Тихомиров, 2012, с. 194, рис. 8, 1–4, 8, 9] и др.), так и более ранних периодов [Коников, 2007]. Наконечники из медных пластин встречаются значительно реже. Все найденные в Среднем Прииртышье указанные изделия с отверстием сделаны на правобережье р. Тары (поселение Усть-Тара LXXX [Тихомиров, 2014, с. 9, 9] и Бергамак III [Мельников, 1996, с. 86, рис. 2, 4], могильник Крючное-6 [Молодин и др., 2012, с. 50, рис. 19]). Медный вильчатый наконечник с остатками древка уникален.

Все украшения и предметы быта были найдены в могиле 1.

Сумочка для рукоделия. Ее остатки представляли собой куски из бересты, обшитой различной, в том числе шелковой, тканью разного цвета, развалившейся на три части¹. Они обнаружены в заполнении ямы на 23 см выше скелета. В сумочке находились: медный наперсток (рис. 1, 14); два бронзовых бубенчика (рис. 1, 15, 16); крупный бисер синего цвета; мелкий металлический бисер; два (одно сломанное) крестообразных металлических изделия (белый металл), одно с остатками нити (рис. 1, 21); обломок бронзовой пуговицы (рис. 1, 17); три бронзовых проволочных изделия (рис. 1, 24). Одно из последних было с загнутой петелькой, два других с металлическими бусинками на концах. Это позволяет предположить, что это остатки булавок. Две бронзовые булавки были также найдены на могильнике Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 99].

Территориально ближайшими аналогиями являются скопление бус и бисера из могильника Усть-Тара LXX [Тихомиров, 2016, с. 116–117, 146, рис. 37] и набор предметов для рукоделия на могильнике Бергамак II [Корусенко, 2003, с. 35; Татауров, Тихонов, 1996, с. 78–79]. Остатки сумочки встречались и на могильнике Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 28, 41] и городище Частухинский Урий [Семенова, 2005, с. 22, 80–86, рис. 51].

Бубенчики (2 экз.). Найдены в могиле 2 среди указанных выше остатков. Один целый, другой сломанный, с остатками нити на ушке. Внутри него обнаружено било (металлическая горо-

¹ Благодарю Т.Н. Глушкову за определение остатков тканей.

шина). Оба были составлены из двух полусфер. Подобные изделия довольно широко распространены на памятниках этого времени в Западной Сибири, ближайшие найдены на могильниках Бергамак II [Корусенко, 2003, с. 157, рис. 42, 6; Тихомиров, 2012, с. 195, рис. 9, 3], Садовка 4 [Молодин и др., 1990, с. 86, рис. 63, 32], Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 95]. Встречаются такие изделия, но несколько иной формы и в более ранних материалах из Среднего Прииртышья [Конилов, 2007, с. 429, рис. 215, 4, 7, 9, 14, 15].

Наперсток. Находился в том же комплексе. Такие изделия довольно широко распространены среди материалов XVI–XVIII вв. в Западной Сибири. Наиболее близкими к ним являются находки на могильниках Окунево VII [Матющенко, Полеводов, 1994, рис. 78, 16], Бергамак II [Татауров, Тихонов, 1996, с. 72, рис. 6, 2; с. 77, рис. 8, 2], Кыштовка II (6 экз.), о которых В.И. Молодин пишет, что это был предмет русского импорта [1979, с. 99–100].

Зеркало. В могиле 1 на 3–4 ребрах справа были обнаружены остатки овального стеклянного зеркала. Его размеры 65×50 см при толщине 2 мм. Территориально ближайшими аналогами являются зеркала из могильника Бергамак II [Корусенко, 2003, с. 99; Тихомиров, 2012, с. 167]. В целом анализ подобных предметов на могильниках этого времени провела М.Н. Ландик [1997], поэтому не будем подробно на этом останавливаться. Считается, что стеклянные зеркала являлись предметом русского экспорта в Сибирь [Молодин, 1979, с. 97].

Монеты (2 экз.) (рис. 1, 6, 7). Были получены после извлечения черепа из могилы. Они находились в районе челюстей, что позволяет предполагать, что на момент погребения они были в ротовой полости. Обе монеты это московские денги. Время чеканки монет находится в пределах второй-третьей четвертей XVI в. (1538–1561 гг.).

Следует отметить, что обнаруженные в ближайших могильниках этого времени монеты Русского царства были более поздние (Окунево VII [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 108], Бергамак II [Археологическая карта..., 2000, с. 34], Кыштовка II [Молодин, 1979, прил. 3, с. 126–130, табл. XXVIII, с. 160]). Однако аналогичные монеты встречены в погребении 9 могильника Моховая XLVI рядом с г. Сургутом [Стефанов, 2002, с. 198, 209; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 101, № 271–274].

Перстни (3 экз.). В результате работ на могильнике получена небольшая коллекция щитковых перстней. Два бронзовых (рис. 1, 10, 11) и один из белого металла найдены в погребении 1. Один — с территории памятника (рис. 1, 13). На правой руке находились перстень с круглым щитком с изображением какого-то кошачьего хищника и обломки другого, из белого металла; форму щитка и изображение на последнем восстановить невозможно. На левой руке находился бронзовый перстень с круглым щитком. Изображение на нем видно лишь частично (это заштрихованные полосы). Подобные изделия широко распространены на указанных могильниках.

Серьги (2 экз.). В погребении 1 в районе черепа был обнаружен комплекс предметов, состоящий из куска бересты и обломков серег из бронзовой проволоки в виде «?». Данный тип в указанный период широко распространен на территории Западной Сибири. Территориально ближайшие аналогии находятся в материалах могильников Усть-Тара LXX [Тихомиров, 2016, с. 116], Бергамак II [Тихомиров, 2016, с. 144, рис. 35, 9, 10], Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 178, табл. XLVI], Крючное 6 [Молодин и др., 2012, с. 26, рис. 18, 18], на комплексе памятников на Татарском увале у д. Окунево [Могильников, 1997, рис. 9, 5; Матющенко, 2003, рис. 5, 18; 73, 3, 4; Матющенко, Полеводов, 1994, рис. 68, 28]. Такие изделия на памятниках Западной Сибири подробно проанализировали Б.В. Мельников и Г.В. Холостых. Сделан вывод, что они в основном привозились из европейской части России, где были распространены в XIII–XVIII вв., а самые простые изготавливались местным населением [Мельников, Холостых, 1994, с. 211].

Кресало. Прямоугольное двухлезвийное. Было обнаружено в погребении 2 в районе правого локтя. Представляет собой прямоугольную металлическую пластину (черный металл) с прорубленным в центре длинным отверстием. Подобные кресала довольно редкого типа. Однако их находки отмечены среди материалов Искера, в материалах как М.С. Знаменского [Зыков и др., 2017, рис. 13, 21], так и более поздних раскопок [Там же, рис. 113, 3, 7]. В целом же можно сказать, что в Западной Сибири преобладали однолезвийные калачевидные кресала. Ближайшие происходят из могильников Окунево VII [Матющенко, 2003, рис. 23, 6; Матющенко, Полеводов, 1994, рис. 70, 11], Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 86].

Инвентарь с территории могильника. За время исследования жителями д. Сеитово автору были показаны три предмета: обломки медной посуды (котла), бронзовый щитковый перстень с фигурой кентавра, борющегося со змеем (рис. 1, 13), и бронзовая бляшка с изображением всадни-

ка, поражающего змея (часть составного украшения) (рис. 1, 8). Два последних были подробно описаны в отдельной публикации [Тихомиров, 2018, с. 12, 13, 149, рис. 2, 5]. Котлы, выполненные из меди, довольно широко распространены на могильниках этого времени на территории Западной Сибири. Ближайшие аналоги найдены на могильниках Окунево VII [Матющенко, 2003, рис. 22, 69; 1, 80], Бергамак II [Корусенко, 2003, рис. 53; 55, 10; Татауров, 1997], Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 83, 84] и, по мнению В.И. Молодина, являются в основном русским экспортом [Там же, с. 85].

Вызывает интерес находка на территории могильника в южной части раскопа бронзовой полой орнитоморфной подвески (рис. 1, 12). Она находилась вне комплекса и явно была перемещена (на территории могильника велась распахка). Аналоги ей имеются в материалах X–XIII вв. в Среднем Прииртышье (усть-ишимская культура). Ближайшие встречаются среди материалов курганного могильника Аргаиз I в Знаменском районе Омской области [Коников, 2007, с. 136, 457, рис. 289, 291].

Обсуждение результатов и основные выводы

Проведенные во время исследования наблюдения позволяют сделать выводы о некоторых чертах погребального обряда, датировке могильника и культурной принадлежности проживавшего здесь населения.

На могильнике явно выделялась группа могил (1–3), расположенных компактно практически ровно в ряд, идущий поперек террасы в одной системе ровиков, и отдельно располагалась еще одна (4). Погребения 1–3 содержали инвентарь и были ориентированы практически идентично — запад — северо-запад, а погребение 4 — более повернуто к северу.

Заполнение могильных ям состояло из двух частей. В центре располагалось пятно светло-серой перемешанной супеси в форме эллипса, которое имело четкие границы, маркированные темно-серой супесью. Данный контур черно-серой супеси четко прослеживался и в заполнении могильной ямы. Продольные и поперечные стратиграфические разрезы заполнения показали, что данные пятна не заполняли весь объем, ни в глубину, ни в ширину, ни в длину. Скелеты и инвентарь лежали ниже пятен.

Положение скелетов позволяет заключить, что при погребении тело умершего, видимо, смещали относительно условной длинной оси могильной ямы к одной из стенок и располагали так, что кости скелета с одной стороны оказывались сдвинутыми к позвоночнику. А в погребении 1 тело положили на бок, прислонив к стенке могильной ямы. Учитывая это и тот факт, что скелеты находились под линзой светло-серой супеси, закономерно будет предположить, что сначала погребенного присыпали грунтом, затем обожгли яму, после чего ее засыпали грунтом.

Таким образом, указанные погребения на могильнике Сеитово IV имеют ряд общих черт с хронологически и территориально близкими им комплексами (труположение вытянуто на спине, головой на северо-запад, наличие ровиков вокруг ямы, схожий погребальный инвентарь и т.д.), но есть и особенности. Это четко зафиксированная группа из трех могил, со следами схожих действий при погребении (одинаковый способ заполнения могильных ям, помещение в яму инвентаря). Также здесь везде наблюдается смещение скелета к одной из стенок могилы. Вызывает интерес тот факт, что в настоящее время татары помещают тело в устроенный в стенке могилы подбой, вследствие чего оно оказывается сдвинутым относительно центра ямы [Корусенко, 2003, с. 61; Тихомирова, Тихомиров, 2018, с. 132]. Отмечается, что кости у всех погребенных с одной стороны смещены к позвоночнику; это могло быть вызвано упором тела во что-нибудь или тем, что при погребении под одну из его сторон что-либо подкладывали. В одном случае засвидетельствовано положение тела на бок, прислоненным к стенке ямы. Такая практика фиксируется при захоронениях у татар Западной Сибири. Так, у тюменских и тобольских татар дно в подбое делалось наклонным, и «фактически покойный оказывался чуть повернутым на бок» [Селезнев, Мерзликин, 1999, с. 123], а у татар в Кемеровской области зафиксирован обычай подкладывать под спину покойного комок грунта, «чтобы он был повернут на Киблу» [Тихомирова, Тихомиров, 2018, с. 132].

О датировке могильника следует сказать, что его нижняя хронологическая граница определяется по найденным монетам концом XVI в., верхняя, по аналогиям в инвентаре и некоторым чертам погребального обряда на могильниках этого времени (Окунево VII, Бергамак II, Кыштовка II и др.), — XVIII в.

О культурной принадлежности населения позволяют судить письменные источники. В начале XVIII в. на своих картах С.У. Ремезов указывает, что на этом месте проживали «туралы» и «аялы» [Хорографическая книга..., 2011, л. 92]. Позже Г.Ф. Миллер отмечает здесь лишь населенные пункты татар [Сибирь в путевых заметках..., 1996, с. 90]. Это же подтверждают источники конца XVII в. [Томилов, 1981, с. 137–140]. Это позволяет предположить, что могильник ос-

тавлен предками тарских татар. Таким образом, погребения входят в круг подобных, характерных для расположенных поблизости синхронных могильников тюркоязычного населения этого региона, и маркируют наиболее ранний этап формирования погребального обряда предков аялынской и туралинской групп тарских татар.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Археологическая карта Муромцевского района Омской области* / М.Ю. Здор, С.Ф. Татауров, К.Н. Тихомиров. Омск: ОмГУ, 2000. 135 с.
- Борзунов В.А., Стефанов В.И.* Могильники «Бардаковского княжества» // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 240–244.
- Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В.* Город Сибирь — городище Искер: (Историко-археологическое исследование). М.: Наука: Вост. лит., 2017. 559 с.
- Конилов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ: Наука, 2007. 466 с.
- Корусенко М.А.* Зиярат д. Инцисс (Муромцевский район Омской области) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1. С. 117–149.
- Корусенко М.А.* Кладбище д. Берняжка Большереченского района Омской области // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1998. Т. 3. С. 161–216.
- Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 7.
- Корусенко М.А., Мерзликин В.В., Селезнев А.Г.* Погребальный комплекс у д. Юрт-Бергамак // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1999. Т. 1. С. 149–183.
- Ландик М.Н.* Зеркало в погребальном обряде населения низовьев р. Тары // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; СПб: ОмГУ, 1998. Ч. II. С. 4–6.
- Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом VII): Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: ОмГУ, 2003. 64 с. (Новое в археологии Прииртышья; Вып. 3).
- Матющенко В.И., Полеводов А.В.* Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 233 с.
- Мельников Б.В.* Поселение Бергамак III: (Предварительное сообщение) // Этнографо-археологические комплексы: Проблема культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1: Культура тарских татар. С. 84–91.
- Мошпильников В.А.* Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье: (К проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 51–64.
- Молодин В.И.* Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 184 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Поздняков Д.В., Соловьев А.И.* Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). Новосибирск: НГУ, 2012. 162 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Селезнев А.Г., Мерзликин В.В.* Кладбище у деревни Юрт-Бергамак: Предварительные результаты исследования // Таре — 400 лет: Материалы науч.-практ. конф. Омск; Тара: Изд-во ОмГТУ. 1994. Ч. 2. С. 99–101.
- Семенова В.И.* Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск: Наука, 2005. 164 с.
- Сирелиус У.Т.* Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1907. Вып. 16. С. 41–69.
- Сибирь XVIII века* в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. Вып. VI. 310 с.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Стефанов В.И.* Моховая XLVI — позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1. С. 164–210.
- Сургутский краеведческий музей.* Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.
- Татауров С.Ф.* «История» двух котлов // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1997. С. 144–148.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблема культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1: Культура тарских татар. С. 58–83.
- Тихомиров К.Н.* Раскопки 1999 года на могильнике Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Издатель-Полиграфист, 2012. Т. 12. С. 162–198.
- Тихомиров К.Н.* Два перстня XVI–XVIII веков из Среднего Прииртышья: К вопросу о формировании повседневного пространства // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск: Наука, 2013. С. 229–234.

Тихомиров К.Н. Город Тара как центр экономического и культурного развития сибирских татар в Тарском Прииртышье в XVI–XVIII веках // Тара в XVI–XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 187–223.

Тихомиров К.Н. Визуальный анализ кладбищ тюркоязычного населения Среднего Прииртышья и археологические материалы из могильников XVI–XVIII веков в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: Могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. Омск: Наука, 2016. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; Т. 14). С. 66–147.

Тихомиров К.Н. Изображения всадников на предметах XVI–XVIII веков из археологических коллекций Среднего Прииртышья // Декабрьские диалоги: Материалы Всерос. науч. конф. памяти Ф.В. Мелехина. Омск: Абсолют, 2018. Вып. 21. С. 12–13, 149.

Тихомирова М.Н., Тихомиров К.Н. Современные некрополи татар Кемеровской области как источник для историко-сравнительных исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука, 2018. С. 128–132.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 276 с.

Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова. Тобольск, 2011. 629 с.

K.N. Tikhomirov

Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
K. Marx av., 15, Omsk, 644024, Russian Federation
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

SEITOVO 4: A NEW BURIAL GROUND OF THE TARA TATARS' ANCESTORS OF THE 17th–18th CENTURIES IN THE MIDDLE IRTYSH AREA

Due to the work of archaeologists and ethnographers, the funeral ceremony of the population having inhabited the middle and lower stretch of the Tara river (southern taiga zone of Western Siberia) at the end of the 17th–18th centuries has been quite extensively studied. However, little has been known thus far about its early period (late 16th — early 17th century) and the ethno-cultural identity of the people who buried the dead there. The discovery of coins during excavations conducted at Seitovo 4 — a burial ground located on a right bank of the Irtysh river on the southern outskirts of the eponymous village in Tarsky district, Omsk region — allowed the burial dates to be established. The above-mentioned coins of the Russian Tsardom (Moscow 'denga' minted in 1538–1561) belonged to the time of monetary reform under the rule of Ivan the Terrible. The data analysis revealed some specific features of the burial ceremony: grouping the graves in one complex; moving the body to one of the grave walls (usually northern); displacing the bones of the deceased on one side towards the spine; special actions when filling the grave pit; firing the burial pit and the area around it, etc. In addition, rare and unique things were found, including a forked arrowhead made from a copper plate with shaft remains; an article made from a copper plate in the form of a flat arrowhead with a single barb and a hole in the middle; a rectangular double-edged firesteel. At the same time, the features typical of burial grounds of the 17th–18th centuries widespread in the region were present: one burial under a mound in pits recessed into the ground; construction of ditches around the pit; traditional inventory (arrowheads, iron knives, axes, earrings, signet rings etc.); positioning the deceased on their back, with head to the north-north-west, etc. This shows that the complex belonged to their circle, constituting the earliest part of the funeral rite of the Tara Tatars' ancestors during the specified period. The analysis of written sources (first half of the 17th — first half of the 18th century) reveals that only Tatars, mostly the Ayali group, lived there at that time. Thus, assuming that the buried belonged to the specified group, conclusions can be drawn about the individual features of the burial rite.

Key words: Western Siberia, Middle Irtysh area, the ancestors of the Tara Tatars, Seitovo IV burial ground, special features in the burials, 16–18th centuries.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-059-068

REFERENCES

- Borzunov V.A., Stefanov V.I. (1999). The burial grounds of the «Bardak principality». *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij* (pp. 240–244), Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Konikov B.A. (2007). *The Omsk Irtysh river basin in the Early and Developed Middle Ages*, Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Nauka.
- Korusenko M.A. (1996). Ziyarat village Inciss (Muromtsevsky district of Omsk region). *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sociuma*, 1 (pp. 117–149), Novosibirsk: Nauka.
- Korusenko M.A. (1998). Cemetery of the village of Bernyazhka, Bolsherechensky bistrict, Omsk region. *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sociuma*, 3 (pp. 161–216), Novosibirsk: Nauka.
- Korusenko M.A. (2003). The funeral rite of the Turkic population of the downstream country of the Tara river in the 18–20th centuries: Experience in analyzing the structure and content. *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sociuma*, 7, Novosibirsk: Nauka.

- Korusenko M.A., Merzlikin V.V., Seleznyov A.G. (1999). Funerary complex near the village of Yurt-Bergamak. *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sociuma*, 1 (pp. 149–183), Novosibirsk: Nauka.
- Landik M.N. (1998). Mirror in the burial rite of the population of the downstream country Tara river. *Integraciya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij*, II (pp. 4–6), Omsk; St. Petersburg.
- Matyushchenko V.I. (2003). *Burial ground on Tatarsky uvaly near the village of Okunevo (Om VII): Excavations 1998, 1999*, Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet.
- Matyushchenko V.I., Polevodov A.V. (1994). *The complex of archaeological sites in Tatarsky uval near the village of Okunevo*, Novosibirsk: Nauka.
- Mel'nikov B.V. (1996). Bergamak III settlement: (Preliminary report). *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problema kul'tury i sociuma*, 1 (pp. 84–91), Novosibirsk.
- Miller G.F. (1996). *Siberia of the 18th century in the travel descriptions*, Novosibirsk: Sibirskij hronograf.
- Mogil'nikov V.A. (1997). Late Medieval materials from the complex of sites near the village of Okunevo in Tara Irtysh river basin: (On the problem of the origin of the Tara Tatars). *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii*, (1), 51–64.
- Molodin V.I. (1979). *Kyshtovsky burial ground*, Novosibirsk: Nauka.
- Molodin V.I., Novikov A.V., Pozdnyakov D.V., Solov'yov A.I. (2012). *Late medieval complexes on lake Kruchnoe (Middle Tara river)*, Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet.
- Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. (1990). *Baraba in the Late Middle Ages*, Novosibirsk: Nauka.
- Remezov S.U. (2011). *Horography drawing book*, Tobol'sk.
- Seleznyov A.G., Merzlikin V.V. (1994). Cemetery near the village of Yurt-Bergamak: Preliminary results of the study. *Tara — 400 let*, 2 (pp. 99–101), Omsk; Tara.
- Selyanina M.Yu., Trufanov A.Ya. (Eds.). (2011). *Surgut museum of local lore. Archaeological collection: Catalog*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan.
- Semenova V.I. (2005). *Settlement and burial Chastuhinsky Uriy*, Novosibirsk: Nauka.
- Sirelius U.T. (1907). Ostyak and Vogul crafts. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*, (16), Tobol'sk: Tipografiya Eparhial'nogo bratstva, 41–69.
- Solov'yov A.I. (1987). *Military affairs of the indigenous population of Western Siberia: The Middle Ages*, Novosibirsk: Nauka.
- Stefanov V.I. (2002). Mokhovaya XLVI, the Late Medieval burial ground of the Surgut Ob river basin. *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*, (1), (pp. 164–210), Tomsk; Hanty-Mansijsk.
- Tataurov S.F. (1997). «Story» of two boilers. *Chetvertye istoricheskie chteniya pamyatni Mihaila Petrovicha Gryaznova* (pp. 144–148), Omsk.
- Tataurov S.F., Tihonov S.S. (1996). Burial ground Bergamak II. *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problema kul'tury i sociuma*, 1 (pp. 58–83), Novosibirsk.
- Tihomirov K.N. (2012). Excavations of 1999 on the burial ground of Bergamak II. *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sociuma*, 12 (pp. 162–198), Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
- Tihomirov K.N. (2013). Two seal-rings of the 16–18th centuries from the Middle Irtysh: On the formation of everyday space. *Tvorchestvo v arheologicheskoy i ehtnograficheskoy izmerenii* (pp. 229–234), Omsk: Nauka.
- Tihomirov K.N. (2014). The city of Tara as the centre of the economic and cultural development of the Siberian Tatars in the Tara Irtysh river in the 16–18th centuries. *Tara v XVI–XIX vekah — rossijskaya krepost' na beregu Irtysha* (pp. 187–223), Omsk: Amfora.
- Tihomirov K.N. (2016). Visual analysis of the cemeteries of the Turkic-speaking population of the Middle Irtysh and archaeological materials from the burial grounds of the 16–18th centuries in the downstream country of the Tara river. *Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: Mogil'niki, pogrebal'nyj obryad i mir mertvykh v svete ehtnoarheologicheskikh rabot* (pp. 66–147), Omsk: Nauka.
- Tihomirov K.N. (2018). Images of riders on objects of the 16–18th centuries from the archaeological collections of the Middle Irtysh. *Dekabr'skie dialogi*, (21) (pp. 12–13, 149), Omsk.
- Tihomirova M.N., Tihomirov K.N. (2018). Modern necropolis of the Tatars of the Kemerovo region as a source for historical and comparative research. *Integraciya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij* (pp. 128–132), Omsk: Nauka.
- Tomilov N.A. (1981). *The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th — first quarter of the 19th centuries*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zdor M.Yu., Tataurov S.F., Tihomirov K.N. (Eds.). (2000). *Archaeological map of Muromtsevsky district of Omsk region*, Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet.
- Zykov A.P., Kosincev P.A., Trepavlov V.V. (2017). *City of Sibir, the Isker hillfort: (Historical and archaeological research)*, Moscow: Nauka: Vostochnaya literatura.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 25.02.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

О.Ю. Зимина*, Н.В. Жеребятёва**, И.Р. Идрисов**, О.С. Сизов***,
Н.Н. Москвина**, А.С. Афонин*, С.Н. Иванов*, Н.Е. Рябогина*

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003

E-mail: o_winter@mail.ru; hawk_lex@list.ru; ivasenik@rambler.ru;
nataly.ryabogina@gmail.com

**Тюменский государственный университет
ул. Осипенко, 2, Тюмень, 625002

E-mail: n.v.zherebyateva@utmn.ru; ildaridrisov@yandex.ru; n.n.moskvina@utmn.ru

***Институт проблем нефти и газа РАН
ул. Губкина, 3, Москва, 119333
E-mail: kabanin@yandex.ru

КАРТИРОВАНИЕ ПАЛЕОЛАНДШАФТОВ, ОЦЕНКА БИОПРОДУКТИВНОСТИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЕМКОСТИ ТЕРРИТОРИИ АНДРЕЕВСКОЙ ОЗЕРНОЙ СИСТЕМЫ НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ (МЕЖДУРЕЧЬЕ ТУРЫ И ПЫШМЫ, ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

На основании комплексных палеогеографических исследований создана крупномасштабная палеоландшафтная карта территории Андреевской проточной озерной системы в междуречье Туры и Пышмы (Западная Сибирь) для интервала 2850–2600 кал. л.н. По результатам реконструкции площадей ключевых типов растительности рассчитаны экологическая емкость территории и потенциал биопродуктивности для получения растительных и животных ресурсов при производящем и присваивающем хозяйстве. Исходя из полученных данных о ресурсообеспеченности и об энергетической ценности продуктов животноводства, охоты и рыболовства определена возможная численность населения территории Андреевской озерной системы в заданном хронологическом интервале. В этот период территория осваивалась коллективами иткульской культуры и могла обеспечить одновременное проживание около 280–373 чел., учитывая, что производящие отрасли использовали лишь 20–22 % ресурсной базы. Эта численность соотносится с минимальными показателями, которые рассчитаны по данным о площади и количестве жилищ на городищах иткульской культуры. По-видимому, наибольшее количество продуктов питания обеспечивали не охота и производящие отрасли, а добыча рыбы — это направление хозяйства превалировало, о чем свидетельствует размещение поселений преимущественно на берегах озер.

Ключевые слова: палеоландшафтная карта, ресурсообеспеченность, палеодемография, переходное время от бронзового к раннему железному веку, Западная Сибирь.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-069-084

Введение

Андреевскую проточную озерную систему и расположенные на ее территории археологические памятники можно охарактеризовать как многоуровневый археологический микрорайон и выделить в нем дробные структуры — концентрированного и рассеянного типов, располагающиеся по берегам системы озер и рек Туры и Пышмы. История археологического изучения Андреевского озера и его окрестностей насчитывает уже более 100 лет. За это время на берегах Андреевских озер открыты десятки разновременных археологических памятников. Наибольшей концентрацией памятников различного типа (поселений, городищ, могильников) отличается южное побережье системы Андреевских озер [Зах и др., 2014].

Данные раскопок не всегда обеспечивают полный спектр параметров, необходимых для определения численности населения. Кроме того, особенностью памятников археологии междуречья Туры и Пышмы является плохая сохранность костного материала, что существенно снижает возможности оценки не только демографических показателей, но и особенностей хозяйственного освоения территории. По итогам изучения территории Андреевской проточной озерной системы в разные периоды голоцена был получен набор междисциплинарных данных, позволяющих учесть биологическую продуктивность кормящих ландшафтов в прошлом и использовать эти данные для палеодемографических оценок.

В палеодемографических исследованиях используют различные методики подсчета возможной численности населения. За основу расчетов берутся площади построек и нормы площади на одного обитателя [Хлобыстин, 1972; Евдокимов, 1984; Матвеев, 1989; Зах, 1995; Козынцева, 1998]. В ряде случаев демографические показатели рассчитывают исходя из полезной площади городищ и количества труда, затраченного на сооружение укреплений [Генинг, 1970; Иванов, 1984; Матвеева, 2000]. Для обществ как с присваивающей, так и с производящей экономикой может учитываться выход биомассы, способный обеспечить пищей определенное количество населения [Кирюшин, Малолетко, 1979; Ковалева, Штадлер, 1989]. В анализе демографии обществ с производящей экономикой учитывают также видовой состав стада, способ его содержания (придомный, отгонный, кочевой), необходимую его численность для обеспечения обитателей поселков и, в свою очередь, возможности прилегающей территории обеспечить содержание определенного количества домашних животных [Корякова, Сергеев, 1989; Матвеева, 2000]. Расчеты плотности населения в отдельные исторические периоды производятся на основании данных могильников, а также количества и плотности распространения поселений [Müller, 2015].

Андреевская проточная озерная система предоставляет много возможностей для комфортного обитания и занятий разными видами хозяйственной деятельности как присваивающего, так и производящего характера, а также их комбинирования. Для выявления взаимозависимости палеогеографических изменений и концентрации поселений разных периодов на определенных участках Андреевской озерной системы были применены разные подходы, в том числе исследование палеорусел с использованием цифровой модели рельефа, моделирование затопления территории и дистанционное зондирование со спутников и БПЛА [Сизов и др., 2018]. Прослежена история формирования рельефа, большое внимание уделено реконструкции растительности и климата на основе палинологического и геохимических методов, анализа макроостатков в донных отложениях и торфах [Ryabogina et al., 2019], проведена точная гипсометрическая привязка культурных слоев более чем 360 древних поселений. Выполнено детальное крупномасштабное картирование современных исходных ландшафтов [Сизов, Идрисов, 2017] и на этой базе построены палеоландшафтные карты для разных хронологических срезов. В данной работе основной целью являются апробация подхода к реконструкции биопродуктивности ландшафтов Андреевской системы на основе всей совокупности полученных данных и оценка палеодемографической емкости территории для модельного периода конца бронзового — начала раннего железного века (2850–2600 кал. л.н.).

Объекты исследования

Территория исследования

Андреевская озерная система, расположенная в междуречье Туры и Пышмы (юго-западная часть Западной Сибири, Тюменская обл.), недалеко от впадения этих рек в Тобол, относится к пойменно-долинным водоемам и представляет собой цепочку из пяти крупных, хорошо развитых проточных озер площадью около 40 км², объединенных руслом р. Дуван.

Территория приурочена к подтаежной зоне, в составе современной ландшафтной структуры преобладают типы местности пойм рек средних порядков (15 %); надпойменный террасовый тип местности (8 %); террасовый плоско-волнистый (22 %), террасовый волнисто-котловинный (15 %) и террасовый лесоболотный (11,4 %) типы местности; значительная часть территории приурочена к типу местности древних озерных террас и флювиальных систем (13 %) [Сизов, Идрисов, 2017]. Около 40 % общей площади занимают открытые ландшафты, в том числе травяные болотные сообщества и различные варианты лугов, относящиеся к одним из самых низкопродуктивных типов охотничьих угодий. В большинстве случаев открытые биотопы выступают для животных в качестве временных стадий, число постоянно обитающих видов весьма ограничено. Более ценными биотопами традиционно являются лесные местообитания (60 % общей площади), которые представляют собой богатую кормовую базу, обеспечивают хорошие защитные и гнездопригодные условия. На территории Андреевской озерной системы это мелколиственные березовые и березово-осиновые леса, монодоминантные сосновые леса, темнохвойные и смешанные леса, а также редколесья и слабозалесенные поймы.

Современными значимыми представителями охотничьей фауны в подтаежной зоне являются лось, косуля, бурый медведь, россомаха, рысь, лисица. Обитают пушные звери — белка, заяц-беляк, колонок, хорь, норка, выдра, ласка. Широко распространены куриные — глухарь, тетерев, рябчик. В группе водоплавающих птиц наиболее многочисленны кряква, чирки-трескунки и свистунки, шилохвость, широконоска, хохлатая чернеть, красноголовый нырок, серая утка.

Локализация памятников переходного периода в пределах Андреевской озерной системы

В данной работе предпринята попытка определить количество населения, которое могло обитать единовременно на рубеже бронзового и раннего железного веков на территории Андреевской озерной системы в интервале VIII–VI вв. до н.э. (2850–2600 кал. л.н.). Объектом анализа явились поселения восточного варианта иткульской культуры, сконцентрированные преимущественно в северо-восточной части междуречья Туры и Пышмы, в районе старичных озер р. Туры к северу от оз. Большой Нарык и на берегах озер Андреевской системы — Большого и Малого Андреевских, Грязного, Песьянки, Буторлыги, Чепкуля, Курьи, Мостового, Винного (рис. 1). Большая часть поселений приурочена к высотным отметкам 60–70 м над у.м. На территории Андреевской озерной системы нет детально исследованных поселений рубежа эпох бронзы и железа [Зах и др., 2014]. Однако данные этих памятников могут быть привлечены для анализа, поскольку поселения являются однослойными, в подавляющем большинстве случаев они ограничены валом и ровом, и на их площади не фиксируется следов нарушения в более поздние археологические эпохи (только частичные современные антропогенные нарушения). Аналогичные памятники исследованы в подтаежной (Карагай Аул 1, 4, Вак-Кур 2) и лесостепной (Санаторий «Лесные горки 1», Усть-Терсюк 8) зонах Притоболья [Зими́на, Зах, 2009; Зими́на, Илюшина, 2016]

Рис. 1. Расположение поселений иткульской культуры в пределах междуречья Туры и Пышмы в соответствии с гипсометрическим показателями:

1 — Антонова старица 1; 2 — Антонова старица 2; 3 — Антонова старица 4; 4 — Пламя Сибири 2; 5 — Пламя Сибири 1; 6 — Пламя Сибири 3а; 7 — Пламя Сибири 4; 8 — Антонова старица 3; 9 — Пламя Сибири, селище; 10 — Пламя Сибири 8; 11 — Пламя Сибири 9; 12 — Митюшино 5; 13 — Митюшино 6; 14 — Митюшино 7; 15 — Белый Яр 4; 16 — Мичуринец 3; 17 — Андреевское 5; 18 — Андреевское 11; 19 — Андреевское 9; 20 — Андреевское 7; 21 — Кыртым 1; 22 — Кыртым 2; 23 — Кыртым 3; 24 — Болотное 4; 25 — Мостовое 2; 26 — Энергетик 1; 27 — Андреевское 6; 28 — Антонова старица 5; 29 — Антонова старица 6; 30 — Муллашинские юрты 8; 31 — Орлово 1; 32 — Орлово 2; 33 — Орлово 3; 34 — Энергетик 7; 35 — Пламя Сибири 3б.

Fig. 1. The location of the settlements of Itkul culture on the hypsometric map within the Tura and Pyshma interfluve:

1 — Antonova Staritsa 1; 2 — Antonova Staritsa 2; 3 — Antonova Staritsa 4; 4 — Plamia Sibiri 2; 5 — Plamia Sibiri 1; 6 — Plamia Sibiri 3a; 7 — Plamia Sibiri 4; 8 — Antonovastaritsa 3; 9 — PlamiaSibiri, settlement; 10 — Plamia Sibiri 8; 11 — Plamia Sibiri 9; 12 — Mityushino 5; 13 — Mityushino 6; 14 — Mityushino 7; 15 — Belyi Yar 4; 16 — Michurinets 3; 17 — Andreevskoe 5; 18 — Andreevskoe 11; 19 — Andreevskoe 9; 20 — Andreevskoe 7; 21 — Kyrtym 1; 22 — Kyrtym 2; 23 — Kyrtym 3; 24 — Bolotnoye 4; 25 — Mostovoye 2; 26 — Energetic 1; 27 — Andreevskoe 6; 28 — Antonova Staritsa 5; 29 — Antonova Staritsa 6; 30 — Mullashinsky yurts 8; 31 — Orlovo 1; 32 — Orlovo 2; 33 — Orlovo 3; 34 — Energetic 7; 35 — Plamia Sibiri 3b.

Методика исследований

Методы реконструкции природных условий для рубежа бронзового — начала железного века

Основой для реконструкции природных условий стали данные анализа донных отложений небольшого замкнутого оз. Кыртыма (в южной части Андреевской озерной системы) и торфяника Ошуковского (в северной части Андреевской озерной системы).

Отложения озера и торфяника исследованы бурением, по ним получено 18 AMS-дат [Ryabogina et al., 2019], это дало возможность в пакете Bchron [Haslett, Parnell, 2008] детально проследить хронологию изменений условий осадконакопления и затем связать их с колебанием уровня водоема. Исследованы свойства отложений, в том числе изменения зольности торфа и донных осадков, проанализировано изменение геохимических параметров сапропелей и илов по результатам рентгенофлуоресцентного анализа. Вычислены коэффициенты (выветривания, карбонатности, засоления, окисления осадка, гидротермический индекс, соотношение углерода и азота и др.), иллюстрирующие смены осадконакопления и уровня водоема, связанные с климатом. Особенности изменений растительности как локального, так и регионального порядка выявлены по изменениям в составе и соотношениях макроостатков в торфах и сапропелях [Ryabogina et al., 2019], а также спор и пыльцы растений по профилю оз. Кыртыма [Рябогина и др., 2017]. Таким образом, точно выделены слои отложений, накопившихся в искомом интервале, и по их свойствам реконструировано время проявления, направленность и интенсивность климатических трендов, повлиявших на структуру ландшафтов в конце бронзового — начале раннего железного века в районе Андреевской озерной системы.

Подходы к реконструкции ландшафтной структуры и биоресурсов

Основой для расчета показателей ресурсообеспеченности (площадей пастбищ, сенокосов, охотугодий, земель, непригодных для использования, и т.п.) стала крупномасштабная карта исходных ландшафтов территории Андреевской озерной системы, на которой вместо участков современных антропогенных нарушений (городов, поселков, дорог) восстановлен исходный вариант почвенно-растительного покрова [Сизов, Идрисов, 2017]. На основе этой карты проведена оценка современной удельной ресурсообеспеченности (объемы зеленых кормов, распределение ягодных и грибных угодий, численность объектов охоты и потенциал для рыбной ловли).

Вторым шагом стало создание крупномасштабной карты палеоландшафтов (рис. 2) с использованием сравнительно-географического метода [Низовцев, Марченко, 2004; Низовцев, 2016] и с учетом реконструированных климатических условий. Современные закономерности смен растительных сообществ в различных типах местообитаний были экстраполированы на период конца бронзового — начала железного века на основании моделирования степени дренированности территории и сукцессионных рядов. В подтаежной зоне дренированные территории отличаются доминированием лесных фитоценозов, под древесным пологом которых сглаживаются многолетние колебания микроклимата, а процессы почвообразования в меньшей степени реагируют на смену гидротермальных условий, чем в степях [Плеханова, 2017]. Чередование в лесных фитоценозах сосны и мелколиственных пород влияло на соотношения подзолистого и дернового процессов в разные периоды. На слабодренированных пониженных участках реакция растительности и почв была более динамичной и отражалась в заболачивании-осушении территории на низких террасах, на низких и средних уровнях поймы, а также в засолении-рассолении в западинах и межгрядных понижениях высоких террас, водоразделов и частично высоких уровней пойм [Лисс и др., 2001; Ларин и др., 2014; Хромых, 2016]. Недостаточные сведения об интенсивности и направленности русловых процессов в рассматриваемый период не позволяют достоверно определить пространственную дифференциацию пойменных ландшафтов, поэтому для пойм определена общая смена динамических рядов при разных климатических условиях [Казьмин, Волков, 2014; Хромых, 2016].

Третьим этапом стало моделирование ресурсообеспеченности и расчет биоресурсов для интервала 2850–2600 кал. л.н. по результатам палеоландшафтного картирования. В целях расчета экологической емкости территории все виды ландшафтов объединялись в группы по укрупненным типам растительности. Оценка продуктивности основных биологических ресурсов проведена с применением сравнительно-географического метода и учета продуктивности типов растительности по современным аналогам. Оценка изменений численности боровой и водоплавающей дичи, копытных и прочих объектов охоты, которые потенциально могли добываться людьми в эти периоды, рассчитана на основе подбора современных аналогов и потенциальной экологической емкости реконструированных растительных сообществ и ассоциаций, в зависимости от изменений их площади. Полученные результаты, характеризующие плотность животных в угодьях, основаны на анализе данных численности фоновых представителей промысловой фауны в составе материалов «Схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий Тюменской области» [Постановление Губернатора Тюменской области..., 2014] и «Информации Правительства Тюменской области о реализации Закона Тюменской области “О добыче охотничьих ресурсов в

Тюменской области» [Постановление Тюменской областной Думы..., 2017], а также по результатам полевых работ, выполненных в сходных природных условиях Тюменской области.

Ряд лесных местообитаний в порядке убывания общей продуктивности выглядит следующим образом: темно- и светлохвойные леса, вырубki и гари различной стадии зарастания, пойменные березняки, смешанные и мелколиственные плакорные леса. Среди угодий болотного ряда более продуктивными являются болота низинного типа, несколько меньшая продуктивность отмечается на болотах переходного типа, а наиболее низкие показатели характерны для верховых болот. Конкретный видовой состав, характер и плотность расселения животных определялись условиями обитания — в частности, соотношением степени увлажнения территории, рельефа, состава растительного покрова в реконструированных климатических условиях.

Оценка продуктивности дикоросов основана на данных «Лесного плана Тюменской области» [2017], «Лесохозяйственных регламентов Тюменской области» [2019], «Справочника по кормопроизводству» [2011]. В современных ландшафтах площади покрытия ягодников (земляники, малины, костяники, черники, брусники и др.) составляют менее 10 % площади лесных выделов, распределены крайне неравномерно, и учесть урожайность каждого вида не представляется возможным. Поэтому для оценки продуктивности ягодных ресурсов лесных ландшафтов были взяты данные по наиболее изученным видам: средние по области значения урожайности черники и брусники в разных типах леса при аналогичной степени покрытия, а в болотных ландшафтах — клюквы. Их можно рассматривать как суммарную урожайность для всего разнообразия ягодных растений, которые могли бы произрастать в этих условиях.

Подходы к определению палеодемографической нагрузки

Возможная численность населения системы Андреевских озер была подсчитана двумя способами:

— на основе площади жилищ и числа сооружений на поселениях. Однослойность иткульских поселений и четко выраженные рельефные признаки позволяют использовать этот параметр;

— на основе биологических ресурсов территории. При отсутствии прямых археологических данных ресурсообеспеченность территории показательна при оценке предельной численности жителей и количества одновременных поселений иткульской культуры. При том что костные остатки в условиях аэрации песчаных почв на городищах икульской культуры Притоболья не сохраняются, ресурсообеспеченность становится важным косвенным источником для определения возможной численности населения.

Палеодемографические оценки, основанные на площади жилищ. В палеодемографических реконструкциях, основанных на размерах и площади построек, нормы площади на одного обитателя варьируют в различных исследованиях от 3,5 до 6,5–7 м² [Хлобыстин, 1972; Евдокимов, 1984; Матвеев, 1989; Зах, 1995; Козынцева, 1998].

В Юртоборовском археологическом микрорайоне, расположенном у слияния рек Тобола и Тапа, на трех городищах восточного варианта иткульской культуры (Карагай Аул 1, 4, Вак-кур 2) исследованы полностью восемь сооружений наземного типа VIII–VI вв. до н.э. Остатки сооружений представляли собой приподнятые площадки размерами от 12×8 м до 8×8 м, их площадь варьировала от 30 до 70 м² [Зими́на, Зах, 2009]. Для этих поселков была рассчитана численность населения исходя из средней площади постройки — 50–60 м² и количества проживающих — в среднем 5–7 чел. в жилище [Зах, Зими́на, 2007]. Остатки построек на поселениях Андреевской озерной системы в рельефе представляют собой аналогичные приподнятые площадки, в связи с этим показатели для Юртоборовского микрорайона были использованы нами для расчета количества населения на территории Андреевской озерной системы.

Важные сведения были получены в результате этнографических исследований подобного типа построек; они позволили выяснить количество их обитателей и примерный срок службы. Постройки наземного типа, судя по всему, обладали целым рядом выгодных параметров, отвечавшим адаптационным возможностям населения и позволившим этому типу жилищ быть востребованным вплоть до современности. По современным этнографическим данным, в наземном жилище кой-мат размером 4×3 м могли проживать одна-две семьи, от 1 до 10 чел., включая детей. В жилище, функционировавшем еще в конце XX в., проживали 3–5 чел. Подобная постройка при небольшом ежегодном ремонте могла служить 20 лет и более [Адаев, Зими́на, 2016].

Палеодемографические оценки на базе потенциальной биологической емкости территории. За основу расчетов взяты результаты восстановления природных ресурсов, в частности оценка количества зеленой биомассы, необходимой для содержания животных, объемы дикоросов, рыб-

ных ресурсов, численность диких животных и боровой дичи для периода 2850–2600 кал. л.н. Энергетическая ценность получаемых продуктов животноводства, собирательства, охоты и рыболовства соотносилась с энергетическими затратами человека. Согласно данным справочников по гигиене питания [Питание по группам интенсивности труда], необходимое количество калорий в сутки для людей, занимающихся тяжелым и особо тяжелым физическим трудом, составляет для мужчин 3450–3700/3900–4300 ккал/сутки, для женщин — 2900–3150 ккал/сутки. Для расчетов было принят показатель 3000–4000 ккал/сутки на человека.

Поскольку считается [Зими́на, Зах, 2009], что коллективы иткульской культуры вели комплексное хозяйство — использовали продукты и животноводства, и присваивающих отраслей, расчеты производились и по присваивающим, и по производящим отраслям. Отсутствие костей в исследованных в Притоболье постройках вынуждает прибегнуть к сравнениям с данными о хозяйстве иткульского населения на Урале. Основными объектами скотоводства были лошадь (свыше 60 %), крупный (28,9 %) и мелкий (10,9 %) рогатый скот [Косинцев, Стефанов, 1989, с. 112].

Примерные данные о потребностях и продуктах животноводства и присваивающих отраслей (количество корма, количество мяса, молока, рыбы, их энергетическая ценность и т.д.) были взяты с учетом современных источников и данных XIX в., приведенных в работах С.К. Патканова [2003] (табл. 1).

Таблица 1

Усредненные современные данные по количеству кормов для домашних животных, получаемых продуктов и их энергетической ценности

Table 1

Average modern data on the number of feed for livestock, the number of products obtained and their energy value

Домашние животные	Потребление зеленых кормов, ц/год (кг/день)	Вес животного, кг	Мясо, кг	Ккал/кг
Лошадь	3,5 (10)	500	150	1400
Корова	5 (15)	500	200	1900
			5–8,5 л/день молока	600
Овца	0,5–1 (2)	45	16–30	2000

Таблица 2

Усредненные современные данные по весу мяса объектов охоты и рыболовства и его энергетической ценности

Table 2

Average modern data on the weight of meat of objects of hunting and fishing and its energy value

Дикие животные/рыба	Вес, кг	Мясо, кг	Ккал/кг
Лось	300–400	190–250	1010
Косуля	20–55	5–10 (до 50)	1380
Кабан	60–100	62	1220
Утка	0,48–1,6	0,3–0,96	3370
Рябчик	0,4	0,24	2540
Тетерев	0,9–1,3	0,54–0,78	2540
Глухарь	2–4	1,2–2,4	2540
Рыба		30 кг/га	400

В исследованиях XIX в. отмечено, что возможности рассматриваемой территории использовались не полностью [Патканов, 2003, т. 3, с. 81]. Согласно С.К. Патканову, «татары, живя преимущественно своими стадами или же будучи звероловами и рыболовами, селились на равнинах, затопляемых ежегодными разливами рек, где условия весьма благоприятны для скотоводства (Муллашевские, Мутушевские, Островные Юрты), в лесах около озер и небольших рек и т.д. ... Большее число татарских селений ютятся вдоль по мелким речкам... Муллашевские на Дуване...» [2003, т. 1, с. 14–15]. Мы исходили из допущения, что татарское население XIX в. существовало здесь не в аналогичных, но сходных природно-климатических условиях и выбирало похожие способы эксплуатации территории Андреевских озер, это позволяет нам проводить некоторые археолого-этнографические параллели. Учитывая трудоемкость животноводческой отрасли, уровень производительных сил в древности (орудия заготовки зеленой массы, возможности содержания животных и т.д.) и данные этнографии, мы предположили, что и в древ-

ности ресурсы территории использовались не более чем на 20 %¹. В соответствии с этим был произведен подсчет примерного состава стада, которое могли содержать обитатели иткульской культуры на данной территории, и определена энергетическая ценность получаемой продукции (мяса и молока), необходимой для определенного количества населения (табл. 3).

Таблица 3

Реконструированная численность объектов охоты/объема рыбной ловли междуречья Туры и Пышмы для интервала 2850–2600 кал. л.н.

Table 3

The number of hunting animals and the volume of fishing for the Tura and Pyshma interfluve reconstructed for the interval of 2850–2600 cal. BP

Растительные формации	Рыба (кг)	Белка	Горностай	Заяц	Колон	Лисица	Глухарь	Рябчик	Тетерев	Куропатка	Водоплав. дичь	Кабан	Лось	Косуля	Барсук
Болота						1		0	25	2	1000	2			
Мелколиственные леса		20	2	62	4	5		75	497	10		2	25	149	37
Облесенные болота			1	11	3	17	6	34	112	11	1123	7	1	22	22
Пойменные луга			1			2					2127			21	
Припойменный слабо-залесенный комплекс											105			2	
Редколесья				2				9	14	1	88			5	4
Светлохвойные леса		69	4	38	6	8	31	1148	766	31		2	4	77	57
Смешанные леса		2		5	1		2	55	37	1			1	4	3
Заболоченные луга			1			1					1323			13	
Суходольные луга				2										9	
Крупные водоемы	234 000										2366				
Итого	234 000	91	10	121	14	35	38	1320	1451	56	8133	14	31	302	123

Таблица 4

Реконструированные объемы продукции дикоросов и зеленой биомассы междуречья Туры и Пышмы для интервала 2850–2600 кал. л.н. исходя из реконструированных площадей основных растительных сообществ

Table 4

Productivity of wild plants and green fodder of the Tura and Pyshma interfluve for 2850–2600 cal. BP based on the reconstructed areas of the main plant communities

Растительные формации	Черника, кг	Брусника, кг	Клюква, кг	Грибы, кг	Продуктивность, ц	
					Сенокосы	Пастбища
Болота			171 179			
Кустарниково-травяные						57 723
Мелколиственные	71 241			1 894 984		
Светлохвойные	5 713 830	3 638 137	1 195 142	1 336 440		
Смешанные	206 619	191 319		50 691		
Суходольные луга					7140	21 707
Сырые луга					5328	252 596
Итого	5 991 691	3 829 457	1 366 320	3 282 114	12 468	332 025

1. На основе реконструированных площадей пастбищ и сенокосов и объемов продукции зеленых кормов (табл. 4) рассчитано количество животных (лошадей, коров, овец), которые могли бы прокормиться на данной территории (масса зеленых кормов / количество корма на одного животного в год = количество животных). Исходя из этого рассчитана энергетическая ценность получаемых продуктов животноводства (количество животных × вес мяса одного животного (кг) = общий вес продукта (кг) × энергетическая ценность продукта (ккал/кг) = общее количество ккал).

2. Большое значение в хозяйстве иткульских коллективов имела охота [Косинцев, Стефанов, 1989, с. 112]. В соответствии с реконструированными данными о количестве животных, обитавших на данной территории в исследуемый период (табл. 3), рассчитана энергетическая ценность воз-

¹ С учетом статистических данных о количестве домашних животных, которое содержало население деревень междуречья Туры и Пышмы в XIX в. [Патканов, 2003, т. 1, с. 260–267], и примерно сходных природно-климатических условий, подразумевающих сходную ресурсообеспеченность, было подсчитано, что численность отдельных видов животных (лошади, КРС) варьировала от 15 до 27 % по отношению к реконструированной. Количество МРС составляло от 2 до 6 % от возможной численности на данной территории. Соответственно было принято, что в древности население использовало 20 % (содержание лошадей и КРС) и 2 % (содержание МРС) возможных ресурсов территории.

можных продуктов охоты (количество животных определенного вида × вес мяса одного животного (кг) = общий вес возможного продукта (кг) × энергетическая ценность продукта (ккал/кг) = общее количество ккал). Основными объектами охоты, с учетом археологических и этнографических данных, могли быть: лось, косуля, кабан, утка, рябчик, тетерев, глухарь (табл. 2).

Несмотря на то что дикий кабан широко распространен в лесостепной и подтаежной зоне, в зооархеологических комплексах регионах рубежа бронзового и железного веков его кости встречаются крайне редко [Косинцев, Стефанов, 1989], что не позволяет рассматривать кабана как объект регулярной охоты.

3. Пространственное и геоморфологическое расположение поселений иткульской культуры предполагает значительную роль рыболовства в системе жизнеобеспечения населения [Сизов, Зими́на, 2012]. О значительной роли рыболовства в рассматриваемой местности свидетельствуют и данные этнографии [Патканов, 2003, т. 1]. Данные о количестве вылавливавшейся рыбы в водоемах Андреевской озерной системы до зарегулирования стока в 1969 г. в результате строительства дамбы [Бакина, Янкова, 2016] и реконструированная площадь водоемов (около 7800 га) позволили рассчитать примерное количество рыбы и ее пищевую ценность (масса рыбы, вылавливаемой с 1 га (кг/га) × площадь водной поверхности (га) = общее количество рыбы (кг) × энергетическая ценность продукта (ккал/кг) = общее количество ккал) (табл. 2).

4. Суммарная энергетическая ценность продуктов производящей и присваивающих отраслей при использовании 20–22 % ресурсов территории позволила определить примерную численность населения иткульской культуры, которое могло одновременно проживать на территории Андреевской озерной системы.

Результаты

Реконструкция природно-климатических изменений

В результате палинологических, геохимических и макроботанических исследований озерно-болотных палеоархивов выяснено, что начиная с 4850–4800 кал. л.н. в окрестностях Андреевской озерной системы климатические условия постепенно менялись — становились более влажными и, вероятно, прохладными [Рябогина и др. 2017; Ryabogina et al., 2019]. Этот тренд был нарушен только около 3500–3300 кал. л.н., когда наблюдаются признаки иссушения в озерных отложениях и в торфянике, а в растительности заметно сократилась роль березовых лесов. Показательно также увеличение доли полыней и маревых в этом интервале. Однако уже 3200–2850 кал. л.н. вновь отмечен резкий и значительный сдвиг, проявившийся в увеличении стока и глубины водоема на фоне более влажных климатических условий. Активизация процессов выветривания, отложение тонких пылеватых фракций, снижение скорости аккумуляции донных отложений, увеличение доли органики, поступающей от водорослей, и низкие показатели коэффициентов карбонатности и засоления являются основными маркерами этих изменений. В это же время фактически прекращается разложение торфа в торфянике Ошуковском, что также свидетельствует о высокой влажности летом. В составе лесов береза вновь занимает лидирующие позиции, возможно формируя пойменные леса, хотя сосновых и сосново-березовых лесов также много. Разнообразные луга играли подчиненную роль в ландшафте.

Дальнейшие изменения, прослеженные по данным отложений, датированных 2850–2600 кал. л.н., показывают, что климатические условия стабилизировались и продолжился уверенный тренд увлажнения и похолодания. Судя по возрастающему притоку тонких взвешенных частиц, поступающих в отложения озера преимущественно при весеннем таянии снега, увеличилась мощность снегового покрова. Уровень водоемов и водность рек были сопоставимы с современным или чуть выше, однако берега озер не были оконтурены широким поясом тростниково-рогозовых зарослей, как в настоящее время. В окрестностях Андреевских озер были широко распространены березовые и в меньшей степени смешанные и сосновые леса, сырые и суходольные луга. В низинных торфяниках в результате избыточного увлажнения и ввиду медленного разложения органики начался переход к мезотрофной стадии, а впоследствии и к олиготрофному торфонакоплению. Все эти особенности были учтены при моделировании и создании палеоландшафтной карты.

Экологическая емкость территории и объемы биоресурсов

Период 2850–2600 кал. л.н. характеризуется увеличением количества осадков и развитием эрозии, повышением уровня водоемов и увеличением площади водной поверхности, а спорово-пыльцевые данные зафиксировали снижение доли сосны, поэтому, вероятно, возросла доля площадей мелколиственных лесов (рис. 2). Сосновые и сосново-березовые кустарничково-травяные, травяные и кустарничково-лишайниковые леса должны были сохранить свое господство

только на наиболее возвышенных дренированных участках водоразделов. Повышение количества осадков по сравнению с предыдущим периодом, вероятно, могло привести к более широкому распространению травяных лесов на серых лесных почвах. В целом на дренированных участках господствовали березовые с участием сосны, разнотравно-злаковые, в том числе остепненные, леса в сочетании со злаково-разнотравными и разнотравно-злаковыми лугами. Увеличивается залесенность территории по сравнению с предыдущими, более сухими фазами. В напочвенном покрове увеличивается доля мхов, таежного разнотравья и кустарничков.

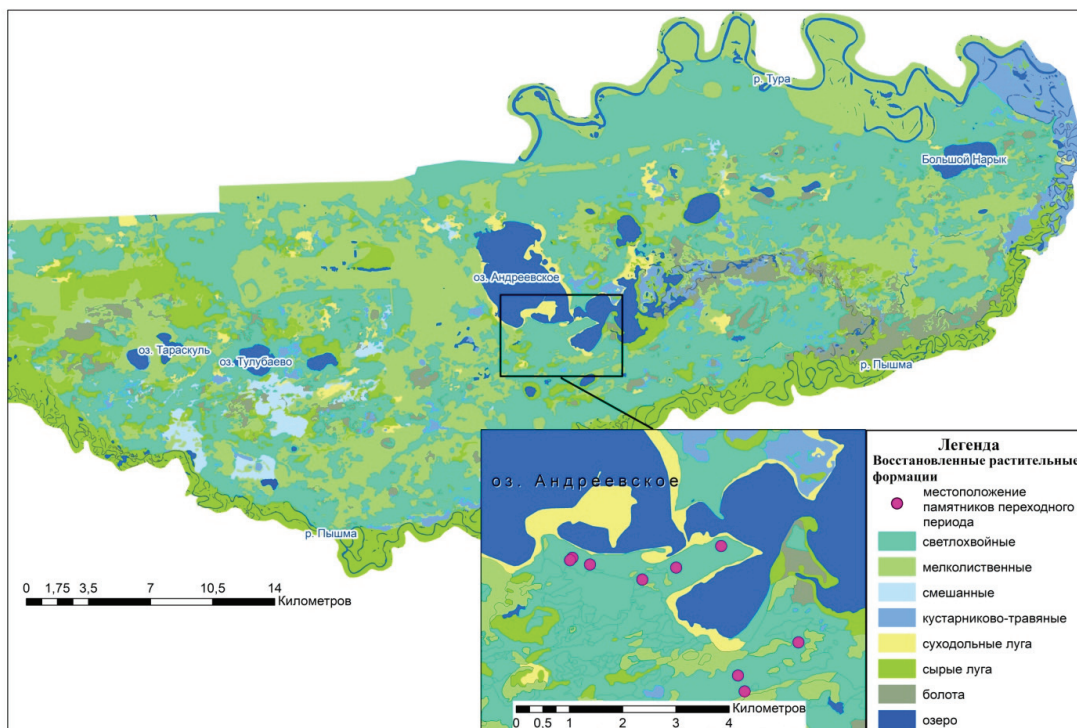

Рис. 2. Общая генерализованная палеоландшафтная карта междуречья Туры и Пышмы для интервала 2850–2600 кал. л.н., и детализированный участок берега оз. Андреевского с крупномасштабными выделами и местоположением городищ иткульской культуры.

Fig 2. Generalized paleolandscape map of the Tura and Pyshma interfluve for the interval of 2850–2600 cal. BP, and a detailed large-scale section of the lakeshore with Itkul hillforts.

Увеличение количества осадков и усиление промывного режима в почвах привело к расселению солонцов и солончаков и должно было способствовать росту доли гидроморфных ландшафтов. Под луговыми сообществами, по-видимому, ранее сформировались черноземы с разной степенью процесса черноземообразования, поэтому луговые сообщества характеризовались хорошим плодородием. В понижениях и замкнутых котловинах, возможно, наблюдался подъем уровня грунтовых вод, что привело к увеличению участия в разнотравье мезофильных и местами — гигромезофильных видов. Для этого периода должно было быть характерно увеличение доли в растительном покрове болотных и лесоболотных фитоценозов, основные площади которых приурочены к приозерным террасам и участкам древних озерных котловин. В поймах рек высокие участки были заняты кустарниковыми осоковыми и злаковыми ивняками; в пределах участков среднего уровня, вероятно, были распространены разнотравно-злаковые луга, остепненные и местами засоленные; низкий уровень занимали тростниковые и тростниково-осоковые евтрофные болота, но многие из них приобретают мезофитный облик, формируются участки с олиготрофными сфагново-кустарничковыми болотами.

При сравнении с современными ландшафтами видно, что для исследуемого хронологического интервала совершенно не были характерны сообщества темнохвойных лесов, в то время как сейчас участки ельников травяных составляют около 5 %. Кроме того, по-видимому, соотношение хвойных и лиственных лесов на рубеже бронзового и раннего железного веков было обратно пропорционально современному. Так, доля мелколиственных травяных, травяно-болотных березовых

лесов и осинников составляла около 30 %, в современном же ландшафте их не более 16 %, хотя теперь значительно более широко распространены смешанные сосново-березовые леса.

Сосновые леса 2850–2600 кал. л.н. занимали около 28 % территории, однако основная их доля (16 %) приходилась на сосняки травяные остепненные, которые, вероятно, являлись основным типом лесной растительности в предыдущий, более сухой период 3300–3500 кал. л.н., но продолжали сохранять свое господство на высоких гипсометрических отметках и позднее. В настоящее время сосняки занимают около 42 % территории, и в основном это травяные, моховые, кустарничковые и в меньшей степени лишайниковые леса. Уровень заболоченности территории был ниже 6 % против современных 11,5 %, кроме того, реконструированы преимущественно низинные и осоково-сфагновые болота, тогда как сейчас в ландшафтах хорошо представлены и сфагновые торфяники. Несмотря на значительные по площади участки открытых ландшафтов (34 %), при реконструкции мы исходили из предположения о подъеме уровня воды и соответствующих этому сукцессионных изменениях, поэтому большая часть открытых участков на карте представлена осоково-злаковыми сообществами, т.е. преимущественно это сырые луга.

Исходя из предположения, что численность диких животных согласуется с площадью определенных растительных формаций, мы реконструировали возможное число основных объектов охоты (табл. 3), основываясь на современных закономерностях распространения копытных, пушных зверей и птицы. По данным расчетов, численность крупных копытных была сравнительно небольшой (31 лось, 302 косули, 14 кабанов), большие значения получены по численности боровой и водоплавающей птицы, что вполне соответствует площади лесов и водных объектов. Однако наиболее значительным был потенциал для рыбной ловли. Андреевские озера типично заморные, карасевого ихтиологического типа с продуктивностью 30 кг/га. По смоделированному подъему уровня воды на основе ЦМР, площадь крупных водоемов для периода 2850–2600 кал. л.н. незначительно отличалась от современной и составляла 7800 га. Следовательно, общее количество рыбы, которое можно получить с этой площади водоемов, составляло около 234 000 кг.

Реконструированная площадь потенциальных пастбищ и сенокосов в рассматриваемый период на территории Андреевской озерной системы составила около 214 км². Продуктивность этой территории суммарно оценивается в 344 492 ц кормов (табл. 4). Площадь и продуктивность пастбищ значительно выше по сравнению с участками, пригодными для заготовки сена, а сырые луга, судя по подсчетам, были наиболее продуктивными растительными сообществами для ведения производящего хозяйства.

У жителей древних поселков были достаточно хорошие возможности для сбора дикоросов, особенно черники и брусники (табл. 4), напрямую связанные с локализацией лесных сообществ на территории междуречья Туры и Пышмы.

Численность населения Андреевской озерной системы исходя из ресурсных возможностей территории на рубеже эпох бронзы и железа (2850–2600 кал. л.н.)

Природный потенциал территории при ведении производящего хозяйства. По современным данным и материалам XIX в.², для зимнего содержания скота требуется 2,5–3,5 т сена для лошадей, 2–4,5 т для коров и 0,5–1 т для овец. Кормить животных дома приходится при нормальных условиях 6–7 мес., с октября по май, и лишь там, где приходится кормить и прикармливать их в весеннее время, пропорция сена увеличивается [Патканов, 2003, т. 3, с. 83–88].

Как из современных, так и из этнографических источников не известно точно, сколько съедает животное на пастбище. Предположим, что на пастбище животное съедает в два раза больше, чем при стойловом содержании. В таком случае, эти показатели могут составлять в год: около 10–12 т для лошадей, 14–15 т для коров и 3 т для овец.

Согласно статистическим данным XIX в. по Тюменскому округу, вес мяса молодого рогатого скота составлял: 1,5 года — 4 пуда; 2–4 года — 4–8 пудов; 6–7 лет — 20 пудов (т.е. от 64 до 320 кг, поэтому в среднем его можно принять за 200 кг) [Патканов, 2003, т. 1, с. 133]. Овцы давали примерно 30 кг мяса, лошадь — около 150 кг. Исходя из калорийности мяса перечисленных животных (табл. 1) и количества корма, необходимого для пропитания одного животного получаем, что территория могла обеспечить кормами стадо из 2870 лошадей, или 2297 коров, или 11 480 овец. В пересчете на примерное количество мяса, с учетом его калорийности, продукты животноводства могли обеспечить:

² Данные XIX в. о хозяйстве обитателей Андреевских, Чикчинских, Якушевских, Муллашинских юрт и с. Мальково, д. Ошкукова и Мысовская, д. Антипино, Субботина и Паренкина в окрестностях Тюмени представлены в работе С.К. Патканова [2003].

- лошадь — $2870 \text{ голов} \times 150 \text{ кг} = 430\,500 \text{ кг} \times 1400 \text{ ккал/кг} = 602\,700\,000 \text{ ккал}$;
- КРС — $2297 \times 200 \text{ кг} = 459\,400 \text{ кг} \times 1900 \text{ ккал/кг} = 872\,860\,000 \text{ ккал}$;
- МРС — $11\,480 \times 30 \text{ кг} = 344\,400 \text{ кг} \times 2000 \text{ ккал/кг} = 688\,800\,000 \text{ ккал}$.

Каждый из этих видов животных мог бы обеспечить питанием от 496 до 909 чел. Если принять, что общество, базировавшееся на скотоводстве, использовало лишь 20 % возможностей отрасли для содержания лошадей и КРС и 2 % — для содержания МРС на рассматриваемой территории, то энергетическая ценность продуктов животноводства, которые обитатели Андреевской озерной системы могли получать, составляла бы 296 437 600 ккал в год.

Природный потенциал территории при ведении присваивающего хозяйства. В XIX в. «звероловство и охота не составляли более или менее видного промысла» из-за истребления большей части зверя [Патканов, 2003, т. 1, с. 200–210]. Наиболее активно развивались рыболовство и охота на водоплавающих птиц. Улов состоял главным образом из чебаков и щук; линей, окуней и карасей было сравнительно немного. По официальным сведениям, в Муллашинских юртах в 1878 г. было поймано карасей 230 пудов, окуней 30 пудов, чебаков 50 пудов, щук 30 пудов, язей 20 пудов; в Андреевских юртах — карасей 337 пудов (в целом 11 152 кг). В Андреевских юртах рыболовство и охота на водяную птицу составляла от 30,7 до 53,2 % дохода [Там же, с. 184, 189, 198–199].

В позапрошлом веке жители Тобольской губернии добывали много животных, и продукты охоты, как и животноводства, являлись предметом торговли. Вероятно, обитатели Андреевской озерной системы в древности жили не замкнуто и охотились не только в пределах рассматриваемой территории. В зимнее время, когда реки Тура и Пышма переставали быть серьезным препятствием, для охоты вполне могли использоваться левобережье Туры и правобережье Пышмы.

Тем не менее мы исходим из потенциала ландшафтов в пределах рассматриваемого междуречья и реконструированного количества животных для интервала 2850–2600 кал. л.н., при котором продукты охоты могли обеспечить суммарно 18 260 115 ккал:

- лось — $31 \text{ особь} \times 240 \text{ кг} \times 1010 \text{ ккал/кг} = 7\,514\,400 \text{ ккал}$;
- косуля — $302 \times 10 \text{ кг} \times 1380 \text{ ккал/кг} = 4\,167\,600 \text{ ккал}$;
- утка — $8133 \times 0,5 \text{ кг} \times 3370 \text{ ккал/кг} = 3\,704\,105 \text{ ккал}$;
- рябчик — $1320 \times 0,25 \text{ кг} \times 2540 \text{ ккал/кг} = 838\,200 \text{ ккал}$;
- тетерев — $1451 \times 0,5 \text{ кг} \times 2540 \text{ ккал/кг} = 1\,842\,770 \text{ ккал}$;
- глухарь — $38 \times 2 \text{ кг} \times 2540 \text{ ккал/кг} = 193\,040 \text{ ккал}$.

Возможный улов в водоемах Андреевской озерной системы в середине 50-х гг. прошлого столетия составлял до 30 кг/га в год [Бакина, Янкова, 2016]. Возможная калорийность рыбы около 400 ккал/кг [Шаманаев, Симонов, 1998]. Общее количество рыбы, которое можно получить с этой площади водоемов, оценивается в 234 000 кг, а энергетическая ценность продуктов рыболовства могла составлять 93 600 000 ккал.

Высокой калорийностью обладают грибы, и их количество на рассматриваемой территории довольно велико, однако нельзя с уверенностью сказать, что ими питались в древности. Например, «татары относятся к грибам вполне индифферентно и не употребляют их в пищу» [Патканов, 2003, т. 1, с. 206]. Сложно предположить, собирали ли люди ягоды на рубеже бронзового и раннего железного веков, нет никаких палеоботанических данных об использовании дикоросов в хозяйстве. В целом роль пищевых растений как дополнительного ресурса могла быть как достаточно большой, так и ничтожной. Поэтому до получения объективных результатов флорации культурного слоя на иткульских поселениях мы не можем рассчитывать калорийность и вклад в питание этих продуктов.

Таким образом, общая энергетическая ценность продуктов животноводства, охоты и рыболовства потенциально могла составлять 408 297 715 ккал. При энергетических затратах человека 3000–4000 ккал/сутки это количество продуктов могло обеспечить проживание 280–373 чел. на берегах Андреевских озер и прилегающей территории междуречья Туры и Пышмы.

Расчеты численности населения по площади и количеству жилищ иткульской культуры (2850–2600 кал. л.н.)

Для поселений переходного периода от бронзового к раннему железному веку можно привести другие расчеты численности населения, основанные на площади жилищ; интересно сравнить их с результатами, полученными при расчете ресурсообеспеченности.

В пределах междуречья Туры и Пышмы для интервала VIII–VII вв. до н.э. известно 35 поселений. В зависимости от площади и количества построек, если не учитывать, что часть постро-

ек могла иметь хозяйственное значение, численность населения поселков может варьировать от 10 до 287 чел.:

— на 17 поселениях, площадь которых варьирует от 3500 до 18 000 м², а количество жилищ — от 2 до 11, численность могла составлять до 70 чел.;

— на 12 поселениях, площадью от 9000 до 18 000 м², при количестве жилищ от 15 до 21 численность могла варьировать от 70 до 150 чел.;

— на 6 поселениях, площадью от 11 000 до 78 000 м², с количеством жилищ от 30 до 41, могло проживать от 150 до 287 чел.

Таким образом, на старичных озерах у р. Туры на 23 известных сейчас городищах могло проживать до 1700–2300 чел., на 11 городищах системы Андреевских озер — 900–1200 чел., на 1 городище на р. Дуван мог проживать коллектив из 50–70 чел. Исходя из среднего срока службы наземных построек — 20 лет и преимущественной численности 70–150 чел. заключаем, что на старицах р. Туры одновременно могло функционировать 2–3 поселка, на Андреевских озерах — 1–2 поселка, т.е. предположительно одновременно на 5 поселениях на старицах Туры и Андреевских озерах в VIII–VII вв. до н.э. *могло проживать 350–750 чел.* Отсутствие абсолютных дат не позволяет говорить о конкретных памятниках и их хронологической последовательности.

Для VI в. до н.э. в каждом из районов локализации известно всего по два поселения (на старицах Туры и Андреевских озерах выявлено по одному укрепленному и одному неукрепленному поселению) с возможной *примерной численностью от 160 до 370 чел.*

Отсутствие достоверно связанных с иткульской культурой могильников делает невозможным сравнительный анализ численности населения с привлечением этого показателя.

Заключение

Территория Андреевских озер представляет собой относительно «замкнутую» систему — ограничена с севера, юга и востока реками Турой и Пышмой; это позволяет предположить, что основная хозяйственная деятельность людей в древности протекала преимущественно внутри этого междуречья. Реконструкция особенностей природных условий и палеоландшафтное картирование Андреевской озерной системы позволили провести расчеты и высказать предположения о ресурсном потенциале территории и численности людей, которые могли обеспечить себя продукцией производящего и присваивающего хозяйства на рубеже бронзового и железного веков.

Выбранный нами подход основан на оценке экологической емкости обширной территории всего археологического микрорайона, а не отдельного исследуемого памятника. Впервые проведенное детальное крупномасштабное картирование реконструированных растительных сообществ междуречья Туры и Пышмы оказалось трудоемким, но ценным инструментом для оценки биоресурсов этой территории.

Достоверность пространственно-временного изменения площади тех или иных растительных сообществ основана на результатах палеоэкологических исследований, проведенных непосредственно в пределах Андреевской озерной системы. На наш взгляд, использование детальной модели рельефа и учет закономерностей изменения дренированности территории при сменах климатических условий позволили получить наиболее объективные реконструкции палеоландшафтов. Однако уязвимым моментом при выбранном подходе к оценке природного потенциала является расчет численности диких животных, птицы и рыбы исходя из усредненных показателей для подтаежной зоны. Данные по отдельным территориям, и в частности по обособленному району с крупными озерами, могут значительно отличаться от средних показателей.

На основе выполненных расчетов предполагается, что в период 2850–2600 кал. л.н. ресурсы Андреевской озерной системы, необходимые для производящей экономики, были достаточны для удовлетворения потребностей коллектива из 496–909 чел. Согласно этнографическим данным ресурсы территории использовались не в полной мере, возможно, в связи с трудоемкостью ведения скотоводческого хозяйства и разной степенью необходимости дополнять рацион продуктами охоты и рыболовства. Присваивающие и производящие отрасли в системе Андреевских озер предположительно обеспечивали одновременное проживание нескольких коллективов общей численностью 280–373 чел.

Ресурсообеспеченность является корректирующим фактором, необходимым для более убедительного ответа на вопрос о предельном числе жителей и количестве поселений — в данном случае иткульской культуры, функционировавших на рассматриваемой территории одновременно. Ресурсный потенциал территории, с учетом занятий населения охотой, рыболовством и животноводством, давал возможность проживать коллективу, насчитывавшему не бо-

лее 373 чел., это примерно соответствует минимальным показателям, полученным при оценке численности по площади жилищ (350 чел.).

Для подтверждения корректности выводов предложенный подход должен быть апробирован для памятников других археологических культур и территорий, по которым имеются антропологические данные и результаты палеозоологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н., Зимина О.Ю. Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: Археолого-этнографические параллели // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 3. С. 63–71.
- Бакина А.В., Янкова Н.В. Динамика уловов в озере Андреевского Тюменского района // Новая наука: Современное состояние и пути развития: Междунар. науч. период. изд. по итогам Междунар. науч.-практ. конф.: В 3 ч. Стерлитамак: АМИ, 2016. Ч. 1. № 6-3 (86). С. 3–6.
- Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1: Чегандинская культура (III в. до н.э. — II в. н.э.) // ВАУ. 1970. Вып. 10. С. 3–224.
- Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы. Новосибирск: Наука, 2014. Т. 1. 225 с.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А., Зимина О.Ю. К вопросу о демографии на рубеже бронзового — раннего железного веков в Нижнем Притоболье // Экология древних и традиционных обществ: Доклады конф. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. 3. С. 187–191.
- Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Зимина О.Ю., Илюшина В.В. Укрепленные поселения с круговой планировкой иткульской культуры в лесостепном Зауралье // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Курган: Изд-во КурГУ, 2016. С. 29–39.
- Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 88 с.
- Казьмин С.П., Волков И.А. Этапы речной деятельности времени последнего континентального оледенения (Западная Сибирь) // Вестник ВГУ. Сер. Геология. 2014. № 2. С. 155–159.
- Киришин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 182 с.
- Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Изд-во УрО РАН, 1989. С. 153–164.
- Козынцева Н.Н. Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // ВАУ. 1998. Вып. 23. С. 184–195.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры: (Опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Изд-во УрО РАН, 1989. С. 165–177.
- Косинцев П.А., Стефанов В.И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Изд-во УрО РАН, 1989. С. 105–119.
- Ларина Н.С., Ларин С.И., Меркушина Г.А. Накопление химических элементов в верховых торфяниках подтаежного Зауралья в голоцене // Почвоведение. 2014. № 7. С. 812–823.
- Лисс О.Л., Абрамова Л.И., Аветов И.А., Березина Н.А., Инишева Л.И., Курнишкова Т.В., Слукa З.А., Толпышева Т.Ю., Шведчикова И.К. Болотные системы Западной Сибири и их природоохранное значение. Тула: ГРифиК, 2001. 584 с.
- Матвеев А.В. Ирменское жилище как палеодемографический источник // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск: Изд-во ИИФиф, 1989. С. 9–12.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Низовцев В.А., Марченко Н.А. Антропогенный ландшафтогенез — методы и результаты исследований // Функционирование и современное состояние ландшафтов. М.: Городец, 2004. С. 196–213.
- Низовцев В.А. Опыт крупномасштабного палеоландшафтного картографирования // Пути эволюционной географии: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной памяти проф. А.А. Величко (Москва, 23–25 ноябр. 2016 г.). М.: ИГ РАН, 2016. С. 509–514.
- Патканов С.К. Соч.: В 5 т. Т. 1: Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Кашегальской, Червишевской и Яровской волостей Тюменского округа Тобольской губернии / Сост. Ю. Мандрыка. Тюмень: Мандр и К, 2003. 304 с.
- Патканов С.К. Соч.: В 5 т. Т. 3: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Часть вторая / Сост. Ю. Мандрыка. Тюмень: Мандр и К, 2003. 312 с.
- Плеханова Л.Н. Древние почвы археологических объектов как база палеоклиматических реконструкций второй половины голоцена // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. 2017. Т. 28. № 3. С. 33–50.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин А.С., Сизов О.С. Палинотрастиграфическая летопись изменения облика ландшафтов позднеледниковья и голоцена из донных отложений Андреевской озерной системы // Ландшафтоведение: Теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития: Материалы XII Междунар. ландшафтной конф.: В 3 т. Тюмень; Тобольск, 2017. Т. 1. С. 332–338.

Сизов О.С., Зимина О.Ю. Особенности системы жизнеобеспечения и пространственного размещения поселений иткульской культуры в Притоболье (VIII–VI вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (19). С. 150–159.

Сизов О.С., Идрисов И.Р., Молчанова К.В. Опыт реконструкции исходных ландшафтов с использованием крупномасштабного картирования территории Андреевской озерной системы (междуречье Туры и Пышмы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 205–212.

Сизов О.С., Приходько Н.В., Зах В.А., Соромотин А.В., Костомаров В.М. Опыт применения беспилотных аэрофотосъемочных и батиметрических систем для реконструкции динамики уровня воды в Андреевской озерной системе (Тюменская область) // Применение беспилотных летательных аппаратов в географических исследованиях: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 107–111.

Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 26–42.

Хромых В.С. Палеоландшафты поймы Оби этапа климатического оптимума голоцена // Материалы VI Всерос. конф. с междунар. участием «Отражение био-, гео-, антропоферных взаимодействий в почвах и почвенном покрове», посвященной 125-летию со дня рождения Р.С. Ильина. Томск, 2016. С. 82–85.

Haslett J., Parnell A. A simple monotone process with application to radiocarbon dated depth chronologies // Journal of the Royal Statistical Society. Series C. 2008. № 57 (4). P. 399–418. doi: 10.1111/j.1467-9876.2008.00623.x.

Müller J. Bronze Age Social Practices: Demography and Economy. Forging Long-Distance Exchange // Forging Identities. The Mobility of Culture in Bronze Age Europe. Oxford: Hadrian Books, 2015. Vol. 1. P. 231–236.

Ryabogina N.E., Afonin A.S., Ivanov S.N., Li H.-C., Kalinin P.A., Udaltsov S.N., Nikolaenko S.A. Holocene paleoenvironmental changes reflected in peat and lake sediment records of Western Siberia: Geochemical and plant macrofossil proxies // Quaternary International. 2019. doi.org/10.1016/j.quaint.2019.04.006.

Источники

Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. С. 17.

Лесной план Тюменской области. 2017 г. URL: https://admtymen.ru/ogv_ru/finance/lk/more.htm?id=11435694@cmsArticle (дата обращения: 19.01.2019).

Лесохозяйственные регламенты лесничеств Тюменской области. 2019 г. URL: https://admtymen.ru/ogv_ru/finance/lk/more.htm?id=10662767@cmsArticle (дата обращения: 19.01.2019).

Путание по группам интенсивности труда. URL: http://www.gigiena-saratov.ru/aktyalnye_temy/gig_pit/146194 (дата обращения: 11.09.2018).

Постановление Губернатора Тюменской области от 7 июля 2014 г. № 80 «Об утверждении схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий Тюменской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/430584059> (дата обращения: 19.01.2019).

Постановление Тюменской областной Думы от 19 октября 2017 г. № 800 «Об информации Правительства Тюменской области о реализации Закона Тюменской области «О добыче охотничьих ресурсов в Тюменской области». URL: <http://base.garant.ru/46522764/> (дата обращения: 19.01.2019).

Справочник по кормопроизводству / Под ред. В.М. Косолапова, И.А. Трофимова. М.: Россельхозакадемия, 2011. 700 с.

O.Yu. Zimina*, N.V. Zherebyatyeva, I.R. Idrisov**, O.S. Sizov***, N.N. Moskvina**, A.S. Afonin*, S.N. Ivanov*, N.E. Ryabogina***

*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: o_winter@mail.ru; hawk_lex@list.ru; ivasenik@rambler.ru; nataly.ryabogina@gmail.com

**Tyumen State University

Osipenko st., 2, Tyumen, 625002, Russian Federation

E-mail: n.v.zherebyateva@utmn.ru; ildaridrisov@yandex.ru; n.n.moskvina@utmn.ru

***Institute of Oil and Gas Problems RAS

Gubkina st., 3, Moscow, 119333, Russian Federation

E-mail: kabanin@yandex.ru

THE ANDREEVSKOYE LAKE SYSTEM AT THE TURN OF THE BRONZE AND EARLY IRON AGES: PALEO-LANDSCAPE MAPPING, BIOPRODUCTIVITY ASSESSMENT AND DEMOGRAPHIC CAPACITY OF THE TERRITORY (TURA AND PYSHMA INTERFLUVE, WEST SIBERIA)

On the basis of complex paleogeographic studies, we have created a large-scale paleo-landscape map covering the territory of the Andreevskoye lake flow system, in-between the Tura and the Pyshma rivers (West Sibe-

ria), for the interval of 2850–2600 cal. BP. According to the mapping results, the areas of key vegetation types were determined. By selecting modern analogues, we calculated the ecological capacity of the territory, as well as its biological productivity potential for providing plant and animal resources. In the past, spatio-temporal changes in the share of the main plant communities were based on the degree of area drainage varying with different climatic conditions. As a result of palynological and geochemical studies, a trend towards increasing humidity and falling temperature was identified in the given chronological interval. In this regard, the map shows a large proportion of birch forests and damp meadows, whereas coniferous forests and swamps were less dominant in the landscapes as compared to present times. In 2850–2600 cal. BP, the territory of the Andreevskoye lake system was developed by the representatives of the Itkul culture. On the basis of data on the natural resources available in the territory, the bioproductivity potential for producing and appropriating economy was calculated. The calculations are based on historical and ethnographic analogies and take into account the fact that producing industries used only 20–22 % of the territory's resource base. Evidently, the greatest amount of food was provided by fishing rather than by hunting and producing industries. Fishing was of paramount importance, as evidenced by the location of settlements (mainly on the lake shores). Reconstructed data on the territory's resource supply, allowed us to determine a possible size of the Itkul population having lived in the territory of the Andreevskoye lake system. The calculations used the data on the energy value of various products, taking energy consumption of people involved in vigorous physical activity into account. In the given chronological interval of 2850–2600 cal. BP, local resources allowed for the possibility of simultaneous residence of about 280–373 people. The indicator of resource availability in the territory allows the paleodemographic calculations to be significantly adjusted using methods for estimating a dwelling area, since they determine the population density limit, provided the land is used simultaneously. The figures obtained for the number of Itkul population correspond only to the minimum values, calculated by taking the area and number of dwellings of this culture into account.

Key words: paleolandscape map, resources endowment, paleodemography, Transitional Time from the Bronze to the Early Iron Age, West Siberia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-069-084

REFERENCES

- Adayev V.N., Zimina O.Yu. (2016). Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (3), 63–71. doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.3.063-071. (Rus.).
- Bakina A.V., Iankova N.V. (2016). The dynamics of catches in the lake Andreevskoe Tyumen region. *Novaia nauka: Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia*, (6-3), 3–6. (Rus.).
- Gening V.F. (1970). The history of the population of the Udmurt Kama region in the Pyanoborsky epoch. Part 1: Cheganda culture (3d century BC — 2nd century AD). *Voprosy arkheologii Urala*, (10), 3–224. (Rus.).
- Haslett J., Parnell A. (2008). A simple monotone process with application to radiocarbon dated depth chronologies. *Journal of the Royal Statistical Society. Series C*, (4), 399–418. doi: 10.1111/j.1467-9876.2008.00623.x.
- Ivanov V.A. (1984). *The armament and military affair of the Finno-Ugrians of the Urals in the epoch of Early Iron Age*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kaz'min S.P., Volkov I.A. (2014). Stages of river activity since the last continental glaciation (Western Siberia). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geologiya*, (2), 155–159. (Rus.).
- Khlobystin L.P. (1972). Problems of the Neolithic sociology of Northern Eurasia. In A.M. Reshetov (Ed.), *Okhotniki, sobirатели, rybolovy* (pp. 26–42), Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Khromykh V.S. (2016). Paleolandscapes of the floodplain Ob stage holocene climatic optimum. In S.P. Kulizhskii (Ed.), *Otazhenie bio-, geo-, antroposfernykh vzaimodeistvii v pochvakh i pochvennom pokrov: Materialy VI Vserossiiskoi konferentsii, posviashchennaia 125-letiiu so dnia rozhdeniia R.S. Il'ina* (pp. 82–85), Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Maloletko A.M. (1979). *Bronze Age of the Vasyugan*, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Koryakova L.N., Sergeev A.S. (1989). Some Issues of Economic Activity of the Sargat Culture Communities: (An Experience of Paleoeconomic Analysis of the Duvanskoye II Settlement). In V.D. Viktorova, N.G. Smirnov (Eds.), *Formation and Development of Producing Economy in the Ural* (pp. 165–177), Sverdlovsk: Ural'skoe otделение RAN. (Rus.).
- Kosintsev P.A., Stefanov V.I. (1989). Features of the economy of the population of forest Trans-Urals and lishim forest-steppe in the Transitional Period from the Bronze Age to the Iron Age. In V.D. Viktorova, N.G. Smirnov (Eds.), *Formation and Development of Producing Economy in the Ural* (pp. 105–119), Sverdlovsk: Ural'skoe otделение RAN. (Rus.).
- Kovaleva V.T., Shtadler M.Iu. (1989). Paleoeconomic reconstruction of the Early Bronze Time. In V.D. Viktorova, N.G. Smirnov (Eds.), *Formation and Development of Producing Economy in the Ural* (pp. 153–164), Sverdlovsk: Ural'skoe otделение RAN. (Rus.).
- Kozyntseva N.N. (1998). Paleodemograficheskii aspekt izucheniia tashkovskoi kul'tury. In V.T. Kovaleva (Ed.), *Voprosy arkheologii Urala*, (23), 184–195. (Rus.).

- Larina N.S., Larin S.I., Merkusheva G.A. (2014). Accumulation of Chemical Elements in the Raised Peatbogs of the Subtaiga Trans Urals in the Holocene. *Eurasian Soil Science*, (7), 670–681. doi: 10.1134/S1064229314050123.
- Liss O.L., Abramova L.I., Avetov N.A., Berezina N.A., Inisheva L.I., Kurnishkova T.V., Sluka Z.A., Tolpyshcheva T.Yu., Shvedchikova N.K. (2001). *Mire ecosystems of Western Siberia and their ecological value*, Tula: Grifi K Publ. (Rus.).
- Matveev A.V. (1989). Irmen dwelling as a paleodemographic source. In *Istoricheskii opyt sotsial'no-demograficheskogo razvitiia Sibiri* (pp. 9–12), Novosibirsk: Izdatel'stvo IIFiF. (Rus.).
- Matveeva N.P. (2000). *The socio-economic structure of the population of Western Siberia in the Early Iron Age: Forest steppe and sub-taiga zone*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Müller J. (2015). Bronze Age Social Practices: Demography and Economy. Forging Long-Distance Exchange. In Paulina Suchowska-Ducke, Samantha Scott Reiter, Helle Vandkilde (Eds.), *Forging identities. The mobility of culture in Bronze Age Europe*, 1, (pp. 231–236), Oxford: Hadrian Books.
- Nizovtsev V.A. (2016). Experience in large-scale paleolandscape mapping. *Routes of Evolutionary Geography*. Proceedings of the Scientific Conference in memory of professor A.A. Velichko (pp. 509–514), Moscow: Institute of Geography RAS. (Rus.).
- Nizovtsev V.A., Marchenko N.A. (2004). Experience of large-scale paleolandscape mapping. *Funktsionirovanie i sovremennoe sostoianie landshaftov* (pp. 196–213), Moscow: Gorodets. (Rus.).
- Patkanov S.K. (2003). The economic life of the state peasants of the Bogandin, Kashegal, Chervishevsk and Yarovsk volosts of the Tyumen district of the Tobolsk province. In Iu. Mandryka (Ed.), *S.K. Patkanov. Sochineniia: V 5 t., 1, Tiumen': Mandr i K*. (Rus.).
- Patkanov S.K. (2003). Economic life of state peasants and foreigners of Tobolsk district, Tobolsk province. In Iu. Mandryka (Ed.), *S.K. Patkanov. Sochineniia: V 5 t., 3(2), Tiumen': Mandr i K*. (Rus.).
- Plekhanova L.N. (2017). Buried soils of archaeological objects as the base of paleoclimatic reconstructions second half of the Holocene. *Problems of ecological monitoring and modeling of ecosystems*, (3), 33–50. (Rus.). doi: 10.21513/0207-2564-2017-3-33-50.
- Ryabogina N.E., Afonin A.S., Ivanov S.N., Li H.-C., Kalinin P.A., Udaltsov S.N., Nikolaenko S.A. (2019). Holocene paleoenvironmental changes reflected in peat and lake sediment records of Western Siberia: Geochemical and plant macrofossil proxies. *Quaternary International*. doi: 10.1016/j.quaint.2019.04.006.
- Ryabogina N.E., Ivanov S.N., Afonin A.S., Sizov O.S. (2017). Pollen and stratigraphic chronicle of landscape changes in the Late Glacial and Holocene from the sediments of the Andreevskaya lake system. *Landscape science: Theory, methods, landscape-ecological support of land use and sustainable development: Proceedings of the XII International landscape conference*, 1 (pp. 332–338), Tyumen; Tobolsk. (Rus.).
- Sizov O.S., Idrisov I.R., Molchanova K.V. (2017). An attempt to reconstruct the original landscapes using a large-scale mapping of the territory of the Andreevskoe lake system (interfluvium of the Tura and Pyshma rivers). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 205–212. (Rus.). doi: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-205-212.
- Sizov O.S., Prikhod'ko N.V., Zakh V.A., Soromotin A.V., Kostomarov V.M., 2018. Experience use of unmanned aerial and bathymetric systems for reconstruction of dynamics of water level at Andreyevskaya lake system (Tyumen region). In S.A. Makarov (Ed.), *Primenenie bespilotnykh letatel'nykh apparatov v geograficheskikh issledovaniakh* (pp. 107–111), Irkutsk. (Rus.).
- Sizov O.S., Zimina O.Yu. (2012). Peculiarities of the life support system and the spatial distribution of the settlements of the Itkul culture in the Tobol region (8th–6th centuries BC). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 150–159. (Rus.).
- Zakh V.A. (1995). *The settlement of ancient pastoralists on the Tobol*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zakh V.A., Usacheva I.V., Zimina O.Yu., Skochina S.N., Chikunova I.Yu. (2014). *Antiquities of Andreevskaya lake system*, 1, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zakh V.A., Zimina O.Yu. (2007). To a question of demography at the turn of the Bronze — Early Iron Ages in the Lower Tobol region. In N.P. Matveeva, V.N. Adaev, O.M. Anoshko, F.V. Matveev (Eds.), *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, (3) (pp. 187–191), Tyumen: Vektor Buk. (Rus.).
- Zimina O.Yu., Zakh V.A. (2009). *Lower Tobol basin at the turn of the Bronze and Iron Ages*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zimina O.Yu., Ilyushina V.V. (2016). Defensible settlements of round planning of Itkul archaeological culture in the forest-steppe Trans-Urals. In D.N. Masliuzhenko, I.K. Novikova (Eds.), *Arkheologiya Srednego Pritobol'ia i sopredel'nykh territorii* (pp. 29–39), Kurgan: Izd-vo Kurganskogo universiteta. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 18.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

С.Б. Болелов*, Г.Ю. Колганова**, М.Г. Никифоров***

*Государственный музей искусства народов Востока
Никитский бульвар, 12а, Москва, 119019

**Институт Востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, 107031

***Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, 119034

E-mail: bsb1958@yandex.ru;
kolganova_gy@mail.ru;
followup@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ХОРЕЗМА

Исследована пространственная ориентация сооружений древнего и средневекового Хорезма. Проведенный анализ обнаруживает два статистически значимых направления: ориентация вдоль линии меридиана и по азимуту восхода Солнца в день зимнего солнцестояния. Показано, что значимость последнего азимута находит отражение в культурной традиции региона.

Ключевые слова: Хорезм, пространственная ориентация, астрономия, культура.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-085-096

Целью настоящей работы является изучение астрономической ориентации архитектурных памятников Хорезма. Под термином «астрономическая ориентация» мы понимаем ориентацию элементов планировки сооружения на астрономически значимые направления, которым соответствуют стороны света, азимуты восхода и/или захода Солнца в дни солнцестояний и азимуты восхода/захода Луны в крайнем северном и южном положениях.

Изучению пространственной ориентации отдельных памятников посвящено множество работ, однако обобщающих исследований мало. Наибольший интерес представляет выборка М.С. Булатова [1978, с. 21–66], состоящая из 36 сооружений, принадлежащих к различным культурам (Месопотамия, Египет, Греция, Средняя Азия, Индия) и сильно разбросанных во времени, от шумерских храмов IV тыс. до н.э. до индийских памятников раннего средневековья (VII в. н.э.). Проведенный анализ показывает связь архитектуры и астрономии в самых разных культурах, однако не позволяет сделать более определенные выводы по конкретному региону. Кроме того, М.С. Булатов пользовался археологическими планами, составленными третьими лицами, поэтому у нас нет информации ни о точности определения азимутов¹, ни о том, какой из меридианов (магнитный или истинный) обозначен на плане. Следует помнить также, что обнаружение на отдельно взятом памятнике астрономически значимого азимута может быть случайным совпадением. Когда мы имеем несколько десятков памятников со случайной ориентацией, то, с учетом погрешности 2–3 градуса, ориентация хотя бы одного из них с достаточно большой вероятностью будет соответствовать какому-то из астрономически значимых направлений. По-видимому, что для каждого региона можно отобрать по нескольку памятников с некой астрономической ориентацией, а потом объединить их в одно множество. Следовательно, стоит задача обоснования результата, которую можно решить методами статистики. Если некий азимут обнаруживается на однородной² группе памятников многократно, это означает, что такая ориентация является неслучайной.

На вопрос пространственной ориентации обращал внимание С.П. Толстов [1948], упоминая, что сооружение ориентировано стенами или углами по сторонам света. Впрочем, для С.П. Толстова вопрос этот был второстепенным, его оценки являются очень приближенными.

¹ Например, компас может давать ошибку до 5 градусов.

² Под однородностью группы памятников понимается требование, согласно которому все рассматриваемые объекты должны относиться к определенной культуре и принадлежать к конкретному хронологическому периоду.

Исследование ошибок

Проведенный нами анализ точности археологических планов памятников показал, что использовать их для решения задачи определения пространственной ориентации невозможно [Колганова и др., 2014, с. 26–30]. Сравнение разных археологических планов одного и того же памятника друг с другом и со спутниковыми снимками выявило различие ориентации линии меридиана от нескольких до полутора десятков градусов. Причина наблюдаемой картины заключается в отсутствии унификации положения истинного севера. Проверка показала, что на одних планах указан магнитный север, на других приведен истинный, на третьих планах следует предположить ошибку в знаке магнитного склонения, которая, вероятно, появилась при приведении магнитного меридиана к истинному. Это можно утверждать с большой уверенностью, когда значение невязки равно удвоенной величине магнитного склонения. Наконец, в ряде случаев отклонение от истинного севера настолько велико, что его можно объяснить только наличием грубой ошибки неизвестного характера. Непригодность составленных ранее археологических планов для анализа пространственной ориентации сильно ограничивает число объектов, которые можно использовать для статистического анализа.

Во-первых, многие памятники, описанные в работах прошлого века, в настоящее время не существуют. Под поля были раскопаны Якке-Парсанский и Беркут-калинский оазисы, хотя сами Якке-Парсан и Беркут-кала сохранились. При сооружении гидроузлов были затоплены территории, на которых, в частности, находились крепость Капарас и культовый памятник Елхарас. То есть сегодня памятников физически меньше, чем в 50-е и 70-е гг. прошлого века, когда они исследовались.

Поэтому (из-за невозможности проведения новых измерений в полевых условиях) мы воспользовались спутниковыми снимками программы Google Earth (далее — GE), что наряду с очевидным преимуществом приводит к некоторым издержкам. Качество снимков зависит от местности и не всегда позволяет обнаружить памятник на изображении. Например, памятники правобережного Хорезма, расположенные рядом с населенными пунктами и дорогами, сфотографированы с хорошим разрешением. Памятники левобережного Хорезма, находящиеся в пустыне (Калалы-гыр-2, Гяур-кала-3, Дзу-кала и др.), отсняты (на 2015 г.) с низким разрешением. Кроме того, есть сильно разрушенные сооружения, плохо видные из космоса даже при хорошем разрешении снимка. Оба этих фактора уменьшают количество памятников, которые мы можем использовать для анализа.

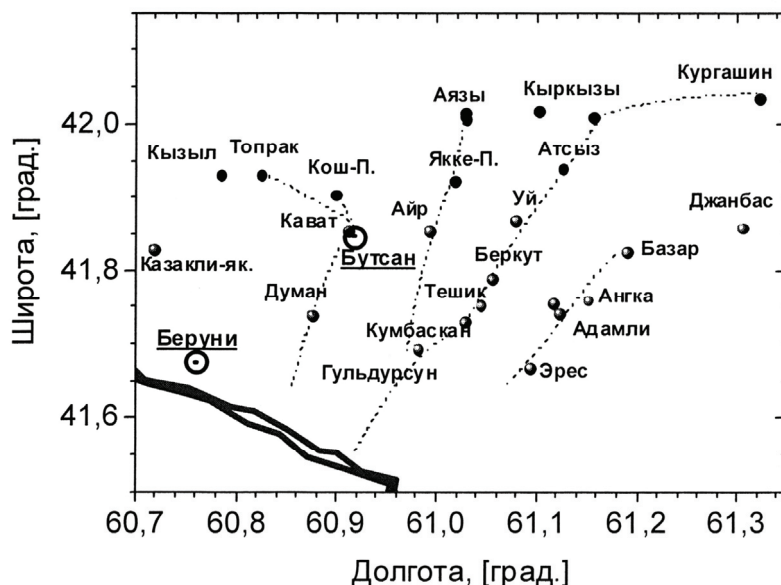

Рис. 1. Карта наиболее крупных сохранившихся памятников.

Fig. 1. Map of the largest preserved monuments.

В результате для исследования пространственной ориентации были отобраны лишь 37 объектов, в чей основе лежит форма выпуклого многоугольника. К этому множеству мы добавили азимут главной оси Кой-Крылган-калы исходя из предположения, что ее ориентация может быть

связана с гелиакальным восходом Плеяд [Колганова и др., 2014; Болелов и др., 2015]. Будем считать, что составленная нами выборочная совокупность отражает свойства генеральной совокупности, которая в настоящее время (в силу упомянутых выше причин) недоступна для исследования. На рис. 1 приведена карта наиболее крупных сохранившихся памятников.

Для каждого памятника необходимо найти набор направлений-азимутов, характеризующих пространственную ориентацию его стен. Под азимутом будем понимать угол, образованный прямой, проходящей через стены памятника, и линией меридиана. Для сооружений прямоугольной формы можно определить четыре азимута, образующих две пары, связанные очевидным соотношением $A_{i+2} = A_i + 180$, $i = 1, 2$. Поэтому для дальнейшего анализа оставим только два из четырех направлений.

При определении азимута в процессе анализа изображения можно выделить два основных источника ошибок. Первая ошибка является общей как для процесса обработки спутникового снимка, так и для измерений, проведенных в полевых условиях. Другая характерна именно для процесса обработки изображения.

Первый тип ошибки связан с самим памятником и обусловлен степенью его сохранности и/или особенностями конструкции. Очевидно, что азимуты на хорошо сохранившемся объекте (Аяз-кала 1, Джанбас-кала) можно определить значительно точнее, чем на частично разрушенном и/или оплывшем (Кульбаскан-кала 1, 2). Также необходимо принять во внимание, что некоторые хорошо сохранившиеся памятники, которые мы ранее отобрали для анализа, имеют особенности планировки. Например, западные и восточные стены Калалы-гыр-1 и северная стена Аяз-калы 3 отклоняются от прямой линии, что может быть связано с приспособлением конструкции стен к особенностям рельефа местности или с ошибками, допущенными при строительстве. Тем не менее если величина максимального отклонения стены от прямой линии мала по отношению к длине стены, то азимут может быть проведен, однако точность его определения будет ниже стандартной.

Вторая ошибка обусловлена качеством обрабатываемого изображения, а точнее, соотношением геометрических размеров памятника L к размерам самых мелких деталей, различимых на изображении l . Пустынные территории, удаленные от крупных городов и инфраструктурных объектов, довольно часто сфотографированы в низком разрешении, когда $l_{\text{пустынь}} \gg l_{\text{город}}$, поэтому крупные детали на таком космоснимке значительно размыты, а мелкие невидимы вообще. Чем больше соотношение L/l , тем выше точность определения азимута. Наличие этой ошибки приводит к тому, что ориентация компактного памятника с размерами 20–30 м (цитадель Адамли-калы, замок № 2) будет определена с невысокой точностью даже для относительно хороших изображений.

Сюда же следует отнести появление дополнительных погрешностей, связанных с освещением. На двух одинаковых снимках одного и того же памятника, полученных в разное время, положение теней, падающих от его стен, будет различаться. Это может повлиять на определение азимута, особенно при плохой сохранности памятника и невысоком качестве изображения.

Ошибка второго типа можно устранить с помощью измерений в полевых условиях, или она может быть уменьшена в будущем, когда появятся космоснимки соответствующих территорий лучшего качества.

При оценке азимутов необходимо по возможности учесть все характерные типы ошибок, поэтому для каждого азимута мы ввели буквенно-цифровой код, характеризующий его качество (табл. 1).

Искомые азимуты определялись по паре параллельных стен, если эти стены имеют буквенно-цифровой шифр, соответствующий одинаковому качеству оценки азимута, или по одной стене, которая характеризуется шифром лучшего качества. Качество шифров можно упорядочить в следующем порядке: $B1 > B2 > B3 > H1 = H2 = H3 = H4$.

Ранжирование шифров является попыткой дать качественную оценку погрешности, с которой мы находим азимут. Подобное оценивание «на глаз» несколько субъективно, однако оно позволяет уверенно упорядочить азимуты по точности в рамках одного памятника и выбрать из них наилучший для последующего анализа. Правда, для дальнейшей работы необходимо получить количественную оценку погрешности.

Согласно нашим предыдущим расчетам [Колганова и др., 2014, с. 26], использование стандартных инструментов программ Adobe Photoshop позволяет определить по изображению из программы GE угол между линией меридиана и выбранным направлением с погрешностью $\varepsilon \approx 1,7^\circ$ при ширине доверительного интервала на уровне 1σ .

Оценка качества снимка с помощью кода

Table 1

Evaluation of image quality using code

Код	Легенда
B1	Хорошо сохранившаяся стена, позволяющая наиболее точно провести азимут
B2	Стена частично разрушена, но отдельные ее фрагменты позволяют уверенно провести азимут, например по пристенным башням
B3	Остатки стен и качество изображения позволяют определить азимут с удовлетворительной точностью
H1	Остатки стены позволяют определить азимут с низкой точностью
H2	Стена или ее фрагмент имеет малые геометрические размеры, азимут определен с низкой точностью
H3	Стена имеет значительную кривизну или заметно неровная, но азимут можно оценить по отдельным фрагментам или крайним башням с низкой точностью
H4	Плохое качество космоснимка, азимут определен с низкой точностью
X1	Стена сильно оплыла или значительно разрушена, азимут не определен
X2	Стена имеет неправильную форму или другие особенности, азимут не определен
X3	Стена не видна на изображении, азимут не определен

Однако это значение было получено на памятниках разного качества, но теперь, после введения классификации, мы можем уточнить результат. Нашей целью является определение величины погрешности, соответствующей каждому из шифров. Предположим, что стены всех памятников четырехугольной формы строго параллельны³, а отклонение от параллельности азимутов противоположных стен объясняется только описанными выше ошибками 1-го и 2-го типа. Тогда из пар соответствующих азимутов можно составить четыре группы. В первую группу войдут пары азимутов с шифрами «B1»–«B1», во вторую — пары с шифрами «B2»–«B2», в третью — пары с шифрами «B3»–«B3», в четвертую — пары «H»–«H». Приведем в качестве примера азимуты из первой группы (табл. 2).

Таблица 2

Оценка отклонения стен от параллельности

(здесь мы предполагаем, что стены памятника параллельны,
а наблюдаемое отклонение вызвано ошибкой обработки изображения)

Table 2

Evaluation of the deviation of walls from parallelism

(here we assume that the walls are strictly parallel, and the deviation from parallelism is our image processing error)

№	Памятник	Пара азимутов		Abs(ΔA)
		A ₁	A ₂	
1	Айр-кала	30	30	0,0
2	Ангка-кала	135,5	135,5	0,0
3	Аяз-кала 1	75	76	1,0
4	Вазир-рабат	100	100	0,0
5	Вазир-рабат	2,5	2,0	0,5
6	Джанбас-кала	155	156	1,0
7	Джанбас-кала	64,5	64	0,5
8	Казакли-Яткан	120	120	0,0
9	Калалы-гыр-1	101	105	3,5
10	Кош-Парсан-кала	84,5	84	0,5
11	Кош-Парсан-кала	-4,5	-5,0	0,5
12	Кызыл-кала	141,5	142,5	1,0
13	Кызыл-кала	53	53	0,0
14	Кыргыз-кала Бол.	72,5	72,0	0,5
15	Пиль-кала	90,5	9,0	0,5

Согласно приведенным данным, средняя величина отклонения стен от параллели составляет для первой группы $\delta_1(15) = 0,63 \pm 0,39$. Наибольшая невязка соответствует памятнику Калалы-гыр-1, однако непараллельность его северной и южной стен хорошо видна на фотографии даже невооруженным глазом. То есть в данном случае отклонение стен от параллели в большей степени

³ На самом деле это не так, но мы предполагаем, что угол, характеризующий «непараллельность» стен, значительно меньше допускаемой нами ошибки оценивания. Те случаи, когда это предположение, очевидно, не выполняется, рассмотрим отдельно.

определяется не погрешностью наших измерений, а особенностью конструкции. Если исключить из рассмотрения Калалы-гыр-1, получим $\delta_1(14) = 0,42 \pm 0,87$. В оставшихся группах имеем значения средних отклонений: $\delta_2(7) = 0,86 \pm 1,03$, $\delta_3(3) = 1,67 \pm 1,53$, $\delta_4(8) = 2,19 \pm 1,56$. При этом сразу же бросаются в глаза скромный объем второй и четвертой выборки и совсем маленький объем третьей. Из второй группы можно исключить невязку, соответствующую Уй-кале, на том же основании, что и для Калалы-гыр-1. На фотографии видно, что западная стена заметно отклоняется от линии меридиана, которая, в свою очередь, с хорошей точностью проходит по восточной стене. Статистическая гипотеза о равенстве средних отклонений в первой и второй группах не позволяет выявить между ними значимых различий при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Причем результат остается устойчивым как при добавлении в выборку Калалы-гыр-1 и Уй-калы, так и без них. Это означает, что из имеющегося объема информации следует, что точность определения азимута в первых двух группах одинакова. Более того, несмотря на различие пар величин $(\delta_1; \delta_3)$, $(\delta_3; \delta_4)$ значимых статистических отличий между средними значениями первой и третьей, а также третьей и четвертой группами выявить нельзя. Это связано с малочисленностью третьей группы, состоящей всего из трех элементов.

Согласно расчетам, существует значимое статистическое отличие между первой и четвертой группами при $\alpha = 0,05$, а между второй и четвертой — при $\alpha = 0,10$. Если наблюдения первой и второй группы объединить в одно множество, получим $\delta_{12}(22) = 0,70 \pm 0,90$, а при исключении Калалы-гыр-1 и Уй-калы, невязки которых значимо отличаются от всех остальных, будем иметь $\delta_{12}(20) = 0,45 \pm 0,39$.

Таким образом, памятникам с шифрами «В1» и «В2» соответствует точность определения азимута из космического снимка чуть менее 1 градуса, однако в качестве оценок мы возьмем именно эту величину. Азимутам с литерой «Н» соответствует точность около 2 градусов. Шифр «В3» находится между двумя данными оценками, и, вероятно, мы не слишком ошибемся, если возьмем усредненное значение.

Было бы очень полезно проверить, насколько реалистична полученная нами оценка. Для этого необходимо сравнить значение азимута, определенного в полевых измерениях, с азимутом, полученным в процессе обработки спутникового изображения. К сожалению, в нашем распоряжении есть единственное надежное наземное измерение, относящееся к памятнику Кой-Крылган-кала [Кой-Крылган-кала..., 1967, с. 23]. Нам точно известно, что измерялся магнитный азимут, и известна поправка магнитного склонения. Хотя точность наземных измерений не указана, даже если геодезисты использовали самый простой теодолит модели «Т-30», погрешность составляет не более 10'. Корректное приведение магнитного азимута к истинному азимуту дает величину направления главной оси сооружения $A = 80^\circ$, что точно совпадает со значением азимута, полученным нами из обработки космоснимка [Болелов и др., 2015, с. 182–183]. Такое совпадение может показаться «абсолютно точным», однако необходимо принять во внимание оценку ошибки для каждой из величин. Можно предположить, что ошибка в наземных измерениях не превышает 10', а мы в своих оценках округляли азимут до 30'. Поэтому можно утверждать, что оба измерения азимута соответствуют друг другу в пределах погрешности, а наши оценки точности являются вполне разумными. Отметим, что азимут Кой-Крылган-калы имеет шифр «В2», которому соответствует высокая точность измерений.

Анализ ориентации памятников Хорезма

Рассмотрим пространственную ориентацию архитектурных сооружений древнего (от IV в. до н.э.) и раннесредневекового (до XI–XII вв. н.э.) Хорезма. Хотя временной период в 1,5 тысячелетия может показаться слишком большим, в качестве начальной гипотезы предположим, что строительные традиции (до определенного времени) не претерпевают значительных изменений. Априори эта гипотеза подтверждается статистически при анализе среднего расстояния между башнями, расположенными по периметру стен [Болелов и др., 2016, с. 137–138]. Если же наше предположение ошибочно, это можно будет установить апостериори, после проведения анализа.

Результаты сравнения астрономически значимых направлений с направлениями, которые обнаруживаются на архитектурных памятниках Хорезма, приведены в табл. 3.

В этом расчете мы приняли величину возможной отстройки (отклонения) от точного значения азимута равной $|\Delta A| \leq 3,4^\circ$, что соответствует погрешности определения угла по спутниковому снимку, взятой на уровне 2σ .

Ориентация памятников по астрономически значимым азимутам

Table 3

Grouping of monuments along astronomically significant directions

Ориентация вдоль линии меридиана, $A = 0^\circ$ Число памятников: $n = 10$. Доля памятников: 25,6 %. $\bar{A} = -0,05^\circ$, $\sigma = 1,47^\circ$				
Название	A	ΔA	Датировка памятника	Оценка снимка
Аяз-кала-3	-2,0	-2,0	IV–III вв. до н.э.	B1
Вазир-рабат	2,25	2,25	IV–II вв. до н.э.	B1
Джанпик (цит.)	0,5	0,5	IX–X вв.	B1
Кават-кала	0,0	0,0	VI–VIII вв.	B3
Кульбаскан-кала-1	0,25	0,25	VI–VIII вв.	H1
Кульбаскан-кала-2	0,25	0,25	VI–VIII вв.	H1
Пиль-кала	0	0	IV в. до н.э.	B1
Уй-кала	1,5	1,5	VI–VIII вв.	B2
Усадьба № 1 ⁴	-2,75	-2,75	IX–XII вв.	H1
Хазарасп	-0,5	-0,5	IV–II вв. до н.э.	B1
Ориентация на равноденственный восток, $A = 90^\circ$ Число памятников: $n = 6$. Доля памятников: 15,4 %. $\bar{A} = 90,0^\circ$, $\sigma = 0,96^\circ$				
Джанпик (цит.)	91,0	1,0	IX–X вв.	H2
Кават-кала	90,0	0,0	VI–VIII вв.	B3
Пиль-кала	90,25	0,25	IV в. до н.э.	B1
Уй-кала	91,0	0,0	VI–VIII вв.	B1
Усадьба № 1	91,75	1,75	IX–XII вв.	H1
Хазарасп	89,0	-1,0	IV–II вв. до н.э.	B1
Азимут восхода Солнца в день ЗСС, $A = 121,5^\circ$ Число памятников: $n = 7$. Доля памятников: 17,9 %. $\bar{A} = 120,64^\circ$, $\sigma = 1,97^\circ$				
Айр-кала	122	0,5	V–VII вв.	B1
Б. Гульдурсун	119	-2,5	IV–II вв. до н.э. ⁵	B1
Замок № 2 ⁶	119	-2,5	IV в.	H2
Замок № 60 ⁷	120	-1,5	V–VIII вв.	B2
Казакли-Яткан	120	-1,5	IV–III вв. до н.э.	B1
Кандым-кала	120	-1,5	IV–II вв. до н.э.	B2
Тешик-кала	124,5	3,0	VI–VIII вв.	H2
Азимут восхода Солнца в день ЛСС, $A = 57^\circ$. Число памятников: $n = 1$. Доля памятников: 2,6 %				
Кургашин-кала	55	-2,0	IV–II вв. до н.э.	H4
Высокая Луна, северный азимут, $A = 49^\circ$. Число памятников: $n = 1$. Доля памятников: 2,6 %				
Кумбаскан-кала	49	0	VII–VIII вв.	B2
Высокая Луна, южный азимут, $A = 129^\circ$. Число памятников: $n = 0$. Доля памятников: 0 %				
Низкая Луна, северный азимут, $A = 64^\circ$. Число памятников: $n = 1$. Доля памятников: 2,8 %				
Джанбас-кала	64,25	0,25	IV в. до н.э.	B1
Низкая Луна, южный азимут, $A = 114,5^\circ$. Число памятников: $n = 2$. Доля памятников: 5,6 %				
Атсыз-кала	112	-2,5	VI–VIII вв.	B3
Базар-кала	114,5	0	IV–II вв. до н.э.	B1
Азимут гелиакального восхода Плеяд, $A = 78,5^\circ$. Число памятников: $n = 1$. Доля памятников: 2,8 %				
Кой-Крылган-кала	80	1,5	IV–III вв. до н.э.	B2

Примечание: ЛСС и ЗСС — соответственно летнее и зимнее солнцестояние.

В общей сложности 23 из 38 (или 61 %) памятников имеют пространственную ориентацию, соответствующую семи астрономически значимым азимутам. При подсчете количества азимутов мы учли, что ориентация вдоль линии меридиана (астрономический север) тесно коррели-

⁴ Усадьба № 1. Памятник идентифицирован методом триангуляции с помощью программы GE и картой-схемой Б.В. Андрианова [1969, межстранич. вклейка, с. 141–145].

⁵ Стены крепости были перестроены в средние века, однако они расположены на фундаменте античного периода.

⁶ Идентификация С.Б. Болелова, работавшего на этом памятнике.

⁷ Замок № 60. Памятник идентифицирован методом триангуляции с помощью программы GE и картой-схемой Беркут-калинского оазиса из работы Е.Е. Неразик [1966].

рована с ориентацией на равноденственный восток. Это объясняется тем, что геометрическая форма подавляющего большинства памятников близка к прямоугольной, поэтому если одна стена визирует астрономический север, то перпендикулярная ей стена будет направлена по линии восток — запад. Согласно табл. 3 мы получили, что 10 памятников ориентированы на астрономический север и 6 — вдоль линии восток — запад. В последнем списке нам «не хватает» четырех азимутов, соответствующих памятникам Аяз-кала-3, Вазир-рабат и Кульбаскан-кала-1 и 2. Их отсутствие объясняется следующим. Стены Кульбаскана-1, расположенные вдоль параллели, не видны на спутниковых снимках, поэтому мы не можем определить, какой азимут они визируют. Формы Вазир-рабата и Кульбаскан-калы-2 немного отличаются от прямоугольной, что, вероятно, связано с погрешностью, допущенной при строительстве. В результате азимуты памятников A_2 (Вазир-Рабат) = 100° и A_2 (Кульбаскан-2) = 94° , ориентированные в сторону востока, не попадают в искомый интервал $90^\circ \pm 3,4^\circ$. Наконец, Аяз-кала-3 представляет собой параллелограмм, который не может одновременно визиовать оба азимута. Таким образом, первые два списка дают нам 10 памятников.

Для определения, какие азимуты из табл. 3 являются статистически значимыми, а какие — нет, нам необходимо оценить порог отсечки, т.е. найти частоту признака, величина которой будет статистически значимой. Простейший способ оценки состоит в следующем. Предположим, что азимуты равномерно распределены по окружности. Памятнику прямоугольной формы соответствуют четыре азимута, на каждый из которых приходится по 90 градусов окружности. Поскольку мы положили величину допустимой отстройки измеренного азимута от заданного значения равной $\pm 3,4^\circ$, она соответствует ширине интервала $6,8^\circ$. Тогда вероятность случайного попадания азимута в заданный интервал составляет $p = 6,8/90 \approx 0,076$, или 7,6 %.

Используя биномиальный закон распределения, получим, что при $n = 38$ испытаниях⁸ вероятность случайно попасть 10 раз и больше в заданный диапазон $6,8^\circ$ составляет $P(k \geq 10) = 0,04$ %. Это означает, что азимут истинного севера с частотой $f_1 = 10$ является значимым при $\alpha = 1$ %.

Рассмотрим азимут восхода Солнца в зимнее солнцестояние с частотой $f_2 = 7$. Аналогичным образом найдем, что вероятность попасть в заданный интервал 7 раз и больше составляет $P(k \geq 7) = 2,28$ %, что является значимым при $\alpha = 5$ %. Отметим, что в этом расчете мы не учитываем условную вероятность, т.е. тот факт, что 10 из 38 азимутов уже соответствуют ориентации на истинный север.

Можно сделать оценку еще одним способом, если в качестве успеха принять соответствие азимута одному из двух найденных направлений. Тогда для вероятности успешного исхода в одном эксперименте $p = 2 \cdot 6,8/90 \approx 0,151$ и $n = 38$ испытаниях $P(k \geq 17) = 0,0013$ %. Отметим, что последний вариант оценки можно применять только в том случае, если частоты f_1 и f_2 достаточно велики и близки друг к другу по величине. Таким образом, азимут восхода Солнца в зимнее солнцестояние с частотой $f_2 = 7$ также является статистически значимым.

Аналогичным образом не сложно оценить, что при заданных параметрах задачи статистически значимыми направлениями являются азимуты с частотой $f \geq 6$. Мы рассмотрели два направления, соответствующих азимуту север — юг (10 памятников) и азимуту восхода Солнца в день зимнего солнцестояния (7 памятников).

Во-вторых, астрономически значимые азимуты обнаруживаются как на древних, так и на раннесредневековых памятниках. Это подтверждает наше предположение, что традиция придания памятнику некоей пространственной ориентации была устойчивой и не менялась с течением времени.

⁸ Количество азимутов, которые мы соотносим с одним из значимых направлений, равно 75. Оно получается следующим образом. Ориентации Кой-Крылган-калы и Кульбаскан-калы-1 соответствуют по одному азимуту, Гульдурсуну, который имеет трапецевидную форму, соответствуют три направления, а всем остальным памятникам — $35 \cdot 2 = 70$. Однако следует иметь в виду, что азимуты сооружений, форма которых близка к прямоугольнику, связаны соотношением $A_{i+1} = A_i + 90^\circ \pm \varepsilon$, где ε — небольшая погрешность, вероятно допущенная при строительстве. Поэтому, если один из азимутов попал в заранее заданный интервал с раствором 6,8 градусов, азимут, образующий с ним пару, не сможет в принципе попасть ни в этот же интервал, ни в его окрестность. Фактически не реализуется ситуация, когда на одном памятнике обнаруживаются сразу два значимых направления, кроме ориентации по сторонам света, однако мы рассмотрели этот случай. Поэтому мы не допустим большой ошибки, если будем считать, что в сектор раствором 90 градусов будут в среднем попадать с каждого памятника по одному азимуту.

С помощью шифра можно сделать оценку точности, с которой мы определяем азимут. Если оценка качества снимка не хуже чем «В2», это означает, что ошибка нахождения азимута составляет около $\varepsilon \approx 1,7^\circ$. Для остальных шифров погрешность может быть выше, в данной выборке присутствует четыре таких шифра.

Пока мы сделали проверку только астрономических азимутов, теперь необходимо убедиться, существуют ли другие направления, которые могут быть статистически значимы. Для этого возьмем скользящее окно шириной в $6,8$ градусов⁹ и, последовательно перебрав все азимуты из диапазона $[-15^\circ; 195^\circ]$, вычислим для каждого направления интегральную частоту, т.е. число азимутов, попадающих в данное окно. Результат расчета представлен на рис. 2.

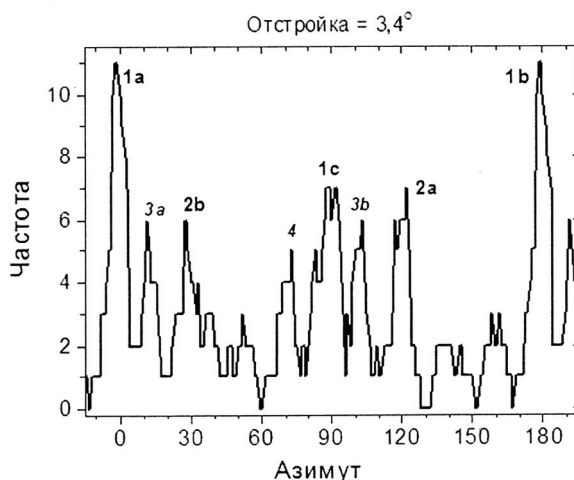

Рис. 2. Результат поиска азимутов.
Fig. 2. Result of azimuths searching.

На рис. 2 каждый из локальных максимумов соответствует некоторым направлениям. Рассмотрим максимумы в порядке убывания частоты. Первую группу азимутов образуют пики 1a, 1b и 1c с интенсивностями $f_{1a} = f_{1b} = 11$ и $f_{1c} = 7$, причем первые два соответствуют ориентации стен сооружения вдоль линии меридиана. Максимум 1c связан с перпендикуляром запад — восток и получается автоматически, если сооружение ориентировано на истинный север, а его форма близка к прямоугольной. Последнее требование выполнено для подавляющего большинства сооружений, а исключений сравнительно немного, например Аяз-3 или Большой Гудурсун. Также обратим внимание на то, что максимумы 1a и 1b несколько уже по сравнению с 1c. Это может быть объяснено тем, что при строительстве памятника в качестве базовой линии, по которой производилась разметка, выбиралась именно линия меридиана, а перпендикуляр запад — восток был получен из этой линии через геометрические построения. Поскольку в процессе разметки всегда допускаются некоторые ошибки, они складываются с ошибками определения положения севера. То есть во время процедуры построения линии запад — восток одну ошибку мы допускаем при разметке, а вторую наследуем от неточно определенной линии меридиана. В результате линия запад — восток должна быть определена менее точно, чем линия север — юг, что мы и видим из рисунка.

Максимум 2a ($f_{2a} = 7$) соответствует азимуту восхода Солнца в зимнее солнцестояние, а экстремум 2b ($f_{2b} = 6$), отстоящий от него на 90 градусов, является вторичным и также обусловлен тем, что форма большинства памятников близка к прямоугольнику. Как и в предыдущем случае, можно видеть, что интенсивность максимума 2b меньше, чем интенсивность максимума 2a, но он имеет большую ширину¹⁰. Это означает, что строители ориентировали памятник вдоль азимута, соответствующего максимуму 2a, который является астрономическим.

Пара связанных (друг с другом через угол 90 градусов) максимумов 3a и 3b, $A_{3a} = 11^\circ$, $A_{3b} = 103^\circ$ имеет одинаковую интенсивность $f_{2a} = f_{2b} = 6$, однако ни один из них не может быть

⁹ Ширина окна равна удвоенной величине $\Delta A = 3,4^\circ$.

¹⁰ Сравниваем интенсивности сигналов на полувысоте.

отождествлен с движением Солнца или Луны. Зная из расчетов значение азимутов, соответствующее обоим экстремумам, и ширину скользящего окна, можно определить, на каких памятниках получается такая пара пиков. Это Бедеркент-кала ($A=13^\circ$), Беркут-кала ($A=14,5^\circ$), Думан-кала ($A=14,0^\circ$), Калалы-гыр-1 ($A=8,0^\circ$), Миздакхан ($A=12^\circ$) и Якке-парсан ($A=9^\circ$). В данной группе усредненная величина азимута составляет ($\bar{A}=11,7^\circ$) при среднеквадратичном отклонении (далее — СКО) $\sigma=2,7^\circ$. Относительно высокое СКО позволяет предположить, что данные памятники собраны вместе случайно. Значения азимутов наводят на мысль, что эту группу можно разбить на две подгруппы, в каждой из которых СКО не превышает 1,0. Однако обе подгруппы становятся столь малочисленными, что не пригодны для статистического анализа.

Максимум 4 соответствует усредненному азимуту $A=71,7^\circ$ (при $\sigma=2,3^\circ$), а его интенсивность составляет $f_{2b}=5$. Особенность данного случая в том, что три из пяти азимутов относятся к близкорасположенным памятникам, принадлежащим к одному комплексу. Аяз-1 ($A=75,5^\circ$), Аяз-2 ($A=70^\circ$), Аяз-3 ($A=70,5^\circ$), Большой Кыркыз ($A=72,25^\circ$), Топрак-кала ($A=70^\circ$). Комплекс Аяз является разновременным, но если предположить взаимосвязь пространственной ориентации памятников, что, по нашему мнению, наиболее вероятно, то они не могут быть рассмотрены как три независимых азимута. Если же азимуты комплекса Аяз объединить в один, то в данной группе останутся только три азимута, анализировать которые с точки зрения статистики бессмысленно.

Мы рассмотрели все наиболее интенсивные максимумы на рис. 1 и не смогли выделить какие-либо другие азимуты по отношению к уже найденным. Значит, таких азимутов просто нет.

Астрономические азимуты и точность ориентации памятников

Расчеты показывают, что 15 из 23 найденных азимутов попадают в интервал 1σ , когда $\Delta A < \varepsilon$, а оставшиеся 8 находятся внутри удвоенного интервала $\Delta A < 2\varepsilon$. Это означает, что полученное нами распределение невязок близко к нормальному. Анализ знаков невязок показывает, что в 8 случаях знак положителен, в 12 отрицателен, а в 3 случаях он равен нулю, т.е. мы имеем немного смещенное субнормальное распределение с положением центра $x_c = -0,52 \pm 1,59$.

Аналогичная картина получится, если рассмотреть только статистически значимые азимуты: 11 из 17 попадут в интервал 1σ , а остальные 6 — в 2σ . Знак невязки ΔA будет положителен в 7 случаях, отрицателен в 8 и в двух случаях будет равен нулю. При этом $x_c = -0,38 \pm 1,69$.

Следует обратить внимание на то, что анализируемые нами азимуты являются разнородными. В отличие от солнечных, лунных и звездных азимутов, направление линии меридиана нельзя получить с помощью прямого наблюдения восхода или захода светила. Определение положения севера требует от строителей сооружения специальных знаний и навыков в области геометрии, при этом погрешность определения направления на север будет зависеть от примененного метода ориентации. Вообще говоря, вопрос нахождения линии меридиана может являться предметом отдельного исследования.

С остальными азимутами ситуация тоже не столь проста. Наши модельные расчеты показали [Никифоров, 2015, с. 100–120], что из-за возмущения наклона лунной орбиты по гармоническому закону с периодом $P=173^d$ и амплитудой $a=10'$, азимуты восхода и захода смещаются на величину до $|\Delta A| \approx 0,4^\circ$. Причем наиболее вероятным событием является наблюдение восхода Луны при смещенных положениях. Поэтому азимуты восхода и захода Луны определяются в среднем с худшей точностью, чем солнечный, что мы продемонстрировали на примере Стоунхенджа [Там же, с. 100–120, табл. 1].

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что все найденные азимуты имеют погрешность ориентации не выше 1,5–2 градусов. Получить более определенный результат мы в настоящее время не способны. В этой ситуации хорошим решением было бы выполнение новых измерений пространственной ориентации памятников в полевых условиях и сравнение этих измерений с результатами обработки изображений GE. Однако рассчитывать на проведение специальной экспедиции в обозримом будущем едва ли возможно.

Астрономические азимуты в контексте культуры

Проведенный выше анализ позволяет установить наличие двух статистически значимых азимутов. Следует отметить, что некоторые исследователи уже обращали внимание на практику ориентации сооружений вдоль линии меридиана [Толстов, 1948; Булатов, 1978; и др.], поэтому обнаружение этих азимутов не является чем-то неожиданным. Новизна результата, полученного в настоящей работе, заключается в том, что в отличие от предыдущих исследователей мы восполь-

зовались достаточно точными оценками азимутов, которые пригодны для статистического анализа. Кроме того, в отличие от М.С. Булатова мы рассмотрели памятники, принадлежащие к единой культурной традиции и локализованные в рамках территории одного государства.

С точки зрения исследования культурных традиций, по всей вероятности, следует исключить принципиальную возможность получения точного ответа на вопрос, почему в древнем обществе были актуальны одни астрономически значимые направления, а другие не использовались вообще. Мы можем только строить догадки, учитывая (опираясь на систему современных представлений о целесообразности) практическое применение этих азимутов в повседневной жизни древнего человека. С другой стороны, можно сделать попытку обосновать их наличие религиозными традициями и поискать их отражение в письменных источниках.

Обратим внимание на один эмпирический факт. Внутренняя планировка крепостей и городов Хорезма, как правило, выравнена по отношению к стенам, имеющим фортификационное назначение. В частности, это очень хорошо видно на спутниковом снимке комплекса Топрак-кала, где ориентация планировок «городской», «дворцовой» и «храмовой» частей строго параллельна. Таким образом, если стены памятника ориентированы вдоль определенного азимута, значит, и все внутреннее построение, включая культовые сооружения, будут иметь аналогичную направленность.

Ориентация сооружения вдоль линии меридиана может быть актуальна по двум причинам. Визирование меридиана позволяет очень просто определять момент наступления местного полудня, а визирование линии параллели дает возможность оценить момент приближения равноденствий. Следовательно, ориентация сооружения по линии север — юг может иметь конкретную пользу в повседневной жизни.

Культурную значимость дня зимнего солнцестояния в Хорезме и соседних государствах можно проследить по данным Бируни. Автор пишет, что через шесть месяцев после Науруза (который, по крайней мере, в Сасанидское время приходился на летнее солнцестояние) персы, согдийцы и хорезмийцы отмечали праздники, связанные с зимним солнцестоянием.

«[Месяц] Фагхакан. Первый день этого месяца назывался Ним-Сарда, что означает “половина года”. Во второй день — праздник, который согдийцы называют Мнид-Хвара. В этот день [согдийцы] собираются в храмах огня и едят некое [кушанье], изготовляемое из просяной муки, масла и сахара. Некоторые люди помещают Ним-Сарда на пять дней раньше этого праздника, то есть в первый день Мир-Маха, чтобы он [отмечался] согласно с мнением персов. А у персов было обязательно считать половину года, когда от начала года пройдет шесть месяцев и два с половиной дня» [Бируни, 1957, с. 254].

«[Месяц Умри]. Первый день этого месяца [называется] Аздаканд-Хвар — в переводе: “день, когда едят хлеб [испеченный] с жиром”. В этот день [люди] укрывались от холода, собирались вокруг горящих жаровен и ели хлеб [испеченный] с жиром» [Там же, с. 256].

Таким образом, спустя шесть месяцев после Науруза и летнего солнцестояния, в первый день месяца *Фагхакан*, жители Согда отмечали праздник Ним-Сарда, что в переводе означает «половина года». Название праздника указывает на связь с Наурузом и летним солнцестоянием, от которого отсчитывается календарный год. На следующий день согдийцы собирались в храмах (или домах) огня и ели некое кушанье, изготовляемое из просяной муки, масла и сахара. В календаре хорезмийцев шестому месяцу после летнего солнцестояния соответствует месяц Умри, в первый день которого люди ели хлеб, испеченный с жиром.

Из описаний Бируни следует, что жители Согда и Хорезма отмечали один и тот же праздник, связанный с наступлением зимнего солнцестояния. На это прямо указывает его согдийское название, а также шестимесячный интервал, прошедший от момента начала года (летнего солнцестояния). Значимость зимнего солнцестояния характерна не только для среднеазиатской традиции.

«В 17-й день [кануна первого] — ничего не упомянуто... Этот день называют “большое рождество”, имея в виду зимний солнцеворот; говорят, что в этот день свет выходит из границ убывания в границы увеличения и что люди начинают расти и здороветь, тогда как джины чахнут и погибают...

Ка'б-аль-Ахбар говорит, что в этот день Солнце стояло над Иисусом Навиным в течение трех часов в облачный день. То же самое рассказывают об остановке Солнца глупые шииты, относя это к повелителю правоверных Али ибн Абу-Талибу...

Яхья ибн Али-аль-Анбарн, христианский писец, говорит, что место восхода Солнца во время зимнего солнцеворота является истинным востоком, что Солнце восходит [тогда] в середине мая и что в этот день мудрецы воздвигают алтари» [Бируни, 1957, с. 271–272].

Последняя цитата акцентирует внимание на христианах. Учитывая все имеющиеся свидетельства, можно предположить наличие общей культурной традиции отмечать явление поворо-

та Солнца и увеличение продолжительности дня. Таким образом, значимость азимута, соответствующего зимнему солнцестоянию, находит отражение в культурных представлениях.

Остальные обнаруженные астрономические азимуты, связанные с движением Луны, статистически не значимы. Можно сделать попытку увеличить объем выборки за счет плохо сохранившихся памятников, которые не видны из космоса и поэтому не были проанализированы с помощью программы GE. Однако следует иметь в виду, что таких объектов немного, и они не смогут улучшить статистику существенным образом. С другой стороны, вполне разумно предположить, что выборка из 38 сооружений достаточно многочисленна, чтобы отражать общую тенденцию генеральной совокупности.

Практически это означает, что мы не сможем подтвердить наличие других астрономических азимутов методами статистики, даже если они на самом деле присутствуют. Однако существование того или иного азимута может быть обосновано какими-то культурными свидетельствами, лучше всего — информацией из письменных источников.

В данном случае следует упомянуть о нашем исследовании пространственной конфигурации башен памятника Кой-Крылган-кала [Болелов и др., 2015]. Проведенный анализ показал, что с помощью девяти башен, равномерно расставленных по окружности внешней стены, можно было зашифровать пять астрономически значимых азимутов, связанных с направлением астрономического севера, азимутами восхода и захода Солнца в день зимнего солнцестояния и азимутами гелиакального восхода и захода Плеяд. Наша гипотеза состояла в том, что такая геометрическая схема возникла не случайно, а была реализована специально архитекторами Кой-Крылган-калы. Настоящее исследование подтверждает вывод о культурной значимости азимутов, связанных с истинным севером и зимним солнцестоянием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреанов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 252 с.
- Бируни А.Р. Памятники минувших поколений / Пер. и прим. М.А. Салье // Избранные произведения. Т. I. Ташкент: ФАН, 1957. 516 с.
- Болелов С.Б., Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г. Элементы гармонизации в архитектуре памятника Кой-Крылган-кала // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 177–187.
- Болелов С.Б., Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г. Анализ архитектурных памятников Хорезма на основе особенности фортификации // КСИА. 2016. Вып. 242. С. 129–145.
- Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии в IX–XV вв. М.: Наука, 1978. 380 с.
- Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V / Отв. ред. С.П. Толстов, Б.И. Вайнберг. М.: Наука, 1967. 348 с.
- Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г., Рейдс В. Археoaстрономические исследования древнехорезмийского комплекса Кой-Крылган-кала // Восток (Oriens). 2014. № 4. С. 21–36.
- Никифоров М.Г. Проблемы современной археоастрономии // Историко-астрономические исследования. 2015. Вып. 38. С. 100–139.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма: По материалам Беркут-калинского оазиса. М.: Наука, 1966. 153 с.
- Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 352 с.

S.B. Bolelov*, G.Yu. Kolganova, M.G. Nickiforov*****

*State Museum of Oriental Art

Nikitsky Blvd., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation

**Institute of Oriental Studies, RAS

Rozhdestvenka st., 12, Moscow, 107031, Russian Federation

***Moscow State Linguistic University

Ostozhenka st., 38, Moscow, 119034, Russian Federation

E-mail: bsb1958@yandex.ru;

kolganova_gy@mail.ru;

followup@mail.ru

ASTRONOMICAL ORIENTATION OF ARCHITECTURAL MONUMENTS OF KHOREZM

The paper is aimed at studying the astronomical orientation of Khorezmic architectural monuments. By the term «astronomical orientation», the authors understand the alignment of the building elements with astronomically significant directions corresponding to the directions of the world, sunrise and/or sunset azimuths at solstices

and azimuths of the rising/setting of the Moon at its northern and southern extremes. Analysis of the accuracy of monument plans showed that they could not be used to solve the issue of determining astronomical orientation. The main reason for this consists in the lack of unification in determining the position of the north. Verification showed that both magnetic north and true north could be picked on archaeological plans, and in some cases, one might suspect an incorrect recalculation from magnetic to true meridian. The unsuitability of earlier archaeological plans for the analysis of astronomical orientation severely limits the number of objects that can be used, since many of the monuments described in the last century works do not exist today. Therefore, in order to analyse astronomical orientation, it is necessary to perform new ground-based measurements. However, due to the impossibility of conducting new measurements during the field studies, we took the satellite imagery of Google Earth, which, along with the obvious advantage, leads to some restrictions. For example, a monument should be visible from space and have geometrical dimensions much larger than the pixelation of the image. As a result, for studying astronomical orientation, it was possible to select 37 objects, which have the shape of a convex polygon. The use of statistical analysis allowed us to establish the presence of two significant azimuths: alignment of the monument with the meridian line and with the sunrise azimuth at the winter solstice. The remaining astronomical azimuths are met in isolated cases, but we cannot confirm their presence due to a small number. It should be noted that some researchers have already paid attention to the practice of orienting structures along the meridian line, so the detection of this azimuth is not unexpected. However, compared to previous works, we have obtained accurate azimuth estimates, which are suitable for statistical analysis. In addition, the considered monuments belong to a single cultural tradition and are located within the same historical region. The cultural significance of the winter solstice day in Khorezm and neighbouring regions can be proved by Biruni's information. Following his descriptions, the residents of Sogd and Khorezm celebrated the same holiday associated with the onset of the winter solstice.

Key words: Central Asia, azimuths, astronomical traditions in architecture, astronomy and culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-085-096

REFERENCES

- Andrianov B.V. (1969). *Ancient irrigation systems of Aral region*, Moscow: Nauka.
- Biruni A.R. (1957). Monuments of past generations. *Izbrannye proizvedeniia, I*, Tashkent: FAN.
- Bolelov S.B., Kolganova G.Yu., Nickiforov M.G. (2015). Elements of harmonization in the architecture of the monument Koy-Krylgan-Kala. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (237), 177–187.
- Bolelov S.B., Kolganova G.Yu., Nickiforov M.G. (2016). Analysis of architectural monuments of Khorezm based on a fortification feature. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (242), 129–145.
- Bulatov M.S. (1978). *Geometric harmonization in the architecture of Central Asia in the 9th–15th centuries*, Moscow: Nauka.
- Tolstov S.P. (1948). *Ancient Khorezm: The experience of historical and archaeological research*, Moscow: MGU.
- Tolstov S.P., Vainberg B.I. (Eds.) (1967). *Koy-Krylgan-Kala is a cultural monument of the ancient Khorezm of the 4th century BC — 4th century AD*, Moscow: Nauka.
- Kolganova G.Yu., Nickiforov M.G., Reijs V. (2014). Archaeoastronomic studies of the ancient Khorezmian complex Koy-Krylgan-Kala. *Vostok (Oriens)*, (4), 21–36.
- Nerazik E.E. (1966). *Rural settlements of Afrigid's Khorezm: Based on materials from the Berkut-Kalinsky oasis*, Moscow: Nauka.
- Nickiforov M.G. (2015). Problems of modern archaeoastronomy. *Istoriko-astronomicheskie issledovaniia*, (38), 100–139.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 15.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

ПОСОХИ И КРИВУЛИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРУССОВ

*Жезлы в культуре раннесредневековых пруссов известны в двух вариантах: посохи и кривули. Представленные в статье данные позволяют сделать следующие предварительные выводы об использовании пруссами различных форм жезлов: 1) в эпоху раннего средневековья (быть может, уже в начале I тыс. н.э.) жители юго-восточной Балтии используют посохи/жезлы с различными наконечниками как обозначение социального статуса их владельцев; 2) жезл, судя по незначительной длине не имевший практического значения, находился в левой руке каменных изваяний пруссов, изображавших легендарных князей Бруто и Видевуто. В правой руке изваяния находился жертвенный питьевой рог. Очевидно, и жезл, и рог были атрибутами, необходимыми при проведении жертвоприношения; 3) преимущественно церемониальное значение имели искривленные ветви деревьев *krivula*, принадлежавшие жрецам различных рангов и специализаций. Судя по сохранности экспонатов инстербургской коллекции, такие *krivula* использовались пруссами по Новое время включительно; 4) с определенной долей осторожности можно предположить, что в предорденское время частью культовой атрибутики при жертвоприношении у представителей прусского общества различных социальных рангов были прямые посохи/жезлы. Жрецы различных уровней в процессе отправления культовых церемоний пользовались искривленными жезлами-*krivula*.*

Ключевые слова: пруссы, эпоха раннего средневековья, атрибуты, социальное и культовое значения.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-097-103

Введение

Жезлы — продолговатые предметы, как правило, круглого сечения, потенциально служащие некими социальными маркерами (ср. с позднейшими королевскими скипетрами и маршалскими жезлами), представлены в культуре раннесредневековых пруссов посохами и кривулями (нем. *Krummstab*, *Schulzenstock*, лат. *baculus*). Последние были известны преимущественно по письменным и фольклорным источникам. До последнего времени археологических свидетельств наличия указанных артефактов в материале юго-восточной Балтии обнаружено не было, поэтому жезлы различных форм исследованию не подвергались. Однако при более внимательном рассмотрении прусского археологического материала присутствие жезлов в культуре аборигенов Янтарного края находит подтверждение.

Материалы и методика

В 1996 г. Балтийская экспедиция провела раскопки грунтового могильника Arnau/Марьино (Гурьевский р-н Калининградской обл.), перекрытого в XIV в. кирхой св. Екатерины. Среди трупоположений, в целом датируемых XII–XIII вв., обнаружено погр. А-9¹. Незначительная длина костяка — 1,35 м и субтильность костей позволили предположить женский пол погребенного здесь субъекта. Правда, указанные выше гендерные признаки соответствуют в том числе подростку. Против женской принадлежности костяка в погр. А-9 свидетельствуют одиночная фибула (в женский убор пруссов входила, как правило, пара фибул) и двухсторонний костяной гребень (рис. 1).

В любом случае по обилию погребального инвентаря можно судить о неординарном положении захороненного в погр. А-9 субъекта в местной общине. Этот вывод подтверждается уникальной для прусских погребений предорденского времени находкой — остатков посоха в двух фрагментах общей длиной 32 см. От него сохранилась верхняя часть диаметром от 2 до 3 см. Наконечником посоху служил бронзовый перстень с рубчатыми насечками на лицевой стороне. В сохранившейся нижней части видна оплетка посоха в виде спирально свернутого отрезка бронзовой проволоки диаметром около 1 мм. Жезл находился в правой руке погребенного и был

¹ В традициях прусской археологии принято перед номером погребения ставить буквенный индекс могильника. Например, «погр. А-9» — погр. 9 могильника Арнау/Марьино.

прижат при осуществлении захоронения умершего к его телу. Данное погребение датируется временем около середины XIII в. и по наличию в могиле посоха интерпретируется как захоронение жрицы-вайделотки [Кулаков, 2017b, с. 147] или же подростка, члена местной аристократии.

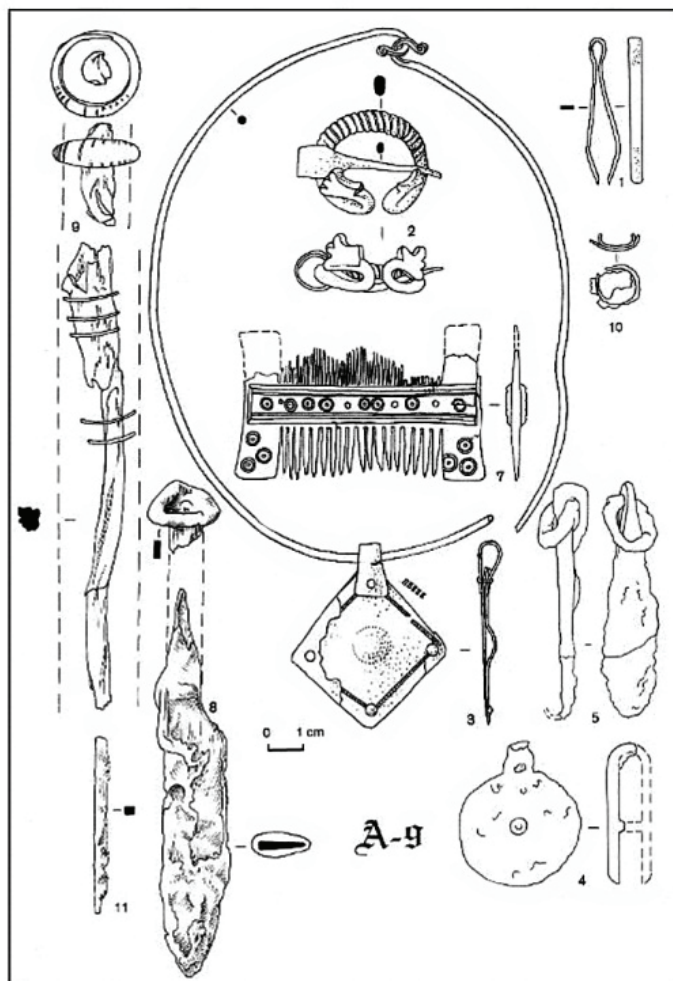

Рис. 1. Инвентарь погр. А-9 могильника Arnau/Марьино [Кулаков, 2017b, рис. 6].
Fig. 1. Stock grave A-9 of the Arnau/Maryino burial ground [Kukakov, 2017b, fig. 6].

Глинистое заполнение погр. А-9 способствовало сохранности остатков посоха, снабженного перстнем-навершием и проволоочной оплеткой рукояти (?). В остальных захоронениях носителей прусской раннесредневековой культуры органика (в первую очередь дерево) не сохраняется. Правда, в погребальном инвентаре V в. на могильниках Самбии представлены спиральные бронзовые (в одном случае — золотой) перстни [Gaerte, 1929, Abb. 236, b]. То, что их диаметр иногда достигал 3 см, ставило археологов перед неразрешимым вопросом: какие пальцы могли украшаться такими перстнями? Спиральная оплетка посоха из погр. А-9 позволяет предполагать такую же функцию у спиральных перстней ранней фазы прусской культуры (или хотя-бы части таких перстней). В одном случае витой перстень использовался как «шумящая» подвеска к фибуле типа Duratón [Кулаков, 2004, рис. 56, погр. Do-147].

Три из 13 раннесредневековых каменных изваяний пруссов, информация о которых в настоящее время находится в распоряжении западнобалтской археологии, несут изображения прямых посохов. Эти изваяния, воссоздающие образы легендарных прусских князей Брутена и Видевута, мифических защитников прусского племенного ареала [Кулаков, 2017а, с. 167], держат посох (в одном случае — с навершием в виде птичьей головы (?) в левой руке, в правой же — жертвенный питьевой рог (рис. 2).

Посохи и кривули раннесредневековых пруссов

Рис. 2. Каменные изваяния пруссов с изображениями посохов:

1 — Torn/Toruń; 2 — Mosgau/Mozgowo-Laseczno; 3 — Goldau-Heinrikau/Goldowo-Języchowo [Кулаков, 2017а, рис. 2, 3].

Fig. 2. Stone sculptures of Prussians with the images of the staves [Kulakov, 2017a, fig. 2, 3]:

1 — Torn/Toruń; 2 — Mosgau/Mozgowo-Laseczno; 3 — Goldau-Heinrikau/Goldowo-Języchowo.

Рис. 3. Прусские сельяне:

1 — «старый языческий прусс», из книги М. Вайсселя, 1599 г. [Кулаков, 1994, рис. 77];

2 — прусские сельяне, по книге Хр. Харткноха, 1684 г. [Кулаков, Скворцов, 2000, рис. 5].

Fig. 3. Prussian villagers:

1 — «Old Pagan Prussian» from the book by M. Weissel, 1599 [Kulakov, 1994, fig. 77];

2 — Prussian villagers from the book of Chr. Hartknoch, 1684 [Kulakov, Skvortsov, 2000, fig. 5].

Посохи, которые правильнее называть жезлами, у каменных изваяний достигают (условно) длины не более 1,0 м и выглядят прямыми. Конструктивно они мало чем отличаются от посоха в погр. А-9. По своей форме такие жезлы восходят, очевидно, к пастушеским посохам, длина

которых, по данным этнографии различных древних народов Евразии, достигала более 1,5 м. Разумеется, их практические функции укороченные версии жезлов (в погр. А-9 и на каменных изваяниях) выполнять не могли.

Примечательно, что такие предметы представлены на изображениях прусских общинников Нового времени (рис. 3).

При этом на рисунке конца XVI в. (рис. 3, 1) посох, более напоминающий дубину ввиду расширения своего конца, снабжен четырьмя бронзовыми (?) оплетками. Здесь просматривается прямая аналогия с посохом из погр. А-9. Традиция украшения металлическими накладками посохов (скорее всего — дубин) сохранялась в Пруссии до конца XVII в. (рис. 4).

Рис. 4. Шмуцтитул книги Кристофа Харткноха «Старая и Новая Пруссия...», 1684 г.

Fig. 4. The half-title of the book «Old and New Prussia» by Christoph Hartknoch, 1684.

В погребальных древностях пруссов эпохи Орденского государства имеется абсолютно уникальный пример посоха с навершием из каменного молота эпохи бронзы (?). Торцевая часть посоха была расклепана в верхней части отверстия для рукояти топора железной заклепкой с широкой крышкой. Остатки такого посоха (жезл власти или ритуальный атрибут?) были обнаружены А.А. Валуевым при раскопках грунтового могильника Alt-Wehlau/Прудовка [2001, с. 15]. Правда, в данном случае вероятно прямое использование молота по своим естественным рабочим возможностям в рамках земледельческих культов, актуальных для пруссов и после завоевания их земель Орденом [Кулаков, Скворцов, 2000, с. 187].

Примечательно, что использование посохов/жезлов раннесредневековыми новгородцами известно по данным новгородской археологии. Навершия их посохов или имеют шаровидную форму, или же примитивно воссоздают человеческую личину (рис. 5).

В современной отечественной археологической науке сформировались две концепции интерпретации таких жезлов в эпоху средневековья в Новгороде: ритуальная и, возможно, утилитарная [Мусин и др., 2016, с. 162]. Значительный количественный массив новгородских жезлов, разнообразие форм их наверший позволяют подозревать различные формы их практического использования в зависимости от формы наверший. Прусские прямые посохи/жезлы, с учетом их изображений на

Посохи и кривули раннесредневековых пруссов

сакральных для пруссов каменных изваяний и места посоха в погребении, скорее имели культовое значение, что не исключает осознания пруссами посохов/жезлов как социальных маркеров.

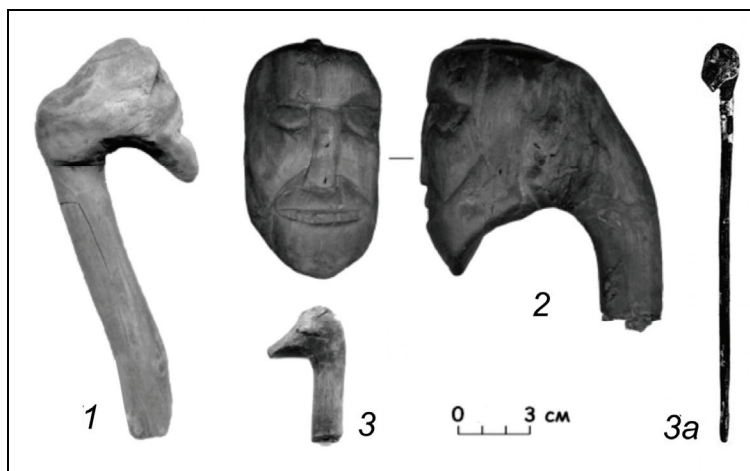

Рис. 5. Посохи с изогнутыми наверху из Новгород Великого:
1–3 — по: [Мусин и др., 2016, рис. 4]; 1а — по: [Колчин, 1968, табл. 33].

Fig. 5. Staves with curved tops from Novgorod the Great:
1–3 — from [Musin et al., 2016, fig. 4]; 1a — from [Kolchin, 1968, tabl. 33].

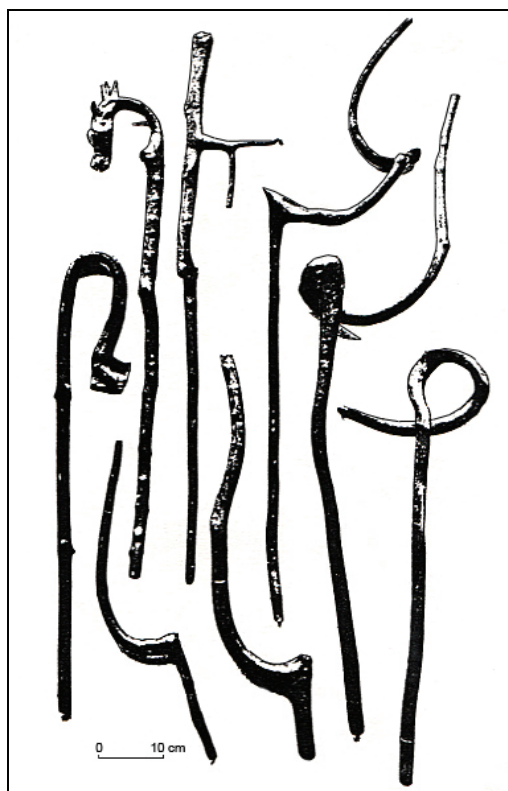

Рис. 6. Кривули XIX в. с территории Неманского левобережья [(Anonim), 1905, Taf. 17].
Fig. 6. Krivuli of 19th century from the territory of the Neman Left Bank.

Традиция использования посохов/жезлов как социальных маркеров продолжилась в юго-восточной Балтии и в Новое время. Как свидетельствует Николаус фон Ерошин, посох-krivula (прус. «кривой») являлся знаком высшей власти (как духовной, так и, очевидно, мирской) верховного жреца западных балтов Криве-Кривайтиса [Mannhardt, 1936, S. 108]. Правда, судя по названию, данный посох (скорее — жезл), в отличие от посохов членов прусской общины, был искрив-

ленным. Его навершия в текстах не упоминаются. В «позднейшей Литве» (т.е. в материалах балтской этнографии) кривуля посылалась по деревне как призыв к общему сходу [Ibid., S. 94–97]. Та же специфика была и у прусских кривулей [Топоров В.Н., 1984, с. 203]. Кривули служили не только знаковым атрибутом верховного жреца, но и знаками гадателей по полету птиц — жрецов-lekkutones. Во время своих гаданий эти персонажи в руке держали кривули [Mannhardt, 1936, S. 357].

В коллекции Общества древностей в Инстербурге хранилось несколько прусских этнографических посохов/жезлов, причем лишь один из них имел прямой стержень и обладал навершием в виде головы коня (рис. 6).

Остальные обладали всевозможными видами естественных искривлений, полностью соответствуя понятию *krivula*. Какое-либо использование кроме указанных выше ритуальных функций для подобных посохов предположить ввиду их особой формы невозможно.

По данным краеведа XVII в. Маттеуса Преториуса, пруссы в эпоху Нового времени поклонялись деревьям с искривленным стволом, прусские мужчины приносили в жертву богам этих деревьев свои пояса [Gaerte, 1935, S. 180].

Судя по приведенным отрывочным данным о специфике использования пруссами и представителями иных балтских племен во II тыс. н.э. искривленных древесных ветвей (*krivula*), они воспринимались последними язычниками Европы как свидетельство святости. На это прямо указывает и ритуальное имя прусского первосвященника — Криве-Кривайтис.

Заключение

Представленные в статье данные позволяют сделать следующие предварительные выводы об использовании пруссами различных форм жезлов:

1. В эпоху раннего средневековья (быть может — уже в начале I тыс. н.э.) жители юго-восточной Балтии используют посохи/жезлы с различными навершиями как обозначение социального статуса их владельцев.

2. Жезл, судя по незначительной длине не имевший практического значения, находился в левой руке каменных изваяний пруссов, изображавших легендарных князей Брутено и Видевуто. В правой руке изваяния находился жертвенный питьевой рог. Очевидно, и жезл, и рог были атрибутами, необходимыми при проведении жертвоприношения.

3. Преимущественно церемониальное значение имели искривленные ветви деревьев *krivula*, принадлежавшие жрецам различных рангов и специализаций. Судя по сохранности экспонатов инстербургской коллекции, такие *krivula* использовались пруссами по Новое время включительно.

4. С определенной долей осторожности можно предположить, что в предорденское время частью культовой атрибутики при жертвоприношениях у представителей прусского общества различных социальных рангов были прямые посохи/жезлы. Жрецы различных уровней в процессе отправления культовых церемоний пользовались искривленными жезлами-*krivula*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валуев А.А. Работы Калининградского отряда Балтийской экспедиции // АО 2000 г. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 12–13.

Колчин Б.А. Новгородские древности: Деревянные изделия // САИ. 1968. Вып. Е1-55. 184 с.

Кулаков В.И. Прусы (V–XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 214 с.

Кулаков В.И. Доллякайм-Коврово. Исследования 1879 г. Мн.: Ин-т истории НАН, 2004. 135 с.

Кулаков В.И. Каменные изваяния пруссов // Исторический формат. 2017а. № 1–2. С. 151–169.

Кулаков В.И. Terminus post quem кирхи в Arnau/Родники // Зборнік дакладаў і тэзісаў VII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў (Мінск, Беларусь, 24–25 лістапада 2016 года). Мінск: Права і эканоміка, 2017b. Т. 1. С. 143–150.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Топорик из Варген: (Ранговое оружие последних язычников Европы) // *Slavia Antiqua. Poznań*, 2000. Т. XLI. С. 173–189.

Мусин А.Е., Тарабардина О.А., Кокуца Л.В., Кубло Э.К. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // Рос. археол. ежегодник. СПб.: СПбГТУ, 2016. № 5–6. С. 157–170.

Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь. К–Л. М.: Наука, 1984. 439 с.

(Anonim). 17 Tafeln mit Abbildungen der wichtigsten Stücke des Museums der Altertumsgesellschaft nebst Erklärung 1880-1905 // Festschrift zum 25jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg, Insterburg, 1905. 17 Taf.

Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Verlag Gräfe und Unzer, 1929. 405 S.

Gaerte W. Kriechkur in Altpreußen // Altpreußen. Königsberg, 1935. Jg. 1, H. 3. S. 182.

Mannhardt W. Letto-preussische Gotterlehre. Riga: Lettisch-Literarische Gesellschaft, 1936. 673 S.

TYPES OF MACES IN THE CULTURE OF EARLY MEDIEVAL PRUSSIANS

There are two known versions of maces in the culture of early medieval Prussians: staffs and *krivula* (crooked staffs). The data presented in this article has allowed the author to draw the following preliminary conclusions about the use of various forms of maces by the Prussians: (1) In the Early Middle Ages (presumably already at the beginning of the first century AD), the population of the southeastern Baltic used staffs/maces with different tops symbolizing the social status of its owner. (2) A mace, which had obviously no practical significance judging by its insignificant length, can be seen in the left hand of Prussian stone sculptures, depicting legendary princes Bruteno and Widewuto. In the sculpture's right hand, there is a sacrificial drinking horn. Obviously, both a mace and a horn were attributes necessary for offering sacrifices. (3) Curved branches of the *krivula* trees, which belonged to priests of various ranks and specialties, were primarily of ceremonial significance. Judging by the preservation state of the Insterburg collection exhibits, such *krivulas* were used by the Prussians including in the Modern Era. (4) With a certain degree of caution, it can be assumed that in the pre-order time straight staffs/maces were among sacrificial attributes of the Prussian society representatives of various social ranks. Priests of different levels used crooked staffs (*krivula*) in the course of religious ceremonies.

Key words: the Prussians, period of the Early Middle Ages, attributes, social and cult values.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-097-103

REFERENCES

- (Anonim) (1905). 17 Tafeln mit Abbildungen der wichtigsten Stücke des Museums der Altertumsgesellschaft nebst Erklärung 1880–1905. *Festschrift zum 25jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg*, Insterburg.
- Gaerte W. (1929). *Urgeschichte Ostpreußens*, Königsberg: Verlag Gräfe und Unzer.
- Gaerte W. (1935). Kriechkur in Altpreußen. *Altpreußen*, 1(3), Königsberg.
- Kolchin B.A. (1968). Novgorod antiquity: Woodworks. *Svod arkhejlogicheskikh istochnikov*, (E1-55). (Rus.).
- Kulakov V.I. (1994). *The Prussians (5–8th cc.)*, Moscow: Geoeko. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2004). *The Doll'kaim-Kovrovo: The researches of 1879*, Minsk: Institut istorii NAN. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2017a). Stone statue of the Prussians. *Istoricheskij format*, (1–2), 151–169. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2017b). Terminus post quem of the Church in Arnau/Rodniki. *Zbornik doklada i tezisov VII Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj konferencii «Tradycii i suchasny stan kultury i mastazvav (Minsk, Belarus', 24–25 listapada 2016 goda)*, 1 (pp. 143–150), Minsk: Prava i ekanomika. (Rus.).
- Kulakov V.I., Skvortzov K.N. (2000). Hatchet from the Wargen: (Rank weapons of the last pagans of Europe). *Slavia Antiqua*, XLI, Poznań, 173–189. (Rus.).
- Mannhardt W. (1936). *Letto-preussische Gotterlehre*, Riga: Lettisch-Literarische Gesellschaft.
- Musin A.E., Tarabarina O.A., Kokuza L.V., Kublo E.K. (2016). The wooden objects with Cristian and pagan symbols from the excavations in the Novgorod and Staraya Russa. *Rossijskij archeologitseskij ezhegodnik*, (5–6), 157–170. (Rus.).
- Toporov B.H. (1984). *The Prussian language: Dictionary. K–L*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Valujev AA. (2001). Works of the Kaliningrad detachment of the Baltic expedition. *Archeologicheskije otkrytija 2000 goda* (pp. 12–13), Moscow: Editorial URSS. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 09.04.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

АНТРОПОЛОГИЯ

А.Н. Багашев*, С.М. Слепченко* **, О.В. Кардаш, Е.А. Алексеева*,
А.В. Слепцова***

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003

**Сургутский государственный университет
просп. Ленина, 1, Сургут, 628412

E-mail: bagashev@mail.ru; s_slepchenko@list.ru; kov_ugansk@mail.ru;
alekseeva.elena.ae@gmail.com; sleptsova_1993@mail.ru

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА БУХТА НАХОДКА 2 НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ

Представлены результаты всестороннего исследования палеоантропологических материалов из могильника Бухта Находка 2, расположенного на полуострове Ямал (Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области), датируемые VI–VII и XII–XIII вв. н.э. По результатам многомерной статистики показатели изменчивости, зафиксированные на исследованных материалах, не выходят за пределы межгрупповой изменчивости, характерной для северных самодийцев, и в таксономическом отношении эта выборка может быть включена в ямало-енисейскую группу популяций западно-сибирской антропологической формации. Отличают исследованную серию архаичное строение нижних премоляров и вестибулярная выпуклость медиальных резцов, также являющаяся маркером архаики. Внешний облик населения, обитавшего в это время на Ямале, наглядно демонстрируют реконструкции лица по черепу.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, полуостров Ямал, популяция, ямало-енисейский антропологический тип, таксономия, палеоантропология, краниология, одонтология, внешний облик, антропологическая реконструкция лица по черепу.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-104-116

Введение

Современное аборигенное население Северной Евразии относится к различным антропологическим типам, разнообразие которых свидетельствует о различных путях их образования [Багашев, 2017]. Ограниченное количество палеоантропологических материалов по северосамодийским народам (ненцы, энцы и нганасаны) и кетам не позволяет однозначно отнести некоторые группы населения к той или иной таксономической категории.

Появление новых антропологических данных об особенностях физического облика обитателей субарктических областей Западной Сибири позволяет уточнить пределы характерной для них индивидуальной и межгрупповой изменчивости.

Цель данной статьи — дать всестороннее антропологическое описание краниологических находок, полученных при исследовании могильника Бухта Находка 2, содержащего две группы захоронений — VI–VII и XII–XIII вв., а также конкретизировать их место в популяционной структуре и систематике коренных народов севера Западной Сибири.

Археологический контекст

Изучение археологических объектов в ямальской бухте Находка началось в 1961 г. в рамках этнографической экспедиции МГУ под руководством Л.П. Лашука [1968]. Тогда же было выявлено укрепленное поселение, названное Сопка Харде-седе («имеющая жилье сопка») и атрибутированное как «заброшенное “священное” место». В то же время в районе зверофермы национального поселка Бухта Находка (ныне нежилого) было обнаружено первое средневековое захоронение [Там же]. Погребение не содержало инвентаря, и дальнейшая его судьба неизвестна. Летом 2006 г. в бухте Находка разведочной группой под руководством О.В. Кардаша проводилось обследование, в результате которого была выявлена серия раннесредневековых стоянок, а святилище Харде-седе атрибутировано как *городище Бухта Находка* [Кардаш, 2011]. В 2007 г. начаты стационарные раскопки этого оборонительно-жилого комплекса. Время функ-

Палеоантропологические материалы могильника Бухта Находка 2 на полуострове Ямал

ционирования укрепленного поселения Бухта Находка было определено дендрохронологическим методом. Оно было основано около 1084 г., а строительство последнего оборонительно-жилого комплекса относится к 1219–1225 гг. [Sidorova et al., 2017]. Таким образом, весь период существования городища Бухта Находка укладывается в интервал конец XI — первое десятилетие XIV в., а последнего сооружения — в промежуток начало XIII — первое десятилетие XIV в. (около 1219–1310 гг.)

Параллельно со стационарными исследованиями городища Бухта Находка в 2012 г. на побережье было проведено разведочное обследование, в ходе которого выявлены еще несколько стоянок и средневековый могильник, получивший название Бухта Находка 2 [Усолкина, 2012]. Могильник рекогносцировочно изучен летом 2016 г. [Кардаш, 2017].

Могильник Бухта Находка 2 расположен на западном берегу безымянного озера у побережья бухты Находка — залива Обская губа Карского моря, в 255 км к северо-востоку от г. Салехарда, в 75 км к северо-востоку от п. Яр-Сале Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

На территории могильника обнаружены захоронения, относящиеся к двум периодам. В связи с этим погребения получили двойную нумерацию. Первая группа, промаркированная цифрой 1, представлена двумя могилами VI–VII вв. зеленогорской археологической культуры. Вторая группа, промаркированная цифрой 2, включает шесть захоронений индивидов и четыре кенотафа XII–XIII вв. Радиоуглеродное датирование, включая определение калиброванного абсолютного возраста образцов (табл. 1), проводилось в лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» РГПУ им. А.И. Герцена [Нестеров, 2017]. Всего процедуре изотопного анализа подверглись 16 образцов, по двум из них получить дату не удалось.

Таблица 1

Результаты определения абсолютного возраста органических образцов из могильника Бухта Находка 2

Table 1

The results of determining the absolute age of organic samples from the burial ground Buchta Nakhodka 2

№ п/п	Шифр образца (полевой)	Характеристика образца	Шифр образца (СПб., лаб.)	Изотопный возраст	Дата, гг. н.э.
Группа погребений № 1					
1	БНМ-1	Погр. 1.1, склеп (дерево)	SPb-2517	1506 ± 25 BP*	511 ± 25
2	БНМ-6	Погр. 1.1, крышка склепа (уголь)	SPb-2518	1518 ± 25 BP	499 ± 25
3	БНМ-7	Погр. 1.1, короб (береста)	SPb-2511	1495 ± 25 BP	522 ± 25
4	БНМ-12	Погр. 1.1, postcranium чел. (ребра)	SPb-2505	1530 ± 25 BP	487 ± 25
5	БНМ-3	Погр. 1.2, гроб (береста)	SPb-2516	1516 ± 40 BP	501 ± 40
6	БНМ-5	Погр. 1.2, крышка склепа (дерево)	SPb-2514	1480 ± 25 BP	537 ± 25
7	БНМ-9	Погр. 1.2, postcranium чел. (ребра)	SPb-2502	1520 ± 25 BP	497 ± 25
Группа погребений № 2					
8	БНМ-2	Погр. 2.1, крышка склепа (дерево)	SPb-2515	778 ± 25 BP	1239 ± 25
9	БНМ-11	Погр. 2.1, postcranium чел. (ребра)	SPb-2503	804 ± 25 BP	1213 ± 25
10	БНМ-10	Погр. 2.2, postcranium чел. (крестец)	SPb-2504	755 ± 25 BP	1262 ± 25
11	БНМ-4	Погр. 2.3, склеп (дерево)	SPb-2513	757 ± 25 BP	1260 ± 25
12	БНМ-13	Погр. 2.3, cranium чел. (челюсть)	SPb-2506	790 ± 25 BP	1227 ± 25
13	БНМ-8	Погр. 2.9, гроб (береста)	SPb-2512	745 ± 25 BP	1272 ± 25
14	БНМ-14	Погр. 2.9 (шерсть)	SPb-2507	765 ± 25 BP	1252 ± 25

*BP — количество лет от наших дней.

В итоге возраст захоронения взрослой женщины из погребения 1.1 следует определить в интервале середина VI — середина VII в., возраст захоронения взрослого мужчины из погребения 1.2 — конец VI — середина VII в., возраст захоронения женщины из погребения 2.1 — конец XII — середина XIII в. Остальные захоронения и кенотафы хронологически не выходят за пределы XIII в.

Погребения неравномерно распространены по всей площади памятника, регулярной планировки не зафиксировано, костные останки находились в шести погребениях. Не исключено, что это погребения обитателей близлежащих средневековых стоянок и укрепленного поселения Бухта Находка, которое местные жители — ненцы идентифицируют с фольклорным народом «сихиртя» [Кардаш, 2011].

Следует отметить, исследователи на территории Севера Западной Сибири до настоящего времени ни один из известных средневековых грунтовых могильников непосредственно не связывали с каким-либо конкретным поселением [Зыков, 2012]. В данном же случае связь группы погребений XII–XIII вв. могильника Бухта Находка 2 с населением расположенного в непосредственной близости городища Бухта Находка периода XIII в. не вызывает сомнения. *Таким образом, могильник Бухта Находка 2 является первым средневековым погребальным источником, который позволяет достоверно идентифицировать данную археологическую культуру с населением конкретного антропологического типа.*

Раскопками выявлены две особенности погребального обряда могильника Бухта Находка 2. Во второй группе захоронений, XII–XIII вв., — индивиды, уложенные на левом боку, с согнутыми и прижатыми к корпусу руками и ногами, что не характерно для севера Западной Сибири и ранее не фиксировалось в других средневековых могильниках [Зыков, 2012]. Захоронения в такой позе наиболее типичны для населения юга Сибири. Единственной аналогией такой форме захоронения может являться одиночное погребение в постройке 4 поселения Хаэн Сале на северном Ямале (пролив Малыгина). Предположительно время погребения определено В.Н. Чернецовым в пределах первой половины XVII в.: «Скелет лежал на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на север. У правой руки лежали два наконечника гарпунов, а в изголовье топор и полукруглая железная пёрка. В ногах обнаружены остатки деревянного предмета, по-видимому, лука, положенного на тело. Под костяком в некоторых местах заметны следы тонких досок, положенных в поперечном направлении. Такие доски, но положенные вдоль тела, покрывали погребение сверху. Сохранность костяка очень плохая. Судя по степени срастания черепных швов, скелет принадлежал уже немолодому субъекту. Следует отметить чрезвычайно сильную стертость зубов нижней челюсти» [1935, с. 116–117]. Близость погребального обряда позволяет связать культуру населения бухты Находка XI–XIII вв. и поселения Хаэн Сале XVI–XVII вв., когда на полуострове Ямал начинают появляться «самоеды» — предки современных ненцев-оленьеводов [Чернецов, 1935].

Второй особенностью является ингумация умерших, характерная для всех средневековых могильников таежной зоны севера Западной Сибири. Современные ненцы, проживающие на полуострове Ямал и именуемые аборигенами, как минимум последние 200 лет практикуют наземные захоронения — хальмеры [Народы Западной Сибири..., 2005].

В тундровой зоне Крайнего Севера Западной Сибири грунтовые могильники встречаются довольно редко. Находки погребений ограничивались одиночными могилами. На сегодняшний день грунтовый могильник Бухта Находка 2 — единственный известный на полуострове Ямал объект, по материалам которого возможно проведение палеоантропологических исследований.

Материалы и методы

Всего в процессе исследований были проанализированы четыре черепа, полученных в результате раскопок могильника Бухта Находка 2: из группы погребений VI–VII вв. — один мужской (1.2) и один женский (1.1) череп и из группы XII–XIII вв. — два женских черепа (2.1, 2.4).

Половая диагностика проводилась на основании морфологии черепа, нижней челюсти, по строению таза и посткраниального скелета [Lovejoy, 1985; Meindl, Lovejoy, 1985; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Возраст погребенных определялся по степени облитерации швов черепа и стертости зубов [Buikstra, Ubelaker, 1994].

Измерение черепов осуществлялось по стандартной краниометрической методике, дополненной измерением высоты поперечного изгиба лба (УПИЛ) и вычислением условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) на основании индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преарикулярного фациocereбрального указателя (ПФЦ) [Алексеев, Дебеч, 1964; Гохман, 1961, Дебеч, 1968]. Анализ межгруппового сходства и различий был выполнен путем расчета расстояния D2 Махаланобиса — Рао по программе Ю.К. Чистова (1994 г.).

Для одонтологического обследования оказались доступны четыре индивида из могильника Бухта Находка 2. Исследование проводилось по стандартной методике [Зубов, 1968, 2006] с учетом маркеров архаики [Зубова, 2013]. Для описания степени стертости зубов использовалась пятибалльная шкала для фронтальных зубов и шестибалльная для заклыковых [Зубов, 1968].

Реконструкция лица по черепу была проведена по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции [Герасимов, 1949, 1955; Лебединская, 1973, 1998; Никитин, 2009; Филиппов, 2015] с использованием данных исследований зарубежных авторов [Stephan, Sc (Hons), 2002; Stephan et al., 2003; Stephan, 2003; Stephan,

Davidson, 2008; Guyomarc'h, Stephan, 2012]. Портреты трех индивидов выполнены в графической технике в профиль и анфас.

Антропологические характеристики индивидуумов, погребенных в могильнике Бухта Находка 2

Краниология

Череп мужчины из погребения 1.2 (VI–VII вв.) могильника Бухта Находка 2 долихокранный при очень малой высоте свода, женские черепа имеют более округлую форму.

Лицевой отдел черепа мужчины средней ширины и высоты, умеренно профилированный в горизонтальной плоскости на среднем уровне, но относительно более уплощенный на уровне орбит. Размеры носовой части черепа средних величин, орбиты достаточно широкие при небольшой высоте. У женских черепов лицо более узкое и низкое, уплощенное в горизонтальной плоскости.

В строении переносья мужского черепа отмечается дисгармония. Относительно большая его высота сочетается с небольшой шириной при очень слабом выступании носовых костей над линией вертикального профиля лица. В женской группе фиксируется гармоничное сочетание небольшой ширины и высоты в строении переносья с относительно большим углом выступания носа. Средние размеры и указатели черепов северных самодийцев и населения, оставившего могильник Бухта Находка 2, представлены ранее [Bagashev et al., 2018].

В целом морфологические особенности исследуемых черепов из могильника Бухта Находка 2 указывают на их принадлежность к промежуточному варианту между западной и восточной антропологическими формациями. Однако обобщенные показатели уплощенности лица и пропорции мозговой коробки свидетельствуют о преобладании в их краниологической структуре элементов, которые сближают анализируемые черепа с монголоидными популяциями. Отличительной морфологической чертой данной группы черепов является синтез монголоидного строения мозговой коробки с уплощенным по горизонтали лицом и малым углом выступания носа в сочетании с относительно европеоидным строением переносья, особенно четко выраженным на мужском черепе (погр. 1.2) [Bagashev et al., 2018].

Одонтология

Погребение 1.1 (VI–VII вв.). Зубы индивида сильно стерты. Фронтальные и правый латеральный резцы и моляры правой стороны челюсти утрачены посмертно. Верхний левый клык отсутствует — гиподонтия. Степень лопатообразности латерального левого резца и правого клыка установить невозможно (стертость балл 5). На премолярах фиксируются следы посмертных сколов эмали, однако оказалось возможным установить, что на первом правом премоляре лингвальный бугорок меньше вестибулярного (балл 2), на втором левом — примерно одинакового размера с вестибулярным (балл 3). Второй правый премоляр развернут в медиальную сторону на 60 градусов. Лингвальный бугорок этого зуба значительно меньше вестибулярного (балл 1). С левой стороны гипоконус первого и второго моляров не редуцирован. На третьем зубе данного класса гипоконус сильно редуцирован (балл 3+). Метаконус на зубах данного класса слабoreдуцирован. С5 и бугорок Карабелли отсутствуют. С вестибулярной стороны на втором и третьем молярах отмечен сильный затек эмали (балл 6). Значения среднего модуля ряда верхних моляров находятся в границах мезодонтии (табл. 2).

Зубы нижней челюсти также сильно стерты (балл 5) и частично разрушены. Нижний правый клык отсутствует — гиподонтия. Судя по всему, премоляры имели моляризованную форму (балл 5), а моляры 5-бугорковую. Наблюдается незначительная асимметрия вторых премоляров, метаконид которых смещен дистально. С вестибулярной стороны моляров цингулом отсутствует, но отмечен сильный затек эмали (балл 6). Величина индекса коронки нижних моляров находится в границах мезодонтии.

Степень стертости жевательной поверхности зубов соответствует возрасту на момент смерти 40–50 лет.

Погребение 1.2 (VI–VII вв.). Для исследования доступны все зубы верхней челюсти. Стертость центральных резцов (балл 5) не позволяет установить их форм, но отмечен умеренно развитый лингвальный бугорок (балл 1). Латеральные резцы не редуцированы, с развитыми краевыми гребнями (балл 2). На первых премолярах лингвальный бугорок меньше вестибулярного (балл 2), на вторых — примерно одинакового размера с вестибулярным (балл 3). Первые верхние моляры не редуцированы. На вторых молярах гипоконус и метаконус редуцированы слабо. Третьи моляры еще более редуцированы — отсутствует гипоконус (балл 3), при этом метаконус меньше половины

параконуса (балл 3). На зубах этого класса отмечено отсутствие бугорка Карабелли и косого гребня. Стертость коронок (балл 3) не позволяет определить наличие С5. Значения среднего модуля ряда верхних моляров находятся в границах микродонтизма.

Сохранились все заклыковые зубы нижней челюсти. Вторые премоляры моляризированной формы (тип 5). Правый премоляр имеет архаичное строение, он трехбугорковой формы, трансверсальный гребень смещен в дистальную сторону. Талонид несколько расширен относительно тригонид (рис. 1). Первые моляры с «У»-узором коронки, стерты достаточно сильно (балл 5) и имеют следы посмертного разрушения. Вторые моляры 5-бугорковые, с узором коронки «Х». С вестибулярной стороны у них фиксируются затек эмали (балл 6) и ямка протостилида. Третий моляр 5-бугорковой формы, с «Х»-узором коронки, «tami», протостилид и дистальный гребень тригонид отсутствуют. Величины индекса коронок нижних моляров находятся в границах мезодонтии.

Степень стертости зубов соответствует возрасту на момент смерти 40–50 лет.

Погребение 2.1 (XII–XIII вв.). Для исследования доступны только четыре зуба верхней челюсти. Отмечена гиподонтия левого клыка. Правый клык характеризуется отсутствием лингвального бугорка, краевые и дополнительные гребни также не зафиксированы. На первом премоляре лингвальный бугорок меньше вестибулярного (балл 2). Первый правый моляр поврежден посмертно, однако возможно отметить его нередуцированную форму и отсутствие бугорка Карабелли. На втором левом моляре полностью редуцирован гипоконус (балл 3) при крупном метаконусе (балл 1). Дополнительные морфологические детали (С5) отсутствуют.

Степень стертости жевательной поверхности коронок зубов соответствует возрасту на момент смерти 20–30 лет.

Погребение 2.3 (XII–XIII вв.). Из зубов верхней челюсти для исследования доступны левый медиальный и правый латеральный резцы, правый клык и несколько моляров. Все зубы частично разрушены посмертно. На резцах присутствуют умеренно выраженные краевые гребни лингвальной поверхности (балл 1). На медиальном резце отмечена вестибулярная выпуклость коронки, а на латеральном — пальцевидные гребни с лингвальной стороны. Гипоконус первого моляра слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). Бугорок Карабелли отсутствует. Передние и задние ямки отсутствуют, как и дополнительные маргинальные бугорки. На втором левом моляре гипоконус сильно редуцирован (балл 3+), так же как и метаконус (балл 2). На третьих молярах гипоконус отсутствует, метаконус меньше половины параконуса (балл 3). С5 отсутствует, на левом моляре отмечен дополнительный мезиальный бугорок. Величина среднего модуля ряда верхних моляров (вычисленная по модулю M^2 и M^3) находится в пределах, характерных для макродонтии.

Степень стертости зубов соответствует возрасту на момент смерти 25–35 лет.

Рис. 1. Зубы нижней челюсти мужчины из погребения 1.2.

Fig. 1. Teeth of the lower jaw of a male from burial 1.2.

Таблица 2

Мезио-дистальный и вестибуло-лингвальный диаметры коронок моляров

Table 2

Mesio-distal and vestibular-lingual diameters of crowns of molars

	Верхняя челюсть						Нижняя челюсть					
	M^1		M^2		M^3		M_1		M_2		M_3	
	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL
Погребение 1.1	9,63	11,72	9,44	11,63	8,79	10,99	10,06	11,15	9,93	10,94	8,25	—
Погребение 2.1	9,83	11,31	10,18	11,45	8,98	9,84	11,07	10,76	10,9	10,89	9,88	10,25
Погребение 1.2	0,04	—	9,20	9,98	—	—	—	—	—	—	—	—
Погребение 2.3	—	—	9,69	12,17	9,43	11,92	—	—	—	—	—	10,00

Антропологическая реконструкция лица

Погребение 1.1. (VI–VII вв.). Череп женщины, возраст смерти которой определен в диапазоне 40–50 лет, характеризуется плавным переходом костей от лобной к теменным и от теменных к затылочной, во фронтальной норме имеет округлый контур. Чешуя височных костей округлой формы, направление ее ближе к вертикальному. Затылочная кость невыступающая, непреломленная. Форма лицевого отдела черепа (общий лицевой контур) — орбикулярная. Надбровные дуги развиты слабо, не доходят до середины орбитального края. Лоб узкий, прямой. Орбиты средней высоты, очень широкие, квадратной формы, с замкнутой глазницей и наклонной профилировкой. Фронтальная постановка орбит средняя. Форма надглазничного края — прямая. Линия разреза глаз имеет горизонтальное направление. Раструб слезной части выходит за границу орбитного края. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы кософронтально. Верхний медиальный гребешок края орбиты направлен к заднему слезному гребню. Нос средней ширины и высоты, симметричный, с острым подносовым краем. Подносовой шип развит умеренно, направлен горизонтально. Прикус, вероятно, ступенчатый. Подбородок умеренно выступающий, узкий, округлый.

Полученные графические изображения дают представление об облике женщины зрелого возраста, со среднешироким невысоким лицом орбикулярной формы, с узким прямым лбом, слабовыступающим носом, узким, умеренно выступающим подбородком. Нос широкий, средних размеров, с прямой спинкой и горизонтально направленным кончиком. Глаза небольшие, с горизонтальным разрезом линии смыкания век, с прямой ровной складкой верхнего века. Признаков развития эпикантуса по черепу не выявлено. Нижняя часть лица со слабо выступающим подбородком, средней ширины ртом. Нижняя губа заметно выступает вперед.

Изображения прически и гребня выполнены с привлечением археологических данных (рис. 2).

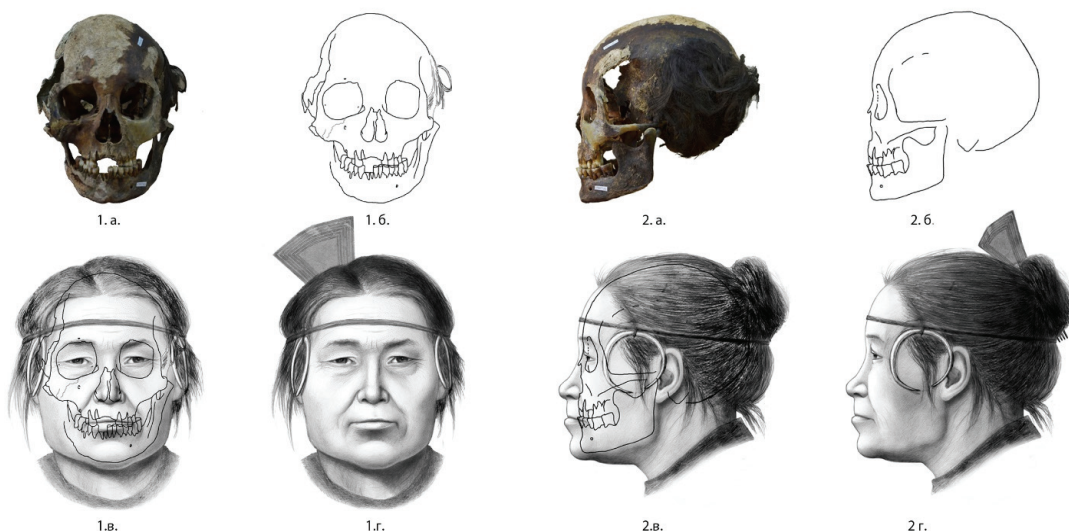

Рис. 2. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет женщины 40–50 лет из погребения 1.1 (VI–VII вв.): 1 — фас; 2 — профиль (а — череп; б — контур; в — наложение; г — портрет).

Fig. 2. Facial reconstruction on the skull. Graphic portrait of a 40–50 year old female from burial 1.1 (6th–7th centuries): 1 — front; 2 — sideways (a — skull; б — contour; в — overlay; г — portrait).

Погребение 1.2. (VI–VII вв.). Череп мужчины, умершего в возрасте 40–50 лет, имеет округлый контур свода со стороны лба, в профиль — с плавным переходом костей. Височные кости округлые, направлены вертикально. Затылочная кость невыступающая, непреломленная. Форма лицевого отдела черепа в ее соответствии с формами лица по Пех-Мартину — пентагональная. Надбровные дуги доходят до середины верхнеорбитального края, на уровне глабеллы развиты сильно. Лоб наклонный, узкий. Орбиты средней высоты, очень широкие, квадратной формы, имеют наклонную профилировку. Фронтальная постановка орбит — средняя. Надглазничный край ровный. Тип глазницы — замкнутый. Глазничные бугорки не выражены. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление. Верхний медиальный гребешок края орбиты направлен к заднему слезному гребню. Слезный раструб слабо выходит за границу орбитного края. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы кософронтально. Нос высокий,

узкий, симметричный. Подносовой шип развит умеренно, направлен вверх. Прикус — псалидонтный (ножницеобразный). Подбородок в профиль — выступающий, в анфас — узкий, округлый.

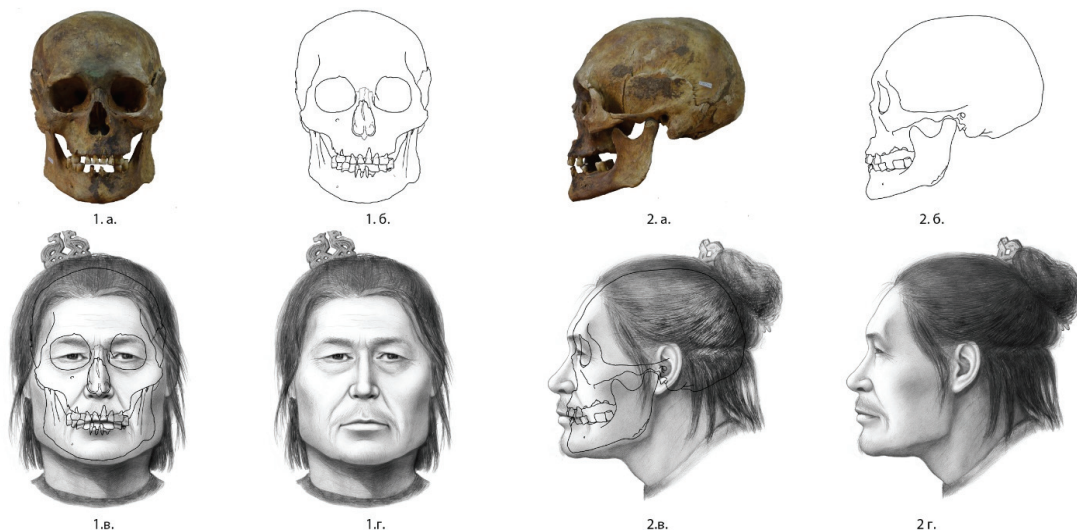

Рис. 3. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет мужчины 40–50 лет из погребения 1.2 (VI–VII вв.): 1 — фас; 2 — профиль (а — череп; б — контур; в — наложение; г — портрет).
Fig. 3. Facial reconstruction of the skull. Graphic portrait of a 40–50 year old male from burial 1.2 (6th–7th centuries): 1 — front; 2 — sideways (a — skull; б — contour; в — overlay; г — portrait).

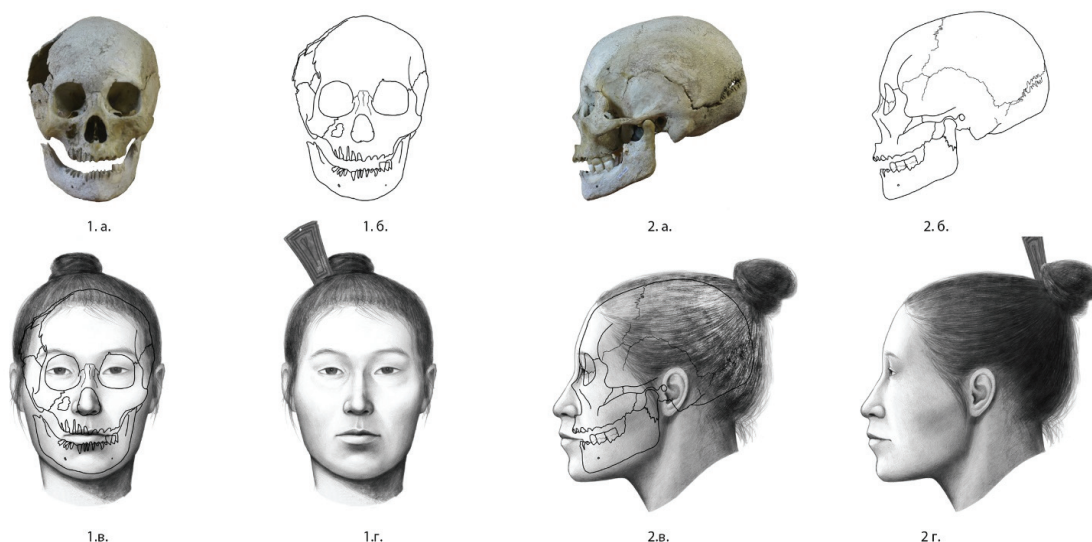

Рис. 4. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет молодой женщины (20–30 лет) из погребения 2.1 (XII–XIII вв.):

1 — фас; 2 — профиль (а — череп; б — контур; в — наложение; г — портрет).
Fig. 4. Facial reconstruction of the skull. Graphic portrait of a young female from burial 2.1 (XII–XIII centuries): 1 — front; 2 — sideways (a — skull; б — contour; в — overlay; г — portrait).

В результате реконструкции по черепу мы можем описать портрет зрелого мужчины с лицом средней высоты и ширины, пентагональной формы. Покатый лоб с выраженным надбровьем возвышается над выступающим симметричным носом с приподнятым основанием и кончиком. Складка верхнего века закрывает наружный угол глаза. Складка эпикантуса не развита. Подносовая часть лица характеризуется крупной широкой нижней челюстью с выступающим, узким, округлым подбородком и среднешироким ртом. Прическа и гребень изображены на основе археологических данных (рис. 3).

Погребение 2.1 (XII–XIII вв.). Череп молодой женщины, умершей в возрасте 20–30 лет, характеризуется плавным переходом костей от лобной к теменным и от теменных к затылочной,

во фронтальной норме имеет округлый контур. Чешуя височных костей округлой формы, направление ее ближе к вертикальному. Теменные и лобные бугры хорошо выражены. Затылочная кость невыступающая, непреломленная. Лицо очень низкое, узкое в скулах. Форма лицевого отдела черепа (общий лицевой контур) — овоидная. Лоб узкий, наклонный. Надбровные дуги развиты слабо, не выступают относительно глабеллы, не доходят до середины верхнеорбитального края. Орбиты средней высоты и ширины, квадратной формы, с замкнутой глазницей. Форма надглазничного края прямая. Профилировка орбит наклонная. Фронтальная постановка орбит средняя. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление. Раструб слезной части не выходит за границу орбитного края. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы кософронтально. Верхний медиальный гребешок края орбиты направлен к заднему слезному гребню. Нос узкий и высокий. Охарактеризовать подносовой край и подносовой шип невозможно из-за разрушения костей. Прикус, вероятно, ножницеобразный. Подбородок слабо выступающий, узкий, округлый.

На полученных графических изображениях представлен портрет молодой женщины с узким невысоким лицом овоидной формы, узким наклонным невысоким лбом, со слабо выступающим, узким подбородком. Узкий нос слабо выступает относительно плоскости лица, скорее всего, имел прямую спинку и горизонтально направленный кончик. Глаза небольшие, с косовнутренним направлением разреза линии смыкания век, с прямой ровной складкой верхнего века. Эпикантус отсутствует. Рот небольшой. Прическа и гребень соответствуют археологическим данным (рис. 4).

Результаты сравнительного анализа

Краниология

Для выяснения общих закономерностей межгрупповой изменчивости народов Северной Евразии, их морфологических особенностей и определения таксономического положения выборки из могильника Бухта Находка 2 проведено ее сопоставление с обобщенными краниометрическими данными по группам уральского (ханты северные и восточные), объ-иртышского (чулымские тюрки и нарымские селькупы), ямало-енисейского (тундровые ненцы) антропологических типов западно-сибирской формации [Bagashev et al., 2018].

Характер межгрупповой изменчивости показал, что особенностью всех западно-сибирских групп является дисгармоничное сочетание монголоидного комплекса (слабое выступание носовых костей, плоское по горизонтали лицо и переносье) с европеоидными чертами строения мозговой коробки (долихокранный череп с низким лицом). Но именно данное сочетание определяет антропологическую специфику западно-сибирских популяций, особенно уральского типа, что служит индикатором былого расогенетического единства. Этот же комплекс (но в ослабленном виде) присущ северосамодийским группам. Краниологическому типу кетов свойственно в целом сочетание признаков, характерное для западно-сибирских групп, но с рядом особенностей, которые сближают их все-таки с северосамодийскими выборками [Багашев, 2016].

Все северосамодийские группы дистанцируются от серий более высокоголовых и низколиких черепов. Данная морфологическая особенность наиболее отчетливо представлена в краниологической структуре объ-иртышских популяций западно-сибирской формации — нарымских селькупов и томско-чулымских тюрков. Одновременно наблюдается отклонение северосамодийских групп и от более узколиких и долихокранных выборок. В нашем случае эта особенность наиболее четко прослеживается в составе обских угров [Bagashev et al., 2018].

В целом можно говорить о наличии в составе рассматриваемых групп определенных морфологических комплексов: черепа с удлинённой мозговой коробкой и небольшой высотой имеют более узкое и низкое, сильнее профилированное переносье и лицо в средней части в сочетании с малым углом носа в вертикальном профиле. Противоположная ситуация характерна для брахиокранных черепов, у них более уплощенное на уровне орбит лицо сочетается с сильнее выступающим носом. Выявляемые комплексы признаков в поляризованной форме наблюдаются в угорских (долихокранность и скоррелированные с ней признаки) и ненецких (брахиокранность и связанные с ней характеристики) группах. Тяготение северных хантов к ненцам обусловлено трансгрессией их ареалов, вследствие чего метисационные процессы между ними не могли не оставить следа в их генофондах [Багашев, 2017; Bagashev et al., 2018].

Одонтология

К сожалению, неудовлетворительная сохранность исследуемой серии (сильная стертость жевательной поверхности коронок и множественные посмертные разрушения эмали) не позволи-

ла провести статистическое сопоставление одонтоскопических признаков. Удалось выполнить только одонтометрический анализ. Серия из могильника Бухта Находка 2 была сопоставлена с древними и современными популяциями с территории Западной Сибири для определения примерного круга биологических связей изучаемого населения. Анализ выполнялся методом главных компонент на основании мезио-дистальных и вестибуло-лингвальных диаметров коронок всех верхних и нижних моляров. Выборки анализировались суммарно по полу.

Таблица 3

Нагрузки на признаки в составе первых двух факторов

Table 3

Statistical loads on the features of first two factors

	Фактор 1	Фактор 2
md M ¹	0,55	-0,74
vl M ¹	-0,79	-0,49
md M ²	-0,77	-0,37
vl M ²	-0,84	-0,47
md M ³	-0,84	0,47
vl M ³	-0,91	0,29
md M ₁	-0,12	0,21
vl M ₁	-0,57	-0,43
md M ₂	0,01	-0,20
vl M ₂	-0,68	-0,31
md M ₃	0,66	-0,10
vl M ₃	-0,13	-0,53

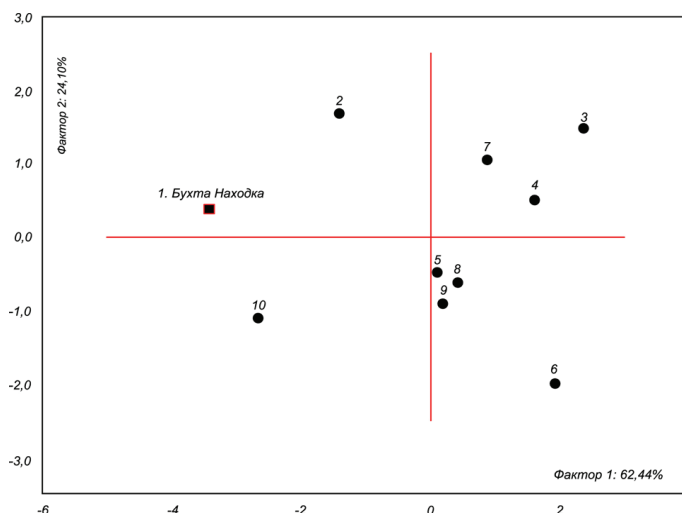

Рис. 5. Распределение одонтометрических серий в пространстве первых двух факторов:

1 — могильник Бухта Находка 2 (VI–VII, XII–XIII вв.); 2 — ненцы (могильник Вэсакояха XIX — начало XX в.) [Зубова, неопубликованные данные]; 3 — манси суммарно (XVIII–XX вв.); 4 — ханты р. Балык (XX в.); 5 — ханты р. Васюган (XX в.); 6 — ханты р. Вах (XX в.); 7 — южные селькупы рр. Обь, Парабель, Васюган (XX в.); 8 — южные селькупы р. Кеть (XX в.); 9 — кеты суммарно (XIX–XX вв.) [Аксянова, 2003]; 10 — северные селькупы (могильник Кикки-Акки (XVIII–XIX вв.) [Слепцова, неопубликованные данные].

Fig. 5. Distribution of dental anthropological series in the space of the first two factors:

1 — Buchta Nakhodka 2 (6th–7th cc., 12th–13th cc.), 2 — Nenets (Vasakoyaha burial) (19th — early 20th c.) [Zubova, unpublished data], 3 — Mansi (18th–19th cc.), 4 — Balyk River Khanty (20th c.), 5 — Vasyugan River Khanty (20th c.), 6 — Vakh River Khanty (20th c.), 7 — Selkups living along the Ob, Pabel, Vasyugan Rivers (20th c.), 8 — Ket River Selkups (20th c.), 9 — Kets (19th–20th cc.) [Aksyanova, 2003], 10 — Northern Selkups (Kikki-Akki burial) (18th–19th cc) [Sleptsova, unpublished data].

В составе первого фактора достоверно высокие отрицательные нагрузки приходятся почти на все мезио-дистальные и вестибуло-лингвальные диаметры верхних моляров (табл. 3). В составе второго фактора достоверно дифференцирует серии только отрицательная нагрузка на мезио-дистальный диаметр первого верхнего моляра. Однако на второй фактор приходится меньшая доля изменчивости (24,10 %).

По комплексам признаков, описываемым первыми двумя факторами (86,54 % изменчивости), ближе всех к серии из Бухты Находка 2 расположились группы северных селькупов из мо-

гильника Кикки-Акки и ненцев из могильника Вэсакояха (рис. 5). Выборки расположились в поле отрицательных значений первого фактора. Заметное отклонение обеих серий от общей совокупности угро-самодийского населения Западной Сибири может свидетельствовать о наличии в их составе дополнительного компонента, отсутствующего в других популяциях, привлеченных для сравнения. Серии южных селькупов рр. Обь, Перабель, Васюган и Кеть отличны от северных ввиду меньших вестибуло-лингвальных размеров моляров. Отличие северных селькупов из Кикки-Акки от южных зафиксировано также по данным одонтологии и краниологии [Пошехонова и др., 2015; Пошехонова, 2018]. Особенности морфологической характеристики серии из могильника Бухта Находка 2, в частности — архаичное строение нижних премоляров и вестибулярная выпуклость медиальных резцов, находят аналогии у населения северных селькупов (могильник Кикки-Акки) [Там же]. Это, однако, не позволяет сделать вывод о близости исследованной серии с полуострова Ямал с северными селькупками, так как, за исключением могильника Вэсакояха [Багашев, Слепченко, 2015; Зубова, неопубликованные данные], серия из Кикки-Акки — единственная серия севера Западной Сибири, обследованная по программе учета маркеров архаики. Необходимо дальнейшее исследование материалов севера Западной Сибири по этой методике.

Обсуждение результатов и выводы

Исследованные антропологические материалы из могильника Бухта Находка 2 позволили впервые охарактеризовать физический облик средневекового населения арктической тундры. Учитывая высокую индивидуальную изменчивость современного человека, морфологические особенности черепов из этих могильников, можно сделать вывод, что данная выборка относится к группе популяций западно-сибирской антропологической формации.

Различия в погребальной обрядности разновременных захоронений могильника Бухта Находка 2 не радикальные, но существенные: погребенные в группе VI–VII вв. лежат на спине с вытянутыми руками и ногами, в группе XII–XIII вв. — на левом боку с согнутыми и прижатыми к корпусу руками и ногами. Различается и размещение сопровождающего инвентаря. Однако краниологический анализ свидетельствует о высокой степени антропологической близости индивидов обеих хронологических групп или даже о их единстве и вероятной преемственности. Это позволяет сделать вывод, что у населения южного Ямала, а возможно, и шире — Нижней Оби в интервале VI–XIII вв. не произошло значительных изменений в физическом облике. Вместе с тем на рубеже I–II тыс., примерно в интервале IX–XI вв., отмечаются значительные изменения в сфере материальной и духовной культуры. В историко-экологическом отношении это время соответствует интервалу максимальных температур «норманнского потепления», что не могло не отразиться на климатических условиях всего арктического региона. В общеисторическом контексте это время совпадает с начальным этапом освоения населением северо-востока Европы территорий Северной Азии, датируемым XI–XIII вв., созданием на территории Нижней Оби торгово-промысловых поселений (факторий) и включением Югры в состав волостей Новгорода Великого [ПСРЛ, т. IX, 1862, с. 79, 127; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, с. 10–30; Кардаш и др., 2018].

Фактически в данной работе мы впервые можем представить антропологический облик тех самых «юричей», с которыми, по летописным данным, контактировали и торговали новгородцы в XI–XIII вв., что, в частности, подтверждается археологически [ПСРЛ, т. IX, 1862, с. 127; Кардаш, Усолкина, 2009; Кардаш, 2011, с. 39–41].

Население полуострова Ямал вышеописанного антропологического типа продолжает существовать до XVI–XVII вв., а близость краниологических параметров индивидов из могильника Бухта Находка 2 и северных самодийцев дает основание говорить об участии древнего населения Ямала в формировании антропологического облика как минимум некоторых групп современных ненцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аксенова Г.А. Одонтология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. С. 292–344.
 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964. 127 с.
 Багашев А.Н., Слепченко С.М. Материалы по краниологии тазовских ненцев // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 6–10.
 Багашев А.Н. Межгрупповая изменчивость краниологических особенностей северных самодийцев и кетов // Вестник ТГУ. 2016. № 4 (42). С. 86–93.
 Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 406 с.
 Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.

- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек) // Труды ИЭ. Нов. сер. М.: Наука, 1955. Т. 28. 586 с.
- Гохман И.И.* Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. № 8. С. 88–98.
- Грамоты* Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. 407 с.
- Дебеч Г.Ф.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Зубов А.А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А.А.* Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с.
- Зубова А.В.* Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4 (26). С. 107–127.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековые и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Кардаш О.В.* Городок сихиртя в Бухте Находка: (Первые результаты исследований). Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во: АМБ, 2011. 60 с.
- Кардаш О.В.* Отчет об археологических раскопках выявленного объекта археологического наследия «могильник Бухта Находка 2» в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году. Нефтеюганск, 2017. 157 с.
- Кардаш О.В., Липс С.А., Сидорова М.О., Мыглан В.С.* Надымский городок: Новые данные о хронологии и русском освоении Севера Западной Сибири в XIII–XIV веках // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 окт. 2018 г.): В 2 ч. / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издат. группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I. С. 346–381.
- Кардаш О.В., Усолкина М.А.* Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: В 2 ч. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 335–347.
- Лашук Л.П.* «Сиртя» — древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 178–193.
- Лебединская Г.В.* Соотношение между верхним отделом лица и лицевого черепа // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973. С. 38–56.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу. М.: Наука, 1998. 124 с.
- Народы Западной Сибири:* Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова; ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; ИАЭТ СО РАН. М.: Наука, 2005. 805 с.
- Нестеров Е.М.* НТО: Радиоуглеродный анализ органических образцов из могильника «Бухта Находка 2». СПб., 2017. 25 с.
- Никитин С.А.* Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137–167.
- Полное собрание русских летописей*, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией / Отв. ред. А.Ф. Бычков. СПб.: Тип. Эдуарда Параца, 1862. Т. 9. 256 с.
- Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Алексеева Е.А.* Краниология, одонтология и реконструкция внешнего облика северных селькупов по материалам могильника Кикки-Акки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 93–104.
- Пошехонова О.Е.* Новые данные по краниологии верхнетазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 109–118.
- Усолкина М.А.* Отчет о НИР: Проведение археологических разведочных работ на побережье бухты Находка. Нефтеюганск, 2012. 160 с.
- Филиппов В.К.* Определение центра радужной оболочки глаза при графической реконструкции лица по черепу // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 2. С. 106–107.
- Чернецов В.Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4–5. С. 109–133.
- Bagashev A.N., Slepchenko S.M., Kardash O.V.* Materials for Craniology of the Northern Samodians. *Annals of Volgograd State University*. 2018. Vol. 23. № 4. P. 6–14.
- Buikstra J., Ubelaker D.H.* Standards for data collection from human skeletal remains // *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series, 1994. No. 44. 206 p.
- Guyomarc'h P., Stephan C.N.* The Validity of Ear Prediction Guidelines Used in Facial Approximation // *Journal Forensic Sci.* 2012. Vol. 57. No. 6. P. 1427–1441.
- Lovejoy C.O.* Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 1985. No. 68. P. 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O.* Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 1985. No. 68. P. 57–66.

Палеоантропологические материалы могильника Бухта Находка 2 на полуострове Ямал

Sidorova Maya O., Büntgen Ulf, Omurova Gulzar T., Kardash Oleg V., Myglan Vladimir S. First dendro-archaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia // *Dendrochronologia*. 2017. Vol. 44. P. 146–152.

Stephan C.N., B.H. Sc (Hons.) Facial Approximation: Globe Projection Guideline Falsified by Exophthalmometry Literature // *Journal Forensic Sci.* 2002. Vol. 47. No. 4. P. 1341–1346.

Stephan C.N. Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 2003. No. 121. P. 48–57.

Stephan C.N., Henneberg M., Sampson W. Predicting nose projection and pronasale position in facial approximation: A test of published methods and proposal of new guidelines // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 2003. P. 240–250.

Stephan C.N., Davidson, Paavi L. The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification // *Journal Forensic Sci.* 2008. Vol. 53. No. 3. P. 612–619.

A.N. Bagashev*, S.M. Slepchenko*, **, O.V. Kardash, E.A. Alekseeva*,
A.V. Sleptsova***

*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

**Surgut State University

Lenina st., 1, Surgut, 628412, Russian Federation

E-mail: bagashev@mail.ru; s_slepchenko@list.ru; kov_ugansk@mail.ru;
alekseeva.elena.ae@gmail.com; sleptsova_1993@mail.ru

A COMPREHENSIVE STUDY OF THE BUKHTA NAKHODKA 2 BURIAL (YAMAL-NENETS AUTONOMOUS AREA, YAMAL PENINSULA)

This article presents results of a comprehensive study of paleoanthropological materials from the Buchta Nakhodka 2 burial on the Yamal peninsula (Yamalsky district, Yamal-Nenets Autonomous Area, Tyumen region, Russia). Morphological features of the skulls indicate their belonging to the Eastern-Mongoloid anthropological formation. However, in terms of the nasal bridge structure, they also belong to the Western Caucasoid population. The results of a study using the methods of multivariate statistics show that, despite a high individual variability characteristic of the modern species of *Homo sapiens*, the range of variability observed in the materials from the Buchta Nakhodka and Yumadoto burial grounds is within the scope of the intergroup variability typical of the North Samoyedic peoples. On this basis, a more representative sample of this ethnic group has been formed, which is taxonomically included in the Yamalo-Enisey group of populations of the West-Siberian anthropological formation. An interesting feature of the studied materials consists in the archaic structure of the lower premolars and the vestibular protuberance of the medial incisors, which are markers of an archaic character. Appearance of the population having lived in Yamal at that time is clearly shown via the facial reconstruction based on crania.

Key words: West Siberia, the Yamal peninsula, paleoanthropology, craniology, odontology, anthropological facial reconstruction, facial approximation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-104-116

REFERENCES

Aksyanova G.A. (2003). Dental anthropology. *Etnografiya i antropologiya Yamala* (pp. 292–344), Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methodology of Anthropological Research*, Moscow: Nauka. (Rus.).

Bagashev A.N. (2016). Intergroup variability of craniological features of northern Samoyedians and Kets. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*, (4), 86–93. (Rus.).

Bagashev A.N. (2017). *Anthropology of Western Siberia*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Bagashev A.N., Slepchenko S.M. (2015). Craniological materials of the Taz Nenets. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferentsii*, (3), Tyumen, 6–10. (Rus.).

Bagashev A.N., Slepchenko S.M., Kardash O.V. (2018). Materials for Craniology of the Northern Samodians. *Annals of Volgograd State University*, (4), 6–14.

Buikstra J., Ubelaker D.H. (1994). Standards for data collection from human skeletal remains. *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, (44), Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series. (Rus.).

Chernetsov V.N. (1935). Ancient seaside culture on the Yamal Peninsula. *Sovetskaia etnografiya*, (4–5), 109–133. (Rus.).

Debets G.F. (1968). An effort of craniometric determination of proportion of the Mongoloid component in the mixed population groups of the USSR. *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii*, (13–22), Moscow: Nauka. 13–22. (Rus.).

Filippov V.K. (2015). Determination of the iris center during graphic facial reconstruction on the skull. *Sudebnaia meditsina*, 1(2), 106–107. (Rus.).

- Gemuev I.N., Molodin V.I., Sokolova Z.P. (Eds.) (2005). *Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkupy. Nenets. Entsyt Nganasans. Kets*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gerasimov M.M. (1949). *Basics of facial reconstruction on the skull*, Moscow: Sovetskaia nauka. (Rus.).
- Gerasimov M.M. (1955). Reconstruction of the face on the skull: (Modern and Fossil Man). *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*, 28, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gokhman I.I. (1961). Angle of transverse bending of the forehead and its value for racial diagnosis. *Voprosy antropologii*, (8), 88–98. (Rus.).
- Guyomarc'h P., Stephan C.N. (2012). The Validity of Ear Prediction Guidelines Used in Facial Approximation. *Journal of Forensic Sciences*, (57), 1427–1441.
- Kardash O.V. (2011). *Sikhirta town in Nakhodka Bay: (First research results)*, Yekaterinburg; Nefteyugansk. (Rus.).
- Kardash O.V., Lips S.A., Sidorova M.O., Myglan V.S. (2018). Nadym town: New data on chronology and Russian development of the North of Western Siberia in the XIII–XIV centuries. *Arkheologiya Severa Rossii: Iugra — volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Surgut, 1–5 oktiabria 2018 goda)*, 2 (pp. 346–381), Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: Institut arkheologii Severa. (Rus.).
- Kardash O.V., Usolkina M.A. (2009). Barter trade of residents of the Yamal Peninsula in the XIII–XIV centuries (based on studies of the ancient settlement of Buchta Nakhodka, 2006–2008). *Novgorodskaya Zemlia — Ural — Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i dukhovnom nasledii*, 2 (pp. 335–347), Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (Rus.).
- Lashuk L.P. (1968). «Sirta» — the ancient inhabitants of the Subarctic. *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii* (pp. 178–193), Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lebedinskaia G.V. (1973). Ratio between the upper face and facial skull. *Antropologicheskaya rekonstruktsiya i problemy paleoetnografii* (pp. 38–56), Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lebedinskaia G.V. (1998). *Facial reconstruction on the skull*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lovejoy C.O. (1985). Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology*, (68), 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. (1985). Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, (68), 57–66.
- Nesterov E.M. (2017). *NTO: Radiocarbon analysis of organic samples from the Nakhodka 2 burial ground*, St. Petersburg. (Rus.).
- Nikitin S.A. (2009). Plastic reconstruction of the portrait on the skull. *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremlia*, 1, Moscow. (Rus.).
- Poshekhonova O.E. (2018). New data on craniology of the Upper Taz Selkup. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 109–118. (Rus.).
- Poshekhonova O.E., Zubova A.V., Alekseeva E.A. (2015). Craniology, odontology and reconstruction of the external appearance of the northern Selkups based on materials from the Kikki-Akki burial ground. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 93–104. (Rus.).
- Sidorova Maya O., Buntgen Ulf, Omurova Gulzar T., Kardash Oleg V., Myglan Vladimir S. (2017). First dendro-archaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia. *Dendrochronologia*, (4), 146–152.
- Stephan C.N. (2002). Facial Approximation: Globe Projection Guideline Falsified by Exophthalmometry Literature. *Journal of Forensic Sciences*, 47(4), 1341–1346.
- Stephan C.N. (2003). Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination. *Amer. Journal of Physical Anthropology*, (121), 48–57.
- Stephan C.N., Davidson P.L. (2008). The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification. *Journal of Forensic Sciences*, 53(3), 612–619.
- Stephan C.N., Henneberg M., Sampson W. (2003). Predicting nose projection and pronasale position in facial approximation: A test of published methods and proposal of new guidelines. *American Journal of Physical Anthropology*, (122), 240–250.
- Zubov A.A. (1968). *Odontology: Methodology of anthropological research*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubov A.A. (2006). *A study guide on anthropological analysis of odontological materials*, Moscow: Etno-Onlain. (Rus.).
- Zubova A.V. (2013). Preliminary results of studying the archaic component of odontological complexes of the population of Eurasia in the Neolithic period. *Vestnik antropologii*, (4), 107–127. (Rus.).
- Zykov A. P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the Archeology of Surgut Pribye: The Middle Ages and the New Time*, Yekaterinburg. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 11.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

ЭТНОЛОГИЯ

А.А. Богордаева

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: bogordaeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЙ УМЕРШИХ У СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ И МАНСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

С целью определения особенностей и динамики анализируются одежда изображений умерших, описания которой сделаны в ходе экспедиций, а также получены из этнографической литературы. Приводятся сведения о способах изготовления и хранения изображений, рассматриваются типы и виды их одежды и украшений. Отмечено, что в рассматриваемый период одежда изображений умерших представлена двумя комплексами — мужским и женским. Мужской комплекс состоит из миниатюрной плечевой одежды, соответствующей видам и типам традиционной мужской одежды северных хантов и манси: малица с наверхуницей, рубаха, пояс. Женский костюм кукол умерших северных хантов и манси состоит из шубы, сшитой, как правило, из оленьего меха, а также из рубах и рубах-платьев. Прослежена динамика, выраженная в исчезновении из состава облачения изображений умерших одних традиционных видов одежды и появлении других, более современных.

Ключевые слова: похоронная обрядность, культ предков, кукла, иттерма, традиционная одежда, северные ханты, северные манси, малица, совик, ложные косы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-117-131

Работа выполнена по госзаданию: проект № АААА-А17-11705400150-2.

У северных хантов и манси к числу устойчивых традиций, сохранившихся до настоящего времени, относится изготовление после смерти человека антропоморфного изображения — куклы умершего, вместилища одной из его душ. Этот обычай, будучи частью культа предков и похоронной обрядности, выполняет целый ряд функций, в том числе — психологическую, направленную на переживание горя и восстановление стабильности в семье и обществе после утраты одного из членов. Очевидно, что психологический аспект важен при изготовлении такого изображения, главным опознавательным признаком которого, связывающим куклу с умершим, служит одежда, специально сшитая в соответствии с имевшейся у покойного. Определение ее специфики является важным этапом при изучении генезиса не только кукол умерших, но и изображений духов-покровителей хантов и манси.

Цель данного исследования — выявление особенности одежды изображений умерших у северных хантов и манси во второй половине XX — начале XXI в. Для этого на основе типологического метода будут проанализированы одежда, описания которой сделаны в ходе полевых исследований, а также данные этнографической литературы рассматриваемого периода. Сравнительный анализ этих материалов позволит определить динамику изменений на этот период, выявить устойчивые и переменные признаки одежды. Полученные результаты дадут возможность в дальнейшем изучить одежду кукол умерших более ранних эпох, сведения о которой не так многочисленны и представлены меньшим количеством источников. Следует также отметить, что будут проанализированы изображения умерших, хранящиеся в домашних святилищах. Изображения, находящиеся в так называемых *ура*, здесь не рассматриваются, поскольку представляют собой отдельную тему.

Обширный фактический и описательный материал, отражающий специфику изготовления и хранения изображений умерших у северных хантов и манси, был собран отечественными этнографами во второй половине XX в. В это время были намечены основные направления изучения этого феномена культуры, рассмотрим их в хронологическом порядке.

К числу первых работ, в которых достаточно подробно рассматриваются традиции изготовления, хранения и почитания кукол умерших у хантов и манси, относится статья известного советского угроведа В.Н. Чернецова, посвященная представлениям о душе у обских угров [1959].

Исследуя их верования о человеческих душах и их посмертных воплощениях, ученый считает, что четвертая, реинкарнирующаяся душа, местом обитания которой являются голова и волосы, возрождается в новорожденном ребенке [Там же, с. 137]. А сразу после смерти местом ее обитания становится могила или специально сделанная кукла умершего, замещающая его тело, которую по прошествии времени сжигали, закапывали, переносили на чердак, в амбарчик и пр. [Там же, с. 148–152]. Анализируя многочисленные наименования этих кукол, В.Н. Чернецов приходит к выводу, что наиболее распространенное название *soŋət* (хант., манс.) — ‘покойник’, ‘умерший’, ‘изображение умершего’, ‘череп’ указывает на место обитания четвертой души (голова, волосы, череп) и объясняет применение волос для их изготовления [Там же, с. 152, 155]. А появление таких изображений он связывает с необходимостью замещения тела умершего в жилище и перенесением на его изображение всех необходимых для этого обрядов [Там же, с. 155]. В статье приводятся фотографии таких кукол, некоторые из них — в одежде, описание которой, к сожалению, отсутствует.

Одним из направлений изучения изображений умерших стало исследование их фигурок. Его провел С.В. Иванов в рамках анализа скульптуры народов Сибири [1970]. В своей работе он основывается на сведениях этнографической литературы и предметах из музейных коллекций. С.В. Иванов дифференцирует скульптурные изображения хантов и манси по материалу, а по способу изготовления выделяет три типа деревянной скульптуры [Там же, с. 61]. В состав деревянной скульптуры он включает «изображения умерших людей» и не только дает описания разных их видов и техники изготовления, но также приводит сведения о способах их хранения, ухода за ними, о кормлении, об облачении, о наследовании, наименованиях у разных групп хантов и манси [Там же, с. 35–40]. В заключение он отмечает, что изображения умерших, а также предков, покровителей, различных духов и пр. образуют «исторически более раннюю группу скульптуры» [Там же, с. 282]. Кроме того, по его мнению, «оголенность многих деревянных антропоморфных изображений у обских угров и у некоторых других народов... видимо, позднее явление» [Там же, с. 283]. В своем обширном труде помимо скульптуры обских угров С.В. Иванов рассматривает скульптурные изображения народов самодийской группы, а также эвенков и долган. Анализ материала, техники и особенностей исполнения изображений, а также ареалы их распространения позволили ему выделить пять основных типов изображений: северосибирский, западно-арктический, два уральских и западно-сибирский [Там же, с. 284]. Четыре из них (все кроме второго уральского, который распространен у ненцев и приенисейских эвенков) встречаются у хантов и манси.

Внушительный труд С.В. Иванова, входящий в свод классических работ отечественной этнографии, свидетельствует об огромной работе исследователя, отражает объем накопленной информации и состав музейных коллекций, имеющих в его распоряжении. Из-за недостатка источников по скульптурным изображениям умерших у хантов и манси, в том числе по названиям, они не рассмотрены детально. В дальнейшем источниковая база была значительно расширена и позволила уточнить многие сведения.

Впервые пристальное внимание на одежду кукол умерших обратила Н.Ф. Прыткова, которая предложила рассматривать ее вместе с облачением изображений духов-покровителей как источник по традиционной одежде народов Сибири [1971]. В статье, посвященной этому вопросу, исследователь приводит собранные ею из немногочисленных источников сведения о куклах умерших — *шонгыт*, *итырма*, *нытырма* (сев. ханты), дает описания некоторых из них, хранящихся в музее [Там же, 1971, с. 106–107]. Однако имеющиеся в ее распоряжении материалы не позволили в полной мере изучить одежду кукол умерших и изображений духов-покровителей.

Значимый вклад в работу по сбору и анализу сведений об изображениях умерших внесла российский угровед, исследователь культуры народов Сибири З.П. Соколова. Ей принадлежит ряд статей по этой теме, в одних излагается собранная в полевых условиях информация, в других анализируются различного рода источники. Так, в одной из наиболее ранних статей приводятся конкретные сведения об изображениях умерших у северных групп хантов и манси, полученные в ходе этнографических экспедиций [Соколова, 1971]. Рассказывается о сроках и месте их хранения, кормлении, упоминается об особенностях их изготовления и облачения, приводятся их названия у разных территориальных групп [Там же, с. 213, 231, 237].

Более подробно куклы умерших были рассмотрены З.П. Соколовой в посвященной им статье, которая впервые была опубликована на немецком языке в 1984 г. [Sokolova, 1984], а позднее была дополнена, расширена и переиздана в отечественном научном сборнике [Соколова,

1995]. В работе описываются приемы изготовления этих изображений, места и способы их хранения, приводятся их названия у различных групп, даются описания конкретных экземпляров по полевым материалам и из коллекций российских и зарубежных музеев. В заключение на основе анализа этого обширного круга источников автор дает типологию кукол умерших по форме и способу изготовления [Там же, с. 157–158]. Позднее З.П. Соколовой была написана статья «Иттерма» для словаря «Мифология манси», где в сжатом виде изложены основные материалы и выводы по куклам умерших, бытовавшим у манси [Мифология..., 2001, с. 59–60].

Большой объем фактических и описательных данных по *иттерма* северных манси представлен в монографии сибирского этнографа И.Н. Гемуева, посвященной культовой атрибутике их жилища [1990]. Рассматривая традицию изготовления кукол умерших как составную часть культа предков, И.Н. Гемуев видит ее мансийскую специфику в представлениях о необходимости и обязательности создания изображения умершего как временного вместилища души для дальнейшего ее возрождения в новорожденном [Там же, с. 207]. В работе содержатся сведения о местах и сроках хранения изображений, времени и способах их изготовления, одежде и других связанных с ними атрибутах. Однако зачастую в описаниях возникает путаница с терминологией одежды и определением половой принадлежности *иттерма*. В то же время размещенные в тексте рисунки позволяют подробно рассмотреть их облачение. Представленные в монографии И.Н. Гемуева изображения умерших большей частью были найдены в селениях, расположенных на р. Ляпин. Этот факт был отмечен в изданной позднее совместно с А.В. Бауло монографии, посвященной описанию святилищ манси верховьев Северной Сосьвы, где было зафиксировано лишь одно такое изображение [Гемуев, Бауло, 1999, с. 180].

Исследователь мансийского языка и фольклора Е.И. Ромбандеева связывает куклы умерших с культом предков, излагая при этом свою точку зрения и на происхождение термина «иттерма» [1993, с. 65, 109–110]. По ее мнению, именно на основе этих кукол создавались изображения духов-покровителей, предков-богатырей — *най-отыр'ов* [Там же, с. 65].

О хантыйской традиции изготовления кукол умерших рассказывается в статье «Иттэрма», подготовленной В.М. Кулемзиным для III тома «Мифология хантов» Энциклопедии уральских мифологий [2000, с. 131–132]. В ней на основе обобщения дается краткая характеристика представлений хантов об изображениях умерших, отмечается вариативность этого обычая, а также его противоречивость по отношению к традиционному мировоззрению хантов. Здесь же приводится описание наиболее распространенного способа изготовления куклы, обрядов ее сжигания и захоронения.

Вариативность обычаев северных манси, связанных с изображениями умерших, отмечается в монографии С.А. Поповой, посвященной обрядам перехода [2003, с. 77–78]. Лишь мельком касаясь традиции изготовления куклы умершего, она подробно описывает ритуал сжигания волос, который является составной частью погребальной обрядности.

В рамках изучения обрядов жизненного цикла сынских хантов рассматривает изображения умерших Н.М. Талигина [2005]. В ее монографии имеются сведения о способе изготовления изображения, его одежде, хранении, а также подробно рассказывается о процессе его перенесения к домашним духам-покровителям [Там же, с. 134–149].

В начале XXI в. научный интерес к традиции изготовления кукол умерших у хантов и манси обрел новый вектор, направленный на их детальное изучение на основе музейных коллекций. Так, описания одежды изображений умерших обских угров из музейной коллекции приводит в своей статье Е.Г. Федорова [2010]. Подчеркивая обязательность и значимость одежды у кукол умерших, она отмечает присутствие в их одежде признаков более древних вариантов кроя, сочетание различной степени обработки краев одежды, красный и светлые цвета одежды, отсутствие и наличие разрезов под мышками [Там же, с. 194, 200–201].

Статья Н.В. Золотаревой также базируется на описании музейных коллекций кукол умерших [2011]. В заключение автор подчеркивает значимость и обязательность одежды для изображений умерших, отмечая что, в рамках мифологического сознания одежда семантически эквивалентна таким понятиям как кожа, шкура [Там же, с. 65].

Краткие сведения о современных куклах умерших приводятся в изданных А.В. Бауло этнографических альбомах по священным местам северных манси и хантов [2013, 2016]. В богато иллюстрированных изданиях, содержащих фотографии, сделанные на святилищах в начале XXI в., есть в том числе страницы, посвященные культу предков и изображениям умерших. Здесь же приводятся краткие сведения о способах их изготовления, хранения, кормления и пр. [Бауло, 2013, с. 121–125; 2016, с. 190–198].

В целом сведения этнографической литературы второй половины XX — начала XXI в. об изображениях умерших у северных групп хантов и манси разнообразны, а в некоторых аспектах противоречивы. В то же время исследователями этого периода собран большой фактический материал, содержащий информацию о существовавших и существующих названиях таких кукол, способах их изготовления, внешнем виде, об одежде и о внутренней фигуре, о местах хранения, кормлении, сроках хранения и/или возрождении души. Имеющуюся информацию можно систематизировать по основным признакам, характеризующим изображения умерших как явление традиционной культуры.

Название. Практически все исследователи отмечают разнообразие терминов, используемых для обозначения изображений умерших. По мнению В.Н. Чернецова, это объясняется тем, что во многих местах то или иное название является запретным для мужчин, и в таком случае применяются какие-либо условные и описательные названия [1959, с. 152].

В современной этнографической литературе за куклами умерших закрепилось название — *иттерма* [ittərma], *иттырма*, *itərma* (сев.манс.), *иттэрма* [ittərma] (хант.) [Мифология..., 2001, с. 59; Мифология..., 2000, с. 131; Попова, 2003, с. 77; Соколова, 1971, с. 231; Талигина, 2005, с. 135; Федорова, 2010, с. 193; Чернецов, 1959, с. 150]. Происхождение этого слова связывают с заимствованием из ненецкого языка [Соколова, 1995, с. 163; Чернецов, 1959, с. 152]. По мнению, Е.И. Ромбандеевой, *иттырма* происходит от *ит>э́т* 'ночь', *тырма>тõрма* 'небо', 'жизнь', 'Бог' [1993, с. 109].

Известны и другие названия: у хантов — *ura* 'образ', *soŋet*, *šoŋet*, *сонгыт*, *шонгот* 'умерший', *āgaŋ* 'кукла', у манси — *тохар*, *ākán* (манс.) [Мифология..., 2000, с. 131; Соколова, 1971, с. 213; 1995, с. 143; Талигина, 2005, с. 137; Чернецов, 1959, с. 150, 152]. С термином *šoŋet* 'умерший, изображение умершего, череп' В.Н. Чернецов связывает обряд сжигания волос, поскольку считает, что именно в волосах, на голове обитала четвертая, реинкарнирующаяся душа [1951, с. 152, 155–156].

Территория бытования. Исследования показывают, что ареал бытования кукол умерших достаточно широк. Однако есть районы, где эта традиция в определенный период не фиксировалась. Так, по мнению В.М. Кулемзина, обычай изготовления кукол умерших существует у северных хантов, а у восточных он отсутствует [Мифология..., 2000, с. 131]. В конце XX в. изображения умерших не были обнаружены на Северной Сосьве [Гемуев, Бауло, 1999, с. 180].

Функции. По представлениям хантов и манси, такая кукла является заместителем умершего,местилищем реинкарнирующейся души, которая может возродиться в новорожденном [Мифология..., 2001, с. 59; Мифология..., 2000, с. 131–132; Соколова, 1971, с. 213; 1995, с. 143–144].

Сроки изготовления и изготовители. Известно, что делают такую куклу через четыре дня после смерти женщины и через пять дней после смерти мужчины [Гемуев, 1990, с. 207; Мифология..., 2000, с. 131; Соколова, 1995, с. 144; Талигина, 2005, с. 135]. Изображение изготавливают близкие к умершему люди, не являющиеся прямыми родственниками [Гемуев, 1990, с. 37; Мифология..., 2001, с. 59]. По данным И.Н. Гемуева, куклу делала самая старшая женщина [1990, с. 207].

Материал и способы изготовления. Согласно типологии, предложенной З.П. Соколовой, внутренние фигурки *иттерма* могут состоять из одежды, ткани, древесины, или металла с различными вариациями [1995, с. 157–158]. Последние два типа — из дерева и металла — признаются ею наиболее ранними. Известно, что у северных манси куклу могли делать из щепы, отрубленной от угла дома, или из монеты, взятой из священного ящика [Гемуев, 1990, с. 207; Ромбандеева, 1993, с. 109]. И.Н. Гемуев подчеркивает, что сделанная из дерева фигура «непременно снабжалась (серебряной) монетой», а также — волосами покойного [1990, с. 208]. У хантов волосы умершего являлись составной частью основы куклы: пучок волос заворачивался и завязывался в лоскут новой ткани, поверх надевалась одежда [Мифология..., 2000, с. 131]. Сыновские ханты отливали фигурку из свинца, вырезав предварительно формочку из дерева [Талигина, 2005, с. 136]. Иногда внутренняя фигура отсутствует [Мифология..., 2001, с. 60; Соколова, 1995, с. 144].

Рассматривая одежду на изображениях умерших, З.П. Соколова предполагает, что она всегда была зимней и представляла полный комплект, а иногда — и несколько комплектов, которые накапливались за период их хранения в жилище и составлялись из даров, приносимых родственниками [Соколова, 1995, с. 160]. Кроме того, известно, что часто изображение умершего составляет одежда, сшитая по образцу той, которую носил или в которой умер покойный [Ромбандеева, 1993, с. 67; Соколова, 1971, с. 231]. Для куклы умершей женщины шьется жен-

ская одежда и делаются соответствующие украшения, для умершего мужчины — мужская [Гемуев, 1990, с. 38; Мифология..., 2000, с. 131; Талигина, 2005, с. 137]. По данным И.Н. Гемуева, меховую одежду для такой куклы шили не сразу: совик для мужского изображения шили на 50-й день, а шубу (сахи) для женского изображения — на 40-й день [1990, с. 208].

Место и сроки хранения. Куклу хранят в специальной берестяной или деревянной коробке, сундуке, иногда — в мешке или в узелке [Мифология..., 2001, с. 60; Мифология..., 2000, с. 131; Соколова, 1971, с. 213; Талигина, 2005, с. 137]. Местом хранения могут быть священная полка в жилище, чердак или любимое место покойного [Соколова, 1971, с. 231].

В жилище изображение умершего находится определенное время, по одним данным — 4 года женские и 5 лет — мужские куклы; по сакральному календарю — 2 и 2,5 года соответственно; столько времени, сколько лет жил человек [Мифология..., 2001, с. 60; Ромбандеева, 1993, с. 110]. В течение этого срока или уже после него душа умершего должна возродиться [Мифология..., 2001, с. 60].

Кормление и уход. Во время еды коробку с куклами ставят поближе к столу, а на ночь убирают на любимое место умершего [Мифология..., 2001, с. 60; Ромбандеева, 1993, с. 109]. Куклу угощают во время трапезы — ставят перед ней еду, питье [Мифология..., 2001, с. 60; Соколова, 1971, с. 231]. Кроме того, в коробку кладут папиросы, сигареты, спички [Мифология..., 2001, с. 60; Соколова, 1971, с. 231]. Шьют для нее новую одежду.

Окончание срока хранения и обряды, связанные с перемещением изображения умершего (перенос, захоронение или сжигания). Сроки хранения этих изображений были разными. По мнению В.М. Кулемзина, это было связано с неодинаковыми представлениями о судьбе умершего и продолжительности жизни в загробном мире [Мифология..., 2000, с. 132]. Известно, что у хантов они хранились сорок и пятьдесят дней или 4–5 лет [Мифология..., 2000, с. 132; Соколова, 1971, с. 231; Чернецов, 1959, с. 151].

Сведения о том, что происходило с куклами после окончания срока хранения, также разнообразны. Как правило, эти действия были обусловлены степенью почитания и уважения умершего. Так, известно, что куклу уважаемого родственника, шамана помещали в сундук к духам-покровителям [Мифология..., 2001, с. 60; Мифология..., 2000, с. 132]. Н.М. Талигина описывает обряд помещения *иттарма* к домашним духам-покровителям, бытовавший у сынских хантов, который проводился специально приглашенным шаманом и сопровождался принесением в жертву оленя [2005, с. 147–148].

По данным В.Н. Чернецова, у сосьвинских манси кукла хранилась в доме и наследовалась по женской линии, а после смерти последней представительницы семьи накопившиеся изображения хоронили вместе с ней; в то же время у хантов, проживающих по берегам Оби ниже Иртыша, они наследовались по мужской линии [1951, с. 151].

Известно также, что кукол молодых женщин, девушек, детей хоронили в могиле или в лесу [Мифология..., 2001, с. 60]. У хантов куклу хоронили там же, где и умершего, у отдельных групп — сжигали через четыре-пять лунных циклов в местах, где висели берестяные туеса с последом и пуповинами новорожденных [Мифология..., 2000, с. 131–132; Чернецов, 1951, с. 151]. По данным З.П. Соколовой, кукол зарывали в землю, бросали в надмогильное сооружение, выбрасывали в лесу, вешали на дерево в лесу [1971, с. 231; 1995, с. 160].

Таким образом, как можно заметить, в нашем распоряжении имеется значительный фактический материал, свидетельствующий о вариативности традиции изготовления и хранения изображения умершего у хантов и манси. Однако, несмотря на то что эта традиция уже давно находится под пристальным вниманием исследователей, вопросов, связанных с ее происхождением и бытованием, не становится меньше. Данная работа направлена на изучение лишь одного аспекта — одежды изображений умерших, что позволит не только систематизировать имеющиеся сведения в рамках определенного периода, но и продолжит ранее начатые исследования.

Исследование базируется на полевых материалах, собранных в ходе экспедиционных работ, проведенных в 2005–2010 гг. на территории Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа (бассейн р. Ляпин) и Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа (бассейн рр. Малая Обь, Сыня). Изображения умерших северных групп хантов и манси здесь рассматриваются совместно, так как они имеют не только сходное наименование — *иттерма*, *иттарма*, но также сходные во многом традиции изготовления, хранения и облачения.

Во время экспедиционных исследований подробно изучено восемь изображений умерших (табл. 1). В жилище они, как правило, располагаются на священной полке. Вместилищем для

иттерма служат деревянные ящички (рис. 1), берестяная круглая коробка с крышкой (рис. 2), мешки из ткани, узел из жертвенных платков (рис. 3), чемодан (рис. 4). По данным И.Н. Гемуева, у северных манси такие ящички называются: деревянный — *ив-томат*; берестяной — *сас-томат* [1990, с. 37, 93]. Известно также, что в рассматриваемый период *иттерма* хранились и на чердаке, и в сундуках, предназначенных для духов-покровителей [Бауло, 2013, с. 95; Гемуев, 1990, с. 43]. В целом описанные нами места хранения соотносятся со сведениями из этнографической литературы и являются традиционными для северных хантов и манси [Бауло, 2013, с. 101; 2016, с. 190, с. 194, рис. 278; Гемуев, 1990, с. 37, 52; Гемуев, Бауло, 1999, с. 35; Соколова, 1995, с. 146–147].

Таблица 1

Особенности изображений умерших у северных хантов и манси во второй половине XX — начале XXI в. (по материалам полевых исследований)

Table 1

Features of the image of the dead at Northern Khanty in the second half of the 20th — beginning of the 21st century (on materials of forwarding researches)

Название	Место бытования	Размеры, см	Верхняя одежда	Нижняя одежда	Украшения, дополнительные детали костюма	Материал, способы изготовления, размеры внутренней фигурки	Приклады
Иттерма	Шурышкарский р-н ЯНАО	22×16	Навершница	Навершница — 4 шт., малица — 1 шт.	Пояс, плетеный из крас. шерст. ниток, с тремя кольцами	?	?
»	То же	18×12	Малица с завершницей	Рубаха туник.	Метал. цепочка	Дерев. антропоморф. фигура (7,5×2 см) с монетой	Кусок оленьей шкуры, 2 пуговицы, пороховница, метал. крючок с полосками ткани, сломанный градусник, пригласит. билет
»	д. Машпан, Шурышкарский р-н ЯНАО	23×16	Шуба (сах) из оленьего меха	Рубаха — 4 шт.	Пояс, сплетенный из крас. шерст. ниток, с метал. кольцом	Антропоморфная фигура, отлита из свинца, имеет голову с лицом, туловище с руками, 2 монеты.	Шуба (сахи)
»	д. Ямгорт, Шурышкарский район ЯНАО	~ 20×14	Малица с завершницей	Рубахи — не менее 2 шт.?	Пояс, сплетенный из оранж. шерст. ниток, низки бисера и стекляруса	?	Платки, лоскуты ткани (арсыны) с монетами
»	То же	~ 25×14	Шуба (сах) из оленьего меха	?	Пояс, сплетенный из крас. шерст. ниток, метал. цепочка, низки бисера и стекляруса	?	Платки, лоскуты ткани (арсыны) с монетами
»	д. Хурумпауль, Березовский р-н ХМАО	23×17	Малица с завершницей	Рубаха — 5 шт.	Платки — 3 шт.	Неоформленный кусок дерева с монетой	Рубахи — 2 шт., арсын с монетами, метал. пуговица, 3 метал. кольца
»	д. Ясунт, Березовский р-н ХМАО	35×17	Малица с завершницей	Рубаха — 6 шт.	—	Монета, завязанная в лоскут х/б ткани красного цвета	Монеты, арсыны, платки, нож, халат туникообр.
»	То же	25×20	Шуба (сахи) из оленьего меха	Рубаха-платье, рубаха	—	Антропоморфная фигурка из дерева с головой, лицом, верхней и нижней частью туловища, в верхней части туловища — монета, вставленная в углубление.	—

Вместе с изображениями умерших находятся предметы, которые, очевидно, были дороги тем, кому посвящены изображения (табл. 1). Рядом были обнаружены сломанный градусник, складной нож, пороховница, различные документы и пр. Среди даров чаще всего встречаются платки и лоскуты ткани с завязанными в уголок монетами, сигареты и папиросы, спички, миниатюрные модели одежды — шуба, рубахи, халат, металлические пуговицы и кольца, шкурки белки, куски оленьей шкуры. По данным этнографической литературы, в ящиках женских изображений встречались также нитки, иголки, пуговицы, колокольчики, монеты, табакерки, серьги, коробочки с лоскутками [Гемуев, 1990, с. 63; Соколова, 1995, с. 146–147]; в прикладах мужских изображений кроме одежды — рубах, малиц, суконных и меховых совиков — однажды были обнаружены деревянная игла и шаблон для плетения сетей [Соколова, 1995, с. 146–147]. По данным З.П. Соколовой, в качестве подарков изображениям умерших также «клали принадлежавшие им при жизни орудия труда, табакерки, курительные трубки, посуду с продуктами и пр.» [1995, с. 160].

Рис. 1. Мужское изображение умершего в ящичке. Северные манси, д. Хурумпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа, 2010 г. Фото автора.

Fig. 1. Image of a dead man in the wooden box. Northern Mansi, the village of Khurumpaul, Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, 2010. Photo by the author.

Рис. 2. Женское изображение умершей в берестяной коробке. Северные ханты, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2008 г. Фото автора

Fig. 2. Image of a dead woman in the bark box. Northern Khanty, Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, 2008. Photo by the author.

В полевых материалах одежда изображений умерших представлена традиционными видами, дифференцируется по половым признакам, а также делится на верхнюю и нижнюю (табл. 1). Верхнюю одежду мужских *иттерма* составляют малицы с наверхницами, нижнюю — рубахи (табл. 2).

У всех пяти описанных мужских *иттерма* в качестве верхней одежды фиксируются малицы (табл. 1). Они имеют традиционный для северных хантов и манси глухой покррой, сшиты вручную сухожильными нитками из оленьей шкуры: стан и рукава — ворсом внутрь, капюшон — наружу (табл. 2). Края подола и рукавов обшиты полосами сукна. Этот вид одежды, по данным этнографической литературы, в целом был характерен для мужских изображений северных групп хантов и манси [Бауло, 2013, с. 124–125; 2016, с. 192–193, рис. 277, б–з; Гемуев, 1990, с. 44–45, 61, 96–97, 100; Гемуев, Бауло, 1999, с. 35; Соколова, 1995, с. 145–146].

Рис. 3. Мужское и женское изображения умерших. Северные ханты, д. Ямгорт Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа, 2007 г. Фото автора.

Fig. 3. Images of dead men and women. Northern Khanty, the village of Yamgort Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, 2007. Photo by the author.

Таблица 2

Особенности одежды мужских изображений умерших у северных хантов и манси во второй половине XX — начала XXI в. (по материалам полевых исследований)

Table 2

Features of clothes of men's images of the dead at northern Khanty and Mansi in the second half of XX — the beginning of the 21st century (on materials of forwarding researches)

Основные характеристики	Малица	Наверхница	Рубаха	Пояс	Украшения
Размеры, см	22×16;?; 14×16; 19×15; ~ 20×14	?; 18×12; 21×22; 19×15; ~ 20×14	12×8; 16×16; 16×16,5; 19×16; 16,5×15; 19×20; 27×27; 22×29; 15×20; 21,5×22; 21×25	?	?
Материал	Олений мех, сухож. нити, сукно	Х/б ткань, х/б нити, сухож. нити	Х/б ткань, х/б нити, сухож. нити (1), пластм. пуговица (2)	Шерст. нити крас., оранжев. цв.	Бисер, стеклярус, бусы, нитки
Способы изготовления	Сшита вручную	Сшита вручную	Сшита вручную (6); сшита на машинке (5)	Ручное плетение	Ручной, низание
Особенности кроя	С капюшоном	Туникообраз. покррой (2), цельнокроен. рукава (1); воротник стойка (1); подмышки не зашиты (1)	Туникообразный покррой с цельнокроеными рукавами (9); с плечевыми и боковыми швами (3); закругленная пройма (3); воротник-стойка (8), воротник прямоуго. отложной (3), планка нагрудного разреза (8), манжеты (7), подмышки не зашиты (2)	—	В одну нить
Украшения	Полосы сукна, нашитые на подол (2)	—	—	Метал. кольца; метал. цепочка	—

Рис. 4. Чемоданчик с *иттерма*. Северные манси, д. Хурумпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа, 2009 г. Фото автора.

Fig. 4. Suitcase with a picture of a dead man. North Mansi, the village of Khurumpaul, Bereзовsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, 2009. Photo by the author.

Сверху малицы закрывают защитные рубахи — наверхники (маличные рубахи, сорочки), сшитые вручную из различных плотных хлопчатобумажных тканей (рис. 1, 3). По полевым материалам, наверхники были у всех малиц *иттерма*. В одном случае поверх малицы было надето сразу пять таких рубашек (табл. 1). Они имеют традиционный глухой, чаще всего туникообразный покрой, длинные, широкие, иногда — цельнокроенные рукава (табл. 2). Судя по данным этнографической литературы, маличные рубахи в большей степени характерны для облачения мужских изображений умерших северных хантов. Здесь зафиксированы также наверхники, украшенные обшивкой контрастной (красной) тканью по краям подола и ворота [Бауло, 2016, с. 192, рис. 277, в, г; Соколова, 1995, с. 145–146].

Известно, что еще одной верхней одеждой, надеваемой поверх малицы мужских *иттерма*, был совик (гусь, кумыш) — одежда глухого покроя с капюшоном, сшитая из шкуры оленя ворсом наружу. Судя по описаниям, она часто встречалась в составе одежды мужских изображений северных манси во второй половине XX в. [Гемуев, 1990, с. 54–55, 56, 61, 80, 96, 100]. У северных хантов, кроме того, зафиксировано использование в качестве одежды мужских изображений умерших суконных совиков, которые представляли собой вотивные образцы традиционной суконной одежды глухого покроя с капюшоном [Соколова, 1995, с. 146–147].

Из пяти мужских *иттерма*, описанных в ходе экспедиций, четыре имеют нижнюю одежду в виде рубах (около 14 шт.). По количеству в составе облачения рубахи распределяются неравномерно. Так, у одного изображения — одна рубаха, у другого — около двух, у третьего и четвертого — 5 и 6 рубах соответственно. В большинстве своем они имеют традиционный глухой туникообразный крой и цельнокроенные рукава с манжетами, воротник-стойку, нагрудный разрез с планкой по середине переда (рис. 5).

В этнографической литературе такие рубахи иногда называются платьями, что, вероятно, связано с их кроем, который в некоторых случаях сходен с кроем традиционных женских платьев [Гемуев, 1990, с. 44–45, 65–66]. Так, И.Н. Гемуев приводит описание мужских *иттерма*, одетых в малицы и совики — традиционные для северных манси виды мужской одежды, и платья, которые, судя по приведенным рисункам, представляют собой туникообразные рубахи с цельнокроеными рукавами [Там же, с. 44, рис. 24]. В целом в рассматриваемый период рубахи являются обязательной частью облачения мужских кукол, что подтверждается как полевыми материалами, так и другими источниками [Гемуев, 1990, с. 61, 80, 96, 100; Гемуев, Бауло, 1999, с. 35; Соколова, 1995, с. 145].

У двух мужских изображений имелся пояс, сплетенный из красных и оранжевых шерстяных ниток (рис. 3). К одному поясу привязаны металлические кольца. Как показывают другие источники, мягкие пояса были характерны для костюма *иттерма* северных хантов и манси. Как правило, они сделаны из полосок ткани, лент или плетеной из шерстяных ниток тесьмы, иногда — с прикрепленными кольцами, и повязаны поверх малиц и совиков [Бауло, 2016, с. 192–193; Гемуев, 1990, с. 61, 96; Соколова, 1995, с. 145].

Рис. 5. Изображение умершего в рубаше. Северные манси, Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа, 2007. Фото автора.

Fig. 5. The image of the died man in a shirt. North Mansi, Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, 2007. Photo by the author.

К числу редких деталей мужского костюма *иттерма* относятся съёмные украшения. Так, в ходе экспедиционных исследований такое украшение было зафиксировано лишь у одного изображения умершего северных хантов. Оно представляет собой шейно-нагрудное украшение в виде снизки бисера, стекляруса и бус (рис. 3). Единичные описания таких украшений встречаются в этнографической литературе. Так, бисерное ожерелье с двумя кольцами было пришито к меховому совику *иттерма* северных манси [Гемуев, 1990, с. 54–55]. В целом съёмные украшения не характерны для традиционного мужского костюма северных групп хантов и манси.

Среди изученных в ходе полевых исследований мужских *иттерма* не встречено ни одного изображения с косами. Между тем описание такой причёски одного из мужских изображений приводится И.Н. Гемуевым [1990, с. 44]. Судя по описанию, две косы, скрученные из шерстяных ниток лилового цвета, прикреплены к свернутому конусом лоскуту черной байки, поверх надеты два «платья» и малица. Очевидно, что под названием «платья» понимаются рубахи, которые, как видно по размещённому в тексте рисунку, сшиты в традиционной технике [Гемуев, 1990, с. 45, рис. 24]. Они имеют туникообразный крой с цельнокроеными рукавами и воротником-стойкой. У одной края подола и нагрудного разреза обшиты полосой синего сукна, а края рукавов — красным сукном. Таким образом, обе рубахи своим кроем и украшениями соответствуют вышеописанным рубахам мужских *иттерма*. Рубахи и надетая поверх малица свидетельствуют, что это мужское изображение умершего, который при жизни носил косы. Косы являлись традиционной мужской причёской у северных групп хантов и манси, которая была распространена ещё в начале XX в.

В целом костюм мужских *иттерма* северных хантов и манси в рассматриваемый период достаточно единообразен. Он включает верхнюю одежду — меховые совик (гусь, кумыш) и малицу, наверхницу и совик из ткани — у северных хантов и нижнюю одежду — рубахи, сшитые в

Особенности изображений умерших у северных хантов и манси во второй половине XX — начале XXI в.

основном из хлопчатобумажных тканей. Верхняя одежда иногда подпоясывается поясом, сплетенным из шерстяных нитей, сделанным из тесьмы, ленты и полосы ткани, часто — с прикрепленным к нему кольцом. Такой набор одежды для изображений умерших соотносится с традиционным зимним мужским костюмом этих групп, в хозяйстве которых большое значение имеют оленеводство и рыболовство. Именно с этими видами хозяйственной деятельности связано происхождение и использование одежды глухого покроя: малиц, наверхниц, совиков. Таким образом, одежда мужских изображений умерших у северных групп хантов и манси совпадает с традиционной мужской одеждой этого периода, отражает основные виды их хозяйственной деятельности и носит промысловый характер.

Из этого общего образа мужских *иттерма* выбивается описание одного изображения, зафиксированного И.Н. Гемуевым у северных манси в конце XX в. Оно было одето в семь шелковых «платьев-халатов» и перевязано желтым шелковым поясом, «сверху надевались еще два платья и четыре халата из шелка разных цветов», «к одному из халатов была пришита меховая шапка», здесь же находилась пара башмаковидной обуви (судя по рис. 78) с длинным суконным голенищем [Гемуев, 1990, с. 94]. По видам и набору одежды это изображение соответствует образу духа-покровителя. Однако его местонахождение — в берестяной коробке вместе с тремя другими *иттерма*, а также особенности изготовления внутренней антропоморфной фигурки, вырезанной из дерева с профилированным лицом, обозначенными руками и ногами и с углублением на груди для монеты, позволяют соотнести его с изображением умершего, находящемся на стадии перехода к изображениям духов-покровителей [Там же, с. 93–94]. Его образ уже сложился и обозначен шелковой одеждой, обувью и шапкой, но разделение с другими *иттерма* еще не произошло.

Кроме того, костюм некоторых *иттерма* содержит предметы, не относящиеся к числу традиционных, но, вероятно, являющиеся частью индивидуального образа умершего. Так, в составе облачения мужского изображения у северных манси зафиксирована «черная кофта-накидка», прическа с длинными косами [Гемуев, 1990, с. 45].

Достаточно единообразна и женская одежда изображений умерших. Верхняя — шубы из оленьего меха (*сах*, *сәхи*), нижняя — рубахи и рубахи-платья (табл. 1). Шубы сшиты по традиционным канонам: верх и подкладка — из оленьей шкуры (рис. 2, 3). Кроме того, в одном случае для подкладки использовалась шкурка лебедя (табл. 3). И.Н. Гемуевым описана также шуба *иттерма*, сшитая из шкур лосенка и оленя [1990, с. 38]. Следует заметить, что все эти материалы являются традиционными для северных групп хантов и манси. Как правило, их применяют для шитья женской и детской одежды.

Таблица 3

Особенности одежды женских изображений умерших у северных хантов и манси во второй половине XX — начале XXI в. (по материалам полевых исследований)

Table 3

Features of clothing of female images of the dead in the northern Khanty and Mansi in the second half of the 20th — beginning of the 21st century (on materials of forwarding researches)

Основные характеристики	Шуба	Рубаха	Рубаха-платье	Пояс	Украшения
Размеры, см	20×30; 25×38; 25×14	20×17; 17×15,5; 21,5×23,5; 23,5×18,5; 18×18,5	38×29	—	—
Материал	Олений мех (3), лебяжья шкурка (1), ровдуга (3), х/б ткань (1), сукно (2), сухож. нити	Шелк (1), х/б ткань (4), х/б нити (5)	Х/б ткань, х/б нити	Шерст. нити крас. цв. (2)	Металл, бисер, стеклярус, бусы
Способы изготовления	Сшита вручную	Сшита вручную	Сшита на машинке	Ручное плетение	Низание
Особенности кроя	На меховом подкладе (3), с плечевыми швами (3), обертывающий покрой с выкроенной отдельно спинкой (1), с боковыми вставками (1), рукав заужен, к краю подола пришита широкая полоса (2), меховой воротник (2), ровдужные завязки (3)	Туникообразный покрой с цельнокроен.рукавами (5), воротник-стойка с завязками (5), подмышки не зашиты (4)	С плечевыми швами, пройма закруглена, плечо скошено, рукав заужен, воротник-стойка, подмышки не зашиты, ворот застегнут на булавку	—	—
Украшения	Суконный кант, вставленный в швы (1)	—	Аппликация из трех цветных полос на подоле	Кольцо метал.	Нагрудно-шейные украшения (1)

Традиционен и покрой шуб. Все шубы с плечевыми швами. В покрое стана наблюдаются различия. Так, у двух стан состоит из спинки, полочек и боковых вставок. Еще одна шуба сшита без боковых вставок с перегибающимися по бокам полочками, в которых вырезаны проймы. К краю полочек и подола пришиты широкие полосы. У двух шуб имеется меховой воротник. Полочки шуб соединяются при помощи ровдужных завязок. И только одна шуба декорирована в традиционной технике — кантами из красного и синего сукна, вставленными в швы (рис. 3). В то же время в этнографической литературе есть описания женских *иттерма* северных манси и хантов, облаченных в шубы традиционного покроя, украшенные кантом из цветного сукна [Бауло, 2016, с. 192–194; Гемуев, 1990, с. 38, 44–45, 63, 97, 100, рис. 84; Соколова, 1995, с. 145–146]. Особыми конструктивными деталями покроя таких шуб традиционно являются пришитые по краям подола и полочек широкие полосы контрастного по цвету меха.

В этнографической литературе описывается еще один вид верхней одежды женских изображений умерших рассматриваемого периода — «кафтанчики» «типа *нуй-сахи*», сшитые из сукна, они зафиксированы З.П. Соколовой у северных хантов [1995, с. 144]. *Нуйсахи* (сев. ханты) — одежда распашного типа, сходная своим покроем, способами и расположением украшений с шубой из оленьего меха. Как правило, одежда этого вида использовалась в качестве верхней в теплое время года.

Среди нижней одежды женских *иттерма* по способу изготовления и украшения выделяется два вида — рубахи и рубахи-платья (табл. 3). Они отмечены у двух кукол, при этом у одной — четыре рубахи, у другой — рубаха и рубаха-платье. Из пяти сшитых вручную рубах четыре — из хлопчатобумажных тканей и одна — из шелка. Все рубахи имеют одинаковый туникообразный покрой с цельнокроеными рукавами и воротник-стойку с завязками по краям. У четырех рубах подмышки не зашиты.

Как можно заметить, женские и мужские рубахи *иттерма* имеют одинаковый туникообразный крой, часто — с цельнокроеными рукавами, и воротник-стойку. Этот тип кроя, как и отдельные элементы — воротник-стойка, является традиционным для женской и мужской одежды хантов и манси. В то же время цельнокроеные рукава не характерны для традиционной одежды, чаще всего они встречаются у одежды изображений духов-покровителей, которая также имеет небольшие размеры. Скорее всего, такой крой обусловлен шириной и длиной лоскутов ткани, используемых для пошива одежды изображений умерших и духов-покровителей.

В отличие от рубах рубаха-платье, зафиксированная в ходе полевых исследований, сшита на швейной машинке из хлопчатобумажной ткани (табл. 3). Она имеет плечевые швы, округло вырезанную пройму, воротник-стойку, застегнутый на булавку. Так же как и у большинства рубах, подмышки у нее не зашиты. Такой покрой платья не является традиционным, и он не характерен для традиционной одежды. Единственная деталь, которая соотносится с традиционными, — воротник-стойка.

Особой деталью здесь также являются незашитые подмышки. И хотя этот элемент встречается не у всех изученных нами рубах, тем не менее он имеется и у мужских наверхниц, и более всего — у женских рубах и рубахи-платья, что свидетельствует о его устойчивости. И.Н. Гемуев относил разрезы под мышками к важным признакам одежды изображений умерших [1990, с. 210]. Эта деталь была также присуща одежде духов-покровителей. Однако происхождение ее и функции остаются неясными.

Материалы этнографической литературы дают мало сведений о покрое рубах и платьев женских кукол умерших. Однако представленные рисунки и описания нашитых на них украшений позволяют также дифференцировать их на рубахи и платья. Известно, что платья украшались нашитыми полосами по краям подола, имели кокетку, воротник-стойку, иногда — застежку с пуговицами и манжеты [Гемуев, 1990, с. 37–38, 44–45, рис. 23, 25, 97].

Две шубы из трех подпоясаны такими же, как и у мужских *иттерма*, поясами, сплетенными из красных шерстяных ниток с привязанными к ним кольцами.

В ходе полевых исследований у женских *иттерма* было зафиксировано лишь два шейно-нагрудных украшения — бусы, сделанные из нанизанных на нитку стекляруса и бисера, а также металлическая цепочка (рис. 3). Вместе с тем, по данным этнографической литературы, во второй половине XX в. у северных манси женские *иттерма* кроме шейно-нагрудных украшений (бус, цепочек) имели сплетенные из шерстяных ниток косы, иногда украшенные кольцами, концы которых по традиции соединялись цепочкой с прикрепленными колокольчиками [Гемуев, 1990, с. 38, 97, 100].

Внутренняя фигура обнаружена у пяти изображений. В трех случаях она сделана из дерева и снабжена монетой, из них одна — неоформленный кусок дерева (табл. 1). Одна антропоморфная фигурка отлита из олова, имеет голову с обозначенным лицом, туловище с руками и также снабжена монетой. Еще одна фигура представляет собой монету, завязанную в лоскут хлопчатобумажной ткани красного цвета. У трех изображений наличие внутренней фигуры определить было невозможно. Известно также, что северные манси в конце XX в. внутреннюю фигуру *иттерма* делали из ткани и дерева с обязательным прикладыванием монеты [Гемуев, 1990, с. 37–38, с. 43–45],

Итак, проведенные исследования показали, что в рассматриваемый период одежда изображений умерших представлена двумя комплексами — мужским и женским. Мужской комплекс состоит, как правило, из миниатюрной плечевой одежды, соответствующей видам и типам традиционной мужской одежды. Достаточно единообразны эти комплексы и в пределах территории распространения. У северных хантов и манси они включают малицу с наверхницей, рубахи, пояс. Женский костюм кукол умерших не различается у северных хантов и северных манси и состоит из шубы, сшитой, как правило, из оленьего меха, рубах и рубах-платьев.

В целом по покрою верхняя меховая одежда — малицы и шубы — является традиционной и мало отличается от обычной. В то же время покрой нижней одежды — мужских и женских рубах в большинстве своем единообразен и достаточно архаичен. Он характеризуется туникообразным кроем стана с широкими цельнокроеными рукавами, воротником-стойкой. Туникообразный крой традиционен для плечевой одежды хантов и манси, однако его применение связано с использованием ткани определенной ширины, в результате чего спинка и перед рубахи делались из одного целого полотнища. Рукава всегда выкраивались отдельно. Очевидно, что туникообразный покрой с цельнокроеными рукавами у рубах кукол умерших связан прежде всего с возможностью выкраивания кукольной одежды из целого куска ткани и с сохранением традиции туникообразного кроя. На фоне единообразия нижней плечевой одежды выделяются платья женских *иттерма*, сшитые на швейной машинке, с плечевыми и боковыми швами, закругленной проймой. И хотя такие платья не традиционны, однако следуют признать, что они используются женщинами в качестве таковых и в составе одежды изображений умерших лишь отражают общую тенденцию современной модернизации традиционного костюма.

В комплект мужской и женской одежды *иттерма* также входит пояс, который чаще все-таки встречается у мужских кукол умерших. Немногочисленны и съемные украшения, в основном это низки бисера и цепочки.

В целом по видовому составу и типам кроя описанные нами комплексы одежды изображений умерших соответствует данным этнографической литературы рассматриваемого периода. Некоторые виды одежды и украшений, ранее замеченные в составе облачения *иттерма*, на сегодняшний день утрачены, это суконные халаты и совики. С другой стороны, в составе облачения изображений умерших появляется современная одежда. У женских изображений это платья, у мужских — сорочки фабричного производства, которые входят в состав прикладов. Это позволяет говорить об изменении вида и состава облачения кукол умерших.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных хантов в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск: Музей Природы и Человека, 2016. 300 с.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Золотарева Н.В. Изображение умерших в традиционной культуре обских угров: Вещность и знаковая // Вестник ТГУ. 2011. № 351. С. 62–65.
- Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- Мифология манси / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова; Науч. ред. В.В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с.
- Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 180 с.
- Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири // СМАЭ. 1971. Т. 27. С. 101–112.

- Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. М.; Л.: АН СССР, 1971. Т. 37. С. 211–238.
- Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 143–173.
- Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 176 с.
- Федорова Е.Г. Одежда изображений умерших у обских угров в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (14). С. 193–201.
- Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. 1959. Т. 51. С. 114–156.
- Sokolova Z.P. Totenabbilder bei den Chanten und Mansen // Finno-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1984. T. XLVL. H. 1–3. P. 111–156.

A.A. Bogordayeva

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: bogordaeva@mail.ru

FEATURES OF IMAGES REPRESENTING THE DECEASED OF THE NORTHERN KHANTY AND MANSI IN THE SECOND HALF OF THE 20th — EARLY 21st CENTURY

Long-standing traditions of the Northern Khanty and Mansi, which have been preserved to the present day, include making anthropomorphic dolls upon people's death. A doll appears to be a vehicle for one of the spirits of the deceased person. It was made and dressed during the funeral ceremony. To date, the clothes of the dolls of the dead have not attracted research attention. Defining specifics of such clothing is important for studying the genesis of the images of the deceased, as well as those of guardian spirits. The article analyses the materials collected in the course of field research, as well as information from ethnographic literature of the period in question. A typological analysis of clothing from the images of the deceased allowed the authors to identify its dynamics and to determine its standard and variable features. The data were obtained in the course of fieldwork carried out in 2005–2010 in the territory of the Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Area (Lyapin river basin) and the Shuryshkarsky district of the Yamal-Nenets Autonomous Area (basins of Malaya Ob and Synya rivers). Overall, 8 images of the deceased were studied in detail. The analysis has revealed that the clothing of dolls is represented by two complexes, i.e. male and female. These complexes are fairly uniform within the territory where they were used. The male complex consists of miniature topwear compliant with the types of men's traditional clothing. Male topwear of Northern Khanty and Mansi includes a malitsa (hooded coat) supplemented with a navershnitsa (tuniclike overcoat worn over a malitsa), a shirt and a belt. Female dolls of the deceased of the Northern Khanty and Mansi are dressed in a fur coat (as a rule made of deer fur), shirts and dress shirts. The style of outer clothing (malitsas and fur coats) is traditional and differs insignificantly from ordinary clothes. At the same time, the style of undergarments — male and female shirts — is mostly uniform and rather archaic. In general, the investigated clothing complexes are compliant, in terms of type of clothes worn and their style, with the ethnographic literature of the period under consideration. However, it should be noted that some types of clothing and jewellery, which were previously part of their wear, have ceased to be used. These are cloth robes, fur and cloth soviks (shirtlike hooded fur coat). In addition, modern clothes tend to appear in the images of the deceased. For female images, these are dresses. In case of male images, these are machine-made shirts, which are part of fabric offerings. Thus, it can be asserted that there has been a change in the clothing of dolls representing the deceased.

Key words: funeral rites, cult of ancestors, doll, itterma (image representing the deceased), traditional clothes, Northern Khanty, Northern Mansi, malitsa, sovik, false braids.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-117-131

REFERENCES

- Baulo A.V. (2013). *Sacred places and attributes of the Northern Mansi in the beginning of the 21st century: An ethnographic album (Russia)*, Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko. (Rus.).
- Baulo A.V. (2016) *Sacred places and attributes of the Northern Khanty in the beginning of the 21st century: An ethnographic album (Russia)*, Khanty-Mansiisk: Muzei Prirody i Cheloveka. (Rus.).
- Baulo A.V., Gemuev I.N., Liutsidarskaia A.A., Sagalaev A.M., Sokolova Z.P., Soldatova G.E. (2001). *Mythology of the Mansi*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1959). Ideas about the soul of the Ob-Ugric peoples. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaja serija*, 51, 114–156. (Rus.).
- Fedorova E.G. (2010). Clothing of images of the dead with ob' ugrians in collections from the Museum of anthropology and ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 193–201. (Rus.). Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/a12/193-201.pdf.

- Gemuev I.N. (1990). *Mansi worldview: Home and Space*, Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Gemuev I.N., Baulo A.V. (1999). *Sacred places of the Mansi of the Upper Northern Sosvariver (Russia)*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Ivanov S.V. (1970). *Sculpture of peoples of the Siberian North in the 19th — first half of the 20th century (Russia)*, Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Napol'skikh V.V. (Ed.) (2000). Kulemzin V.M., Lukina N.V., Moldanov T.A., Moldanova T.A. *Mithology of the Khanty*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Popova S.A. (2003). *Rituals of transition in the traditional culture of Mansi*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Prytkova N.F. (1971). One of the sources for the study of clothing of the Siberian peoples. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 27, 101–112. (Rus.).
- Rombandeyeva E.I. (1993). *History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and ritual data)*, Surgut: Severnyi dom: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (1971). Remnants of religious beliefs among the Ob'Ugrians. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 37, 211–238. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (1984). Totenabbilder bei den Chanten und Mansen. *Finno-Ugrische Forschungen*, XLVL(1–3), 111–156.
- Sokolova Z.P. (1995). Khanty and Mansi images of the dead. In D.A. Funk (Ed.), *Shamanizm i rannie religioznye predstavleniia* (pp. 143–173), Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (Rus.).
- Taligina N.M. (2005). *Ceremonies of a life cycle among the Syn Khanty (Russia)*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Zolotareva N.V. (2011). Images of dead people in traditional culture of the Ob-Ugric peoples: Material and symbols. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (351), 62–65. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 18.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

С.В. Рязанова*, **, Ф.А. Юрганов**

*Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
ул. Ленина, 13а, Пермь, 614990

**Пермский государственный аграрно-технологический университет им. акад. Д.Н. Прянишникова
ул. Петropавловская, 23, Пермь, 614990
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru;
yourganovfa@gmail.com

МИФ О КОМИ-ПЕРМЯКАХ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Статья посвящена определению особенностей современного мифа о коми-пермяке как социокультурного конструкта. Рассматриваются предпосылки и условия формирования нового национального мифа на разных этапах исторического процесса. Образ коми-пермяка представляется как двухсоставной, включающий элементы культурного героя и мифологические геополитические и социокультурные представления. Формирование легендарного прошлого осуществляется через присвоение и адаптацию фактов общероссийской истории.

Ключевые слова: миф, социальная мифология, культурная память, этническая консолидация, коми-пермяки.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139

Политика памяти и культурная память в своем взаимодействии конструируют специфические нарративы, которые могут быть использованы в качестве ресурсов для этноконсолидации. Политика памяти характеризуется как деятельность различных акторов, направленная на утверждение представлений о коллективном прошлом, формирование поддерживающих эти представления культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях и законодательного регулирования практик его публичной репрезентации [Миллер, 2016]. Согласно Я. Ассману, культурная память описывается как «обобщающее понятие для функциональных рамок, описываемых выражениями “складывание традиции”, “обращение к прошлому”, “политическая идентичность, или политическое воображение”» [Ассман, 2004, с. 23]. При этом особое внимание хотелось бы уделить феномену культурной памяти, являющейся ресурсом для создания и поддержания национальной и этнической идентичности.

В начале 1990-х гг. на постсоветском пространстве для ряда регионов актуальными становятся получение и легитимация власти на местах. Для коми как этнического сообщества в этой ситуации оказываются востребованными проекты и нарративы, связанные с конструированием образа коми-пермяка как носителя этнокультурной идеи. Главная цель подобных нарративов заключалась в консолидации разрозненных ветвей коми народа.

Сам процесс конструирования этнокультурных традиций, истории был обусловлен появлением разнообразных и конкурирующих дискурсов, которые заняли определенные позиции в обществе вследствие перехода к новому (постсоветскому) политическому устройству. В Прикамье стимулом к развитию таких идей и нарративов становится существование с 1992 по 2005 г. Коми-Пермяцкого автономного округа, что позволяло коренному населению — коми-пермякам воспринимать себя как территориально консолидированное сообщество. В своей совокупности эти дискурсы оказывали влияние на культурную память, выстраивание идентичности и реальность, проявляясь в сферах образования, досуга и брендинга территории.

В результате развертывания дискурсивных практик в рамках продвижения образа коми-пермяцкого населения для самих представителей этноса и других народов края, отчасти спонтанно, а в наибольшей мере — волевыми усилиями, сформировался современный миф о коми-пермяке. Его возникновение в какой-то мере призвано компенсировать ущерб традиционной культуре, нанесенный принудительной христианизацией местного населения начиная с XIII в., приведшей к утрате значительной части мифологических образов и сюжетов дописменной культуры.

Основой для формирования представлений о специфике нового национального мифа стали статьи, размещенные в местных СМИ, и сборники эссе радикального национального движе-

ния «Коми Идея». Анализ текстов позволил говорить о новой коми-пермяцкой мифологии как об одном из вариантов социального мифа [Рязанова, 2010], призванном решать ситуативные задачи при помощи архаических форм мировосприятия.

Начало формирования мифа связано с появлением коми-пермяцкого этнонационального движения в 1920-х гг. под руководством главы местного облревкома Ф.Г. Тараканова. В него входили по преимуществу учителя, поставившие перед собой задачу культурно-национального возрождения коми народа [Баяндина]. В качестве необходимого этапа коми-пермяцкого ренессанса предполагалась его консолидация, для интенсификации которой потребовался известный всем коми персонаж.

Запрос на образ популярного культурного героя совпал по времени с созданием в 1925 г. Коми-Пермяцкого автономного округа со столицей в г. Кудымкаре. Новый политический центр требовал конструирования своего прошлого и легитимации нового статуса. Так появился эпос о богатыре Кудым-Оше, князе из Кудымкара. Последовавшие после 1932 г. репрессии национальных сообществ привели к маргинализации традиционной крестьянской культуры [Архипова, Неклюдов, 2010] и формированию искаженных представлений об исходных культурных образах. Сконструированный сторонниками национального возрождения эпос стал ощущаться местным населением как «исконный» [Хобсбаум, 1995, с. 11–15]. Возрождение исследований фольклора в период «оттепели», рассчитывающее на «возвращение народной культуры», привело к сбору псевдофольклорного материала, «древность» которого основывалась на этнографических очерках этнонациональных обществ коми [Коробейников, 2008, с. 26–31]. Вал публикаций о богатой древней культуре коми, ведущей начало с эры палеолита, стимулировался этнонациональным подъемом, совпавшим с созданием Коми-Пермяцкого автономного округа в 1977 г.

После распада СССР конструирование национального мифа продолжается. Возрожденное национальное движение по устоявшейся схеме создает работы о древнейшей государственности коми с усилением акцента на историчности персонажей эпоса. Привычные фигуры пантеона представляются в виде реальных деятелей и дополняются известными историческими личностями. Основными трансляторами мифогенеза начинают выступать СМИ, локальные политические деятели и местная культурная элита.

Представляется возможным выделить два варианта мифологического дискурса, возникающего в границах конструируемой политики памяти и ставящего своей задачей создание комплекса значимых для коми-пермяцкой и пермской культуры событий, персонажей и символов — создание собственно коми-пермяцкой мифологии и включение в пространство культуры коми общезначимых для российской истории персонажей.

В традиционном мифологическом ключе новая политика памяти ориентируется на удревнение автохтонной культуры. На развитие этой идеи работают выставки (например, «Сокровища Пермского края», проходившая в ГУМе в 2000 г.), демонстрирующие древность культуры коми [Земских, 2000] и сопутствующие им публикации, упирающие на то, что «традиция коми-пермяцкого народа имеет древние исторические корни, и отражается это не только в топонимике, но и во всех пластах культуры, как материальной, так и духовной» [Культура коми-пермяков..., 2003].

Такого рода трактовки одновременно с апеллированием к древности как исконности и исключительности использовались для выстраивания нового мифологического пространства со священными местами и сакральным центром [Рязанова, 2014; Рязанова, Теленков, 2014], в который помещались корни народа коми. Примером логики выстраивания священного топоса может служить история с городищем Красная Горка. Когда в начале 1990-х гг. на его территории началось незаконное строительство и возникла необходимость защитить памятник, журналисты представили его как «святое место для истинного Кудымкарца», место «древнейшей истории коми» [Нилогов, 1993]. Основанием для таких утверждений стала связь городища с медведем-богатырем Кудым-Ошем, еще в 1970-х гг. объявленным родоначальником коми.

Временное и топологическое оформление пространства коми-пермяцкой культуры находит свое выражение в идее существования древней страны, объединявшей разрозненные ветви коми народа. Примечательно, что новый мифологический проект разворачивается на страницах небольших местных изданий [Надуткин, 1992]. Образ древней цивилизации помещается на «большую территорию на северо-востоке Европы» и получает имя Биармия, основанное на работах И. Мосшгеа, эмигранта коми-пермяцкого происхождения [Истомин, 2003], и представляющее собой транслитерацию слова «Парма» на языке коми. В русле торжества националь-

ной идеи коми Биармия описывается как мощный политический проект с «единым политическим и экономическим пространством» и торговлей с многочисленными зарубежными партнерами и главным врагом — Московским государством в лице Стефана Великопермского, выполнявшего «наказ Москвы» [Надуткин, 1992].

В условиях местной политической ситуации в 1990-х гг. и популярности идеи «Уральской республики» миф о Биармии получает дальнейшее развитие. В 1996 г. краевед М. Нестеров, проводя лингвистические аналогии с финскими и скандинавскими названиями, утверждает, что страну населяли финно-угорские племена. Мифологический акцент на уникальности государства усиливается за счет объявления ее невиданно успешным торговым партнером Запада в XIII в.: «Даже коммерческий Новгород не мог с ней соперничать» [Нестеров, 1996, с. 170–171]. Примечательно, что развиваемый национальный дискурс в границах мифа не противопоставляет коми русским, указывая на «общие корни» [Там же]. Конъюнктурность выводов и отказ от традиционной мифологической логики, всегда объявляющей свой этнос исключительным, подтверждает вторичный, конструктивистский характер новой мифологии и волюнтаристские принципы ее формирования.

Упор на исключительность коми-пермяцкого народа сохраняется в дальнейшем в текстах мифоконструкторов в развитии представлений о древности коми и их духовной культуры: «Коми идея... одна из самых древних народных идей на территории России... Биармийцы, пракоми, по многим сведениям, это один из самых древних народов Европы. Они являются потомками людей Ориньякской расы, а их культура насчитывает 50–20 тыс. лет до нашей эры» [Нестеров, 2000, с. 6]. Автор доказывает и преемственность внешнего облика коми и древних «Ориньяков»: «Люди Ориньякской культуры, по словам археологов, были физически крепко сложенные, довольно рослые для своего времени, чуть скуластые, светловолосые, с крупной головой» [Там же], а впоследствии изменились в связи с ухудшением условий жизни в ледниковый период.

Для усиления эффекта важности финно-угорского компонента в культуре и истории страны вводится мифологический образ чуди, являющийся частью бытовой мифологии Урала [Рочев, 1985]. Для жителей Прикамья эта мифологема очерчена нечетко, поэтому в ее границы помещаются и предки нынешних коми, и сами коми до крещения, и предсказатели смерти. Чудь, традиционно воспринимаемая как один из вариантов нечистой силы [Лепихин, Рязанова, 2000, с. 65], для создателей нового мифа о коми приобретает качества демиурга и господствующего этноса [Нестеров, 2002, с. 26]. Ей приписывается разработка горных месторождений, закладывание сети городов, на месте которых потом возникли русские поселения, и наложение проклятий на территорию, откуда ей пришлось уйти [Там же, с. 22–24]. Примечательно, что слияние образов пракоми и чуди внутри одного текста не поясняется — основной задачей для мифогенеза становится формирование общего впечатления о значимости данного этнического субстрата по принципу партиципации.

Согласно мифоповествованию, будучи людьми высокой культуры, биармийцы осуществляли просветительскую миссию по отношению к остальным народам России: «Культуру Биармии переняли восточнославянские племена, и она стала одной из основ развития культуры России» [Нестеров, 2000, с. 7]. Неслучайно «все дореволюционные исследователи коми сходились в том, что грамотнее коми в России были только евреи и немцы» [Там же, с. 8]. Уступив земли своей страны, древние коми передали свою культуру и идею — «Страну Добра» — в руки русских, потеряв основы своего бытия: «70 % коми существуют далеко за чертой бедности, по России же только 1/3 населения является бедным и нищим» [Там же], что было спровоцировано советской национальной политикой: «Партийные власти осознавали, что советское бытие народа не адекватно его творческому потенциалу, и отсюда они так же подсознательно лепили через официоз, искусство и литературу образ народа-добытчика, а не народа-творца» [Там же, с. 12].

Поскольку современная мифология всегда испытывает влияние иных форм мировоззрения [Рязанова, 2011], при объяснении бедственного положения коми-пермяков в настоящее время мифоконструктор применяет аргументацию светского, конспирологического характера, согласно которой современные официальные «лжеписатели» делают «Зло нормой жизни» [Нестеров, 2000, с. 12]. Единственным выходом из ситуации объявляется возрождение «Коми идеи», что приводит к замыканию мифологического временного круга, в котором идеальный образец находится в прошлом [Рязанова, 2012b].

В более поздних работах автор мифа о Биармии последовательно доказывает «несостоятельность русского народа», приводя в качестве аргумента слова В. Ключевского, что «русский

человек лучше русского общества», и отталкиваясь от теории пассионарности. Новой и имеющей христианские аллюзии становится мессианская концепция народа коми, которая основывается на идеях, одной из которых является теория ухтинского краеведа П. Сухогудова, о том что «древнерусское государство было основано финским племенем руссов» [Нестеров, 2000, с. 8]. Царская же академия наук, по мнению автора мифа о Биармии, не отрицала ее существование, но поддерживала «измышления о ней» [Там же].

«Серьезные исторические факты» автора основаны на его интуитивном восприятии истории коми-пермяцкого этноса, традиционно связываемой с удревнением культуры: утверждает, что коми не просто «древнее», они наделены идеей некоей высшей избранности, что в древности позволяло называть их «Евреями Севера», а русских, по аналогичной причине, — «Евреями Европы» [Нестеров, 2002, с. 5]. Значимость коми и русских утверждается и за счет того, что они являются «собирательными народами», включающими в себя «многие древние расы» [Там же]. Стремление закрепить легитимность и значимость этноса в коми-пермяцком мифе приводит к активному использованию накопленного другими национальными общностями социального капитала и использованию их истории для прославления своей: «...по своей сути русская идея — не совсем славянская идея, она своим содержанием ближе к идеям финно-угорских, балтийских и, может, тюркских народов» [Там же]. Неслучайно и Новгород объявляется теперь столицей Биармии — Гольмградом [Там же, с. 17], поскольку как образ этот город хорошо закреплен в общерусской традиции, и его история не противоречит логике нового мифологического повествования об узурпации русскими всего лучшего у коми.

Логика легендарного нарратива не позволяет поставить другую этническую общность выше своей, что приводит к использованию в отношении русских набора пейоративных утверждений. Оказывается, несмотря на то что русские многому научились у коми и переняли значимые черты культуры, Россия встала на сторону «Зла»: «Корневая причина такой национальной ситуации проста. Русская идея — это не совсем этническая или национальная идея русского народа, а она была заимствована им. Поэтому русские только в смутное время вспоминают о своей Идее, а в тихое время о ней напрочь забывают, как не о совсем своей» [Там же, с. 8]. Взаимопроникновение культур Биармии и русских, позитивно сказавшись на последних, разрушило уклад жизни коми-пермяков: «Так, основное чувство, инстинкт справедливости людей Биармии, трансформировался в юродство людей России. Популярно объясняют это тем, что только юродивый в православной России мог говорить правду кому угодно и как угодно. Или самоубийца. В Биармии правду и только правду, по преданию, говорил каждый каждому. То было законом жизни» [Там же, с. 8]. Акцент на факте исторической деградации коми также укладывается в границы принципов конструирования мифологического хронотопа.

В характеристике русских и коми к мифологическим приемам формирования нарратива добавляются религиозные, делящие мир на светлую и темную стороны, правильную и неправильную [Рязанова, 2015, 2013, 2012a]: «Сердцевиной русской идеи является создание в далеком будущем панславянского государства, т.е. такой державы, которая бы объединила под своим знаменем все славянские народы. Тогда как в далеком прошлом все пракоми племена жили на одной территории, в одном прагосударственном объединении — в Биармии. Это одна из причин почему коми, в отличие от всех других народов, чужда имперская идея. Она для них вчерашний день» [Нестеров, 2002, с. 8]. Единственный выход, позволяющий избежать губительного внешнего влияния, — это возрождение закрытой коми-пермяцкой культуры, не предусматривающей при этом выхода из состава Российской Федерации: это породит войны, «а путь к истинному знанию никогда не бывает кровавым» [Там же]. Использование внешне рациональной аргументации и привлечение христианской терминологии не меняет характера конструируемых представлений о топосе и хроносе новой мифологии: своей замкнутостью, ориентированностью на прошлое и цикличностью в трактовке хода времени она не отличается от традиционных мифопостроеваний.

В дальнейшем мифоповествование развивается только вширь, включая в интерпретацию наиболее известные вехи отечественной истории: «...сначала славян и финнов завоевали варяги, которые только 2 года с них брали дань, а потом! были дружными совместными усилиями изгнаны на родину. Но сами по себе славяне и финны жить не смогли. Выбор, понятно, пал на самое слабое и малое варяжское племя Русь, которое, может, поэтому было самое мирное и дружелюбное. К ним и направило Вече своих представителей. Варягам же было отдано предпочтение еще и потому, что они хорошо знали местные обычаи и нравы, были умелыми в тор-

говле и ремесле. Кроме того, между племенами финнов и скандинавов были тесные связи, и они друг с другом часто заключали разные локальные союзы, сделки» [Там же, с. 15].

Неизвестное ранее преимущество финно-угорских народов объясняется фальсификациями летописных текстов: «Самые древние тексты летописей — до их перекройки московскими летописцами XV–XVI веков по политическим мотивам — рассказывают, что междуплеменное объединение славян (словены) и финнов (чудь) получали в девятом веке дань от Киева» [Там же, с. 16].

Развиваемые краеведами и подхваченные рядом националистов коми идеи коми-пермяцкой древности и уникальности коми этноса практически сразу были использованы в рамках локальной политики конструирования исторической памяти. Образ «шестисотлетней истории» взаимодействия коми и русских был использован тогдашним губернатором Пермской области Г. Игумновым, включившим в этот опыт «путешествия Стефана Пермского и отправление Ермака Тимофеевича» [Игумнов, 1997].

В 1999 г. история «государства коми» растягивается до тысячелетней. Статьи с говорящими названиями «За тысячу лет до нас» и «На экваторе тысячелетия» не только раздвигают границы коми-пермяцкого этноса как самостоятельной цивилизации, но и вписывают ее в общероссийскую историю. Этногенез коми и их закрепление в пространстве межэтнических отношений трактуется как современные событиям Киевской Руси: «Древние коми вели активную торговлю с Ираном, Византией», «усиливались местные города», и «все было спокойно — крестьяне получали в свои наделы землю», «развивался Пермский Звериный Стил» [Андреев, 1999a]. Выдуманный в 1930 гг. Пера-богатырь предстает реальным историческим лицом, помогавшим русским отбиваться от татар, в результате чего в «дар Пере Иван Грозный отдаст Парму» — вместе «с открытием Мадагаскара» за 78 лет до покорения Сибири «нашим героическим предком» Ермаком [Андреев, 1999b].

Придание значимости собственной этнокультурной и политической истории реализуется и через второй компонент мифологического дискурса — включение в список национальных героев исторических деятелей, подходящих по времени и месту. Наиболее используемыми персонажами становятся Стефан Великопермский и Ермак Тимофеевич. Традиция восприятия первокрестителя коми как национального героя берет начало в эпических произведениях 1888 г. С реабилитацией христианства в СССР во второй половине 1980-х гг. именно Стефан Великопермский включается в список «субъектов коми идеи» и даже называется представителями коми-пермяцкой интеллигенции «национальным брендом» [Котылев, 2006, с. 120]. Активно проходят выставки, посвященные истории крещения региона, популяризуется сам Стефан — через мультфильмы об истории края, современные сказки, топонимы (гора в Республике Коми) и наименования городских улиц, установку памятников.

Поскольку сам Стефан не был коми-пермяком, его важность для истории и культуры коми достигалась благодаря делегированию ему культурно-просветительской роли по отношению к местному населению. Так, в одной из статей указывалось, что святитель родился в Устюге и его мать была коми-зырянкой. Этим объясняется наличие в Республике Коми особых мест памяти и поклонения, символизирующих близость Стефана Великопермского к коми-зырянскому народу. Для коми-пермяков его значимость определяется тем, что он «сыграл важную роль в объединении коми» [Ничиперович, 1994]. Тем самым агиографический сюжет превращается в нарратив, утверждающий целесообразность и добровольность присоединения коми к Русскому государству.

Идея «присвоения» Ермака разворачивается с 1992 г., когда в газете «Пермские новости» анонимный автор публикует статью «Кем же был Ермак», с акцентом на том, что он был коми-пермяком на службе царя. Доказывая важность фигуры первопроходца для истории региона, журналист обратился к главе Перми с просьбой установить Ермаку памятник, что стало основанием для конфликта регионального уровня. Татарская община Перми в очень резкой форме высказалась против установки монумента, аргументируя протест тем, что этот «человек, насильственным методом разрушивший чужую государственность», представлял собой «орудие колонизаторов» [Кем же был Ермак, 1992].

Альтернативой материальному памятнику стало увековечивание воспоминаний о нем на уровне текстов, как правило, связанных с топографической привязкой биографии культурного героя. До настоящего времени все версии мест рождения, взросления и отправных точек для походов Ермака существуют как равноправные и в равной мере недоказанные. Деревня Нижние Городки [Дубинкина, 1992], поселок Орел Усольского района [Селиванов, 1994], поселение Верхнечусовские Городки [Владимиров, 1995] стали объектами внимания краеведов и журнали-

стов в процессе вписывания в целом пришлого по культуре казака в региональную историю. Отсутствие ответа на вопрос о родине героя не стало препятствием для организации празднования в поселке Чусовой с 1998 г. годовщины похода Ермака на Сибирь [Софонов, 1996].

Очевидно, что основные образы коми-пермяцкой мифологии, объединенные идеей легендарной Биармии, являются конструктом, созданным с помощью инструментов исторической политики. Мифы такого рода, как правило, имеют узко региональное применение, компенсируют чувство неполноценности этноса по отношению к инациональному окружению, способствуют формированию представлений о самобытности и даже автономности территории. Это настолько важно для части коми-пермяцкого и коми-зырянского этносов, что во внимание не принимаются несостоятельность аргументации и явные дефекты сюжетов даже при включении упомянутых текстов в школьную программу Республики Коми [Панкова].

Отдельные «удобные» страницы вымышленной истории используются в процессе конструирования, поддержания и воспроизводства этнической идентичности коми-пермяков, которой долгое время не хватало социально-политического внимания. Так, созданные волевым усилием национальной интеллигенции и транслированные локальными СМИ мифологические образы и сюжеты не только участвуют в создании своеобразного исторического симулякра, но и формируют подобный симулякр в пространстве национальной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в «закрытом обществе» // НЛО. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html> (дата обращения: 22.03.18).
- Баяндина Е.И., Ф.Г. Тараканов у истоков самоуправления. Кудымкар, 2009. URL: <http://www.komipermarchiv.ru/index.php?page=f-g-tarakanov-u-istokov-samoupravleniya> (дата обращения: 19.02.18).
- Котылев А.Ю. Социокультурное значение образа и деяний святителя Стефана Пермского в свете исторических аналогий // Арт. 2006. № 4. С. 105–127.
- Коробейников А.В. Проблемная область реконструкции городища Иднакар // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2008. № 1. С. 26–31.
- Лепихин А.Н., Рязанова С.В. Хтонические персонажи в уральской мифологии // Пермское Прикамье в истории Урала и России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Березники, 2000. С. 65–69.
- Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1(80).pdf) (дата обращения: 18.02.18).
- Рочев Ю.Г. Национальная специфика коми преданий о чуди. Серия препринтов «Науч. доклады». Коми филиал АН СССР, 1985. Вып. 124. С. 13–24.
- Рязанова С.В. Социальный миф в пространстве гуманитарного знания: Научный потенциал понятия // Религиоведение. 2010. № 1. С. 78–89.
- Рязанова С.В. Светские формы современной религиозности: эволюция социального мифа. Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2011. № 11. С. 64–79.
- Рязанова С.В. Миф в его соотношении с религиозным и светским типами мировоззрения // Науч. ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2012а. С. 123–136.
- Рязанова С.В. Мифы об общественном устройстве в современном российском самосознании: Архаическая основа // Труды Рос. науч.-практ. конф. светских ученых и теологов с участием зарубежных исследователей «Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры». М.; Пермь, 2012б. Ч. 1. С. 160–166.
- Рязанова С.В. Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. 2013. № 2 (24). С. 14–22.
- Рязанова С.В. Специфика мифа как культурной формы // Вестник Перм. НЦ УрО РАН. 2014. № 4. С. 37–44.
- Рязанова С.В. Религиозные образы и идеи и их превращение в русской литературе // Вестник ЛГУ. 2015. № 4. Т. 2. С. 202–211.
- Рязанова С.В., Теленков А.В. Общее и особенное в мифе об Урале // Вопросы культурологии. 2014. № 11. С. 43–47.
- Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2005. С. 57–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 10.03.18).

Источники

- Андреев А. За тысячу лет до нас // Прикамье. 1999а. Март.
- Андреев А. На экваторе тысячелетия // Прикамье. 1999б. Май.
- Владимиров В. И восреци дружина Ермака // Звезда. 1995. № 22806.
- Дубинкина Н. Как Ермак в поход собирался // Звезда. 1992. № 21596.

- Земских Н.* Большое видится на расстоянии // Звезда. 2000. № 23883.
Игуменов Г. Прикамье на рубеже столетий // Звезда. 1997. № 23197.
Истомин Ф. Патриот без родины // Звезда. 2003. № 30931.
Культура коми-пермяков в прошлом и настоящем города Перми // Прикамье 1+1. 2003. № 1.
Кем же был Ермак? // Пермские новости. 1992. 6 ноябр.
Нилогов С. Топор над святыней // Звезда. 1993. № 22160.
Надуткин В. Объединим Коми народ // Парма. 1992. 14 апр.
Нестеров М.Г. Эссе о Биармии // Урал. следопыт. Екатеринбург, 1996. № 3–6. С. 170–171.
Нестеров М.Г. Коми идея: Краткий науч.-попул. очерк. Сыктывкар: Миян Кыв, 2000. 20 с.
Нестеров М.Г., Золотарева Е.В. Древнейшая история Коми и Севера России // Российская народная идея. Екатеринбург, 2002. 30 с.
Ничиперович А. Святой Стефан Пермский // Звезда. 1994. № 22580.
Панкова Е.Ю. Аналитическая записка к методической разработке элективного курса для 9 класса «Республика Коми — субъект Российской Федерации» // Усинск. URL: <https://komiedu.ru/upload/iblock/8de/8de999c1ffaescf07d6ba797318f51e4e.doc> (дата обращения: 12.09.18)
Селиванов Г. Отсюда Ермак на Сибирь уходил // Звезда. 1994. № 22663.
Софонов Ю. Завтрак у Ермака // Единство. 1996. № 2.

S.V. Ryazanova*, **, F.A. Iurganov**

*Perm Federal Research Center of Ural division RAS
Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation

**Perm State Agro-technical University
Petrovavlovskaja st., 23, Perm, 614990, Russian Federation
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru;
yourganovfa@gmail.com

KOMI-PERMYAN MYTHOLOGY IN THE CONTEXT OF REGIONAL POLITICS OF MEMORY

The article is aimed at defining characteristic features of the modern Komi-Permyan myth existing in the Western Urals (Kama river area). The process of mythogenesis is analysed as part of regional policy of historical memory. This policy includes ideas about creating a collective-past image, some principles behind the education system functioning, as well as legislative regulation of the forms of its presentation. Prerequisites and reasons for the formation of a new national myth at different stages of the historical process are considered. The construction of contemporary national mythology is associated with the processes of national self-identification in the post-Soviet period. New images are based on narratives developing the ethnocultural idea of the Komi-Permyan ethnos and uniting different Komi-Permyan branches. The first step in creating a new myth is associated with the emergence of the Komi-Permyan national movement in the 1920s. The second one coincides with the processes of national self-identification following the decline of the Soviet Union in the 1990s. The image of a Komi-Permyan can be represented as consisting of two parts, including elements of a cultural hero as well as a number of geopolitical and sociocultural ideas of a mythological nature. The most popular mythological image to spread new myth is «chud'» who has been a famous character of local folklore throughout the entire period of West Ural history. Real persons and well-known historical figures, such as Stefan Velikopemckiy and Ermak, have joined the Komi-Permyan pantheon of traditional characters. The legendary past is formed via appropriation and adaptation of the facts from the all-Russian history. The new policy of historical memory is based on attempts to present the Komi-Permyan cultural tradition as very ancient and affirm its great value for neighbouring ethnic groups. The Russian population and government are perceived as related to and influenced by the Komi-Permyan culture, whereas Russian science is said to be distorting the history of the Kama area. Characteristic features of the new Komi-Permyan myth include rejecting traditional mythological logic, as well as the timeserving nature of conclusions. The media, local politicians and regional cultural elite have been most active in communicating contemporary Komi-Permyan mythology. The new mythology of the Komi-Permyan ethnos can be characterized as having a constructivist and voluntarist character, as well as being very convenient for validating the uniqueness of the Komi-Permyans in the situation of their national decline.

Key words: myth, social mythology, cultural memory, ethnic consolidation, Komi-Permyans.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139

REFERENCES

- Assman I. (2004). *Cultural memory*, Moscow: Languages of Slavic culture.
Arkhipova A.S., Neklyudov S.Y. (2010). Folklore and power in a «closed society». *NLO*, (101). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html>.

- Bayandina E.I. (2009). *F.G. Tarakanov at the origins of self-governing. Kudymkar*. Retrieved from <http://www.komi-permarchiv.ru/index.php?page=f-g-tarakanov-u-istokov-samoupravleniya>.
- Hobsbawm E. (2005). The invention of traditions. *Vestnik Evrasii*, 57–61. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/v/izobretenie-traditsiy>.
- Kotylev A.Y. (2006). The sociocultural significance of the image and acts of St. Stephen of Perm in the light of historical analogies. *Art*, (4), 105–127.
- Korobeynikov A.V. (2008). Problem area of reconstruction of the Idnakar settlement. *Idnakar: Metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii*, (1), 26–31.
- Lepikhin A.N., Ryazanova S.V. (2000). Chthonic characters in Ural mythology. *Permskoe Prikam'e v istorii Urala i Rossii* (pp. 65–69), Berezniki.
- Miller A. (2016). Memory politics in post-communist Europe and its impact on the European memory culture. *Politiya*, (80), 111–121. Retrieved from [http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1(80).pdf).
- Rochev Y.G. (1985). National specificity of Komi legends about Chud. *Nauchye doklady*, (124), 13–24.
- Ryazanova S.V. (2010). The Social Myth in the Space of Humanitarian Knowledge: Scientific Potential of the Concept. *Religiovedenie*, (1), 78–89.
- Ryazanova S.V. (2011). Secular forms of modern religiosity: The evolution of a social myth. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, (11), 64–79.
- Ryazanova S.V. (2012a). Myth in its relationship with religious and secular types of worldview. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 123–136.
- Ryazanova S.V. (2012b). Myths about the social structure in modern Russian self-consciousness: An archaic basis. *Problemy rossijskogo samosoznaniya. Religioznye, нравственные i pravovye aspekty kul'tury* (pp. 160–166), Moscow; Perm'.
- Ryazanova S.V. (2013). The Role of Religion in the Formation of the Political Myth. *Cennosti i smysly*, (24), 14–22.
- Ryazanova S.V. (2014). The Specific of Myth as Cultural Form. *Vestnik Permskogo Nauchnogo Centra*, (4), 37–44.
- Ryazanova S.V. (2015). Religious Images and Ideas and Their Transformation in Russian Literature. *Vestnik LGU*, (4), 202–211.
- Ryazanova S.V., Telenkov A.V. (2014). The General and the Special in the Myth of the Urals. *Voprosy kul'turologii*, (11), 43–47.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 18.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

И.В. Абрамов

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: ilya_abramov@list.ru

КОНДИНСКИЕ КОТЦЫ: ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАПОРНОГО РЫБОЛОВСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Феномен запорного рыболовства рассмотрен как способ адаптации к озерно-речным ландшафтам Кондинской низменности. Определено влияние природных, экономических факторов на размещение заборов в XX в., прослежена эволюция запорного лова в индустриальный период, появление и распространение системы кондинских котцов. По спутниковым снимкам проведено картографирование рыболовных станок с запорами в нижнем течении Конды, данные верифицированы и дополнены в ходе опросов рыбаков Болчаровского сельского поселения. На основе установленных пространственных связей и с учетом местных промысловых схем выведены факторы размещения заборов. Оценены перспективы археологического обнаружения древних поселений в местах размещения заборов.

Ключевые слова: Конда, Западная Сибирь, рыболовный забор, деревянный забор, кондинские котцы, этноэкология, болотная археология, пространственный анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-140-153

При поддержке гранта РФФИ 18-49-860008 p_a «Комплексные исследования пространственной организации древних и традиционных поселений в таежной зоне Западной Сибири на примере Нижней Конды» (рук. Т.Н. Соболевникова).

Введение

Западно-Сибирская равнина — один самых заболоченных и обводненных регионов мира. Внутри нее выделяются особо пониженные участки, такие как Кондинская низменность, 70 % площади которой занимают реки, озера и болота. Конда является крупным притоком Иртыша с характерным для Приобья длительным половодьем. Затопленные речные поймы называют здесь сорами, большие проточные озера — туманами; среднее и нижнее течение Конды представляет собой чередование соров и туманов, годичный перепад воды в них достигает 4–5 м. Такой гидрологический режим создает уникальные условия для нагула рыбы. Другая особенность региона — большое количество озер в междуречьях, куда рыба поднимается на нерест или зимовку. Регулярный замор¹ вынуждает рыбу искать спасения в малых реках и верховых озерах, формируя стабильные миграционные потоки.

Развитие запорного промысла подсказано средой — особенностями климата, гео- и гидрологии, биоциклов; рыболовная специализация жителей Конды была в известном смысле предопределена. Запирание соров и малых рек вплоть до начала XX в. являлось одним из основных способов рыболовства аборигенов Среднего Приобья благодаря добычливости и простоте устройства. О незнакомстве с неводом (сетями) аборигенов Сургутского уезда в начале XX в. писал А.А. Дунин-Горкавич: «...а рыба добывается исключительно мордами, при помощи сплошных заграждений мелких речек» [1904, с. 248].

Озерные системы Нижнего Притоболья в лесостепной зоне Западной Сибири М.Ф. Косарев считает зоной наиболее благоприятной для становления запорного рыболовства и оседлых хозяйств в энеолите [1991, с. 52, 64]. В.А. Зах утверждает, что уже в неолитическое время поселенцы Андреевских озер (окрестности г. Тюмени) практиковали запорное рыболовство [2018, с. 187]. В Европейской России погребенные рыболовные сооружения известны в лесной зоне, самые ранние даты относятся к мезолиту [Буров, 1988; Замостье..., 2013]. С торфяниковых памятников Среднего Урала происходят остатки запорных сооружений эпохи раннего металла [Чаиркина, 2012, с. 45]. В лесной зоне Западной Сибири древние запоры пока не обнаружены, но это вопрос скорее целеполагания исследований, технологий поисков, нежели правомерности гипотезы об их существовании в древности. В Финляндии, сопоставимой по природным условиям с Приобьем, известно около 90 мест доисторических рыболовных заборов и ловушек [Koivisto, 2018].

¹ Замор — массовая гибель рыбы из-за недостатка растворенного кислорода в воде.

Методы и историография

В работе использован экологический подход, хозяйственная деятельность рассматривается как способ управляемой адаптации к окружающей среде. Вопросы взаимодействия человека и среды отражены в широком спектре работ по разным направлениям: историческая (гео)экология, палеогеография, этноархеология, этноэкология. Сопряжение двух последних дисциплин (см. подробнее: [Адаев, 2016]) представляется наиболее плодотворным для изучения явлений, укорененных одновременно в культуре и почве. Прерогативой этноэкологии является изучение традиционных систем жизнеобеспечения (см.: [Крупник, 1989]). Этноархеологии принадлежит ретроспективный метод, когда на прошлое проецируется модель жизнеобеспечения, созданная по данным этнографии, статистики, ландшафтоведения и прочих современных наук; его еще называют палеоэтнографическим [Косарев, 1991, с. 6]. В частности, при реконструкции системы жизнеобеспечения поселений бронзового века Васюганья были привлечены данные ихтиологии и этнографии [Кирушин, Малолетко, 1979, с. 126–129].

Данные дистанционного зондирования Земли были применены для фиксации объектов запорного промысла: спутниковые снимки достаточно детализованы для визуального поиска, а объекты отчетливы в русле рек². Это позволило заранее (до поля) очертить географию феномена и выявить некоторые факторы пространственного размещения. Количественно значимый результат этой работы сразу навел на мысль об особой природе (уникальных факторах) кондинского запорного рыболовства. На фоне других способов и практик рыболовства, которые трудно охватить сколько-нибудь масштабно географически и хронологически, недвижимая инфраструктура запорного лова предоставила хорошую возможность для пространственного анализа. Столь же важно, что запоры легальны, и рыбаки свободно говорят о промысле, объемах добычи, готовы показать места установки.

Основоположником изучения запорного лова в Приобье был финский этнограф У.Т. Сирелиус, который совершил две длительные экспедиции на рубеже XIX–XX вв. На Конде Сирелиус пробыл всего две недели зимой 1900 г., выявленные там ловушки и запоры он привел в качестве частного случая в обской классификации [Sirelius, 1906]. Интерес также представляют дневники Сирелиуса с фотографиями и комментариями техник лова у восточных хантов [Сирелиус, 2001]. Детально обские промыслы в 1895–1896 гг. обследовал Н.А. Варпаховский [1898, с. 1–32]. Загораживание Оби и больших пойменных соров он признал вредным, целиком лежащим на совести русских промышленников, завладевших местами промысла аборигенов.

В энциклопедическом труде «Народы Сибири» практики запорного лова отмечены у многих народов Северной Азии [1956]. Генезису запорного рыболовства посвящена статья В.И. Васильева [1962]. Исследователями-угроведами запоры описаны как системный элемент хозяйства [Соколова, 2009; Федорова, 2000; Сподина, 2014]. Промысел фигурирует в типологии традиционных хозяйств Северо-Западной Сибири [Головнёв, 1993], детализован в хозяйственных циклах приуральских манси и хантов [Северная Сосьва..., 1992, с. 18–26; Перевалова, 2004, с. 252–256]. Попытка проследить рыболовную адаптацию населения к ландшафту была предпринята на примере ряда татарских поселений в Тарском Прииртышье [Селезнева, 2001]. При всем обилии упоминаний запоров нет отечественных работ, где повествование строилось бы с позиции конкретной общины. Образец такого описания с дилеммой выбора места под запор, ритуальными практиками дали в свое время американские антропологи у юроков Калифорнии [Waterman, Kroeber, 1938]. Также нет статей, где была бы зафиксирована географическая ситуация конкретной реки/бассейна со всеми ее запорами *in situ* и оценен объем промысла конкретной семьи/группы, прослежена динамика рыболовной практики.

Исследования в Северо-Западной Америке показали, что миграции рыбы (лососевых в первую очередь) обеспечили развитие сложных обществ: стратегия жизнеобеспечения тлинкитов и других прибрежных племен заключалась в максимальном освоении нерестовых потоков [Schalk, 1977]. Самый добычливый промысел велся с помощью так называемых пассивных способов лова: заграждений различного рода (fish weirs) и плетеных ловушек (basket traps) [Stewart, 1977, p. 99–102]. К 1989 г. только в Британской Колумбии археологами было зарегистрировано более 450 рыболовных запоров или ловушек, в том числе 109 каменных дамб [Moss, 1990]. Запорные конструкции были распространены и в континентальной части Канады — у ата-

² Программное обеспечение SAS.Планета.

пасков бассейна Маккензи, Невольничьей [Шишелов, 2018, с. 54–59]. Была прослежена связь между рыбопродуктивностью водоемов, поселенческой структурой, социальными отношениями.

Устройство запоров

Общий принцип запорного лова заключается в перекрытии реки, залива или части озера для ограничения хода рыбы, для такого типа устройств устоялось три термина: заколы (Европейский север), запоры (Западная Сибирь), заездки (Восточная Сибирь, Дальний Восток). Запоры ставят в сочетании с ловушками или без них — под лов неводом или иным способом. Они могут быть сезонными (легкоставными) или круглогодичными (стационарными) на сваях. Традиционный обской запор состоит из прямоствольных обтесанных жердинок или колотых плашек высотой до 3–5 м, сплетенных наподобие циновки кедровым корнем, камышом или мочальной веревкой. Гидрорежим конкретной реки, характер замора, поведение рыбы определяют, когда и где ставить запор, какого типа. На Малой Сосьве запорами ловили даже бобров [Скалон, 1951, с. 102–104]. Для внутренних районов тайги был наиболее характерен сезонный запор в сочетании с мордами (вершами). Такого типа запор подходит для полуоседлого населения, которое несколько раз в год меняет стоянки, занимается попутно звероловством и собирательством. Полотно на 20–30 см вбивается в речное дно, чтобы исключить подмывание и подкапывание. В каменистых грунтах на горных реках сваи заменяют на распорки-треноги, стыки у дна прокладывают камнями.

Побывавший в 1902 г. на Нижней Конде А.А. Дунин-Горкавич писал, что летом через реку запоры городят не сплошь, а до фарватера, под неводьбу, а зимой для ловли плетеными ловушками (саипами, чердаками) [1910, с. 320]. Руслевой запор — не сплошное ограждение, а двойная линия воткнутой в дно кольев, которые удерживают жердь, закрепленную на 0,3–0,5 м от дна. Вода, протекая через жердь с напором, создает шум, который удерживает рыбу выше по течению, способствуя неводьбе [Городков, 1912, с. 202]. Это самый добычливый промысел в августе — сентябре [Шульц, 1924, с. 34]. На притоках Конды Б.Н. Городков отметил сплошные запоры, состоящие из деревянных планок или рогожи, которые ставят во вторую половину лета с началом падения воды. По оценке 1926 г., зимний лов на Конде запорами иногда в объеме превышал летний и осенний лов неводом [Кондинский край..., 2006, с. 335]. Для торговых отношений зимний лов был главным, так как позволял сохранить рыбу в первозданном виде и вывезти по санным дорогам на Урал и в Южную Сибирь. Во второй половине XX в. запоры остались только на малых реках, ограждение на русле Конды прекратилось из-за лесосплава и новых правил рыболовства.

Поднявшуюся в озера рыбу запирают и держат до заморозков, ловят из подо льда сетями или ждут начала замора в декабре — январе. Промысел «духовой» рыбы — по умолчанию самый эффективный, но замор зачастую оказывается быстрее рыбаков, и тогда вся запертая рыба гибнет. Кондинские речки удобны для устройства *котца* — огороженного запорами сегмента русла с ключом или омутом. Котцы обычно настроены как на подъемную, так и на покатную рыбу. Проход рыбы регулируется рамой с сомут — сходящим на конус плетеным лазом. Это самые выгодные и вариабельные ловушки для малых рек, где замор бывает верхним или нижним и рыба циркулирует в обе стороны [Иогансен, 1945, с. 28–29]. Котцами добывают в среднем 10–20 т товарной рыбы, рыбопродуктивность зависит от кормовой базы: поймы обеспечивают более 50 кг/га за год; речные воды — 15–20 кг/га, таежные озера — около 10 кг/га. Видовой состав рыбы зависит от периодичности и условий замора. В бессточных ежегодно «сгораемых» водоемах выживает только карась, зарывающийся на зиму в ил, в озерах, сгорающих раз в 10–15 лет, доминируют плотва, елец, окунь, ерш (мелкий частик), встречаются язь и щука. В незаморных озерах водится пелядь (сырок). В целом, из-за суровых условий зимовки, в глубинных водоемах преобладает мелкая рыба, формирующая большую часть улова.

В 1938 г. на Конде в с. Нахрачи (ныне пгт. Кондинское) был запущен рыбозавод, после войны повсеместно появились зверофермы, они в больших объемах стали потреблять мелкую рыбу, которая ранее не была востребована. При резко возросшем спросе (плане), все виды лова модернизировали и масштабировали. Это привело к появлению в 1940-х гг. понятия *кондинский котец* и профессии рыбака-котцевика. Ранее в публикациях эти термины не встречались, хотя ловушки котцового типа, безусловно, были известны. В 1960-е гг. на 500–550 котцов кондинского типа приходилось 8,6 % всей добывавшейся в Тюменской области рыбы [Петкевич, 1972, с. 8]. Обустройство кондинского котца требует 7–10 кубометров пиломатериала, не считая расходов на промысловый стан, состоящий из избы, площадки для заморозки рыбы, навеса и склада. Кондинские котцы — результат индустриального подхода к рыболовству, механизации многих этапов, которые ранее выполнялись вручную или при помощи гужевой тяги.

Кондинский котец состоит из трех заporов — заходного, крепостного и промежуточного, иногда ставят также предохранительный заpor. Рамы держатся на вбитых в дно сваях 5–6-метровой высоты, поверх прокладывают мостки. Если водоток более 5 м шириной, с большим расходом воды, бурным ледоходом, то для устройства запора выбирают излучину, которую срезают каналом и запирают на время промысла. Весной туда перенаправляют лед и внешнюю воду. Примером такого устройства является заpor на р. Чепыш, принадлежащий в настоящее время хантам Сургучевым (с. Болчары). Его схематичное устройство приведено в справочнике по урало-сибирскому рыболовству [Петкевич, 1972, с. 240–242]. За полвека документированного существования заpor был обновлен как минимум 6–7 раз, смещался по руслу на одну-две излучины вниз (видны остатки свай). Кондинские котцы стали за полстолетия традиционными, о досоветском устройстве заporного лова сегодняшние рыбаки не знают.

Этнокартография заporного промысла

По спутниковым снимкам на отрезке водосбора Конды в 140 км от р. Пушта до р. Чилимка, было выявлено около 80 заporов. В ходе последующего опроса рыбаков число выросло до 111, некоторые места были отмечены как пробные, где заporы стояли не больше одного-двух сезонов; основной хронологический диапазон — последняя четверть XX в. Полевое исследование проводилось в с. Болчары, с. Алтай, д. Кама, образующих сельское поселение с общей численностью населения 3,2 тыс., из которых 2,5 тыс. проживают в Болчарах (рис. 1). Этнический состав поселения смешанный, преобладает русское население. Опрошено 17 рыбаков, из них 13 закрывают речки до настоящего времени, — это почти все, кто занимается заporным промыслом. Рыбакам в среднем по 50–60 лет, держат заporы на реках, где работали в колхозные времена, многим помогают взрослые дети. Большая часть рыболовных угодий Нижней Конды принадлежит сегодня общинам, аффилированным с Ханты-Мансийским рыбзаводом. Рыбаки состоят в этих общинах или заключают договор, по которому отгружают часть рыбы по фиксированным (низким) ценам. Внедоговорная (большая) часть рыбы реализуется зимой по более высоким расценкам приезжающим коммерсантам.

Заporный лов по умолчанию считается промышленным из-за объемов, что требует легализации: участия в конкурсах на рыбопромысловые участки, ведения налоговой отчетности. В редких случаях рыбак сам является собственником запора и оформлен как частный предприниматель или фермер. Еще реже котцовый лов ведется неформально, без оформления участка или договора подряда. В этом случае формальный собственник рыбучастка в любой момент может заявить свое право и приватизировать заpor. Только если участок безынтересен крупным игрокам, там можно поставить заpor, не опасаясь претензий. Но улов в таких местах, как правило, невелик, а транспортные издержки значительны. В двух случаях заporы расположены на родовых угодьях (территории традиционного природопользования), где пользование биоресурсами является приоритетом коренных жителей.

Хозяйственное значение заporов на Нижней Конде в настоящее время снизилось как по отношению к советскому периоду, когда рыбу добывали по плану, так и к досоветскому, когда рыбачили главным образом для пропитания. При том, что заporный лов может обеспечивать до 60–70 % дохода от рыбопромысла в хозяйстве. Например, у Ивана Слинкина (д. Кама), бывшего председателя колхоза «Красная звезда», заpor в низовьях р. Чилимка дает 20–30 т рыбы в год, летний лов сетями и неводом — 10 т. Большие заporы (более 5–6 метров шириной) продолжают держать при условии хорошей доступности и ценности рыбы в закрываемом водоеме (щука, язь, окунь). Таким условиям соответствуют не более 10–15 заporов в нижнем течении Конды.

Из опросов следует, что не более 20 заporов использовались в последние 2–3 года, все остальные находятся в разной стадии обветшания. Обустройство запора с котцом оценивается рыбаками в 400–500 тыс. руб., что зачастую делает восстановление нерентабельным. Многих, кто хотел бы себя попробовать в заporном лове, отпугивают бюрократические издержки, непредсказуемость других угроз. Одна ондатра способна свести на нет полугодовые усилия бригады (семьи) рыбаков и многолетние инвестиции. Заpor может быть нарушен недоброжелателями, котец засорен, изба сожжена, рыба выловлена или выпущена. Автору пришлось быть свидетелем, как прибывший летом на заpor рыбак обнаружил отогнутую секцию и сломанные жердинки, — через образовавшуюся щель из котца ушла почти вся рыба. Медведь это сделал или человек, выяснить не удалось, так как преступник следов не оставил. Подобные риски сильно снижают привлекательность промысла, требуя от собственника найти сторожа, который бы жил при загоре. Так поступают на больших речках, где риск потери рыбы и прибыли возрастает (рис. 2).

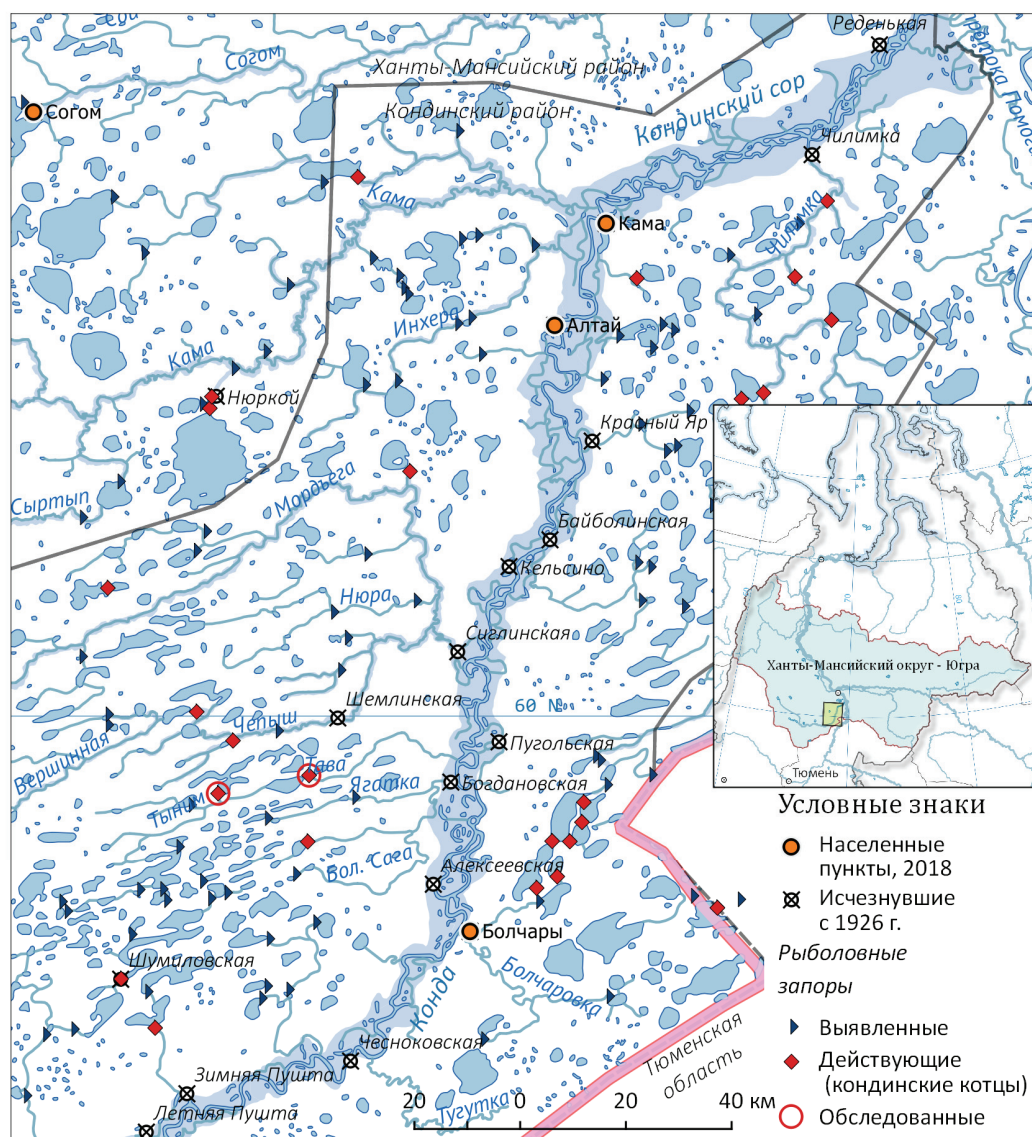

Рис. 1. Выявленные рыболовные заборы Нижней Конды.

Fig. 1. Identified fish weirs on the Lower Konda basin.

Для междуречья Конды и Иртыша большой проблемой стал приход нефтяников. Добыча углеводородов часто оказывается несовместима с рыболовством из-за экологических нарушений. Климатические изменения последних ста лет также заметно сказались на рыболовстве, смягчая заморный эффект, который являлся важным фактором приоритета запорных технологий в обском рыболовстве. Также рыбаки сетуют, что ерш, массово добывавшийся в советские годы, теперь восстановился в ущерб товарной рыбе и забивает котцы. На некоторых реках запорному промыслу серьезно мешает бобер, который также восстановил популяцию и активно реколонизирует низовья Конды, сооружая дамбы (глухие заборы), нарушающие циркуляцию рыбы.

Мелиорация

Устройство больших заборов сопровождалось работами по увеличению притока рыбы и способности контролировать/вызывать замор. Копали каналы между озерами с разным режимом заморности и проточности, чтобы обеспечить циркуляцию рыбы. Большое значение имела возможность сквозного движения на лодках, поэтому русла многих рек расчищались от завалов, бобровых плотин. Задолго до появления землеройной техники Конда через притоки была соединена с Алымкой, относящейся к Иртышу [Адаев, 2015].

Рис. 2. Ремонт крепостного запора на истоке оз. Мысастое.

Fig. 2. Repair of fishing weir in the source of the river from the Mysastoe lake.

В Шумиловской озерной системе следы традиционной мелиорации были перекрыты работами 1970-х гг., когда на строительстве (углублении) каналов стали использовать технику. Большой Шумиловский сор соединили через водораздел с Курсорскими озерами, поставили шлюз-регулятор. Также были прорыты каналы к ранее бессточным озерам Мотылек и Островной Сор. Сток присоединенных озер из бассейна р. Тыним был переброшен в Шумиловскую систему, что повысило ее водо- и рыбопропускную мощность.

Аналогичным образом была увеличена пропускная способность р. Могатка (приток р. Болчаровка). Озеро Карасье в истоках Могатки соединили с Денискиным Сором и далее с оз. Фочкино, принадлежащим бассейну р. Ярка, впадающей в Иртыш [Объект 245..., л. 50–51]. Сток был перенаправлен с Иртыша на Конду, емкость озерной системы кратно увеличилась в пользу болчаровских рыбаков. Позади запора в межбассейновом канале пришлось делать шлюз и укреплять берега, чтобы ограничить эрозию. Эта система запоров действует до настоящего времени, что объясняется близостью Болчар. Но вместо бригады из 6–7 чел. образца 1980-х гг., сегодня работают трое рыбаков; объемы вылова сократились с 100 до 10 т, главным образом за счет полного отсева мелочи (длиной до 14 см).

У бывших Нюркеевских юрт большое озеро Энотор было соединено каналом с озерком Деревенским, изливающимся в Каму — крупный приток Конды. Результатом стало формирование мощного миграционного потока рыбы с Конды. Транзитное озерко Домашнее фактически превратилось в садок, выход рыбы к запорам стимулировался искусственным замором, который вызывали, сооружая снеговую дамбу на канале. Традиционные практики, направленные на увеличение рыбопродуктивности, были восприняты советской властью, что привело к их механизации и масштабированию. Практики, направленные на ограничение лова, наоборот, были отвергнуты. Уже к 1940–1950-м гг. это привело к сокращению рыбной базы региона из-за перепромысла.

Пространственный анализ

Картографирование показало, что около 100 из 111 выявленных запоров расположены не более чем в 600 м от истока из верхового или проточного озера. Это наиболее удобное место для устройства котца. Запоры на устьях кондинских притоков и пойменных сорах не выявлены,

рыбаки отметили лишь пару мест установки делевых завесок, которыми перекрывали некоторые притоки в малую воду во второй половине лета. По сути это тот же запор, но выполненный из фабричных материалов: неводной дели, посаженной на канат и цепи, которой прокладывали дно. Сегодня завески не практикуют, а единственная стационарная система запоров в нижнем течении осталась на Чилимке: большую часть теплого времени года запоры затоплены и начинают удерживать рыбу, только когда вода возвращается в русло, что происходит не каждый год.

В традиционном хозяйстве помимо наличия рыбы важно соседство запираемого водоема с незатопляемым берегом, где есть прямоствольный лес. Каждые 5–6 лет жерди в запорах надо полностью менять, поэтому деревья должны расти поблизости. В советские годы размещение запоров перестало определяться одними ландшафтными предпосылками. География выявленных запоров во многом отражает индустриальный подход, когда к природе не приспосабливались, а видоизменяли ландшафт под хозяйственные нужды — мелиорацией занимались проектные институты, рассчитывая на повышение рыбоотдачи таежных озер. Единовременное существование в 1960–1990-е гг. более 80 запоров с котцами на Нижней Конде является историческим пиком запорного промысла. Только плановая экономика могла сформировать высокий спрос на мелкую (кормовую) рыбу, которую черпали в большинстве котцов, обеспечить полноценную логистику в бездорожье за счет авиации и гусеничных вездеходов. Промышленные достижения советского периода не отменяют ландшафтного фактора так такового, но ставят вопрос: в какой мере репрезентативна топография (ландшафтная приуроченность) выявленных объектов, если обратиться к ее в прошлое.

Палеобиологические данные свидетельствуют, что позднечетвертичная ихтиофауна сохранилась без изменений до настоящего времени [Экология рыб..., 2006, с. 23–24]. Заболачивание севера Западной Сибири в голоцене и череда трансгрессий-регрессий вели к изменениям гидросети: изоляции водораздельных озер, изменению русел малых рек, переориентации болотных стоков. Как следствие, смещались миграционные потоки рыб, одни речные системы становились более благоприятными, другие — менее, но стратегически места установки запоров по-прежнему тяготели к озерам, протокам, старицам и заливам [Иоганзен, 1945, с. 7–13]. Так, для исследователей многослойного памятника Замостье-2 в Окско-Волжском междуречье «самым неожиданным стало постоянство, с которым древние люди использовали один и тот же участок протоки на протяжении нескольких тысячелетий, с учетом периодических колебаний уровня палеоозера в трансгрессивные/регрессивные периоды» [Замостье..., 2013, с. 72]. В озерной протоке были обнаружены остатки запора, датированные мезолитом — неолитом. Такой же устойчивостью во времени отличались старичные запоры у д. Мармугино на р. Юг в Вологодской области [Буров, 1988]. Из этих и других примеров можно заключить, что действие ландшафтных факторов можно рассматривать ретроспективно в масштабе ландшафтных провинций, но конкретная привязка запоров будет зависеть от уровня производительных сил общества и определяться торговыми отношениями (в контактный период).

Из истории первой половины XX в. следует, что глубинные юрты низовий Конды (Нюркой, Шумилово, Согом³) тяготели к местам, пригодным для устройства больших общинных запоров. К настоящему времени натурно обследованы только окрестности Согома — единственной сохранившейся деревни. В 2012 г. помимо действующего запора на истоке из Домашнего Сора были видны остовы двух прежних, и можно предположить, что в русле погребено множество старых деревянных конструкций. Каждая из рек, впадающих в Домашний Сор, также запиралась на устье. У одного из действующих запоров, на протоке из оз. Чебачье, было обнаружено древнее поселение [Собольникова, 2015]. Его жители, по всей видимости, вели оседлый образ жизни, сделав запор основой хозяйства. Всего вокруг Домашнего Сора выявлено более 200 памятников, датируемых от неолита до позднего средневековья, что указывает на благоприятные условия проживания, устойчивость биоресурсов во времени [Зайцева, Кениг, 2013]. В подобном же топосе — в верховьях р. Тухсигат (бассейн р. Васюган) расположено оз. Тухэмтор, собирающее воду с нескольких малых рек. Все они закрывались хантами, а на выходе из Тухэмтора стоял общинный запор [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 54, 129]. Поблизости от запора и по берегам озера известно несколько поселений бронзового века. Общим для исследователей

³ Бассейн р. Согом в ландшафтном отношении является продолжением Кондинской низменности, но сток относится к Иртышу. Экономически и культурно согомское население ближе к Конде, что выражается в преемственности археологических культур, этнографической общности хантов. Эту связь отражала и административная принадлежность Согомских юрт к Меньше-Кондинской волости.

Согома и Тухэмтора стал вывод о сравнительном (зимнем) постоянстве усть-озерных поселений при больших запорах, в то время как сезонные (летние) жилища на прилегающих малых речках функционировали попеременно.

В реконструкциях схем жизнеобеспечения приозерные запоры все чаще представляются централизующим звеном хозяйства, от которого выстраивается география других промыслов. На материале с торфяников северо-востока Европы тяготение неолитических рыболовов-охотников к озерным истокам аргументировал Г.М. Буров [1974]. В Финляндии, в радиусе 2 км от запора при озере, датированного 3,3 тыс. л.н., известно шесть стоянок и семь местонахождений неолитического времени, что подводит к мысли о приоритете стратегии контроля и лова проходной рыбы в условиях бореального климата [Koivisto, 2018, p. 172]. На истоке р. Китванга из оз. Китванкул (380 м над у.м.) в бассейне р. Скина, Британская Колумбия, на участке в полкилометра было выявлено пять древних запоров с ловушками, установлено, что реку перекрыли около 750 лет назад [Prince, 2005]. Лов лососевых в течение 4–5 месяцев был основой жизнеобеспечения призапорных поселений. Исходя из объемов поднимающейся рыбы сделан вывод, что моноресурсная стратегия была обоснованной и приоритетной, а иные варианты жизнеобеспечения и размещения активировались только в случае недостатка лососевых.

Обследование запоров на реках Тыним и Тава

Автором были обследованы два действующих запора с котцами на связке рек Тыним-Тава в левобережье Конды (рис. 3). Первый запор расположен на истоке из оз. Окуновое (Мысастое), второй — ниже Тавинского сора. По переписи 1926 г. эти водоемы числились за д. Богдановской, расположенной на Конде неподалеку от устья Тавы. Озеро Мысастое площадью 583 га, питается главным образом ключами, незаморное, что привлекает на зимовку рыбу, несмотря на узость истока (1,5 м ширины, 0,5 м глубины). Запорами ограничен приозерный участок ручья 40 м длиной — накопитель (котец), где ведется основной лов. В 300 м от ручья на бору обнаружены два городища, предварительно датированные средневековьем. Учитывая, что никаких других притоков у озера нет, считаем, что древние насельники должны были полагаться на поднимающуюся по Таве-Тыниму рыбу, которую проще всего контролировать на единственном ручье.

Запор дает до 10–20 т рыбы (пик до 60), что делает промысел рентабельным в рыночных условиях. Участок реки, на котором расположен котец, является промысловым и оформлен в аренду рыбаком-частником из Болчар, унаследовавшим место от деда, проживавшего в д. Богдановской, ныне заброшенной. Изба деда стояла на берегу озера, теперь — у заходного запора на ручье. Берега ручья несут следы старых дамб в виде неестественных валов поперек русла. Дед — колхозный рыбак ходил из деревни пешком к озеру и переправлялся на гребной лодке к запору. На дорогу летом затрачивался весь световой день, поэтому на озере рыбак оставался на несколько ночей: подготавливал материалы для запора и вылавливал сетями озерных карасей. Мы занимались тем же с той разницей, что на автомобиле от Болчар до озера проехали за 1,5 ч, а по озеру передвигались на моторной лодке. Почти весь строительный материал сегодня привозится на технике из деревни, в том числе жал, который делают на станке, что исключило самый времяземкий этап по колке и вытесыванию жердинок для запора; для вязки сегодня используется синтетический канат.

Рыбаками деревни закрывался также расположенный в 2,5 км от Мысастого приток Тынима, вытекающий из оз. Шалашное. Но поскольку Шалашное регулярно «горит», питаемое болотными водами, его рыбохозяйственный потенциал значительно ниже. Ниже в 6 км от оз. Мысастого расположен проточный Тавинский сор (353 га). До него можно добраться пешком или по весенней воде, что, вероятно, было одним из вариантов сезонного размещения хозяйствующей общины. После сора р. Тыним меняет название на Таву и становится судоходной для лодок-долбленок. Река растекается до 5–8 м в ширину и достигает 2 м глубины, весной топит низкую болотистую пойму. Стационарный запор на выходе из Тавинского сора представляет собой хлопотное хозяйство в виде запертой излучины реки, с обводным каналом и дополнительным запором-шлюзом (рис. 4). Это типичный кондинский котец, требующий большого расхода пиломатериалов и трудозатрат. В рамках традиционного (немеханизированного) хозяйства более рациональным представляется сезонное перекрытие водотока, а не круглогодичный контроль. В целом связку озер можно представить схемой локального жизнеобеспечения одной общины, но, с учетом близости Конды, более вероятна широкая сезонная ритмика, с включением в хозяйственный цикл затопляемых пойм, которые отличаются максимальной для Приобья рыбопродуктивностью.

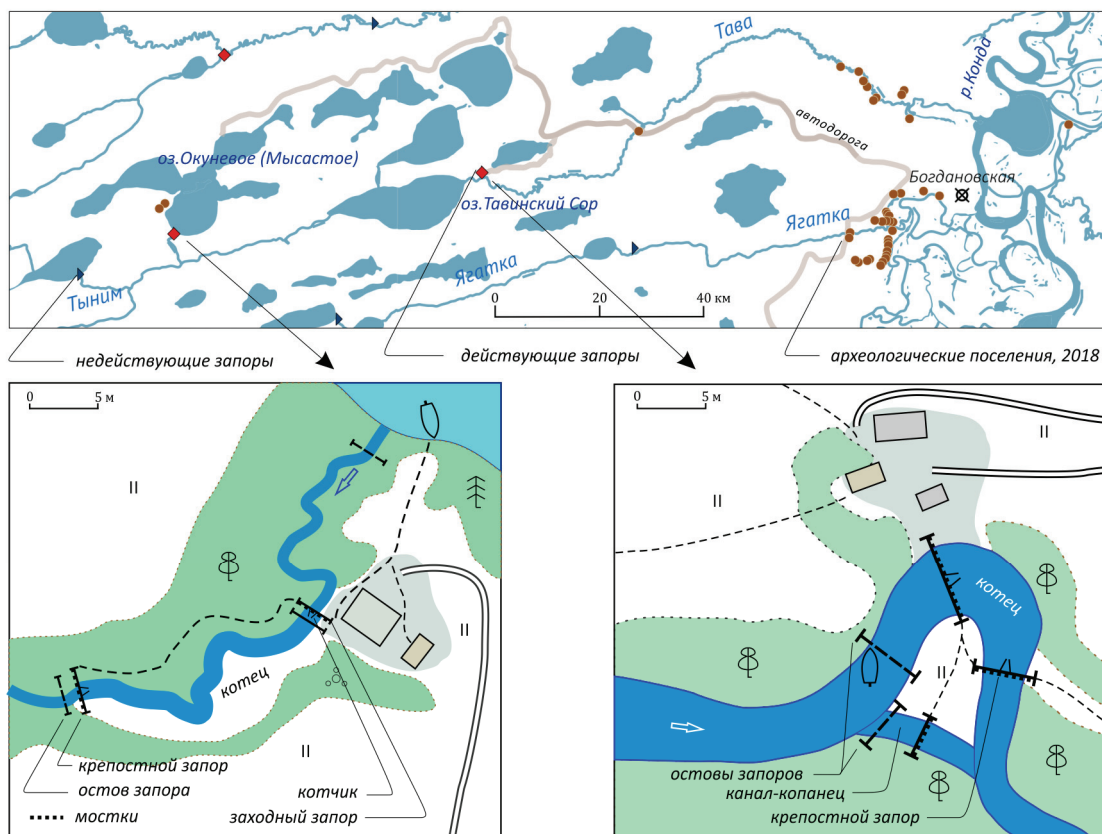

Рис. 3. Современные деревянные запоры на реках Тава и Тыним.
Fig. 3. Modern wood stake weirs on small rivers the Tava and Tynim.

Рис. 4. Панорама кондинского котца на р. Тава.
Fig. 4. The Panorama of "Kondinskiy kotets" trap on the Tava river.

Например, по воспоминаниям А.К. Сургучевой (1897 г.р.) летом в устье р. Кама (крупный левый приток Конды) вся деревня сообща ставила запор на 10 морд. «Утром и вечером проверяют, в каждой морде рыбы на целую Осиновку. Всю рыбу делили по паям» [Лукина, 2010, с. 17]. Такой лов в течение 1–1,5 месяца обеспечивал запасы сушеной и вяленой рыбы на большую часть зимы. Но установить такой запор можно было только в малую воду. По данным многолетних гидрологических наблюдений в Болчарах, уровень Конды достигает меженного

лишь в 34 % случаев и в среднем держится 40 дней. Другими словами, пойма часто остается затопленной, осложняя или делая невозможным запираание соров и притоков, неводьбу на стрежневых песках. В частности, из-за многоводья 1924 г. промысел на Конде был практически парализован, местных жителей выручили тогда периферийные водоемы [Шульц, 1915, с. 28]. В таких условиях стратегия промысла на малых реках и верховых озерах, где уровень воды мало меняется в течение года, становилась приоритетной. Другое дело, что низовья притоков логистически более удобны для постоянного размещения — это подтверждает высокая плотность разновременных археологических поселений в низовьях Тавы и Саги, выявленная летом 2018 г. [Собольникова, 2018].

Заключение

Особенность Кондинского бассейна заключается в обилии и разнообразии водоемов, связанных в единую сеть. Рыба не покидает бассейн Конды, но активно перемещается внутри него по сложившимся миграционным маршрутам. Возможность перекрытия и контроля рыбных потоков — один из ключевых параметров местного природопользования. Техники запорного рыболовства развивались вплоть до XX в. Запоры с ловушками оказались не только одним из самых эффективных способов лова, но и инструментом управления ихтиоресурсами, поскольку позволили накапливать рыбу в озерах и тем самым прогнозировать объем вылова. Устройство запоров, как правило, сопровождалось мелиорацией (рытье каналов, расчистка дна, спрямление русел, шлюзование). Результатом было повышение продуктивности водоемов, что вело к росту местной общины.

Конда характеризуется чередованием мало- и многоводных лет, что сильно отражается на численности рыбы и условиях рыболовства. С этой позиции освоение периферийных водоемов со стабильными гидроусловиями выглядит стратегией, снижающей риски недостатка рыбы на основной реке. Характерная для притоков Нижней Конды близость истоков к устью (30–40 км по прямой) также делала доступным чередование ресурсов разных ландшафтных зон и водоемов. Данные переписи 1926 г. демонстрируют, что поселения хантов располагались не только на Конде, но и на малых реках при выходе из озерных систем, где лучшие места для устройства общинных запоров. Такая приуроченность, по всей видимости, характерна не только для Кондинской низменности, но и для других озерных районов Среднего Приобья (Аган, Казым, Куноват, Васюган и пр.). Наиболее перспективными для археологического обследования на Нижней Конде являются урочища бывших юрт Шумиловских и Нюркюевских.

В результате картографирования и последующего опроса рыбаков установлено положение 111 запоров на Нижней Конде, относящихся в основном к последней четверти XX в. Это был период максимального распространения кондинских котцов — модернизированных ловушек запорного типа, нацеленных на летнее-осеннее удержание рыбы в озерах и вылов в декабре — январе во время замора. Установлена закономерность размещения запоров на истоке из верховых или проточных озер в пределах 600 м — такое положение наиболее эффективно для устройства котца. Сезонные запоры в устьях притоков, пойменных сорах и на русле Конды перестали ставить в середине XX в. из-за сплава леса и новых правил рыболовства.

Этнографические данные свидетельствуют об окончательном переходе запорного лова из практики жизнеобеспечения в разряд рыночных промыслов. Этот переход наметился еще в начале XX в. и сопровождался экстенсивным ростом числа запоров и географии промысла, чтобы обеспечить рыночный спрос (потом план) и собственное потребление. В конце XX в. произошел спад, советские производственные цепочки разрушились, сельские жители переключились на иные виды работ и нетрудоёмкие способы рыбного лова. Мелиоративные работы также были свернуты. В 2010-х гг. с ростом общего уровня благосостояния, но также — топливных расходов и бюрократических издержек число запоров сократилось. Они остались только на тех водоемах, где рыба конвертируется в ощутимый денежный доход.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаев В.Н. Опыт преобразования ландшафта у народов Севера Западной Сибири (на примере гидротехнических работ) // Экологическая история Сибирского Севера: Перспективные направления исследований: Материалы всерос. науч. семинара 15–16 октября 2015 г. Сургут: СургПУ, 2015. С. 52–63.

Адаев В.Н. О пересечениях исследовательского поля этнической экологии и этноархеологии // Экология древних и традиционных обществ: Материалы 5-й Междунар. науч. конф., г. Тюмень, 7–11 ноябр. 2016 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. Вып. 5. Ч. 2. С. 196–199.

- Буров Г.М. Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен северо-восточной Европы // Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: Материалы Всесоюз. симп. М., 1974. С. 283–287.
- Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. 1988. № 3. С. 145–160.
- Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби: В 2 ч. СПб., 1898. Ч. 1: Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. 144 с.
- Васильев В.И. Проблема происхождения орудий заповного рыболовства обских угров // Сиб. этногр. сборник. М., 1962. Т. 78. Вып. 4. С. 137–152.
- Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: НГУ. 1993. 204 с.
- Городков Б.Н. Река Конда // Землеведение. 1912. Т. XIX. Кн. 3–4. С. 172–211.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. 376 с.
- Зах В.А. Рыболовство в Тоболо-Ишимье в эпоху неолита и раннего металла // Самар. науч. вестник. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 182–192.
- Замостье 2: Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 240 с.
- Зайцева Е.А., Кениг А.В., Соболенкова Т.Н. Проблемы освоения нижнего Прииртышья в древности и средневековье (на примере Согомского археологического микрорайона) // Вестник урведования. 2013. № 3 (14). С. 137–146.
- Иоганзен Б.Г., Петкевич А.Н. Запорный промысел рыбы в Западной Сибири и его рационализация. Томск: Красное знамя, 1945. 40 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 171 с.
- Кондинский край XVI — начала XX в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / Под ред. В.И. Байдина. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 388 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
- Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья: Источники по этнографии: В 6 т. Т. 5: Конда. Тромъеган. Лямин. Казым. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 400 с.
- Народы Сибири / Под ред. С.П. Толстова. М.; Л.: АН СССР, 1956. 1083 с.
- Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
- Петкевич А.Н. Орудия промышленного рыболовства Урала и Сибири: Справочник. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 1972. 375 с.
- Северная Сосьва: (Исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск: Исеть, 1992. 75 с.
- Селезнева И.А., Селезнев А.Г. Рыболовство коренного населения тарско-иртышского бассейна (по материалам поселений тарских татар) // ЭО. 2001. № 6. С. 49–68.
- Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: изд-во ТГУ, 2001. 344 с.
- Скалон В.Н. Речные бобры Северной Азии. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1951. 208 с.
- Соболенкова Т.Н., Кузина А.В., Мухьярова А.Р. Археологические исследования в нижнем течении р. Конда: Итоги экспедиции 2018 г. // Восьмая Всерос. Югор. полевая музейная биеннале: Сб. науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск, 2018. С. 93–101.
- Соколова З.П. Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Слодина В.И. Особенности рыболовства на малых водоемах (на материале лесных ненцев) // ЭО. 2014. № 5. С. 129–145.
- Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 368 с.
- Чаиркина Н.М. Модели освоения вмещающего ландшафта в мезолите — раннем железном веке Зауралья (по материалам торфяниковых памятников) // УИВ. 2012. № 4 (37). С. 42–49.
- Шишелов Н.С. Рыболовная культура атапасков Арктического бассейна (XIII–XXI вв.). М.: Ridero, 2018. 110 с.
- Шульц Л.Р. Очерк Кондинского района (Отд. оттиск из сборника «Урал», 1926, № 8). Свердловск, 1926. 39 с.
- Экология рыб Обь-Иртышского бассейна / Под ред. Д.С. Павлова, А.Д. Мочака. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2006. 596 с.
- Koivisto S., Latvakoski N., Perttola W. Out of the Peat: Preliminary Geophysical Prospection and Evaluation of the Mid-Holocene Stationary Wooden Fishing Structures in Haapajärvi, Finland // Journal of Field Archaeology. 2018. № 3. P. 166–180. doi: 10.1080/00934690.2018.1437315.
- Moss M., Erlandson J., Stuckenrath R. Wood Stake Weirs and Salmon Fishing on the Northwest Coast: Evidence from Southeast // Canadian Journal of Archaeology. 1990. № 14. P. 143–158.
- Prince P. Fish Weirs, Salmon Productivity, and Village Settlement in an Upper Skeena River Tributary, British Columbia // Canadian Journal of Archaeology. 2005. № 29. P. 68–87.

Schalk R. The structure of an anadromous fish resource // For theory building in archaeology. New York: Academic Press, 1977. P. 207–239.

Sirelius U.T. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.

Stewart H. Indian Fishing: Early Methods on the Northwest Coast. Seattle: University of Washington Press, 1977. 181 p.

Waterman T., Kroeber A. The Kepel Fish Dam. University of California: Publications in American Archaeology and Ethnology, 1938. № 35. P. 49–80.

Фондовые источники

Объект № 245. Болчаровское озерное товарное хозяйство Кондинского района, Тюменской области. Стадия: предпроектные проработки. Т. 1 / СибрыбНИИпроект, Тюмень, 1975 // Архив Госрыбцентра (Тюмень). Инв. 2058.

Собольникова Т.Н. Археологическая разведка в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в полевом сезоне 2015 г.: Отчет о НИР / Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, 2015. URL: http://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/docs/otchet_sogom_2015_.pdf (дата обращения: 13.03.2019).

I.V. Abramov

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: ilya_abramov@list.ru

AN ETHNOECOLOGICAL APPROACH TO WEIR FISHING: A CASE STUDY FROM THE KONDA RIVER, WEST SIBERIA

In this paper, the phenomenon of weir fishing is considered as a way of the population's adaptation to lake and river landscapes of the Konda lowland in West Siberia. Weirs have become one of the most reliable ways of subsistence in the boreal climate, as well as an efficient tool for managing biological resources. Using such devices, fishermen are able to control the migration of fish, thereby predicting the amount of catch. The process of building fish weirs was accompanied by land development, i.e., construction of canals and locks, clearing the bed, straightening waterways, etc. All these actions brought the ecosystem into a more stable and predictable condition. The result was an increase in water body productivity, which, in turn, led to a growth of the local community. The Konda river is characterized by alternating low-water and high-water years, which has a major effect on the number of fish and fishing conditions. In view of this, the development of peripheral water bodies with stable hydro conditions is a strategy reducing the risks of fish shortage in the main stream. In addition, the proximity of sources to the estuary (30–40 km in a straight line), characteristic of the tributaries of the Lower Konda, allowed the alternation of resources from different landscape zones and water bodies. Drawing on the census data of 1926, it is demonstrated that Khanty settlements were located not only along the Konda river, but also along small rivers at the outflow of the lake systems, being the best places for community fish weirs. Using satellite imagery and surveys of local fishermen, 111 fishing weir locations on the Lower Konda that have been in use in the past 50 years were established. This was the period of a maximum increase in the use of modernized stationary traps aimed at catching large volumes of fish for subsequent processing in factories. The Konda fish trap design is a segment of the river, blocked on both sides, up to 200 m in length, where fish accumulate. The main fishing period is December — January, when the fish leaves the lakes on a massive scale due to the lack of oxygen under the ice and enters the fish traps on the river. The paper identifies a consistent pattern of placing weirs at the source of upstream or flowing lakes within 600 m, which is the most effective position for placing traps. Seasonal fish weirs in tributary junctions and the floodplain of the Konda river ceased to exist in the middle of the 20th century due to timber-rafting and new fishing regulations. Collected ethnographic data (2017–2018) reveals the irreversible transition of the weir fishing from a subsistence activity to a market-based business. This transition began in the early 20th century and was accompanied by an extensive increase in the number of fish traps as well as a geographical expansion of fishing, which was necessary to meet market demand or, in the Soviet period of planned economy, to achieve the planned target. In the late 20th century, when Soviet production chains collapsed, the villagers had to switch to other work activities and easy-to-use fishing methods. Land development works were also curtailed. In the 2010s, with an increase in the general level of welfare, as well as with the growth of fuel costs and bureaucratic expenses, the number of fish weir sites in the Lower Konda decreased to 13–15. Renewal of fish weirs takes place every 5–6 years only on those rivers where fish can still bring a sizable income.

Key words: Konda river, West Siberia, fish weir, wood stake weir, fish trap, cultural ecology, wetland archaeology, spatial analyses.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-140-153

REFERENCES

- Adaev V.N. (2015). Experience of landscape management of the indigenous peoples of North of Western Siberia (based on the example of hydrotechnical works). In E.I. Golobov (Ed.), *Ekologicheskaya istoriya Sibirskogo Severa: Perspektivnye napravleniya issledovaniy: materialy vserossiyskogo nauchnogo seminara* (pp. 52–63), Surgut: SurGPU. (Rus.).
- Adaev V.N. (2016). On intersections of the research field of ecological anthropology and ethnoarchaeology. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 2 (pp. 196–199), Tyumen: TyumGU. (Rus.).
- Baidin V.I. (Ed.) (2006). *Kondinsky region of the 16th — early 20th century in documents, descriptions, notes of travelers and memories*, Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Burov G.M. (1974). Strong sedentary and weir fishing in the Neolithic tribes of North-Eastern Europe. In A.A. Velichko (Ed.), *Pervobytnyi chelovek, ego material'naya kul'tura i prirodnaya sreda v pleistotsene i golotsene: Materialy Vsesoiuznogo simpoziuma* (pp. 283–287), Moscow. (Rus.).
- Burov G.M. (1988). The weir fishing of the Neolithic Age in Eastern Europe. *Sovetskaya arkheologiya*, (3), 145–160. (Rus.).
- Chairkina N.M. (2012). Models of landscape capacity changers in the Mesolithic — Early Iron Age in the Trans-Ural (based on the peat-bog sites materials). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 42–49. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich A.A. (1904). *The Tobolsk North: An overview of the country, its natural resources and industrial activity of the population*, St. Petersburg. (Rus.).
- Fedorova E.G. (2000). *Fishermen and hunters of the Ob basin: Problems of formation of culture of Hanty and Mansi*, St. Petersburg: Evropeiskii Dom. (Rus.).
- Golovnev A.V. (Ed.) (1992). *The Northern Sosva: (Historical and contemporary problems of Indigenous development)*, Shadrinsk: Iset. (Rus.).
- Golovnev A.V. (1993). *Historical typology of economies of North-Western Siberia Indigenous peoples*, Novosibirsk: NGU. (Rus.).
- Gorodkov B.N. (1912). The Konda River. *Zemlevedenie*, (3–4), 172–211. (Rus.).
- Ioganzhen B.G., Petkevich A.N. (1945). *The weir fishing in Western Siberia and its rationalization*, Tomsk: Krasnoe znamia. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Maloletko A.M. (1979). *Bronze Age of Vasyugan basin*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Koivisto S., Latvakoski N., Perttola W. (2018). Out of the Peat: Preliminary Geophysical Prospection and Evaluation of the Mid-Holocene Stationary Wooden Fishing Structures in Haapajärvi, Finland. *Journal of Field Archaeology*, (3), 166–180. doi: 10.1080/00934690.2018.1437315.
- Kosarev M.F. (1991). *The Ancient history of Western Siberia: Man and the Natural Environment*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Krupnik I.I. (1989). *Arctic Ethnoecology: Models of Traditional Subsistence of Sea-mammal hunters and reindeer herders of Northern Eurasia*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lozovski V.M., Lozovskaya O.V., Clemente I.C. (Eds.) (2013). *Zamost'ye 2: Lake Settlement of the Mesolithic and Neolithic Fisherman in Upper Volga Region*, St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN. (Rus.).
- Lukina N.V. (2010). *Khanty from Vasyugan to the Arctic: Sources on Ethnography*, 5, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Moss M., Erlandson J., Stuckenrath R. (1990). Wood Stake Weirs and Salmon Fishing on the Northwest Coast: Evidence from Southeast. *Canadian Journal of Archaeology*, (14), 143–158.
- Pavlov D.S., Mochek A.D. (Eds.) (2006). *Ecology of fish in the Ob-Irtysh basin*, Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. (Rus.).
- Perevalova E.V. (2004). *The Northern Khanty: Ethnic History*, Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Petkevich A.N. (1972). *Tools of industrial fishing in the Urals and Siberia*, Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Prince P. (2005). Fish Weirs, Salmon Productivity, and Village Settlement in an Upper Skeena River Tributary, British Columbia. *Canadian Journal of Archaeology*, (29), 68–87.
- Schalk R. (1977). The structure of an anadromous fish resource. In Lewis R. Binford (Ed.), *For theory building in archaeology* (pp. 207–239), New York: Academic Press.
- Selezneva I.A., Seleznev A.G. (2001). The fisheries of the indigenous population of Tara-Irtysh basin (according to the settlement Tarsky Tatars). *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 49–68. (Rus.).
- Shishelov N.S. (2018). *Fishing culture of Athapascans in the Arctic Basin (18th–21st centuries)*, Moscow: Ridero. (Rus.).
- Shul'ts L.R. (1926). *Essay of Kondinsky district*, Sverdlovsk. (Rus.).
- Sirelius U.T. (1906). *Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern*, Helsingfors.
- Sirelius U.T. (2001). *Travel to the Khanty*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.). [Sirelius U.T. *Reise zu den Ostjaken*, Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1983].
- Skalon V.N. (1951). *River beavers in North Asia*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. (Rus.).

- Sobol'nikova T.N., Kuzina A.V., Mukh'iarova A.R. (2018). Archaeological research in the lower Konda river: The results of the Expedition in 2018. In O.I. Belogai (Ed.), *Vos'maia Vserossiiskaia lugorskaia polevaia muzeinaia biennale: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 93–101), Khanty-Mansiisk. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2009). *Khanty and Mansi: A look from the XXI century*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Spodina V.I. (2014). Specificities of Fishing in Smaller Water Bodies (the Case of the Forest Nentsy). *Et-nograficheskoe obozrenie*, (5), 129–145. (Rus.).
- Stewart H. (1977). *Indian Fishing: Early Methods on the Northwest Coast*, Seattle: University of Washington Press.
- Tolstov S.P. (Ed.) (1956). *Indigenous peoples of Siberia*, Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).
- Varpakhovskii N.A. (1898). *The Fishing in the Ob River basin. Part 1: Fishing gear and fishery products*, St. Petersburg. (Rus.).
- Vasil'ev V.I. (1962). The problem of the origin of the Ob Ugric weir fishing tools. *Sibirskii etnograficheskii sbornik*, 78(4), Moscow (pp. 142–144). (Rus.).
- Zaitseva E.A., Kenig A.V., Sobol'nikova T.N. (2013). Problems of development of the Lower Irtysh region in ancient times and the Middle Ages (on the example of the Sogom Archaeological microdistrict). *Vestnik ugrove-denii*, (3), 137–146. (Rus.).
- Zakh V.A. (2018). The fishing of the Neolithic and Early Metal in Tobol-Ishim basin. *Samarskii nauchnyi vestnik*, (4), 182–192. (Rus.).
- Waterman T., Kroeber A. (1938). The Kepel Fish Dam. *University of California: Publications in American Archaeology and Ethnology*, (35), 49–80.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 18.03.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

К.В. Истомин

Томский государственный университет,
просп. Ленина, 36, Томск, 634050
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982
E-mail: kistomin@naver.com

О КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ПОДДЕРЖАНИЯ ЧУВСТВА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

На основе изучения атрибутивного стиля коренного и некоренного населения Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа выдвигается предположение, что показываемые ненецкими подростками низкие стабильность и глобальность оценок причин как положительных, так и отрицательных событий вызваны их холистичным когнитивным стилем, который позволяет им сохранять хорошую устойчивость к стрессам и без самоподдерживающей необъективности каузальных атрибуций. Поэтому теория индуцированной беспомощности, возможно, не имеет кросс-культурной валидности: самоподдерживающая необъективность может быть не единственным культурным механизмом психологической защиты от стрессов.

Ключевые слова: *атрибутивный стиль, когнитивный стиль, самоподдерживающая необъективность, ненцы, депрессия, алкоголизм, суицид.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-154-165

Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.54.2018, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Введение

Есть ли народы, представители которых более счастливы, т.е. испытывают большую удовлетворенность жизнью, по сравнению с другими народами? Бывают ли культуры, носители которых более склонны к депрессии и неудовлетворенности жизнью? В истории европейской мысли ответы на эти вопросы многократно менялись, пока во второй половине XX в. не стала господствовать мировоззренческая позиция, согласно которой, подобно тому как не бывает умных и глупых народов, не бывает и народов, в силу своих культурных особенностей обреченных на счастье или несчастье. Основную роль в утверждении этой позиции сыграли не столько эмпирические аргументы, сколько то, что представление о культурной обусловленности удовлетворенности жизнью плохо соотносится с гуманистическим тезисом о равенстве человеческих культур и народов. И хотя существование разницы между этническими группами в оценках субъективного благополучия, распространенности клинической и субклинической депрессии и уровне самоубийств отрицать невозможно (см., напр.: [Lester, 2008, p. 51–78]), ее предпочитают объяснять внекультурными факторами: тяжелым экономическим положением, наследием колониализма или тоталитаризма, модернизационным стрессом, демографическими перекосями и т.д.

Однако можно полагать, что объяснения этнических различий в субъективной удовлетворенности жизнью внекультурными факторами не являются достаточными. Во-первых, они чаще всего объясняют эти различия задним числом. Во-вторых, различия в субъективном уровне удовлетворенности жизнью сохраняются между этническими группами, находящимися в равных экономических, исторических и социальных условиях. Но вряд ли существуют какие-либо объективные средовые факторы, избирательно воздействующие на одни культурные группы и безразличные к другим. Следовательно, даже если какие-либо внекультурные условия среды и задают различия субъективной удовлетворенности жизнью у представителей сообществ, проживающих в сходных объективных условиях, то необходимо существует — и подлежит объяснению — механизм, через который эти объективные условия преобразуются в психологические субъективные оценки и диспозиции. Этот механизм необходимо имеет культурную составляющую. Наконец, в-третьих, списывая проблемы на объективные и внекультурные факторы, мы чаще всего отвечаем на вопрос «кто виноват». Вопрос же «что делать» остается без ответа, приобретая особую остроту в контексте исследований проблематики благополучия народов циркумполярной зоны, где такие по-

следствия низкой удовлетворенности жизнью, как алкоголизм и самоубийства, достигают критических показателей. Автора, как этнографа-полевика, неизбежно испытывающего чувство расположения и дружбы к своим респондентам, мало удовлетворяет знание о том, что в проблемах многих и многих из них виноват абстрактный «модернизационный стресс» или, скажем, «наследие насильственного перехода на оседлость». Основанные на этом знании объяснения не только неполны, но еще и не предполагают никаких путей для изменения положения вещей.

Стремление найти эмпирически доказуемую причину низкого уровня субъективной удовлетворенности жизнью, приводящую к высокому уровню самоубийств среди кочевников-ненцев, побудило автора переосмыслить результаты исследования, проведенного им в Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Коми восемь лет назад [Истомин, 2011; Istomin, 2012]. Целью исследования было обнаружение факторов, делающих ненецких подростков более подверженными психологическим стрессам и увеличивающих их склонность к депрессии. Его результаты показали, что между ненецкими подростками с одной стороны и русскими и коми подростками — с другой существуют статистически значимые различия в атрибутивном стиле, т.е. системе устойчивых характеристик восприятия и оценки человеком причин происходящих с ним событий. Автор статьи пришел к выводу, что эти различия, скорее всего, имеют культурную природу. Его предположения вызвали критику работы со стороны коллег-этнографов, указавших, что автор грубо нарушил принцип равенства культур. Следует сказать, что, вопреки мнению некоторых из них, материалы исследования не свидетельствовали — и автор не утверждал, — что ненецкая культура как таковая заставляет людей пить, впадать в депрессию и тем более совершать самоубийство. Речь шла о поиске конкретных культурных факторов, способствующих формированию стиля восприятия окружающей действительности, создающего вполне объяснимый риск снижения субъективной удовлетворенности жизнью, достигающего, в случае сильного стресса, критических показателей. Иными словами, автор пытался обнаружить конкретный механизм, в силу действия которого при одинаково высоком уровне стресса, вызванного экономическими, социальными или иными неурядицами, носители ненецкой культуры имеют несколько большую вероятность испытать уныние или впасть в депрессивное состояние, чем, например, носители русской культуры.

Вместе с тем автор признает, что приведенная им в указанных работах интерпретация результатов исследования все-таки оставляла некоторые этические вопросы. Более того, исследование не давало ответа на главный вопрос: как и почему такие особенности атрибутивного стиля могли возникнуть в ненецкой культуре и какую положительную функцию они могли бы выполнять. Это заставляло и самого автора испытывать неудовлетворенность проведенной работой и искать возможность альтернативных интерпретаций эмпирического материала.

В данной статье представлены результаты этого поиска. Мы попытались переосмыслить собранный восемь лет назад эмпирический материал с позиций теоретических концепций этнической психологии и психологии личности. Действительно ли обнаруженные в ходе предыдущего исследования особенности атрибутивного стиля являются культурными артефактами? Если да, то как они могли возникнуть в изучавшихся культурах? Какую адаптивную, позитивную функцию несут для носителей конкретной культуры? Мы предполагали, что ответ на эти вопросы в значительной степени снимает этические ограничения заявляемого нами подхода. Это предположение оправдалось, и, более того, проведенная работа позволила выдвинуть новые предположения о механизмах взаимосвязи между культурой и удовлетворенностью жизнью.

Атрибутивный стиль и теория индуцированной беспомощности

Несомненно, субъективная удовлетворенность индивида своей жизнью зависит от происходящих в его жизни позитивных и негативных событий. Несомненно и то, что влияние, оказываемое этими событиями, не прямое и не автоматическое: событие может совершенно по-разному повлиять на удовлетворенность жизнью индивида в зависимости от того, как он его осмыслит и оценит. Последнее же во многом зависит от индивидуальных особенностей восприятия и мышления, в том числе приобретенных в процессе инкультурации в определенной этнической среде: ведь именно культура, как указывал К. Гирц, дает нам модели того, что думать и чувствовать по отношению к окружающему миру [Geertz, 1973, p. 79–82]. Хотя личностных характеристик и особенностей, способных повлиять на осмысление и оценку событий, достаточно много, на данный момент не подлежит сомнению, что большую роль здесь играют индивидуальные особенности каузальной атрибуции, т.е. того, как человек оценивает причины происходящих в его жизни событий (см. обзоры и исследования в: [Buchanan, Seligman, 1995]).

Интерес к особенностям каузальной атрибуции имеет давнюю историю в психологии личности. Так, еще в середине 1960-х гг. известный американский психолог Дж. Роттер показал существование значительных индивидуальных различий в том, насколько люди верят, что обладают контролем над происходящими вокруг них событиями [Rotter, 1966]. Он ввел понятие «локус контроля» (locus of control) для обозначения этого аспекта человеческой личности. Согласно теории Роттера, индивидуальные локусы контроля различаются по параметру интернальности/экстернальности: люди с интернальным локусом верят, что обладают высокой степенью контроля над происходящими с ними и вокруг них событиями и способны влиять на них; наоборот, личности с экстернальным локусом контроля сознательно или подсознательно уверены, что степень их контроля над происходящими в их жизни событиями низка и что их жизнь находится во власти факторов, действующих вне их контроля, такими как случай или судьба [Rotter, 1966, 1975, 1990]. Роттер предполагал, что степень интернальности/экстернальности индивидуального локуса контроля оказывает влияние на целый ряд когнитивных и аффективных процессов, в том числе на восприятие качества жизни. Немного упрощая мысль Роттера, можно сказать, что чем более экстернален личностный локус контроля, тем большую беспомощность должен испытывать человек перед лицом негативных жизненных событий и тем тяжелее их переживать. Поэтому, согласно предположению Роттера, лица с более экстернальным локусом должны, при прочих равных условиях, испытывать меньшую удовлетворенность жизнью и быть более склонными к депрессивным состояниям по сравнению с лицами с более интернальным локусом контроля. Хотя результаты большинства эмпирических исследований среди европейцев и жителей США в целом подтвердили это предположение (их обзор см., напр., в: [Thompson, 1981]), однако содержали ряд нестыковок и противоречий (см.: [Averill, 1973]), свидетельствующих, что как само понятие локуса контроля, так и связь между локусом контроля, восприятием стрессов и субъективным ощущением качества жизни значительно сложнее, чем предполагал Роттер. Что важно для нашей темы, локус контроля имеет культурную составляющую: ряд исследований [Dyal, 1984; Berry et al., 2011] показывает значительную межгрупповую разницу в интернальности/экстернальности локуса контроля между представителями различных культур, причем у представителей неевропейских и аборигенных культур локус контроля оказывается значительно более экстернальным, чем у лиц европейского происхождения.

Предположение Роттера получило свое дальнейшее развитие в так называемой теории индуцированной (или наученной) беспомощности (Learned Helplessness Theory), разрабатываемой уже несколько десятилетий американскими и европейскими психологами, такими как М. Селигман и К. Петерсен. Отправной точкой этой теории является положение, что происходящие в жизни человека события влияют на его субъективное чувство благополучия главным образом через индуцирование (увеличение или уменьшение) ощущения собственной беспомощности. Авторы теории определяют беспомощность как субъективную уверенность индивида в том, что он НЕ обладает качествами и средствами, позволяющими обеспечить наступление благоприятных событий и/или предотвратить наступление неблагоприятных событий [Abramson et al., 1978]. Именно рост беспомощности ведет, согласно теории, к снижению субъективной удовлетворенности жизнью, росту пессимистических ожиданий и, наконец, к депрессивным состояниям, росту потребления психотропных веществ и повышению риска суицида.

Согласно наиболее современному варианту теории, индуцирующее воздействие событий на чувство беспомощности определяется так называемым индивидуальным атрибутивным стилем (устойчивой тенденцией оценивать причины происходящих событий определенным образом), имеющим, помимо интернальности/экстернальности Роттера (см. выше) еще два измерения: стабильность (насколько человек уверен, что данная причина способна вновь вызвать подобное событие или ситуацию) и глобальность (насколько человек убежден, что данная причина может оказать влияние на другие ситуации и события в будущем) (более подробные примеры и их анализ см.: [Истомин, 2011]). Атрибутивный стиль обычно формируется примерно к 14–15 годам и часто остается неизменным в течение всей последующей жизни [Burns, Seligman, 1989]. Наиболее важной характеристикой индивидуального атрибутивного стиля выступает разница в каузальной атрибуции положительных и отрицательных событий [Robins, Hayes, 1995]. Большинство европейцев и жителей Северной Америки склонны давать более интернальную, стабильную и глобальную атрибуцию положительным событиям по сравнению с отрицательными событиями [Oettingen, 1995], т.е. проявляют определенную экстрапунитивность. Такая разница в каузальной атрибуции положительных и отрицательных событий получила название

«самоподдерживающая необъективность атрибуций» (Self-serving attributional bias) [Miller, Ross, 1975], благодаря ей индуцирующее беспомощность воздействие отрицательных событий компенсируется воздействием положительных событий, каждое из которых, таким образом, укрепляет веру индивида в собственные силы. В результате индивид способен сохранять устойчивую структуру личности, положительную самооценку, чувство контроля над ситуацией и сбалансированную эмоциональную реакцию. Атрибутивный стиль, при котором каузальная атрибуция положительных и отрицательных событий имеет примерно одинаковую степень интернальности, стабильности и глобальности, обычно называется «атрибутивным реализмом», в то время как атрибутивный стиль, при котором каузальная атрибуция положительных событий имеет меньшую интернальность, стабильность и глобальность по отношению к таковой отрицательных событий, именуется «атрибутивным пессимизмом» [Robins, Hayes, 1995]. В случае если индивидам с такими атрибутивными стилями приходится преодолевать «трудные времена», когда в их жизни происходит относительно много отрицательных событий либо эти события связаны с сильным эмоциональным стрессом, положительные события не могут эффективно компенсировать воздействие отрицательных, что ведет к развитию чувства беспомощности. Поэтому такие лица имеют повышенный риск развития низкой самооценки, чувства неудовлетворенности жизнью, депрессивных состояний и, если стрессовое воздействие достаточно сильно, настоящей депрессии и самоубийства (обзор и метаанализ исследований см.: [Sweeney, Anderson, Bailey, 1986]).

Большинство исследований в рамках теории индуцированной беспомощности проводилось в Европе и Северной Америке, и ее кросс-культурная валидность до сих пор неясна. Было показано лишь, что в атрибутивном стиле могут быть различия между этническими и религиозными группами (обзор см.: [Oettingen, 1995]). Кроме того, роль культуры в формировании атрибутивного стиля интуитивно достаточно очевидна, что делает описанную теорию привлекательной для объяснения межкультурных и межэтнических различий в удовлетворенности жизнью, уровне алкоголизма и самоубийств.

**Атрибутивный стиль подростков — представителей
коренного и некоренного населения Тазовского района:
опубликованные и неопубликованные результаты исследования 2010 г.**

По указанным выше причинам теория индуцированной беспомощности стала отправной точкой проведенного автором в 2010 г. исследования атрибутивных стилей коренного и некоренного населения Тазовского района Ямало-Ненецкого округа [Истомин, 2011; Istomin, 2012]. Целью было проверить, насколько разница в атрибутивном стиле может объяснить более высокий уровень потребления алкоголя и самоубийств среди коренного населения. Для этого была проведена оценка атрибутивного стиля двух групп подростков 15–16 лет, обучающихся в п. Тазовский: воспитанников национальной школы-интерната (46 чел.) и Тазовской средней школы (66 чел.). Абсолютное большинство воспитанников школы-интерната составляют дети кочевников-оленьеводов и рыбаков коренной национальности (ненцы), которых, согласно федеральному закону о всеобщем среднем образовании, забирают во время учебного года из тундры для получения образования в поселке; среди учеников интерната присутствует также небольшое количество детей коренной национальности, чьи родители постоянно проживают в поселке, но еще не успели окончательно ассимилироваться. Наоборот, среди учащихся Тазовской средней школы абсолютное большинство составляют дети некоренной национальности, чьи родители постоянно проживают в поселке; меньшинство учеников — дети коренной национальности, родители которых не ведут кочевой образ жизни, постоянно проживают в поселке и достаточно хорошо адаптировались в нем. Для оценки атрибутивного стиля использовался адаптированный для российских подростков опросник ASQ (Attribution Style Questionnaire) [Peterson et al., 1982]. Опросник состоит из 12 листов, на каждом из которых дано описание типичной жизненной ситуации (например, «ваш друг неожиданно поссорился с вами» или «вы получили хорошую оценку за одну из контрольных работ»). Респонденту предлагается представить себя в этой ситуации, написать в специально отведенной строке одну причину, по которой он мог бы в этой ситуации оказаться, а затем оценить эту причину по трем семибалльным шкалам: интернальности («насколько эта причина связана с вами лично?»), стабильности («если в будущем это случится снова, насколько это произойдет по той же самой причине?»), и глобальности («насколько эта причина может повлиять на другие события вашей жизни?»). Из 12 ситуаций опросника 6 являются положительными и 6 — отрицательными. Атрибутивный стиль респондента представляется

парой значений, первое из которых является простой суммой его средних оценок интернальности, стабильности и глобальности причин положительных ситуаций, а второе — такой же простой суммой оценок причин отрицательных ситуаций.

По результатам исследования подростки — представители некоренной национальности (далее — также некоренные подростки) продемонстрировали атрибутивный стиль с выраженной самоподдерживающей необъективностью: средняя сумма данных ими оценок интернальности, стабильности и глобальности причин положительных событий была значительно больше относительно таковой отрицательных событий. Такой же атрибутивный стиль продемонстрировала небольшая группа обучающихся в Тазовской средней школе подростков-ненцев из оседлых хорошо адаптировавшихся в поселке семей, которых мы поэтому в дальнейшем относим к «некоренной» группе. С другой стороны, все обучающиеся в школе-интернате подростки-ненцы (напомним, что в подавляющем большинстве это — дети тундровиков), самоподдерживающую необъективность не проявили: различие сумм оценок причин положительных и отрицательных событий в этой группе не имело статистической значимости. Показанный подростками-ненцами (далее — также коренные подростки) атрибутивный стиль следует считать атрибутивным реализмом. Отсюда следовал вывод, что атрибутивный стиль ненцев делает их более восприимчивыми к отрицательным событиям и увеличивает для них под воздействием этих событий риск развития низкой удовлетворенности жизнью и в дальнейшем депрессивных состояний. Это могло быть одной из причин более высокого уровня самоубийств и потребления алкоголя в этой группе по сравнению с некоренным населением¹. Чтобы установить, является ли показанный коренными подростками атрибутивный стиль следствием их инкультурации или он связан с проживанием данных подростков в интернате и соответственно обусловлен принятой у нас в стране системой образования, нами была дополнительно проведена оценка атрибутивного стиля группы подростков того же возраста, относящих себя к народу коми и воспитывающихся в двух детских домах и одной школе-интернате г. Сыктывкара, столицы Республики Коми. Эта группа подростков продемонстрировала результаты весьма сходные с результатами исследования в группе некоренных подростков, обучающихся в средней школе п. Тазовский. Мы заключили, таким образом, что обнаруженное нами различие имеет культурную природу.

Придя к таким выводам, мы, однако, проигнорировали некоторые другие обнаруженные нами различия между группами, которые в то время казались нам не относящимися к делу. Так, помимо отсутствия самоподдерживающей необъективности, атрибутивный стиль подростков-ненцев отличался от атрибутивного стиля других групп также крайне низкими суммами интернальности, стабильности и глобальности оценок как положительных, так и отрицательных событий. С точки зрения теории индуцированной беспомощности этот факт не важен, поскольку значение в ней имеют не оценки причин положительных и отрицательных событий сами по себе, а именно разница между этими оценками. Однако если выйти за рамки этой теории, то анализ указанного различия дает достаточно интересные результаты. В описываемой работе мы их не привели и считаем, что настало время это исправить.

Начать описание результатов проще, снова разложив атрибутивный стиль на составляющие его элементы и сравнив показанные представителями групп средние оценки интернальности, стабильности и глобальности причин событий по отдельности. Статистика этого сравнения, выполненного методом *t*-теста, представлена в табл. 1. Поскольку результаты, показанные некоренными подростками п. Тазовский и подростками г. Сыктывкара, существенно не различаются, для дальнейшего анализа мы объединили их в одну группу некоренных подростков. Как видно из табл. 1, подростки-ненцы склонны приписывать значительно более низкие стабильность и глобальность причинам как положительных, так и отрицательных событий по сравнению с некоренными подростками. С другой стороны, приписываемая ими этим причинам интернальность была достоверно ниже лишь в случае положительных событий. Разница в интернальности причин отрицательных событий между коренными и некоренными подростками близка, но не достигает статистической значимости.

С целью более объективного исследования межгрупповой разницы в каузальной атрибуции положительных и отрицательных событий по трем элементам атрибутивного стиля мы построили три смешанные модели вариативности (Mixed ANOVA), в которых в качестве двухуров-

¹ Более подробное изложение методологии и хода исследования, его результатов и их интерпретации см.: [Истомин, 2011].

невой зависимой (внутригрупповой) переменной выступали соответственно интернальность, стабильность и глобальность оценок положительных (1-й уровень) и отрицательных (2-й уровень) событий. В качестве независимой (межгрупповой) переменной во всех трех моделях выступала групповая принадлежность, также имевшая два уровня (коренные и некоренные подростки). Анализ моделей показал, что, хотя ненецкие подростки и приписывали существенно меньшую по сравнению с некоренными подростками интернальность причинам положительных событий, отношение интернальности причин положительных событий к интернальности причин отрицательных событий оказалось сходным в обеих группах: подобно некоренным подросткам, подростки-ненцы значительно чаще приписывают себе, собственным внутренним качествам и свойствам, положительные события, чем отрицательные. Модель интернальности была единственной из наших трех моделей, в которой интерцепт независимой (групповая принадлежность) и зависимой (интернальность) переменных не оказался значимым фактором в объяснении внутригрупповой вариативности ($F = 3,25$; $p = 0,74$), что указывает на отсутствие достоверной разницы между группами в тенденции изменения (в данном случае — снижения) интернальности от положительных событий к отрицательным. В двух остальных моделях этот эффект оказался значимым ($F > 10$; $p \leq 0,001$): в то время как у некоренных подростков имеется сильное снижение стабильности и глобальности от положительных событий к отрицательным, у коренных подростков такое снижение почти или совсем не наблюдается. Подтверждают это и результаты сравнения по группам средних показателей интернальности, стабильности и глобальности причин положительных и отрицательных событий, представленные в табл. 2. Как видим, в случае подростков-ненцев можно говорить об отсутствии достоверного различия в оценках как стабильности, так и глобальности причин положительных и отрицательных событий. С другой стороны, их оценки интернальности этих причин достоверно различаются. Именно тенденцией оценивать причины положительных и отрицательных событий одинаково по критериям стабильности и глобальности (но не интернальности) коренные подростки наиболее заметно отличаются от некоренных.

Таблица 1

Сравнение (t-тест) подростков — представителей коренной и некоренной национальностей по средним оценкам интернальности, стабильности и глобальности причин положительных и отрицательных событий

Table 1

T-test comparisons of internality, stability and globality averages between indigenous and non-indigenous groups of teenagers

		Коренные подростки, ср. значение	Некоренные подростки, ср. значение	<i>t</i>	Статист. значимость (<i>p</i>)
Интернальность	Положит. события	4,78409	5,59412	-3,508	0,001
	Отрицат. события	4,17803	4,62824	-1,813	0,072 (!)
Стабильность	Положит. события	3,48864	4,84706	-6,132	< 0,001
	Отрицат. события	3,26515	3,99216	-3,120	0,002
Глобальность	Положит. события	3,43561	4,62157	-4,931	< 0,001
	Отрицат. события	3,42803	4,00000	-2,441	0,017

Из представленных результатов недвусмысленно следует, что основная причина как более низких показателей атрибутивного стиля ненецких подростков вообще, так и, что еще более важно с точки зрения индуцированной беспомощности, продемонстрированного ими отсутствия разницы в атрибуции положительных и отрицательных событий (атрибутивного реализма), кроется в крайне низких стабильности и глобальности, приписываемых ими в равной степени причинам положительных и отрицательных событий. Иными словами, подростки-ненцы, в отличие от некоренных подростков, склонны думать, что события в их жизни происходят в основном по крайне специфичным и частным причинам, которые не повторяются и не влияют на вероятность других событий. Этот вывод достаточно важен, поскольку он позволяет по-новому взглянуть на связь между культурой и атрибутивным стилем: до сих пор обсуждение этой связи в литературе в основном вращалось именно вокруг фактора интернальности и потенциального влияния на него принятых в той или иной культуре или религии моральных и нравственных стереотипов, концепции моральной ответственности и т.д. (см.: [Oettingen, 1995]). В частности, были попытки поставить в подобный контекст и наше исследование атрибутивного стиля ненцев [Istomin, 2016]. Приведенные выше результаты показывают, однако, что разница в готовности

брать на себя ответственность за жизненные неурядицы либо, наоборот, приписывать себе заслуги в случае удач в данном случае не может стать основным объяснением разницы атрибуций. Влияние культуры на атрибутивный стиль здесь лежит, видимо, в значительно менее очевидной и одновременно более интересной плоскости.

Таблица 2

Сравнение средних оценок причин положительных и отрицательных событий по компонентам атрибутивного стиля и группам подростков

Table 2

Pairwise comparisons of positive and negative causal attributions per attribution dimensions and groups of teenagers

		Положит. ситуации, сред.	Отрицат. ситуации, сред.	F	Стат. знач. (p)
Коренные подростки	Интернальность	4,78409	4,17803	15,733	< 0,001
	Стабильность	3,48864	3,26515	2,629	0,112 (!)
	Глобальность	3,43561	3,42803	0,002	0,961 (!)
Некоренные подростки	Интернальность	5,59412	4,62824	65,029	< 0,001
	Стабильность	4,84706	3,99216	52,131	< 0,001
	Глобальность	4,62157	4,00000	36,879	< 0,001

Обсуждение: индуцированная беспомощность и индуцированная безнадежность

Хотя межкультурная разница в стабильности и глобальности каузальных атрибуций ни разу, насколько нам известно, не становилась предметом обсуждения в контексте теории индуцированной беспомощности, наши находки имеют прямые аналогии в другой области исследований кросс-культурной психологии. Речь идет о получивших большую известность исследованиях культурно-специфических когнитивных стилей (обобщающее изложение этих исследований см.: [Nisbett, 2003]). Предметом этих исследований была в основном разница между жителями Западной Европы и Северной Америки с одной стороны и жителями Восточной Азии (китайцами, японцами и корейцами) — с другой, обнаруживающаяся на различных стадиях когнитивного процесса: восприятия, категоризации и инференции. Тщательные экспериментальные исследования этой разницы привели к формулировке гипотезы о существовании двух когнитивных стилей: 1) аналитического, свойственного, в частности, европейцам и характеризующегося фиксацией на отдельных объектах и их атрибутах, использовании формализованных правил инференции при значительном игнорировании ситуативных факторов; 2) холистического, свойственного, в частности, жителям Восточной Азии и характеризующегося фиксацией на связях между объектами, инференцией исходя из контекста и большим вниманием к ситуативным факторам. В контексте наших исследований важно то, что между носителями указанных когнитивных стилей была обнаружена существенная разница в характере каузальных атрибуций и вообще каузальном мышлении. Так, большое количество исследований (их описание и обобщение см.: [Choi et al., 1999; Nisbett, 2003]) продемонстрировало, что европейцам, носителям аналитического стиля, свойственно объяснение причин событий исходя из устойчивых свойств задействованных в них объектов и лиц (например, устойчивых свойств характера людей или физических свойств неодушевленных объектов, таких как масса, хрупкость и т.д.) и абстрактных закономерностей, соответствующих этим атрибутам (хрупкие вещи всегда разбиваются при падении, жадные люди никогда не делятся с другими); жители Восточной Азии — обладатели холистического типа мышления — более склонны объяснять причины событий исходя из ситуативных факторов, уникального контекста, наличных связей между объектами и/или действующими лицами и значительно менее склонны апеллировать при объяснении к устойчивым свойствам объектов и абстрактным закономерностям [Morris et al., 1994; Nisbett, 2003]. Исследователи когнитивных стилей не пытались оценивать глобальность и стабильность каузальной атрибуции исследуемых групп, но логично будет предположить, что глобальность и стабильность ситуативных атрибуций, присущих носителям холистического когнитивного стиля, должны быть заметно ниже по сравнению с атрибуциями носителей аналитического стиля мышления.

В исследовании, проведенном нами в тех же учебных заведениях п. Тазовский Тазовского района ЯНАО двумя годами позже, мы оценили холизм/анализм визуального восприятия коренных и некоренных детей и подростков [Istomin et al., 2014]. Исследование показало, что визуальное восприятие коренных подростков отличалось достоверно большим холизмом по сравнению с некоренными, что в рамках описанной выше теории указывает на их более холистич-

ный когнитивный стиль. Поэтому весьма правдоподобным выглядит предположение, что именно этой разницей в когнитивном стиле определяется разница в стабильности и глобальности каузальных атрибуций. Более того, это предположение хорошо объясняет и более высокую интернальность каузальных атрибуций положительных событий некоренными подростками по сравнению с подростками-ненцами: действительно, если эти подростки, благодаря своему когнитивному стилю склонны объяснять события исходя из устойчивых свойств действующих субъектов, то логично, что события со своим участием (напомним, что в тестовом задании мы прямо просили подростков представить себя в описываемой ситуации) они будут объяснять исходя из собственных устойчивых свойств, если только самоподдерживающая необъективность — механизм повышения стрессоустойчивости в рамках теории индуцированной беспомощности — не заставляет их поступить по-другому.

Если приведенная интерпретация наших находок верна (а она, по нашему мнению, наиболее хорошо соответствует уровню накопленных в кросс-культурной психологии знаний по теме), то приходится заключить, что продемонстрированный ненецкими подростками атрибутивный стиль должен быть характерен для культур с холистичным когнитивным стилем, в частности для культур Восточной Азии, и что носители этих культур, следовательно, должны отличаться меньшей устойчивостью к стрессам, более низкой оценкой качества жизни и большей склонностью к депрессивным состояниям по сравнению с европейцами и жителями Северной Америки. Однако в реальности мы наблюдаем скорее прямо противоположную картину: согласно данным ВОЗ, распространенность неврозов и депрессивных состояний (а также настоящей депрессии) существенно выше в Европе и Северной Америке по сравнению с Восточной Азией. Чтобы разрешить это противоречие, нам придется вернуться к теоретическим формулировкам теории индуцированной беспомощности, а именно к ее основному положению — о том, что именно индуцированная жизненными событиями беспомощность вызывает субъективную неудовлетворенность жизнью.

Напомним, что авторы теории определяют беспомощность как субъективную уверенность индивида, что он НЕ обладает качествами и средствами, позволяющими обеспечить наступление благоприятных событий и/или предотвратить наступление неблагоприятных событий. В одном известном критическом обзоре этой теории [Abramson et al., 1989] уже было показано, что положение о связи беспомощности и неудовлетворенности жизнью не является полным: субъективную неудовлетворенность жизнью вызывает на самом деле не беспомощность (Helplessness), а безнадежность (Hoplessness), т.е. уверенность, что негативные жизненные события неотвратимо произойдут либо что позитивные жизненные события не состоятся. При этом между беспомощностью, как она определяется авторами теории, и безнадежностью нет прямой логической связи: теоретически может существовать человек, убежденный, что он не в состоянии вызывать в своей жизни позитивные события и предотвращать события негативные, но тем не менее верящий, что позитивные события произойдут, а негативные события не произойдут. Такой человек теоретически вполне может сохранить чувство удовлетворенности жизнью даже при ощущении своей беспомощности. Интересно, что хотя существование подобной личности не несет в себе логического противоречия, оно, тем не менее, интуитивно кажется достаточно сомнительным. Рискнем предположить, что причина такой интуиции может лежать в описанных выше особенностях каузальной атрибуции, свойственной, согласно исследованиям школы когнитивных стилей, носителям европейских культур: склонностью объяснять события качествами объекта и общими закономерностями. Действительно, для индивида, оценивающего причины и строящего прогнозы относительно событий своей жизни, объектом этих событий выступает сам индивид, и каузальная атрибуция, следуя принципам аналитического когнитивного стиля, должна исходить из личных качеств этого индивида. Поэтому если такой индивид верит, что не обладает качествами, обеспечивающими наступление положительных и предотвращение отрицательных событий, то он приходит к убеждению — или по крайней мере к ощущению, — что положительные события не состоятся, а отрицательные произойдут. Иными словами, в рамках европейских культур с аналитическим когнитивным стилем чувство беспомощности действительно автоматически вызывает чувство безнадежности: если в результате серии каузальных атрибуций череды негативных жизненных событий, например провалов в учебе или неудач в личной жизни, европеец приходит к некому глобальному выводу относительно своих личных качеств, например «я непроходимо туп» или «я совсем непривлекательна», то дальнейший вывод «и поэтому ничего мне в этой жизни не светит» следует для него/нее уже более или менее автоматически.

Однако в неевропейских культурах, среди носителей холистичного когнитивного стиля, как связь между каузальной атрибуцией событий и беспомощностью, так и связь между беспомощностью и безнадежностью может быть не такой прямой, а то и вообще отсутствовать. Во-первых, для человека, склонного объяснять события исходя из ситуации и контекста, а не свойств объектов и их закономерностей, значительно труднее под воздействием негативных событий прийти к выводу вроде «я непроходимо туп»/«я непривлекательна». Даже если негативные события — например, провалы в учебе — имеют хронический характер, тенденция ситуативной атрибуции, имеющей по определению низкую стабильность и глобальность, существенно больше способствует обобщениям в рамках класса ситуаций, а не глобального плана. Иными словами, носителю холистичного атрибутивного стиля легче прийти к выводу «я не обладаю способностями к математике (физике, химии и т.д.)», чем «я непроходимо туп» — последний вывод должен казаться ему нерационально глобальным (с точки зрения формальной логики он и правда является таковым). Однако даже если носитель холистичного когнитивного стиля сделает подобного рода глобальный вывод относительно своей личности и испытает индуцированную беспомощность, в его системе атрибуции нет ничего, что оправдало бы вывод «и поэтому ничего мне в жизни не светит» (безнадежность). Действительно, поскольку носитель холистичного когнитивного стиля склонен объяснять события исходя из ситуации, которая по определению включает более чем один фактор и/или процесс, то никакой единственный фактор — в том числе устойчивое и глобальное свойство личности — характер события не обуславливает. Какое-то подтверждение этим выкладкам дают результаты исследования Сасатри и Росс [Sastry, Ross, 1998], одной из редких работ, посвященных межкультурной разнице в субъективном восприятии качества жизни (personal well being). Это исследование показывает, что субъективное ощущение личного контроля над происходящими событиями у европейцев неразрывно связано с положительной оценкой качества жизни: отсутствие этого ощущения (что, видимо, можно считать аналогом чувства беспомощности) ведет к потере ощущения благополучия и связанным с ним психологическим и даже психиатрическим проблемам, включая истинную депрессию. У представителей восточно-азиатских культур, с другой стороны, эта связь согласно данным исследования отсутствует.

Из сказанного следует, что для носителя холистичного когнитивного стиля вполне возможно избежать чувства безнадежности и беспомощности перед лицом большого числа негативных событий, даже не обладая самоподдерживающей необъективностью. Это, в свою очередь, вселяет сомнение в кросс-культурной валидности теории индуцированной беспомощности как таковой: вполне может быть, что ее положения и предсказания справедливы лишь для носителей европейских культур, с их аналитическим когнитивным стилем, но не для носителей неевропейских культур, обладающих холистичным когнитивным стилем. Из этого, в свою очередь, следует, что сделанный нами вывод о том, что ненцы, чей атрибутивный стиль не показывает самоподдерживающей необъективности, находятся, в условиях стресса, в большей опасности в плане развития неудовлетворенности жизнью, алкоголизма и суицида по сравнению с некоренным населением, обладающим самоподдерживающей необъективностью, являлся преждевременным.

Взамен этого вывода мы можем выдвинуть предположение, что может существовать по крайней мере два культурно-психологических механизма, обеспечивающих поддержание позитивного отношения к жизни и высокого субъективного восприятия ее качества в условиях стрессовых событий. Один из них — самоподдерживающая необъективность каузальных атрибуций — свойственен культурам, носители которых обладают аналитическим когнитивным стилем. Он заключается в тенденции оценивать причины положительных событий как значительно более интернальные, стабильные и глобальные, чем причины отрицательных событий. Другой механизм, свойственный культурам с холистическим когнитивным стилем, заключается в тенденции оценивать причины всех событий — как положительных, так и отрицательных — как обладающие крайне низкой стабильностью и глобальностью. В настоящее время нет данных, которые бы позволили сравнить эффективность этих механизмов и сказать, что один из них в каком-либо смысле лучше другого.

Выводы

Среди этнографов/антропологов бытует мнение, восходящее к тезису К. Гирца, одного из основоположников современной культурной антропологии, что именно культура сообщает человеку, что думать и чувствовать по отношению к окружающему миру и как действовать в нем. Если это мнение справедливо, то должны существовать и культурные механизмы, позволяющие человеку так отно-

ситься к происходящим с ним и вокруг него событиям, в том числе негативным, чтобы сохранить эмоциональное благополучие и позитивную оценку качества своей жизни.

В социальной психологии существует традиция искать такие механизмы в моделях каузальной атрибуции. Вершиной этой традиции стала теория индуцированной беспомощности, связанная с именем «отца» западной позитивной психологии М. Селигмана. Эта теория, связывающая потерю ощущения субъективного благополучия прежде всего с чувством беспомощности, а механизм защиты от него — с так называемой самоподдерживающей необъективностью каузальных атрибуций, имеет солидную экспериментальную и эмпирическую поддержку и допускает воздействие культурных факторов, что делает ее привлекательной для использования в кросс-культурных исследованиях. В частности, эта теория была использована нами в исследовании причин неравного распространения таких связанных с пессимистичным восприятием жизни пороков, как алкоголизм и самоубийства среди коренного и некоренного населения арктической зоны нашей страны. Результаты этого исследования вполне легли в русло указанной теории.

Однако вновь предпринятый анализ полученных нами результатов и более полная оценка их в контексте других кросс-культурных исследований показали, что наши выводы были преждевременны, а сама теория индуцированной беспомощности может не иметь кросс-культурной валидности. Хотя самоподдерживающая необъективность вполне способна служить основным механизмом поддержания позитивной оценки качества жизни среди носителей европейских культур, носители неевропейских культур могут задействовать другие механизмы. В частности, имеется в виду обнаруженная нами тенденция давать низкостабильную и низкоглобальную каузальную атрибуцию жизненным событиям. Использование этого механизма вполне может позволить сохранить позитивное восприятие качества жизни перед лицом стрессовых событий и в отсутствии самоподдерживающей необъективности. Таким образом, то обстоятельство, что подростки-ненцы не демонстрируют самоподдерживающей необъективности, может являться фактом их культуры, но не вести к меньшей устойчивости перед лицом стрессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Истомин К.В.* «Атрибутивный стиль» и проблема пьянства и самоубийств среди малочисленных народов Севера и Сибири // ЭО. 2011. № 2. С. 89–106.
- Abramson L. Y., Metalsky G. I., Alloy L. B.* Hopelessness Depression: A Theory-Based Subtype of Depression // *Psychological Review*. 1989. № 96 (2). P. 358–372.
- Abramson L. Y., Seligman M. E., Teasdale J. D.* Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation // *Journal of Abnormal Psychology*. 1978. № 87 (1). P. 49–74.
- Averill J. R.* Personal Control over Aversive Stimuli and Its Relationship to Stress // *Psychological Bulletin*. 1973. № 80 (4). P. 286–303.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Breugelmans S. M., Chasiotis A., Sam D. L.* Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. 2011. Cambridge: Cambridge University Press. 646 p.
- Buchanan G. McClellan, Seligman M. E. P.*, eds. Explanatory Style. Hillsdale: L. Erlbaum, 1995. 314 p.
- Burns M. O., Seligman M. E. P.* Explanatory Style across the Life Span: Evidence for Stability over 52 Years // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. № 56 (3). P. 471–477.
- Choi I., Nisbett R. E., Norenzayan A.* Causal Attribution across Cultures: Variation and Universality // *Psychological Bulletin*. 1999. № 125 (1). P. 47–63.
- Dyal J. A.* Cross-Cultural Research with the Locus of Control Construct // *Research with the Locus of Control Construct*. 1984. Vol. 3: Extensions and Limitations / Ed. by Herbert M. Lefcourt. L.: Academic Press. P. 209–306.
- Geertz C.* The Interpretation Of Cultures: Selected Essays. N. Y.: Basic Books, 1973. 471 p.
- Istomin K. V.* Once Again on the Problem of Alcoholism and Suicide among the Indigenous Peoples of the Russian North: Can Attribution Style Be a Factor? // *Sibirica*. 2012. № 11 (3). P. 1–19.
- Istomin K. V.* 'Suddenly a Binge Drinking Episode Has Happened to Him': Locus of Control, Notion of Responsibility, Alcoholism and Suicide in the Taz Region, Yamal Nenets Autonomous Okrug // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2016. № 10 (2). P. 33–46.
- Istomin K. V., Panáková J., Hedy P.* Culture, Perception, and Artistic Visualization: A Comparative Study of Children's Drawings in Three Siberian Cultural Groups // *Cognitive Science*. 2014. № 38 (1). P. 76–100.
- Lester D.* Suicide and Culture // *World Cultural Psychiatry Research Review*. 2008. № 3 (2). P. 51–68.
- Miller D. T., Ross M.* Self-Serving Biases in the Attribution of Causality: Fact or Fiction? // *Psychological Bulletin*. 1997. № 582 (2). P. 213–225.
- Morris M. W., Kaiping Peng.* Culture and Cause: American and Chinese Attributions for Social and Physical Events // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. № 67 (6). P. 949–971.

- Nisbett R.E. The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently- and Why. N. Y.: Free Press, 2003. 288 p.
- Oettingen G. Explanatory Style in the Context of Culture // Explanatory Style / Ed. by G. McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman. L.: Routledge, 1995. P. 209–224.
- Peterson C., Semmel A., Baeyer von C., Abramson L.Y., Metalsky G.D., Seligman M.E.P. The Attribution Style Questionnaire // Cognitive Therapy and Research. 1982. № 6 (3). P. 287–300.
- Robins C.J., Hayes A.M. The Role of Causal Attributions in the Prediction of Depression // Explanatory Style / Ed. by G. McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman. L.: Routledge, 1995. P. 71–98.
- Rotter J.B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monographs: General and Applied. 1966. № 80 (1). P. 1–28.
- Rotter J.B. Some Problems and Misconceptions Related to the Construct of Internal versus External Control of Reinforcement // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1975. № 43 (1). P. 56–67. URL: <https://doi.org/10.1037/h0076301>.
- Rotter J.B. Internal Versus External Control of Reinforcement: A Case History of a Variable // American Psychologist. 1990. № 45 (4). P. 489–493.
- Sastry J., Ross C.E. Asian Ethnicity and the Sense of Personal Control // Social Psychology Quarterly. 1998. № 61 (2). P. 101–120.
- Sweeney P.D., Anderson K., Bailey S. Attributional Style in Depression: A Meta-Analytic Review // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. № 50 (5). P. 974–991.
- Thompson S.C. Will It Hurt Less If I Can Control It? A Complex Answer to a Simple Question // Psychological Bulletin. 1981. № 90 (1). P. 89–101. URL: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.90.1.89>.

K.V. Istomin

Tomsk State University
 Lenin av., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation
 Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of Ural Division RAS
 Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167986, Russian Federation
 E-mail: kistomin@naver.com

CULTURE-SPECIFIC MECHANISMS OF MAINTAINING LIFE SATISFACTION AMONG THE INDIGENOUS POPULATION OF THE RUSSIAN ARCTIC

Our previous studies on the causal attributions of events occurring in the lives of Nenets teenagers from nomadic families have shown that, unlike non-indigenous teenagers of the same age from sedentary families, they do not exhibit self-serving attribution bias, i.e. the tendency to attribute more internal, stable and global causes to positive events as compared to negative ones. Since, in accordance with the Learned Helplessness Theory, self-serving bias is a protective psychological mechanism allowing people to maintain a sense of optimism under stress, it has been concluded that the lack of this mechanism in the Nenets makes them less resistant to stress, which results in an increased likelihood of stress-induced depressive states. This could explain the high level of suicides and alcohol consumption among them. However, an additional analysis of the empirical data has shown this conclusion to be premature. It has been found that the lack of the self-serving bias is mainly due to the extremely low stability and globality of causal attributions for both positive and negative events. It can be assumed that the reason for this lies in the holistic cognitive style of the Nenets. Indeed, numerous studies have shown that people with holistic cognitive styles tend to attribute causes of events to immediate situations and situational factors, rather than to general principles and sustainable attributes of the objects and people involved. Since such causal attributions have a low stability and globality, they are less likely to induce helplessness as a result of experiencing a sequence of negative events. Furthermore, even if a sense of helplessness arises, it does not automatically lead to hopelessness, that is to the individual's expectation of negative events and of the absence of positive events in the future. People who attribute the causes of events to concrete situations can maintain optimistic expectations even while believing that they personally cannot prevent negative events or make positive events happen, i.e. while experiencing helplessness. This in itself can provide individuals with protection from stress even if they lack the self-serving attributional bias. Thus, the Learned Helplessness Theory and the anti-stress psychological mechanism it postulates can be lacking cross-cultural validity: the self-serving attribution bias is not the only possible cultural mechanism against stress.

Key words: attribution style, cognitive style, self-serving attribution bias, Nenets, depression, alcoholism, suicide.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-154-165

REFERENCES

- Abramson L.Y., Metalsky G.I., Alloy L.B. (1989). Hopelessness Depression: A Theory-Based Subtype of Depression. *Psychological Review*, (2), 358–372.

- Abramson L.Y., Seligman M.E., Teasdale J.D. (1978). Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation. *Journal of Abnormal Psychology*, (1), 49–74.
- Averill J.R. (1973). Personal Control over Aversive Stimuli and Its Relationship to Stress. *Psychological Bulletin*, (4), 286–303.
- Berry J.W., Poortinga Yp.H., Breugelmans S.M., Chasiotis A., Sam D.L. (2011). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Buchanan G.M., Seligman M.E.P. (Eds.) (1995). *Explanatory Style*, Hillsdale: L. Erlbaum.
- Burns M.O., Seligman M.E.P. (1989). Explanatory Style across the Life Span: Evidence for Stability over 52 Years. *Journal of Personality and Social Psychology*, (3), 471–477.
- Choi I., Nisbett R.E., Norenzayan A. (1999). Causal Attribution across Cultures: Variation and Universality. *Psychological Bulletin*, (1), 47–63.
- Dyal J.A. (1984). Cross-Cultural Research with the Locus of Control Construct. In *Research with the Locus of Control Construct*. H.M. Lefcourt (Ed.), Vol. 3: *Extensions and Limitations* (pp. 209–306), London: Academic Press.
- Geertz C. (1973). *The Interpretation Of Cultures: Selected Essays*, New York: Basic Books.
- Istomin K.V. (2011). «Attributive Style» and the Problem of Alcohol Addiction and Suicide among Numerically Small Peoples of the North and Siberia. *Etnograficheskoye obozrenie*, (2), 89–106. (Rus.).
- Istomin K. (2012). Once Again on the Problem of Alcoholism and Suicide among the Indigenous Peoples of the Russian North: Can Attribution Style Be a Factor? *Sibirica*, (3), 1–19.
- Istomin K.V. (2016). 'Suddenly a Binge Drinking Episode Has Happened to Him': Locus of Control, Notion of Responsibility, Alcoholism and Suicide in the Taz Region, Yamal Nenets Autonomous Okrug. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, (2), 33–46.
- Istomin K.V., Panáková J., Heady P. (2014). Culture, Perception, and Artistic Visualization: A Comparative Study of Children's Drawings in Three Siberian Cultural Groups. *Cognitive Science*, (1), 76–100.
- Lester D. (2008). Suicide and Culture. *World Cultural Psychiatry Research Review*, (2), 51–68.
- Miller D.T., Ross M. (1975). Self-Serving Biases in the Attribution of Causality: Fact or Fiction? *Psychological Bulletin*, (2), 213–225.
- Morris M.W., Kaiping Peng (1994). Culture and Cause: American and Chinese Attributions for Social and Physical Events. *Journal of Personality and Social Psychology*, (6), 949–971.
- Nisbett R.E. (2003). *The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently- and Why*. New York: Free Press.
- Oettingen G. (1995). Explanatory Style in the Context of Culture. In McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman (Eds.), *Explanatory Style* (pp. 209–224), London: Routledge.
- Peterson C., Semmel A., Baeyer von C., Abramson L.Y., Metalsky G.D., Seligman M.E.P. (1982). The Attribution Style Questionnaire. *Cognitive Therapy and Research*, (3), 287–300.
- Robins C.J., Hayes A.M. (1995). The Role of Causal Attributions in the Prediction of Depression. In G. McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman (Eds.), *Explanatory Style* (pp. 71–98), London: Routledge.
- Rotter J.B. (1966). Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, (1), 1–28.
- Rotter J.B. (1975). Some Problems and Misconceptions Related to the Construct of Internal versus External Control of Reinforcement. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, (1), 56–67. Retrieved from <https://doi.org/10.1037/h0076301>.
- Rotter J.B. (1990). Internal Versus External Control of Reinforcement: A Case History of a Variable. *American Psychologist*, (4), 489–493.
- Sastry J., Ross C.E. (1998). Asian Ethnicity and the Sense of Personal Control. *Social Psychology Quarterly*, (2), 101–120.
- Sweeney P.D., Anderson K., Bailey S. (1986). Attributional Style in Depression: A Meta-Analytic Review. *Journal of Personality and Social Psychology*, (5), 974–991.
- Thompson S.C. (1981). Will It Hurt Less If I Can Control It? A Complex Answer to a Simple Question. *Psychological Bulletin*, (1), 89–101. Retrieved from <https://doi.org/10.1037/0033-2909.90.1.89>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 11.12.2018

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

А.Л. Рочева, Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, к. 3, Москва, 119571
E-mail: anna.rocheva@gmail.com;
varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ЯЗЫКОВЫЕ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Представлены результаты качественного исследования интеграции мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области в том, что касается их кругов общения, романтических и брачных партнеров, этнических идентификаций и языковых компетенций. Статья написана на основании анализа 169 интервью с мигрантами второго поколения и экспертами, проведенных в восьми населенных пунктах региона. Полевая работа в Тюменской области — часть проекта по изучению мигрантов второго поколения в России, который выполняется смешанными — количественными и качественными — методами и является первым всероссийским проектом, сфокусированным на мигрантах второго поколения из категории молодых взрослых (18–35 лет). Под мигрантами второго поколения понимаются те, кто окончил в России школу и чьи родители приехали из другой страны, независимо от того, родились они в России или переехали в дошкольном или школьном возрасте. В силу полиэтничности региона круги общения мигрантов второго поколения — смешанные, этнические идентификации связаны с номинальными этническими категориями, но инклюзивны, романтические отношения возникают с представителями «иных» этнических категорий, а браки, напротив, чаще заключаются с представителями «своих» категорий. Русским языком мигранты второго поколения владеют свободно, а уровень владения родным языком или языками родителей варьируется.

Ключевые слова: мигранты второго поколения, второе поколение мигрантов, Средняя Азия, Закавказье, Тюменская область, интеграция, круги общения, брачное поведение, романтические партнеры, этническая идентификация, язык.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175

Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Анализ интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2018 г.

Введение

В статье публикуются результаты качественного исследования интеграции мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области, основанного на материалах 169 интервью с мигрантами второго поколения и экспертами, проведенных в восьми населенных пунктах региона. Полевая работа в Тюменской области является частью проекта по изучению мигрантов второго поколения в России, который выполняется с использованием смешанных — количественных и качественных — методов. Это первый всероссийский проект, сфокусированный на мигрантах второго поколения из категории молодых взрослых (18–35 лет). Под мигрантами второго поколения понимаются те, кто окончил в России школу и чьи родители приехали из другой страны, независимо от того, родились они в России или переехали в дошкольном или школьном возрасте.

Интервью в Тюменской области проводились с мигрантами второго поколения и членами их семей, а также с экспертами в следующих населенных пунктах: города Тюмень, Сургут, Нефтеюганск, Ноябрьск, Салехард, Новый Уренгой, Покачи и поселок Нижнесортный. Ранее авторами было представлено более подробное описание методологии, а также рассмотрены особенности принимающего контекста, миграционных траекторий и социально-экономических характеристик родителей интересующего нас второго поколения мигрантов и образовательно-трудовых траекторий самих мигрантов второго поколения [Рочева и др., 2019]. В этой статье

обсуждаются результаты анализа данных по кругам общения мигрантов второго поколения, их романтическим и брачным партнерам, этническим идентификациям и языковым практикам.

Круги общения

Полиэтничность региона способствует тому, что круги общения второго поколения в Тюменской области разнообразны как на протяжении школьных лет, так и после окончания школы.

Одноклассники и школьные друзья наших информантов — как правило, разных национальностей. У многих информантов, особенно мигрантов второго поколения из Средней Азии, в классе не было других представителей их национальности. Например, у информанта из узбекской семьи из Киргизии (м., 30 лет, Кырг., № 359)¹ в школе в Ноябрьске, по его словам, училось много нерусских, но узбеков не было совсем, а его лучшими друзьями стали азербайджанец и русский. Информантка из таджикской семьи (ж., 22 года, Тадж., № 299) в тюменской школе училась в преимущественно русском классе, где также были трое армян, один узбек, одна татарка и одна узбечка, с которой они и подружились. Мигрант второго поколения (м., 18 лет, Кырг., № 251) учился в школе в Сургуте в многонациональном классе, вместе с русскими, татарами, таджиком, дагестанцем и азербайджанцами, но киргизов, кроме него, в классе не было, и его лучшими друзьями являлись два русских и два азербайджанца.

Если в классе были представители той же национальности, что и информант, дружба между ними возникала не всегда. Наиболее очевидная ситуация отсутствия такой дружбы связана с тем, что они были разного пола. Так, информантка из азербайджанской семьи (ж., 22 года, Азерб., № 244) училась в одном классе с мальчиком-азербайджанцем, и они не дружили, а дружила она только с девочками, среди которых азербайджанок не было, так что ближайшая подруга была русская. Но и в тех случаях, когда встречались одноклассники — представители той же национальности и того же пола, что и информанты, дружеского общения могло не сложиться; более того, бывали случаи конфликтов. Например, все одноклассники Н. (м., 16 лет, Азерб., № 289), который сейчас учится в девятом классе в одной из нефтеюганских школ, — русские, а в параллельном классе есть один азербайджанец, с которым они подрались в шестом классе и не общаются до сих пор. Информант объясняет это тем, что тот азербайджанец «другого поведения» — курит и стреляет мелочь по школе. По настоянию родителей, не общался с другими азербайджанцами и «кавказцами» в школе в Пыть-Яхе живущий сейчас в Тюмени Б. (м., 28 лет, Азерб., № 303).

Впрочем, есть и такие случаи, когда в школе складывались моноэтнические круги общения. Пример тому — выросший в Тюмени в азербайджанской семье К. (м., 19 лет, Азерб., № 324), который с первого класса сдружился с двумя одноклассниками-азербайджанцами, и кроме них в классе из 32 человек было 8 русских, а остальные ребята — молдаване, узбеки и таджики. Другой пример моноэтнических (армянских) кругов в школе — выросший в Сургуте О. (м., 21 год, Арм., № 222), в классе которого было еще два армянина, а остальные — русские и один татарин, и, по его словам, их армянская «мафия» «держала школу».

По окончании школы круги общения могут меняться в зависимости от дальнейшей траектории. Например, если информант становится студентом вуза в крупном городе, его круги общения становятся более интернациональными, и часто в них увеличивается присутствие представителей его национальности. Так, Е. (ж., 22 года, Узб., № 331), среди одноклассниц которой были в основном русские, в старших классах ни с кем из них не дружила, а поступив в медицинское училище, с радостью обрела компанию из десяти нерусских девушек, среди которых азербайджанки, узбечки, лезгинки, киргизки и кумычки. Аналогично Б. (ж., 21 год, Кырг., № 300) и Е. (ж., 20 лет, Кырг., № 308) подружились с другими киргизками только в университете в Тюмени, тогда как в школе — в первом случае в Сургуте, во втором — в Салехарде — у них таких подруг не было. Свою киргизскую компанию, в которую входят около десяти человек, они в шутку зовут киргизской «мафией». Как рассказывал мигрант второго поколения из Армении И. (м., 27 лет, Арм., № 315), он не дружил в школе с другими армянами, в основном друзья были русские, но в университете оказался в ситуации, когда студенты делились «по национальностям»: «заходишь на первый этаж — там все стоят кучками по национальностям, и был «армянский уголок» — диван, где всегда тусили армяне. Если с ними не тусили другие армяне, про них могли сказать, что вот — дистанцируются». Так он стал общаться с армянами, но уже при поступлении в маги-

¹ Описание информантов, приводимое в скобках, включает в себя пол, возраст, страну происхождения родителей, номер по внутренней системе учета информантов

стратуру его круг общения сменился, и теперь, спустя несколько лет после окончания университета, его ближайшие друзья — четверо русских и один молдаванин.

Выделяется как минимум два контекста, которые могут так же значительно, как образовательные учреждения, менять конфигурацию круга общения. Во-первых, это мечети, где могут возникать новые социальные связи с представителями той же национальности. Например, С. (м., 25 лет, Азерб., № 353) из семьи талышей, выросший в Ноябрьске, именно в мечети познакомился со своим будущим бизнес-партнером — тоже мигрантом второго поколения из азербайджанской семьи. Во-вторых, это занятия спортом, которые могут оказывать воздействие на социальные связи, увеличивая или уменьшая долю представителей той или иной национальности среди друзей. Например, мигрант второго поколения из Армении (м., 24 года, Арм., № 235), серьезно занимаясь вольной борьбой, подружился с лезгинами, а его родной брат играл с детства в баскетбол, и его круг общения в большей степени русский; мигрант второго поколения из Таджикистана (м., 21 год, Тадж., № 350), занимаясь единоборствами, подружился с русским; информант из азербайджанской семьи (м., 24 года, Азерб., № 284), окончив школу в г. Покахи и спортивный интернат в Ханты-Мансийске, вернулся в родной город, а сейчас собирается переезжать в Сургут к своим друзьям-армянам, с которыми он познакомился благодаря спорту.

Важный, хотя и не всегда проговариваемый фактор, влияющий на социальные связи информантов, — наличие или отсутствие родственников в населенном пункте. Их наличие способствует тому, что как минимум в детстве информант будет тесно соприкасаться с земляческой средой. Например, Т. (ж., 20 лет, Азерб./Груз., № 320) тесно дружит со своими многочисленными кузинами — азербайджанками из того же района Грузии, что и ее семья, а также из других регионов, и даже познакомилась с ними своих школьных подруг. Информант из узбекской семьи, чей отец приехал из Киргизии в Нижнесортимский (м., 17 лет, Кирг., № 266), сообщает, что его друзья — кумык и узбек, но ближайшие люди, которым он может рассказать «что угодно», — это двоюродные братья, трое из которых здесь, а остальные — в Киргизии и в Андижане. Зачастую наличие в ближайшем окружении родственников и земляков способствует тому, что мигрантов второго поколения, в первую очередь девочек, воспитывают более строгим и «традиционным» образом, причем девочек пытаются контролировать не только родные, но и двоюродные братья. Например, в Нижнесортимском есть значительное число семей из одного района Таджикистана, которые тесно общаются, и в этот круг входит семья нашей информантки Т. (ж., 19 лет, Тадж., № 223), где младшие должны обращаться к старшим на «Вы» и не могут с ними спорить, а саму Т., по ее словам, выдадут замуж только за таджика. В Нефтеюганске много талышских семей из Масаллинского района Азербайджана. Например, В. (ж., 25 лет, Азерб., № 295) росла в окружении порядка девяти других талышских семей и никогда не была зарегистрирована в социальных сетях, потому что сначала запрещал брат, потом — муж. Учиться в другой город на медсестру, как она хотела, ее непустили, она выучилась на парикмахера, а потом вышла замуж за азербайджанца, выросшего в Азербайджане, и теперь занимается детьми и домашним хозяйством. Впрочем, далеко не всегда наличие в населенном пункте родственников означает тесное с ними общение. Например, у Б. (м., 19 лет, Арм., № 316) в Тюмени есть шесть семей ближайших родственников, и отец информанта хотел бы, чтобы Б. общался с ними чаще, чем с русскими друзьями. По этому поводу — кто важнее и надежнее: родственники или друзья, они с отцом регулярно спорят. Более того, в ряде случаев с родственниками могут возникать конфликты: так, например, один из родственников информантки Е. (ж., 18 лет, Кырг., № 261) увидел ее гуляющей поздним вечером с мальчиком и позвонил ее маме, но мама не поддержала его возмущения, телефонный разговор привел к ссоре, и теперь мама информантки и этот родственник не общаются.

Наличие или отсутствие родственников, в свою очередь, связано с миграционной историей семьи и профилем населенного пункта. Так, например, в Тюмени много азербайджанцев из Шамкирского и Газахского районов, значительная часть которых занимаются торговлей на овощебазе: информант К. (м., 19 лет, Азерб., № 324) рассказал, что он знает порядка 200–300 семей из Шамкирского района, из них близко общаются пять-семь семей, и почти вся его родня, включая отца, работает на овощебазе. В Новом Уренгое много семей из Тоузского района Азербайджана, и общаются они довольно интенсивно — родители информантки Э. (ж., 26 лет, Азерб., № 368) с ноября 2017 по июнь 2018 г. были уже на 15–18 свадьбах. В Ноябрьске и Муравленко много талышей из Астаринского района Азербайджана, в частности из села Шахагач; почти все армяне, живущие

в Нижнесортнымском, из Нагорного Карабаха; узбеки и киргизы в Нижнесортнымском и Федоровском — из Кочкор-Аты, а узбеки, кроме того, еще из Коканда и Андижана.

Таким образом, круги общения мигрантов второго поколения в Тюменской области на протяжении разных этапов жизни, скорее, смешанные и включают в себя представителей разных национальностей. Степень присутствия представителей той же этнической категории в социальной среде мигрантов второго поколения варьируется, и их наличие далеко не всегда означает возникновение дружеских связей. Помимо учебных заведений существует еще как минимум два важных контекста, в которых мигранты второго поколения, прежде всего мужского пола, могут приобретать социальный капитал: мечеть и спортивные секции. В зависимости от миграционной истории семьи и профиля населенного пункта информанты могут расти в окружении родственников и земляков своих родителей и, например, тесно общаться со своими двоюродными братьями и сестрами.

Романтические отношения и брак

Мигранты второго поколения отличаются от своих родителей в плане установок относительно этнической принадлежности будущих супругов: если родители чаще всего видят в качестве мужа или жены для своего ребенка представителя той же национальности, то сами дети придерживаются такого мнения существенно реже. При этом часто для родителей имеет значение не просто страна происхождения будущего супруга, но и регион — и соответствующие локально специфические этничности. Например, родители-талыши в первую очередь хотят своим детям талышских супругов и только во вторую — азербайджанских. Например, Х. (м., 22 года, Азерб., № 232), рассуждая о будущей невесте, говорит, что для его родителей и тем паче для его родственников в Азербайджане важно, чтобы жена была талышка, в крайнем случае азербайджанка; ему самому все равно, но он понимает, что живет не в вакууме, и в случае выбора не-талышской и не-азербайджанской девушки ему придется преодолевать некоторое сопротивление — в первую очередь родственников в Азербайджане. Таджичка С. (ж., 19 лет, Тадж., № 229), как и ее семья, ожидает, что ее мужем станет выходец из родного села ее родителей в Таджикистане. При этом молодые люди чаще, чем девушки, уверены, что родители примут любой их выбор — даже если он будет противоречить родительским ожиданиям. Например, выросший в Нефтеюганске талыш Б. (м., 20 лет, Азерб., № 293) уверен, что родители желают, чтобы он был счастлив, и потому будут готовы принять его невесту любой национальности, тогда как его сестра вышла замуж за азербайджанца — и иначе быть не могло. Есть другие, более редкие случаи, когда родители думают не об этнической принадлежности, а о конфессии будущего супруга своих детей. Так, для армянки И. (ж., 40 лет, Арм., № 262), матери двух сыновей, выросших в Нижнесортнымском, важно, чтобы они женились не на мусульманках, а их национальность не важна. Для родителей азербайджанца С. (м., 22 года, Азерб., № 332) важно, чтобы его будущая жена была мусульманкой. Для редких родителей не имеет значения ни этническая принадлежность, ни конфессия будущей супруги или супруга: например, в семье узбечки Е. (ж., 18 лет, Кырг., № 261) ни у кого нет ожиданий, что она выйдет замуж обязательно за узбека или мусульманина.

Сами же мигранты второго поколения довольно сильно различаются в своих ожиданиях относительно будущего супруга или супруги. Одни выражают желание заключить брак с выходцем из региона происхождения родителей, другие — с представителем своей национальности, третьи — с представителем своей конфессии, наконец, четвертые не обращают внимания ни на национальность, ни на религиозную принадлежность, но среди них встречаются мужчины, ожидающие, что их будущая супруга будет девственницей. Например, талыш С. из Ноябрьска (м., 25 лет, Азерб., № 353) женился на талышке, как и хотел, потому что ей не надо ничего объяснять, и уверен в том, что в их семье все ровно так, как в семьях их родителей. Азербайджанка Т., живущая в Тюмени (ж., 21 год, Азерб., № 335), хочет выйти замуж за азербайджанца, чтобы поддерживать «чистый азербайджанский род». Имея предвзятое отношение к узбекским мужчинам и соблюдая мусульманские обычаи, мигрантка второго поколения из узбекской семьи Д. (ж., 23 года, Узб., № 248) хотела выйти замуж именно за мусульманина — не номинального, а практикующего, и несколько месяцев назад заключила никох с аварцем. Армянин Ю. (м., 39 лет, Арм., № 372) еще в юности предупредил родителей, чтобы они не ждали от него, что он женится на армянке, потому что Новый Уренгой, где он живет с детства, это многонациональный город, и в итоге женился на украинке. Живущий в Сургуте О. (м., 21 год, Арм., № 222) против воли родителей встречается с русской девушкой и в качестве супруги видит именно ее: для него

важно, что до него у нее отношений не было. Другой информант (м., 21 год, Азерб., № 360) встречается с русской девушкой и говорит, что жениться на ней не сможет, поскольку у нее были сексуальные отношения с другим мужчиной до него. Установки относительно девственности, впрочем, могут меняться: например, Х. (м., 22 года, Азерб., № 232) после отношений с русской девушкой, которая имела до него сексуальный опыт, перестал считать девственность важной.

Наличие романтических отношений до брака более характерно для молодых людей, чем для девушек. Если же девушки вступали в отношения, которые их родные не одобрили бы, то они вынуждены были либо прекращать эти отношения и находить «подходящего» партнера, либо — что встречалось в исключительно редких случаях — прерывать связь с родными. Например, информантка из киргизской семьи (ж., 23 года, Кирг., № 252) четыре года встречалась с дагестанцем, не афишируя эти отношения перед родными, а когда к ней домой пришли свататься его родственники, узнала позицию своих родителей, согласно которой она может выйти замуж только за киргиза. Молодым людям пришлось расстаться, и последние пару месяцев она встречается с мигрантом второго поколения, чья семья тоже когда-то приехала из Киргизии, и очень рада, что он внешне похож на ее бывшего молодого человека. Азербайджанка, выросшая в Тазовском (ж., 25 лет, Азерб., № 376), рассказала, что для азербайджанки выйти замуж за не-азербайджанца очень сложно, и она знает только один случай, когда девушка вопреки воле родителей встречалась с русским парнем и вышла за него замуж, а родители приняли этот факт только спустя некоторое время. Азербайджанка Э. (ж., 26 лет, Азерб., № 368) настолько привыкла с детства к мысли, что ни за кого другого, кроме азербайджанца, ее не отдадут, что «перестала рассматривать не-азербайджанских парней как парней».

Романтическими партнерами молодых людей из числа мигрантов второго поколения чаще становятся девушки других национальностей. Так, например, азербайджанец О. (м., 23 года, Азерб., № 362), живущий в Новом Уренгое, встречался полгода с украинкой, но они расстались, поскольку он хочет жениться только на азербайджанке и планирует, когда соберется жениться, искать невесту в Азербайджане. Азербайджанок для «несерьезных отношений» он никогда не рассматривал, так как в Новом Уренгое «все всех знают» и, если что, «проблем не оберешься». Аналогично другой азербайджанец из Нового Уренгоя Н. (м., 23 года, Азерб., № 344) считает, что жениться нужно на азербайджанке, но последние пять лет встречается с русской девушкой, с которой познакомился в колледже. По его словам, с ней он просто «проводит время», до нее у него были разные девушки — русские, кумычки, чеченки, а азербайджанок не было никогда.

Родители могут воспринимать такие отношения как временные, рассчитывая, что брак их ребенок (чаще всего эти истории возникают с сыновьями) заключит в итоге с партнером той же национальности. В тех случаях, когда такие отношения оказываются более длительными и серьезными, чем рассчитывают родители, могут возникать споры и конфликты. Например, О. (м., 21 год, Узб., № 231) в школе общался с ингушкой, его мама, узбечка из Киргизии, была против и просила его эти отношения прекратить, он маму обманул — сказал, что они больше не общаются, хотя это было не так. В приехавшей из Армении семье информанта Б. (м., 19 лет, Арм., № 316) его отношения с русской девушкой — предмет постоянных споров с отцом, который вначале считал, что это несерьезно, что Б. одумается и женится все равно «на своей», а потом стал уговаривать сына, что он и его русская девушка слишком разные и друг другу не подходят. Б. с отцом не спорит и говорит, что если отец прав, то с девушкой они в итоге расстанутся, — но сам с удовлетворением замечает, что спустя два года его родители стали к русской девушке привыкать. Иногда информанты придумывают стратегии, чтобы родители изменили свое мнение. Например, против русской девушки У. (м., 20 лет, Кырг., № 379) высказываются его родители и родственники, а ему важно сохранить хорошие отношения с родными, поэтому он обдумывает варианты действий, например привезти девушку для знакомства с дедом в Киргизию, если дед одобрит — то родные не будут против, или же жениться сначала на киргизке, как того хотят родные, а потом развестись и жениться уже на той, кого сам выберет.

Если романтические отношения мигрантов второго поколения в Тюменской области часто возникают с партнерами иных национальностей, то браки, напротив, как правило, заключаются с представителями той же национальности. При этом брачные партнеры могут быть мигрантами второго поколения, выросшими в Тюменской области или в другом регионе России, и тогда семья будет жить в России: Е. (ж., 25 лет, Азерб., № 281) вышла замуж за азербайджанца, который вырос в Мурманске, но родители которого — односельчане родителей информантки; они познакомились в отпуске в родном селе родителей, а поженившись, стали жить в ХМАО. Кроме

того, брачные партнеры могут быть мигрантами первого поколения или же вообще проживать в стране происхождения родителей и не иметь опыта проживания в России — и тогда семья может жить как в России, так и в другой стране. Две поездки в Таджикистан потребовались другому информанту (м., 39 лет, Тадж., № 242), для того чтобы найти себе жену, которую он привез в Россию. Информантка Т. (ж., 27 лет, Азерб., № 383), выросшая в Новом Уренгое, вышла замуж за бакинца, они прожили два года в Азербайджане, а потом уехали обратно в Россию. Ситуации переезда в страну происхождения родителей в связи с заключением брака встречались только среди девушек: так, сестра Н. (м., 26 лет, Азерб., № 312) вышла замуж за азербайджанца, который всю жизнь живет в Азербайджане, и уехала к нему.

Мигранты второго поколения из Азербайджана и реже — из Средней Азии активно обсуждают тему близкородственных браков. Историю сватовства двоюродного брата к ней рассказала Э. (ж., 26 лет, Азерб., № 368): ее сосватали за него, когда ей было 20 лет, против ее желания. Спустя два года должна была состояться свадьба, но у нее было настолько депрессивное состояние, что родители разрешили вернуть кольцо, расторгнув таким образом помолвку. Осознавая распространенность таких браков, другая информантка азербайджанского происхождения, Т. (ж., 21 год, Азерб., № 335), перестала общаться с двоюродными братьями, которые в какой-то момент начали ей активно писать в мессенджерах, потому что заподозрила, что это может быть отражением интереса отнюдь не братского характера и привести в итоге к сватовству. О свадьбе двоюродных брата и сестры, чьи родители, узбеки, приехали в Россию из Киргизии, рассказывала Е. (ж., 18 лет, Кирг., № 261).

Возникновению пар одной этнической принадлежности способствуют социальные сети и свадьбы — причем как посещение свадеб лично, так и просмотр видео уже состоявшихся торжеств. Сестру Н. (м., 26 лет, Азерб., № 312) ее будущий муж увидел на свадьбе в Азербайджане, после чего, поскольку социальных сетей еще не было, они общались эсэмэсками, а после года такого общения он прислал видео с чьей-то свадьбы, где он присутствовал, и несколько своих фотографий. На видео со свадьбы своей сестры, снятом в Азербайджане, Р. (м., 25 лет, Азерб., № 380) заметил красивую девушку и через родственников добыл ее контакты — она, как выяснилось, с детства жила в Москве. Сестру Б. (м., 20 лет, Азерб., № 293) на видеозаписи чьей-то свадьбы увидел ее будущий муж, живший в Азербайджане, начал искать ее контакты, и кто-то выдал ему ее «фейковый» аккаунт² в «Одноклассниках»: пользоваться социальными сетями ей было запрещено; их тайное общение вскрылось, ее дома побили, но в итоге они поженились.

В целом родители информантов чаще ожидают, что их дети будут заключать браки с представителями «своей» этнической категории, тогда как установки самих информантов относительно будущих супругов варьируются. Романтические отношения до брака больше характерны для молодых людей, чем для девушек. Этническая принадлежность информантов и их романтических партнеров, как правило, не совпадает, а информантов и их брачных партнеров — напротив, совпадает.

Этническая идентификация

Особенность Тюменской области, в первую очередь ХМАО и ЯНАО, — полиэтничность, которая формировалась вместе с освоением Севера, появлением и ростом новых населенных пунктов. В советское время основу региона составляли русские, украинцы, башкиры и татары, а в постсоветское — значимым стало также присутствие выходцев с Северного Кавказа [Капустина, 2014а, 2014б; Опарин, 2016; Ярлыкапов, 2008], прежде всего в ХМАО, в силу чего жители округа хорошо знают и различают северокавказские, и в частности дагестанские, национальности: ногайцев, аварцев, лезгинов и т.д. Присутствие «кавказцев» в регионе, как будет показано далее, является существенным фактором складывания самоидентификации мигрантов второго поколения.

В силу полиэтничности окружения с детства для части информантов этническая идентификация не имеет большого значения — например, живущая в Сургуте информантка киргизского происхождения (ж., 23 года, Кырг., № 252), по ее словам, иногда забывает, что она кыргызка. Азербайджанец С., выросший в Сургуте и уехавший получать высшее образование в Тюмень (м., 22 года, Азерб., № 332), в детстве думал, что «все нерусские, кавказцы — это одна нация», и в возрасте трех лет в ответ на вопрос о национальности мог назвать любую, не считая, что это важно. Выросшего в Сургуте армянина Б. (м., 24 года, Арм., № 235) в детстве во дворе спросили, кто он по национальности, — он не знал, побежал задать этот вопрос маме, она ска-

² Аккаунт, в котором фотография и имя не позволяют достоверно определить его владельца.

зала, армянин, он побежал снова во двор, ответил вопрошавшему — и тот спросил, а кто это такие, и информант снова вынужден был обратиться за помощью к маме. Когда его, единственного армянина на школу, дразнили в начальных классах «армянином», он не понимал, почему на это можно обижаться и какое значение вообще имеет национальность. Живущая в одном из небольших поселков Тюменской области информантка (ж., 18 лет, Кырг., № 261), только оказавшись в поездке в Европе, начала размышлять о том, к какой национальной категории она относится.

Тем не менее чаще всего, обсуждая в интервью свою этническую идентификацию, информанты называли «номинальную национальность»: таджик/таджичка, азербайджанец/азербайджанка и т.д. При этом отдельные этнические категории могут быть стигматизированы и связаны с отрицательными качествами: в ходе полевой работы мигранты второго поколения из таджикских семей рассказывали, что, озвучивая свою национальность, видят удивление собеседников, по мнению которых, таджики не могут быть «умными и красивыми»; более того, иногда они слышат советы не озвучивать свою этническую категорию (ж., 19 лет, Тадж., № 219; ж., 22 года, Тадж., № 299). Часть из них следует этим советам: переехавший из Таджикистана в Россию в 12 лет К. (м., 22 года, Тадж., № 227) первые годы стеснялся говорить, что он таджик.

Интересен случай мигрантов второго поколения из талышских семей. Следуя логике советского этнографического экскурса, отметим, что талыши живут на юге Азербайджана, а талышский язык относится не к тюркской, а к иранской языковой группе. Вопрос, насколько талыши и азербайджанцы — «единый народ», вызывает много споров. Для многих информантов он решается ситуативно: если вопрос о национальности задает русский, то ответ будет «азербайджанец», а если спрашивает азербайджанец — то ответ будет «талыш». Отчасти это связано с тем, что русские не знают, кто такие талыши (м., 25 лет, Азерб., № 353), и даже путают с латышами (м., 23 года, Азерб., № 334), отчасти — с тем, что азербайджанцы нередко интересуются районом происхождения родителей, и талыши — это определенная географическая привязка, помимо прочего (м., 25 лет, Азерб., № 380). Другой ответ на этот вопрос состоит в том, что азербайджанцы это нация, а талыши — народность (м., 27 лет, Азерб., № 383), и потому можно считать себя одновременно азербайджанкой и талышкой (ж., 16 лет, Азерб., № 297). При этом мало кто из информантов видит значительные отличия талышей от азербайджанцев: язык в качестве «маркера» назвали С. (м., 17 лет, Азерб., № 276) и Т. (м., 19 лет, Азерб., № 278), хотя для последнего то, что он талыш — важно, он считает, что жениться надо только на талышке, иначе «мы исчезнем». Всегда спорит с азербайджанцами, когда они пытаются назвать его азербайджанцем, С. (м., 25 лет, Азерб., № 353). Напротив, называет себя «россиянкой, а по национальности азербайджанкой» информантка Э. (ж., 20 лет, Азерб., № 247), чьи родители — талыши. Ощущение отчужденности испытывает Х. (м., 22 года, Азерб., № 232), объясняя это тем, что непонятно, где талыш — свой: и в России не русский, и в Азербайджане не азербайджанец.

Помимо этого, есть комбинированные варианты идентификации — «наполовину русский, наполовину таджик» (м., 21 год, Тадж., № 350); «кыргыз с русским мышлением и воспитанием» (м., 20 лет, Кырг., № 379), «бакинский армянин с обрусевшим менталитетом» (м., 39 лет, Арм., № 372). При этом к встречавшимся в интервью понятиям «обрусеть», «орусеть» или «оруситься» относятся по-разному и по-разному их интерпретируют. В ходе групповой дискуссии с молодежью таджикского происхождения в Сургуте слово «обрусевший» толковали двумя способами: во-первых, обрусевший — тот, кто сознательно отошел от своей культуры, во-вторых — тот, кто живет в России (ГД, № 225). Два информанта киргизского происхождения в Сургуте разошлись в толкованиях: В. (м., 25 лет, Кырг., № 250) считает, что обрусел, потому что принял российские нормы, а Т. (м., 18 лет, Кырг., № 251) говорит, что не обрусел, потому что поддерживает высокий уровень киргизского языка. Информант таджикского происхождения И. (м., 21 год, Тадж., № 305) считает себя обрусевшим, поскольку дружит с русскими, встречается с русскими девушками, пьет алкоголь, ест свинину и не считает, что секс возможен только после свадьбы. Для части информантов обидно услышать от других, что ты обрусел. Например, информанту Х. из талышской семьи (м., 22 года, Азерб., № 232) в качестве комплимента иногда говорят, что он «обрусился», но ему это слышать неприятно, потому что он видит в этом такую логику: если не русский — то еще не человек, а человеком можно стать только после того, как стал русским, и его это задевает — потому что он гордится своим народом. Ни один из информантов не назвал себя русским. Максимально к этому приблизился выросший в Ставрополье и переехавший в ЯНАО Б. (м., 32 года, Азерб., № 347): когда ему не верят, что он азербайджанец, потому что он говорит по-русски без акцента, он отвечает — значит, русский.

Важная категория, с которой соотносят себя информанты, в первую очередь мигранты второго поколения азербайджанского происхождения, — это «кавказцы». С одной стороны, информанты говорили о себе как о «нерусских» и «кавказцах»: например, рассказывая о своей армянской подруге со школьных лет, азербайджанка Т. (ж., 20 лет, Азерб., № 320) сказала, что азербайджанцы, как и армяне — одна нация «кавказцев»; талыш Х. (м., 22 года, Азерб., № 232) упоминал несколько раз «наши, нерусские», «я, кавказец», другой талыш (м., 20 лет, Азерб., № 293) считает, что «все кавказцы одинаковые». С другой стороны, есть среди мигрантов второго поколения азербайджанского происхождения и те, кто отделяет себя от «кавказцев» или «северокавказцев»: например, азербайджанец Т. (м., 17 лет, Азерб., № 357) считает, что чеченцы — «дикие». Мигранты второго поколения из Средней Азии в интервью говорили, что чеченцы — агрессивные (м., 18 лет, Кырг., № 251), а ногайцы живут по правилам АУЕ, то есть пристают на улице к людям и «совращают» русских девушек (м., 21 год, Кырг., № 224). Однако в целом в регионе, особенно в его северной части, «кавказские модели поведения» получают распространение среди молодых мужчин независимо от их этнической идентификации. Эти модели поведения связаны с агрессивным поведением на дорогах, стремлением к дорогим автомобилям, готовностью отстаивать позицию «братьев» независимо от их правоты и желанием напугать «чужих» (м., 22 года, Азерб., № 323). Информанты отмечают, что принятию такой модели поведения сопутствует появление акцента при разговоре на русском языке, не характерного для человека в иной ситуации (ж., 20 лет, Азерб., № 246). При этом отношение к таким «кавказским» моделям поведения бывает амбивалентное: армянин О. (м., 21 год, Арм., № 222) отмечает, что вайнахи всегда стоят за «своих», даже если те им незнакомы и в какой-то ситуации неправы, — и это воспринимается им одновременно как достоинство и недостаток.

Часть информантов соотносит себя с другой категорией — мусульмане: например, мусульманами себя называют, во-первых, живущий в Нижнесортнымском И., родители которого приехали из Таджикистана (м., 24 года, Тадж., № 264), во-вторых, выросшая в Когалыме и переехавшая в Сургут Д., чьи родители приехали из Узбекистана (ж., 23 года, Узб., № 248). При этом степень религиозности и связанные с этим практики тех, кто называет себя мусульманами, сильно варьируются. Пример наиболее религиозного информанта — Д. (ж., 23 года, Узб., № 248), которая держит пост, читает намаз, старается носить закрытую одежду и платок, читает книги про ислам. Наименее религиозный из наших информантов — И. (м., 21 год, Тадж., № 305), который «верит в бога, но немного» и называет себя «плохим мусульманином», поскольку ест свинину, выпивает, имеет близкие отношения с девушками и не постится.

Помимо идентификаций, связанных с национальностью и конфессией, среди информантов популярны также региональные или локальные идентификации: северянином называет себя С., в детстве переехавший с семьей из Армении в ЯНАО (м., 39 лет, Арм., № 363); выросший в Сургуте С., чьи родители приехали из Азербайджана, в ходе интервью упоминал «мы, сибиряки» (м., 22 года, Азерб., № 332); тюменкой себя называла В. — девушка из узбекской семьи, переехавшей в Тюмень из Таджикистана (ж., 22 года, Тадж., № 330).

В целом мигранты второго поколения по-разному определяют себя в этнических категориях, преимущественно — через «номинальную» национальную категорию, но также через «гибридные» и собирательные категории. При этом полиэтничность региона находит отражение в том, что для части информантов этническая идентификация не имеет большого значения. Значимость «кавказского присутствия» выражается в том, что среди мужчин, независимо от их национальности, распространение получают «кавказские» модели поведения.

Языковые практики

Русским языком мигранты второго поколения в Тюменской области владеют на уровне родного или свободно, знание языка родителей может варьироваться. Не владеют языком родителей те, в чьих семьях говорят по-русски: несмотря на обилие родственников почти не говорит на таджикском С. (ж., 19 лет, Тадж., № 229); знает только несколько узбекских фраз Е. (ж., 18 лет, Кырг., № 261); выучил киргизский язык, только поехав в Москву, Т. (м., 25 лет, Кырг., № 250). Впрочем, значительно более частая ситуация — все же использование дома родного языка родителей, что вкупе с интенсивными транснациональными практиками и наличием родственников в ближайшем окружении в России способствует тому, что мигранты второго поколения выучивают язык родителей как минимум до уровня устного. Полное же владение письменным и устным языком родителей обеспечивается хотя бы несколькими годами в школе в стране происхождения родителей — и иногда специальными занятиями в России: например,

проучившаяся до 11 лет в Армении Е. (ж., 20 лет, Арм., № 314), переехав в Тюмень, ходила в армянскую воскресную школу.

Интересна языковая ситуация информантов из талышских семей — в отличие от многих других они с детства могут выучить сразу три языка: русский, азербайджанский и талышский. Часть родителей целенаправленно учит детей дома и азербайджанскому, и талышскому: например, С. (м., 25 лет, Азерб., № 353) с мамой говорил всегда по-азербайджански, с отцом — по-талышски, с братьями — по-русски. Другие родители, напротив, дома в России говорят либо на азербайджанском, либо на талышском, но за счет поездок на родину дети выучивают и другой — талышский и азербайджанский соответственно. Например, в семье Ю. (м., 23 года, Азерб., № 234) родители говорили преимущественно на русском, с детьми иногда специально говорили по-азербайджански, а талышский язык информант выучил в поездках в Азербайджан; напротив, в семье Х. (м., 22 года, Азерб., № 232) родители говорили на талышском, а азербайджанский он выучил в поездках в Азербайджан, где на этом языке даже в родном селе его родителей, где раньше преобладал талышский, сейчас говорит вся молодежь. Совсем не говорит ни на талышском, ни на азербайджанском, но понимает эти языки Э. (ж., 20 лет, Азерб., № 247) — родители с ней говорили всегда по-русски, чтобы у нее не было проблем в школе, и удивляются, что она на этих языках может что-то понимать. В равной степени владеет и пользуется азербайджанским и талышским, помимо русского, Т. (м., 19 лет, Азерб., № 278). В остальных случаях баланс между талышским и азербайджанским колеблется. Информант может говорить по-азербайджански, но совсем не владеть талышским (М., 16 лет, № 297); может знать азербайджанский лучше, чем талышский (м., 23 года, Азерб., № 334; и м., 21 год, Азерб., № 321); наконец, уровень талышского может быть выше, чем уровень азербайджанского (ж., 25 лет, Азерб., № 295).

В целом русским языком информанты владеют на уровне родного или свободно, а знание языка или языков родителей варьируется от базового понимания до свободного владения письменным и устным.

Заключение

Интеграция мигрантов второго поколения в Тюменской области тесно связана со спецификой региона. Первая отличительная черта этой области отражается в истории ее освоения/заселения с усилиями государства по привлечению «на Север» специалистов разного уровня квалификации из разных частей СССР. Такая история освоения заложила основы полиэтничности региона, которая, в свою очередь, имеет важные импликации: во-первых, для части информантов этническая идентификация не имеет высокой значимости; во-вторых, полиэтничное окружение — в образовательных учреждениях, на кружках и дополнительных занятиях, на работе, в повседневности — способствует тому, что круги общения мигрантов второго поколения являются смешанными. Мигранты второго поколения в Тюменской области владеют русским языком на уровне родного или свободно, в романтические отношения чаще вступают с представителями других национальностей, но браки создают чаще с теми, кто относится к той же этнической категории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Капустина Е.Л. Выходцы из Дагестана в Западной Сибири: К вопросу о формировании транслокальных сообществ // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: Проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИЭА ДНЦ РАН). Кол. монография. Махачкала: ИИЭА ДНЦ РАН, 2014а. С. 96–114.

Капустина Е.Л. Собственность на север: Мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере ситуации в г. Сургут) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014b. Т. 17. № 5. С. 158–176.

Опарин Д.А. «Местные» и «Приезжие» на Ямале: Социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 108–130.

Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: Образовательно-трудовые траектории, региональный контекст и характеристики родителей // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 136–135.

Ярлыкапов А.А. Нефть и миграция ногайцев на Север // ЭО. 2008. № 3. С. 78–81.

A.L. Rocheva, E.A. Varshaver, N.S. Ivanova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Vernadskogo av., 84, k. 3, Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: anna.rocheva@gmail.com;
varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com

INTEGRATION OF SECOND GENERATION MIGRANTS FROM TRANSCAUCASIA AND CENTRAL ASIA IN THE TYUMEN REGION: SOCIAL, LINGUISTIC AND IDENTIFICATION ASPECTS

This article examines integration of second-generation migrants from Transcaucasia and Central Asia (Azerbaijan, Armenia, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan) in the Tyumen region, namely their social ties, characteristics of their romantic partners and spouses, language competences and ethnic identifications. The empirical basis for the research included 169 interviews with second-generation migrants and experts conducted in eight localities of the region. This fieldwork constitutes a part of a larger project on second-generation migrants in Russia. This project conducted using both quantitative and qualitative methods is the first all-Russia endeavour to study second-generation migrants aged 18–35 years old. The term «second-generation migrants» refers to individuals, whose parents moved to Russia and who graduated from a Russian school, regardless of whether they were born in Russia or moved to Russia at pre-school or school age. The history of the settlement/development of the region in the Soviet period, when the State played a significant role in attracting labour force from different parts of the USSR, contributed to a high level of polyethnicity in the region. This is reflected in a high level of ethnic diversity of the social ties of second-generation migrants at different life stages. Starting from the school years, second-generation migrants in the region continue to communicate in mixed social circles. The share of co-ethnic friends and acquaintances varies but never predominates. Apart from educational institutions, there are two other contexts, which may contribute to changes in the ethnic composition of social circles: mosque and sports activities. Self-identification according to ethnic categories is common but, due to the ethnic diversity of the region, relevant not for all the informants. Romantic relations, which are much more characteristic of male second-generation migrants, are mostly with non-co-ethnic partners. Conversely, marriages are much more often co-ethnic, which reflects the attitudes of the informants' parents, although the attitudes of the second-generation migrants in this regard vary. All the informants speak fluent Russian, while the level of their parent's language(s) proficiency can vary.

Key words: second generation migrants, Central Asia, Transcaucasia, Tyumen region, integration, social ties, marriages, romantic partners, ethnic identification, languages.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175

REFERENCES

- Kapustina E.L. (2014a). Migrants from Dagestan in Western Siberia: To the question of formation of translocal communities. *Etnokul'turnye landshafty na postsovetском prostranstve: Problemy i osobennosti formirovaniia dages-tanskogo komponenta (k 90-letiiu IIEA DNTs RAN)* (pp. 96–114), Makhachkala: IIEA DNTs RAN.
- Kapustina E.L. (2014b). Ownership of the North: Migrants from Dagestan and acquisition of the urban space in the Western Siberia (on the case of Surgut). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, (5), 158–176.
- Oparin D.A. (2016). «Locals» and «Newcomers» on Yamal: Social boundaries and variations of the migration experience. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, (4), 108–130.
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2019). Integration of Second Generation Migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen Region: Educational trajectories and employment. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 136–135.
- Iarlykapov A.A. (2008). Oil and Northbound migration. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 78–81.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 04.09.2018

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи (строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия);

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы, на русском языке **объемом не более 500 знаков**;

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) при наличии иллюстраций — иллюстрации и подрисовочные подписи на русском и **английском** языках, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) при наличии таблиц — таблицы, представленные без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки на русском и **английском** языках. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

и) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют на английском языке (резюме — на русском и английском языках):

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— резюме — summary (**2000–2500 знаков с пробелами**), с более подробным, чем в аннотации, изложением проблематики, методики, результатов исследования;

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для списка «References») редакция отклоняет статью.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d и т.д.** **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Азапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чукунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шипов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. DOI: 10.1016/j.crpv.2014.06.004.

10. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВЭГУ — Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ)
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ РАН — Институт географии РАН
ИИАЭ ДНЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
ИЭРиЖ УрО РАН — Институт экологии растений и животных УрО РАН
РАН — Российская академия наук
РГТЭУ — Российский государственный торгово-экономический университет
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
УПАСК — Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (45)

2019

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Н.Г. Попова

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 18.06.2019. Уч.-изд. л. 18,1. Объем 54 Мб.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

Запор на истоке р. Согом. 2010 г. Фото И.В. Абрамова

Запор на истоке из Тавинского сора. 2018 г. Фото И.В. Абрамова